

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд «Остров»

*Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Веронике
Дуглас Престон посвящает эту книгу своему брату Ричарду
Престону*

Ну и денек! Все кругом залито ромом. Но наш отряд относительно трезв. У нас беспорядки! Мерзавцы устроили заговор. Идут постоянные разговоры о том, чтобы разделиться, так что я бдительно следил за добычей. Сегодня взяли одно, на борту чертовски много спиртного, так что экипаж веселился, чертовски веселился. Но потом все снова вернулось в норму.

**Из бортового журнала Эдварда Тича,
известного под именем капитана Черная Борода. 1718 г.**

Если применять технологии двадцатого века для решения задач семнадцатого, можно либо добиться абсолютного успеха, либо потерпеть головокружительное поражение — середины нет.

Орвилл Хорн, доктор философии

ПРОЛОГ

В июне 1790 года Саймон Раттер, рыбак из штата Мэн, ловивший треску, попал в шторм. Его легкая плоскодонка была до предела нагружена рыбой, он сбился с курса, и ему пришлось причалить к окутанному туманом острову Рэггид,¹ в шести милях от побережья. Дождаясь, когда непогода утихнет, Саймон решил исследовать пустынную землю. За скалистыми утесами, давшими имя этому маленькому островку, рыбак обнаружил могучий дуб, с одной из нижних веток которого свисали старинные тали. А на земле под ними он разглядел вмятину. Несмотря на то что, по всеобщему мнению, остров был необитаем, Раттеру стало ясно: кто-то побывал здесь много лет назад.

Охваченный любопытством, Раттер несколько недель спустя в воскресный день вновь отправился на остров, на сей раз вместе с братом. Они прихватили с собой кирки и лопаты и принялись копать в том месте, где обнаружилось углубление в земле. Примерно через пять футов они наткнулись на платформу из дубовых бревен. Вытащив бревна и придя в страшное возбуждение, братья стали копать дальше. К концу дня они углубились почти на двадцать футов и, пройдя слой угля и глины, обнаружили еще одну платформу. Они вернулись домой, решив, что возобновят свои поиски после ежегодного нереста макрели. Но неделю спустя брат Раттера утонул, став жертвой несчастного случая. На время раскопки были забыты.

Два года спустя Раттер и группа местных торговцев решили объединить свои усилия — физические и материальные — и вернуться на остров Рэггид. Возобновив раскопки, они вскоре наткнулись на скопление вертикальных дубовых балок и стропил и пришли к выводу, что перед ними осыпавшаяся древняя шахта. Сказать точно, как далеко они углубились в чрево земли, не может теперь никто — но ходили слухи, что на сто футов. И здесь взору их предстал плоский камень с выбитой на нем надписью:

¹ Ragged (англ.) — неровный, с зазубринами.

Сначала солжешь,
Проклятье найдешь.
Потом ты умрешь.

Камень подняли на поверхность. Кое у кого возникла теория, что, сдвинув его с места, они таким образом нарушили какую-то печать, потому что несколько мгновений спустя в яму ворвался мощный поток морской воды. Все, кто участвовал в раскопках, спаслись — все, кроме Саймона Раттера. Водяная Бездна — так стали называть яму — затребовала свою первую жертву.

Про Водяную Бездну сложили много легенд. Но самая правдоподобная утверждала, что примерно в 1695 году знаменитый пират Эдвард Окхем² закопал богатую добычу где-то на побережье залива Мэн незадолго до своей загадочной смерти. Шахта на острове Рэггид казалась всем самым подходящим местом. Вскоре после гибели Раттера распространились слухи, что сокровища прокляты и безумца, который попытается их добыть, ждет судьба, предсказанная надписью на камне.

Было предпринято множество безуспешных попыток осушить Водяную Бездну. В 1800 году двое прежних партнеров Раттера создали новую компанию, нашли деньги для финансирования и приступили к раскопкам второго туннеля, в двенадцати футах к югу от основной шахты. Первые сто футов все шло хорошо, а затем они решили прорыть под самой Водяной Бездной горизонтальный коридор. План состоял в том, чтобы подобраться к сокровищам снизу. Но как только смельчаки двинулись в сторону главной шахты, коридор тут же начал наполняться водой. Им едва удалось унести ноги.

На целых тридцать лет шахту оставили в покое. А потом, в 1831 году, была создана Экспедиционная поисковая компания города Бат, которую возглавил инженер-горняк Ричард Паркхерст. Будучи приятелем одного из торговцев, занимавшихся раскопками до него, Паркхерст сумел получить ценную информацию касательно предыдущих предприятий, поэтому принял решение построить настил у края Водяной Бездны и установить там большую паровую помпу. Довольно скоро он обнаружил, что откачать морскую воду не удастся. Не испугавшись неудачи, он доставил на место примитивный бур, работающий на угле, и поместил его прямо над Бездной. Бур прошел шахту и добрался до платформы на глубине 170 футов. Но затем он остановился, поскольку наткнулся на какое-то непреодолимое препятствие. Когда дренажные трубы вытащили на поверхность, оказалось, что на разорванную часть налипли кусочки железа и ржавчины, а также известь, цемент и большое количество каких-то волокон. Их отправили на исследование; выяснилось, что это «манильская пенька», то есть волокна кокоса. Древесину кокосовой пальмы, которая встречается лишь в тропиках, часто использовали на кораблях для крепления груза. Вскоре после интригующего открытия Экспедиционная поисковая компания обанкротилась, и Паркхерсту пришлось покинуть остров.

В 1840 году была создана Бостонская поисково-спасательная компания, которая принялась рыть третью шахту неподалеку от Водяной Бездны. Углубившись на шестьдесят шесть футов, участники экспедиции наткнулись на древний боковой туннель, который, судя по всему, отходил от основной шахты. Вырытый туннель мгновенно наполнился водой и обрушился.

Однако искателей сокровищ это не остановило, и они начали копать новую шахту, в тридцати ярдах от первой. Ее назвали Бостонской. В отличие от предыдущих, вертикальных туннелей, Бостонскую шахту сделали наклонной, прорыв на склоне. Наткнувшись на глубине семидесяти футов на коренную породу, землекопы продвинулись вниз еще на пятьдесят футов — причем средства были вложены немалые, поскольку использовались

² Собирательный образ, созданный на основе жизнеописаний нескольких знаменитых пиратов — Генри Эвери, Бартоломею Робертса, Эдварда Тича и капитана Эдварда Лоу.

порох и буры. Затем построили горизонтальный проход предположительно под дном Водяной Бездны, где обнаружили сруб и продолжение главной шахты. Воодушевленные находкой, изыскатели стали копать дальше, пытаясь расчистить старую шахту. На глубине 130 футов они наткнулись еще на одну платформу, которую не стали трогать, и принялись обсуждать вопрос, стоит ли поднимать ее наверх. Ночью лагерь был разбужен страшным грохотом; вскоре выяснилось, что дно Бездны обвалилось в новый туннель с такой силой, что земля и вода проникли на тридцать футов в разные стороны от входа в Бостонскую шахту. Единственное, что удалось обнаружить, — это металлический замок, какие использовались на морских рундуках.

За следующие двадцать лет в попытке добраться до сокровищ было прорыто около дюжины новых шахт, но все они либо заполнялись водой, либо обрушивались. Еще четыре компании обанкротились. В нескольких случаях рабочие клялись, что вода заполняет туннели не случайно и что создатели Водяной Бездны придумали дьявольский механизм, который направляет воду в новые шахты.

Гражданская война дала некоторую передышку искателям сокровищ. Затем, в 1869 году, новая компания приобрела права на раскопки на острове. Ее глава Ф. К. Ренч заметил, что вода поднимается и опускается в Бездне в соответствии с приливами, и сделал вывод, что Бездна и ее водные ловушки должны быть соединены с морем искусственным приливным туннелем. Если его найти и закрыть, удастся осушить Бездну и спокойно забрать сокровища. Ренч и его команда вырыли поблизости от шахты более дюжины пробных туннелей разной глубины. Многие из них вышли в горизонтальные штреки и пустоты в камне, которые взорвали в попытке остановить воду. Однако приливной туннель отыскать так и не удалось, и Водяная Бездна продолжала наполняться водой. У компании иссякли деньги, и, как и в предыдущих случаях, оборудование было оставлено медленно ржаветь в просоленном воздухе.

В начале 1880-х консорциумом промышленников из Канады и Англии была создана компания «Золотоискатели». На остров доставили мощные помпы и буры нового образца, а также все необходимое для их работы. Компания попыталась пробурить несколько дыр в Водяной Бездне, и 23 августа 1883 года рабочие достигли слоя железа, повредившего буры Паркхерста пятьдесят лет назад. Буры снабдили новыми алмазными наконечниками, а машины разогрели до максимальной температуры. На сей раз бур прошел предательский слой и наткнулся на толстый пласт более мягкого металла. Когда бур извлекли наружу, в его бороздках нашли следы чистого золота, а также сгнивший кусок пергамента с двумя полустертыми обрывками текста: «шелка, вино, слоновая кость» и «Джон Хайд гниет на дептфордской виселице».

Через полчаса после находки взорвался один из мощных бойлеров; погиб ирландец-машинист, множество строений в лагере оказались разрушены до основания. Тринадцать человек получили ранения, а один из владельцев компании, Изикиель Харрис, ослеп. «Золотоискатели» разделили судьбу своих предшественников и обанкротились.

В начале двадцатого века еще три компании решили испытать свою удачу. Им не удалось повторить достижений «Золотоискателей», хотя они использовали помпы новой конструкции и применили новый метод — поместили в самых разных, случайно выбранных местах заряды, чтобы запечатать и осушить Бездну. Работая на пределе, помпы сумели снизить уровень воды в нескольких центральных шахтах примерно на двадцать футов во время отлива. Рабочие, которых спускали вниз для изучения состояния шахт, жаловались на вонючие испарения; некоторые даже теряли сознание, и их приходилось поднимать на поверхность. Когда последняя из трех компаний вела работы в начале сентября 1907 года, один из рабочих потерял руку и обе ноги, из-за того что раньше времени взорвался заряд. Два дня спустя на остров налетел яростный ураган и сломал главную помпу. Работы были прекращены.

И хотя больше не возникало компаний, желающих отыскать сокровища, отдельные энтузиасты время от времени пытались выкопать пробные туннели. К этому времени

первоначальное местоположение Водяной Бездны затерялось среди многочисленных затопленных водой шахт, ям и туннелей, изрезавших остров. Наконец его оставили в покое, отдав на волю скопам и кустарнику, поскольку сама его поверхность стала представлять опасность. В 1940 году Альфред Вестгейт Хэтч-старший, богатый нью-йоркский финансист, привез на лето свою семью в штат Мэн. Он узнал про остров и, заинтересовавшись рассказами о нем, решил изучить его историю. Документация оказалась весьма разрозненной: ни одна из компаний, потерпевших поражение в борьбе с Бездной, не тратила силы на ведение записей. Шесть лет спустя Хэтч купил остров и перевез свою семью в Стормхейвен.

Как и многие до него, А. В. Хэтч стал жертвой Водяной Бездны, которая разрушила его жизнь. За два года финансовое положение семьи пришло в упадок, и Хэтчу пришлось объявить себя банкротом. Он запил и вскоре умер, предоставив девятнадцатилетнему А. В. Хэтчу-младшему заботиться о семье.

ГЛАВА 1

Июль 1971 года

Малин Хэтч ужасно скучал этим летом. Они с Джонни все утро бросали камни в осиное гнездо в старом домике, сооруженном над колодцем, и отлично повеселились. Но вскоре им это надоело, и они не знали, чем заняться. Было только начало двенадцатого, но Малин уже прикончил два сэндвича с арахисовым маслом и бананами, которые мать дала ему на ланч. Он сидел, скрестив ноги, на плавучем доке перед домом, смотрел на море и отчаянно мечтал увидеть на горизонте военный корабль. Большой танкер тоже подошел бы. Может, он направится к одному из ближних островов, налетит на мель и взорвется. Вот было бы здорово!

Джонни, брат Малина, вышел из дома и зашагал к доку. Его шаги гулким эхом прокатились по деревянному настилу. К шее он прижимал кусок льда.

— Так тебе и надо, — сказал Малин, тайно радуясь тому, что старшего и, как считалось, более умного брата оса укусила, а его нет.

— Просто ты не подходил близко, — сказал Джонни, дожевывая сэндвич. — Трус.

— Я стоял рядом с тобой.

— Ага, конечно. Осы видели только твою тощую задницу, когда ты удирали.

Он фыркнул и швырнул кусок льда в воду.

— Вот и нет. Я стоял совсем близко.

Джонни плюхнулся рядом с ним и положил свой ранец.

— Но мы им показали, кто есть кто, точно, Мал? — сказал он и потрогал указательным пальцем красное пятно на шее.

— Ясное дело.

Они замолчали. Малин смотрел через небольшую бухту в сторону скопления островков с говорящими названиями: Хермит, Рек, Олд-Хамп, Киллик-Стоун.³ А дальше виднелись, окутанные голубой дымкой, очертания острова Рэггид, которые то появлялись, то исчезали в тумане, неподвластном даже прекрасному дню середины лета. За островами расстилался океан, мирный, гладкий, словно мельничный пруд, — как часто любил повторять их отец.

Малин лениво бросил камешек в воду и без особого интереса смотрел на расходящиеся по поверхности круги. Он уже почти пожалел, что отказался ехать с родителями в город. По крайней мере, там было бы чем заняться. Ему хотелось оказаться в каком-нибудь другом месте — Бостоне, Нью-Йорке — все равно где, только не здесь.

— А ты был когда-нибудь в Нью-Йорке, Джонни? — спросил он.

³ Hermit — Затворник, Wreck — Обломок, Old Hump — Старый Горбун, Killick Stone — Якорный Камень (англ.).

Тот с важным видом кивнул.

— Один раз. Еще когда ты не родился.

«Врун несчастный», — подумал Малин. Будто бы Джонни может помнить что-нибудь, что происходило с ним в два года. Но он промолчал, зная, что брат в отместку обязательно ушибнет его за руку.

Неожиданно Малин увидел маленькую лодочку, привязанную в конце дока, и ему в голову пришла идея. По-настоящему отличная идея.

— Давай покатаемся, — сказал он шепотом и кивком показал на лодочку.

— Ты спятил, — ответил Джонни. — Отец нас выдерет.

— Ладно тебе, — заявил Малин. — Они собирались позавтракать в «Хейстингсе» после магазинов. Так что назад вернуться не раньше трех, а то и четырех. Никто не узнает.

— Всего лишь весь город увидит, как мы отплываем.

— Да кому надо на нас смотреть, — пожал плечами Малин, а потом насмешливо добавил: — Ну, и кто из нас трус?

Джонни, казалось, не обратил внимания на его слова, он не сводил глаз с лодки.

— И куда же ты собираешься плыть? — спросил он.

Несмотря на то что вокруг никого не было, Малин ответил ему едва слышно:

— На Рэггид.

— Папа нас убьет, — повернувшись к нему, шепнул Джонни.

— Не убьет, если мы найдем сокровища.

— Нет там никаких сокровищ, — презрительно, но не слишком уверенно сказал Джонни. — Да и вообще, это опасно. Знаешь, сколько там всяких ям?

Малин достаточно хорошо знал брата, чтобы услышать новые интонации в его голосе. Джонни заинтересовался. Малин молчал, позволяя утренней скуке стать последним доводом. Неожиданно Джонни встал и направился к краю дока. Малин ждал, чувствуя, как его переполняет предвкушение увлекательного приключения. Вскоре брат вернулся, в руках он держал два спасательных жилета.

— Когда причалим, дальше скал на берегу не пойдем, — строгим голосом заявил он, словно для того, чтобы напомнить Малину, что одна хорошая идея не изменила соотношения их сил. — Ты меня понял?

Малин кивнул, придерживая лодку, пока Джонни забрасывал в нее свой ранец и жилеты. «И почему нам раньше не пришла в голову эта мысль?» — подумал он. Они еще ни разу не были на острове Рэггид, как и никто из приятелей Малина, живших в Стормхейвене. Им будет что рассказать парням.

— Садись на носу, — велел ему Джонни. — Я буду править.

Малин наблюдал за тем, как Джонни возится с рычагом переключения передач, открывает воздушную заслонку, жмет на кнопку подачи газа, затем с силой дергает шнур стартера. Мотор чихнул и замолчал. Джонни еще несколько раз дернул шнур. Остров Рэггид находился в шести милях от побережья, и Малин решил, что они доберутся до него примерно за полчаса, ведь на море царил полный штиль. Скоро должен был начаться прилив — недолгое время, когда сильные течения вблизи острова отступали, прежде чем снова набрать силу.

Джонни раскраснелся от усилий и решил немного отдохнуть, прежде чем предпринять новую героическую попытку. И вот мотор ожил.

— Бросай! — крикнул старший брат.

Как только Малин отбросил веревку, Джонни сдвинул рычаг на максимум, и маленький мотор в восемнадцать лошадиных сил завыл от натуги. Лодка сорвалась с места и полетела мимо мыса Брид в бухту, а ветер и соленые брызги ударили в лицо счастливому Малину.

За лодкой, разрезающей носом гладкую поверхность воды, стелился молочно-белый след. Неделю назад был жуткий шторм, но сейчас вода напоминала сверкающее зеркало. По правому борту возник Олд-Хамп, низкий гранитный бугор в окаймлении темных водорослей, испещренный белыми пятнами птичьего помета. Когда они промчались мимо, чайки,

которые дремали, устроившись на камнях на одной ноге, дружно повернули головы и проводили их блестящими желтыми глазками. Две птицы поднялись в воздух и с печальными криками унеслись прочь.

— Отличная идея, правда, Джонни? — сказал Малин.

— Может, и отличная, — заметил Джонни. — Но только если нас поймают, это ты придумал, понял?

Несмотря на то что остров Рэггид принадлежал их отцу, мальчикам категорически запрещали даже приближаться к нему. Их отец ненавидел остров и никогда о нем не говорил.

В школе ходили слухи, что там погибло бесчисленное множество людей, которые пытались отыскать сокровища; что это место проклято и что там водятся призраки. За годы на острове вырыли столько ям и шахт, что недра его сгнили и готовы пожрать любого, кто туда зайвится. Малин слышал рассказы о проклятом камне. Его давным-давно нашли в Бездне, и теперь, кажется, он хранился в самом глубоком подвале церкви, поскольку являлся творением рук дьявола. Как-то раз Джонни уверил его, что, если кто-то очень плохо ведет себя в воскресной школе, его в наказание запирают в склепе, где находится проклятый камень. При воспоминании об этом рассказе по коже Малина вновь побежали мурашки.

Впереди показался остров, окутанный клочьями белой дымки. Зимой или в дождливые дни она превращалась в удушливый густой туман. В яркий же солнечный день, как сегодня, напоминала прозрачную белую вату. Джонни попытался объяснить брату, что туман вызван местными течениями, но Малин ничего не понял и был уверен, что сам Джонни тоже не слишком понимает, о чем говорит.

Туман подполз к носу лодки, и неожиданно они оказались в душном сумеречном мире, где даже рокот мотора звучал приглушенно. Сам того не замечая, Джонни сбросил скорость, но через несколько минут они миновали самую непроглядную мглу, и впереди Малин увидел скалистые берега острова Рэггид, чьи резкие очертания слегка смягчались белой дымкой.

Они провели лодку по отмели среди рифов, а когда дымка над поверхностью моря немного рассеялась, Малин разглядел зеленые верхушки острых подводных камней, украшенных медленно шевелящимися водорослями. Именно таких камней боятся ловцы омаров во время отлива или густого тумана. Но сейчас был прилив, и маленькая лодочка легко миновала препятствия. Немного поспорив, кому придется намочить ноги, они выбрались на берег, усыпанный галькой. Малин спрыгнул в воду и подтащил лодку, чувствуя, как быстро намокают его кеды.

Джонни шагнул на сухую землю.

— Неплохо, — заметил он и надел ранец.

Сразу за каменистым берегом начинались заросли осоки и черемухи, залитые призрачным светом, пробивающимся сквозь полог тумана, который висел совсем низко. Огромный железный котел, высотой не меньше десяти футов, порыжевший от ржавчины, виднелся в ближайших кустах. На боку его зияла трещина с рваными краями, а верхушка пряталась в белой дымке.

— Бьюсь об заклад, что этот котел взорвался, — сказал Джонни.

— Бьюсь об заклад, что он кого-то прикончил, — с восторгом подхватил Малин.

— Бьюсь об заклад, что он прикончил двоих.

Галечный пляж закончился у каменистого мыса, гранитные склоны которого до блеска были отполированы волнами. Малин знал, что рыбаки, проплывавшие мимо острова, называли эти скалы Спинами Китов. Он взобрался по той, что была ближе остальных, и выпрямился во весь рост, пытаясь рассмотреть остров.

— Слезай! — крикнул Джонни. — Ты все равно ничего не увидишь в таком тумане. Идиот!

— От такого слышу, — заявил Малин, спускаясь вниз, и заработал от брата подзатыльник за свое послушание.

— Иди за мной, — велел ему Джонни. — Пройдем по берегу, а потом вернемся назад.

Он быстро зашагал вдоль скал, его загорелые ноги в тусклом свете казались шоколадными. Малин, ужасно расстроенный, поспешил за ним — в конце концов, это была его идея, а Джонни вечно пытается верховодить.

— Эй! — завопил Джонни. — Смотри! — Он наклонился и поднял какой-то длинный белый предмет. — Кость.

— Ничего не кость, — заявил Малин: он все еще злился.

Отправиться на остров придумал он. Значит, он должен был найти кость.

— Кость, я тебе говорю. Могу спорить, что она человеческая. — Джонни помахал в воздухе своей находкой, словно бейсбольной битой. — Это нога человека, который пытался добраться до сокровищ. Или пирата. Я возьму ее домой и спрячу под кроватью.

Любопытство победило обиду, и Малин попросил:

— Дай посмотреть.

Джонни протянул ему кость. Она оказалась на удивление тяжелой и холодной и мерзко пахла.

— Фу! — сказал Малин и поспешно вернул ее брату.

— Может, где-нибудь поблизости лежит череп, — мечтательно произнес Джонни.

Они поискали среди скал, но ничего особенно интересного не нашли, если не считать дохлого налима с выпученными глазами. Обойдя мыс, они наткнулись на разбитую баржу, оставшуюся после какой-то давней экспедиции. Она застряла на уровне прилива, прижатая к скалам и потрепанная десятилетиями морских штормов.

— Ничего себе! — сказал Джонни с неподдельным интересом.

Малин вслед за братом вскарабкался на наклоненную полуразрушенную палубу. Вокруг валялись ржавые куски железа, трубы, сломанные механизмы и отвратительного вида мотки проволоки и кабеля. Малин принялся изучать старый хлам, надеясь отыскать в нем пиратский дублон. По его представлениям, пират Рыжий Нед Окхем был так богат, что разбрасывал золотые дублионы пригоршнями по всему острову. Тот самый Рыжий Нед, который закопал где-то здесь миллионы и миллионы золотых монет, а также украшенный самоцветами меч, который называют мечом святого Михаила, такой могучий, что может убить всякого, кто только на него посмотрит. Говорили, что Рыжий Нед как-то раз отрубил одному человеку уши, а потом использовал их в качестве ставки в игре в кости. Синди из шестого класса сказала Малину, что на самом деле это были не уши, а яйца, но Малин ей не поверил. В другой раз Рыжий Нед надрался и распорол человеку брюхо, а затем, подвесив его на собственных внутренностях, выбросил за борт и так держал, пока его не сожрали акулы. Ребята в школе знали множество историй про Рыжего Неда.

Вскоре баржа надоела Джонни, и он поманил Малина за собой к камням, разбросанным у подножия скал с наветренной стороны острова. У них над головами в небо уходил утес, из которого почти под прямым углом, точно искривленные пальцы, торчали корни давно высохших елей. Верхняя часть утеса терялась в тумане. Поверхность скал, изъеденная ветрами и водой, во многих местах осыпалась мелкими осколками на берег.

В тени скал было прохладно, и Малин прибавил шагу. Джонни, воодушевленный находками, мчался впереди, дико вопя и размахивая костью, начисто забыв о собственных предостережениях. Малин знал, что их мать зашвырнет кость в океан, как только ее найдет.

Джонни остановился на минутку, чтобы посмотреть, что выбросило море на берег: старые рыбацкие буи, сломанные ловушки, куски гнилого дерева, — а затем поспешил к свежей расщелине в скалах. Часть берега недавно подмыло, и она обвалилась, так что по каменистой прибрежной полосе были разбросаны комья земли и камни. Он легко перепрыгнул через них и скрылся из виду.

Малин побежал быстрее. Ему совсем не нравилось, что он не видит брата. В воздухе повисло какое-то напряжение: когда они вошли в туманное покрывало, окутавшее остров, был яркий солнечный день, но там, в белой дымке, могло происходить все, что угодно. Ветерок показался ему пронзительно холодным, словно погода начала портиться, волны с шумом набегали на каменистый берег и ударяли в рифы. Скоро начнется отлив; наверное,

пора возвращаться.

Неожиданно он услышал пронзительный крик и на мгновение испугался, что Джонни поскользнулся на мокрых камнях. Но тут крик раздался снова — брат звал его. Малин помчался вперед, перепрыгивая через обломки скал, и вскоре завернул за поворот береговой линии. Перед ним под диковинным углом лежал огромный валун, видимо, его сорвал с места недавний шторм. За камнем стоял Джонни, с широко раскрытыми от изумления глазами, и указывал куда-то рукой.

В первый момент Малин онемел от потрясения. За сдвинутым с места валуном виднелся узкий вход в туннель, из которого тянуло застоявшимся воздухом.

— Вот это да! — крикнул он и помчался по склону.

— Я нашел! — задыхаясь от волнения, завопил Джонни. — Могу поклясться чем угодно, сокровища здесь. Посмотри, Малин!

Малин обернулся к брату.

— Это я придумал.

Джонни взглянул на него с ухмылкой.

— Может быть, — сказал он и сбросил ранец. — Но нашел их я. И я взял с собой спички.

Малин с любопытством заглянул в дыру. В глубине души он верил отцу, который твердил, что на острове нет никаких сокровищ. Но теперь совсем не был в этом уверен. Неужели папа ошибся?

Затем он отшатнулся от входа в туннель, морщась от мерзкого запаха затхлого воздуха.

— Ну что? — спросил Джонни. — Струсил?

— Нет, — едва слышно ответил Малин, с опаской вглядываясь в непроглядный мрак туннеля.

— Я пойду первым, — заявил Джонни. — А ты за мной. И постарайся не потеряться.

Отбросив свою драгоценную кость в сторону, он опустился на колени и пролез в узкую щель. Малин тоже встал на колени, но на мгновение замер на месте. Земля показалась ему жесткой и холодной. Однако Джонни уже почти скрылся из виду, а Малину совсем не хотелось оставаться одному на пустынном туманном берегу. И он поспешил вслед за братом.

Послышался резкий звук — Джонни зажег спичку, и Малин невольно втянул воздух, поднимаясь на ноги. Он оказался в маленькой комнатке, стены и потолок которой поддерживали древние бревна. А дальше в темноту уходил узкий коридор.

— Разделим сокровища пополам, — самым серьезным тоном заявил Джонни, такого Малин еще никогда не слышал. Затем он еще больше удивил брата: повернулся и торжественно пожал ему руку. — Ты и я, Мал, равноправные партнеры.

Малин сглотнул, почувствовав себя немного лучше.

Спичка погасла, когда они сделали следующий шаг в темноту. Джонни остановился, и Малин услышал чирканье спички, а потом вспыхнул тусклый огонек, и он увидел кепку брата с надписью «Ред сокс»,⁴ окруженную призрачным нимбом. Неожиданно со стен на пол посыпались земля и мелкие камешки.

— Не трогай стены, — прошептал Джонни, — и не шуми. А то все тут обвалится.

Малин ничего не сказал, но невольно постарался подобраться поближе к брату.

— Не липни ко мне! — прошипел Джонни.

Они пошли дальше, чувствуя, как туннель постепенно уходит вниз. Неожиданно Джонни вскрикнул и дернул рукой. Свет погас, и они оказались в непроглядной темноте.

— Джонни? — крикнул Малин, чувствуя, как его охватывает паника, и протянул руку к брату. — А как насчет проклятия?

— Ладно тебе, нет никакого проклятия, — презрительно прошептал Джонни и снова зажег спичку. — Не волнуйся. У меня тут не меньше сорока спичек. Смотри... — Он сунул

⁴ Бейсбольная команда из Бостона.

руку в карман, повернулся к Малину и показал ему большой зажим для бумаги. Затем он закрепил в нем один конец спички и заявил: — Ну как? Больше никаких обожженных пальцев.

Туннель свернул налево, и Малин заметил, что мягкий свет, обозначавший вход, пропал.

— Может, лучше вернуться и взять фонарик, — предложил он.

Неожиданно он услышал страшный звук — глухой стон, который, казалось, был исторгнут из самого сердца острова и наполнил узкую пещеру.

— Джонни! — крикнул Малин и снова вцепился в руку брата.

Стон постепенно превратился в тихий вздох, и сверху снова посыпались мелкие камешки и земля. Джонни сбросил его руку.

— Ты чего, Малин? Это отлив начался. В Водяной Бездне он всегда издает такие звуки. Я же тебя предупредил, не шуми.

— А ты откуда знаешь? — спросил Малин.

— Все знают.

Послышался новый стон и бульканье, затем затрещали доски и бревна, а потом все стихло. Малин закусил губу, чтобы не дрожала.

Через несколько спичек туннель слегка повернул и начал резко уходить вниз, а стены показались Малину не такими высокими и более шершавыми.

Джонни посветил вперед.

— Это она, — сказал он. — Пещера, где спрятаны сокровища, находится внизу.

— Ну, не знаю, — протянул Малин. — Может, лучше вернуться и привести сюда папу.

— Ты шутишь? — прошипел Джонни. — Папа ненавидит это место. Мы ему все расскажем после того, как найдем сокровища.

Он зажег новую спичку и заглянул в узкий ход. Малин видел, что до потолка не больше четырех футов. Потрескавшиеся камни удерживались изъеденными червями потолочными балками. Здесь гораздо сильнее пахло плесенью, водорослями и чем-то мерзким.

— Придется ползти, — пробормотал Джонни не слишком уверенно.

Он замолчал, и на мгновение в сердце Малина вспыхнула надежда, что брат предложит вернуться. Но Джонни распрямил один конец зажима для бумаги и засунул его в рот. Мечущиеся тени придавали его лицу жутковатое, призрачное выражение. Малин понял, что с него хватит.

— Я дальше не пойду, — заявил он.

— Отлично, — сказал Джонни. — Можешь оставаться один в темноте.

— Нет! — выкрикнул Малин и громко всхлипнул. — Папа нас убьет. Джонни, пожалуйста, прошу тебя...

— Когда папа узнает, как мы богаты, он будет счастлив и не станет нас ругать. Он сэкономит целых два доллара в неделю, которые нам выдает.

Малин фыркнул и вытер нос.

Джонни повернулся в узком туннеле и положил руку на голову Малину.

— Эй, — ласково проговорил он. — Если мы сейчас струсим, нам может не представиться второй такой возможности. Так что будь другом, возьми себя в руки, ладно, Мал? — И он взъерошил волосы брату.

— Ладно, — хлюпая носом, пролепетал Малин.

Затем он опустился на четвереньки и пополз за Джонни по уходящему вниз коридору. Мелкие камешки и комья земли впивались ему в ладони, Джонни то и дело зажигал спички, и Малин даже собрался спросить, сколько у них осталось, когда старший брат неожиданно замер на месте.

— Там впереди что-то есть, — прошептал он.

Малин попытался заглянуть через его плечо, но туннель был слишком узким.

— Что?

— Дверь! — прошелестел голос Джонни. — Могу поклясться, древняя дверь!

Потолок уходил под углом вверх, так что впереди возникло что-то вроде небольшого зала, и Малин попытался разглядеть хоть что-нибудь. Ему удалось увидеть ряд широких досок с двумя старыми железными петлями, закрепленными в стене туннеля. Большие плиты из обработанного камня располагались по обе стороны двери. Но повсюду царила сырость и виднелась плесень. Края двери были законопачены чем-то вроде пеньки.

— Смотри! — восхищенно крикнул Джонни.

Переднюю часть двери украшала великолепная гербовая печать из воска и бумаги. Даже сквозь пыль Джонни сумел разглядеть, что печать цела.

— Запечатанная дверь! — с благоговением прошептал Джонни. — Прямо как в книгах!

Малин не сводил с двери глаз, словно вдруг оказался в таинственном, чудесном и одновременно пугающем сне. Они нашли сокровища. И это была его идея.

Джонни взялся за железную ручку и слегка потянул на себя. Послышался резкий скрежет запротестовавших петель.

— Слышал? — задыхаясь от возбуждения, прошептал он. — Она не заперта. Нужно только сломать печать. — Он повернулся и передал Малину спичку, причем глаза у него стали круглыми, как блюдца. — Зажигай спички, а я открою дверь. И немного отойди назад, ладно?

Малин заглянул в коробок и возмущенно вскричал:

— Тут всего пять штук осталось!

— Заткнись и делай, что сказали. Мы сможем выбраться отсюда и без света, клянусь тебе, сможем.

Малин зажег спичку, но руки у него дрожали, и она погасла. «Осталось только четыре», — в панике подумал он, а Джонни нетерпеливо что-то проворчал. Загорелась следующая спичка, и Джонни положил обе руки на железную ручку.

— Готов? — едва слышно спросил он и расставил ноги пошире, упираясь в земляной пол.

Малин открыл рот, собираясь запротестовать, но Джонни уже потянул дверь на себя. Печать сразу сломалась, и дверь с пронзительным визгом распахнулась — Малин даже подскочил от неожиданности. Порыв вонючего воздуха загасил спичку. В кромешной тьме Малин услышал, как Джонни громко вздохнул. Потом он крикнул: «Ой!», и его голос показался Малину каким-то слишком высоким и совсем чужим, словно принадлежал не Джонни. В следующее мгновение раздался грохот, и пол туннеля содрогнулся. Когда мальчику на голову посыпались песок и земля, которые сразу забились в нос и глаза, до него донесся другой звук: словно придушенный короткий стон, похожий на кашель. А вслед за тем — хлопанье, словно кто-то решил выжать мокрую губку.

— Джонни! — завопил Малин, попытался стереть грязь с лица и уронил спички.

Вокруг царила страшная темнота, все вдруг стало не так, неправильно, и его охватила паника. В душном, завораживающем мраке возник новый звук, низкий, приглушенный, и Малин вдруг понял: что-то медленно и упорно тащат по полу...

Затем чары развеялись, и он, опустившись на четвереньки и вытянув вперед руки, принялся искать спички, одновременно выкрикивая имя брата. Одной рукой он наткнулся на что-то влажное, отдернул и тут же нащупал спичечный коробок. Встав на колени, задыхаясь от рыданий, он схватил спичку и чиркал ею до тех пор, пока она не загорелась.

Малин принялся дико озираясь — Джонни исчез. Дверь была открыта, печать сломана, но дальше виднелась только глухая каменная стена. В воздухе висела густая пыль.

Он почувствовал влагу под ногами и посмотрел вниз. В том месте, где стоял Джонни, разлилась большая черная лужа, которая медленно подбиралась к его коленям. На одно безумное мгновение Малин подумал, что в стене туннеля образовалась дыра и в нее вливается морская вода. Затем он увидел, что над жидкостью поднимается едва различимый пар. Наклонившись вперед, он вдруг понял, что она не черная, а красная: кровь, да так много, что непонятно, как столько могло поместиться в теле человека. Парализованный ужасом, он наблюдал за тем, как блестящая лужа начала растекаться, находить трещины в полу,

проникать в них. Она забралась в мокрые кеды, окружила его ноги, точно малиновый осьминог... А потом он уронил в нее спичку, послышалось резкое шипение, и все вокруг снова погрузилось в темноту.

ГЛАВА 2

Кембридж, Массачусетс, наше время

Окна маленькой лаборатории, расположенной во флигеле госпиталя Маунт-Оберн, выходили на густые верхушки тополей и медленные, ленивые воды реки Чарльз. Человек в узкой спортивной лодке мощными гребками разрезал темную воду, оставляя за собой сияющий след. Малин Хэтч наблюдал за ним, замороженный идеальной синхронностью движений тела, лодки и воды.

— Доктор Хэтч? — позвал его лаборант и показал на подающий сигналы инкубатор. — Колонии готовы.

Выйдя из задумчивости, Хэтч отвернулся от окна и постарался справиться с раздражением на лаборанта.

— Давай достанем первый ряд и посмотрим на наших малышей, — сказал он.

В своей обычной нервной манере Брюс открыл инкубатор и достал большой поднос с агаровыми пластинками, на которых расположились, точно блестящие монетки, колонии бактерий. Они были относительно безопасными и в обращении не требовали никаких особых предосторожностей, но Хэтч с тревогой наблюдал за тем, как ассистент несет поднос, умудрившись при этом наткнуться на автоклав.

— Осторожнее, — проговорил Хэтч. — Иначе Хоувилль сегодня вечером ждут неприятности.

Ассистент поставил поднос на коробку из-под перчаток — не самое подходящее место.

— Извините, — смущенно сказал он, отошел на шаг и вытер руки о халат.

Хэтч посмотрел на поднос опытным взглядом. Во втором и третьем ряду рост был очевидным, в первом и четвертом — неравномерным, в пятом ничего не изменилось. Он сразу понял, что эксперимент увенчался успехом. Все произошло, как он и предполагал. Через месяц он опубликует еще одну солидную работу в «Медицинском журнале Новой Англии», и все снова будут говорить о том, что Малин Хэтч восходящая звезда в своей области.

Эта перспектива наполнила его невыразимым чувством пустоты.

Хэтч рассеянно взялся за микроскоп, чтобы еще раз проверить колонии. Он так часто на них смотрел, что ему хватало одного взгляда на их поверхность и схему роста, чтобы идентифицировать образцы. Через несколько минут он отвернулся к своему рабочему столу, отодвинул в сторону клавиатуру компьютера и принялся делать записи в лабораторном журнале.

Включился интерком.

— Брюс! — не прекращая писать, позвал Хэтч.

Ассистент вскочил так резко, что его блокнот шлепнулся на пол. Выйдя, через минуту он вернулся.

— Посетитель, — сообщил он.

Хэтч выпрямился во весь свой немалый рост. Посетители в лабораторию заходили редко. Как и большинство докторов, Хэтч скрывал местоположение и номер телефона своей лаборатории от всех, кроме небольшого числа избранных.

— Ты не мог бы выяснить, что он хочет? — попросил Хэтч. — Если это не срочно, пусть зайдет в мой офис. Доктор Уинслоу сегодня уехал на вызовы.

Брюс снова ушел, и в лаборатории воцарилась тишина. Взгляд Хэтча снова остановился на окне. В комнату вливался яркий солнечный свет, и золотые искорки плясали на пробирках и приборах. Хэтч усилием воли заставил себя вернуться к записям.

— Это не пациент, — сообщил Брюс, вернувшись в лабораторию. — Говорит, что вы

захотите его принять.

Хэтч поднял голову. «Наверное, какой-нибудь исследователь из госпиталя», — подумал он и тяжело вздохнул.

— Ладно. Пусть войдет.

Через минуту за дверью послышались шаги. Малин поднял голову и увидел, что на него смотрит худой человек, который остановился в дверях. Закатное солнце залило незнакомца своим сиянием, осветив загорелую кожу и красивое лицо, и зажгло яркие огни в его глазах.

— Джерард Нейдельман, — представился посетитель, голос у которого оказался низкий и скрипучий.

«Вряд ли он проводит много времени в лаборатории, с таким-то загаром, — подумал Хэтч. — Должно быть, узкий специалист, у которого остается достаточно времени на гольф».

— Входите, пожалуйста, доктор Нейдельман, — сказал он.

— Капитан, — ответил посетитель. — Я не доктор.

Он перешагнул через порог и выпрямился, и Хэтч сразу понял, что капитан — это не просто звание. По тому, как посетитель вошел в дверь, наклонив голову и держась за верхнюю часть косяка, становилось ясно — он провел не один год на корабле. Владелец пронизательных, с прищуром глаз и продубленной морскими ветрами кожи был не стар — Хэтч дал бы ему около сорока пяти, — и в нем чувствовалась сдерживаемая сила. Одним словом, этого человека нельзя было назвать заурядным. Хэтчу стало интересно.

Гость прошел вперед и протянул руку. Она оказалась сухой и легкой, а рукопожатие коротким и сильным.

— Мы не могли бы поговорить наедине? — тихо спросил моряк.

— А что мне делать с колониями, доктор Хэтч? — вмешался Брюс. — Их ведь нельзя надолго оставлять в...

— Положи в холодильник. В ближайшие несколько миллиардов лет они все равно не смогут отрастить ножки. — Хэтч посмотрел на часы, встретился со спокойным взглядом Нейдельмана и принял решение. — А потом можешь идти домой, Брюс. Я запишу, что ты ушел в пять. Только не говори профессору Альваресу.

— Хорошо, доктор Хэтч. Спасибо, — радостно улыбнулся Брюс.

Уже через минуту Брюс и колонии исчезли, и Хэтч повернулся к необычному посетителю, который тем временем подошел к окну.

— Вы именно здесь проводите все свои эксперименты, доктор? — спросил капитан и переложил кожаную папку из одной руки в другую.

Он был таким худым, что мог бы показаться тяжело больным, если бы не исходящая от него спокойная уверенность.

— Почти.

— Отличный вид, — пробормотал Нейдельман, глядя в окно.

Хэтч посмотрел на его спину, неожиданно удивившись тому, что его совсем не разозлило появление неожиданного посетителя и внезапная помеха в работе. Доктор хотел было спросить о причинах визита, но передумал. Каким-то непостижимым образом он понял, что Нейдельман пришел не по пустяковому делу.

— Воды реки Чарльз такие темные, — заметил капитан и продекламировал: — «Вдали от них беззвучно и медлительно скользит река забвенья Лета».⁵ — Он повернулся к Хэтчу. — Реки — это символ забвения, разве не так?

— Не помню, — весело ответил Хэтч, хотя его охватило легкое беспокойство: он не мог понять, к чему ведет капитан.

Нейдельман улыбнулся и отошел от окна.

⁵ Цитата из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай». Перевод А. Штейнберга.

— Должно быть, вы хотели бы знать, почему я ворвался в вашу лабораторию. Могу я попросить вас уделить мне несколько минут?

— А разве вы уже не попросили? — Хэтч указал на стул. — Присаживайтесь, пожалуйста. На сегодня я уже почти закончил свои дела, а важный эксперимент, над которым я работаю... — Он махнул рукой в сторону инкубатора. — Ну, как бы это сказать... Он немного скучноват.

Нейдельман приподнял одну бровь.

— Совсем не так интересно, как сражаться со вспышкой лихорадки денге в болотах Амазонки, полагаю.

— Это точно, — немного помолчав, подтвердил Хэтч.

Нейдельман улыбнулся.

— Я читал статью в «Глоуб».

— Репортеры обожают приукрашивать факты. Было совсем не так интересно, как может показаться.

— Именно по этой причине вы вернулись?

— Мне надоело смотреть, как умирают мои пациенты из-за того, что не могут получить инъекцию амоксициллина стоимостью пятьдесят центов. — Хэтч с грустным видом развел руками. — Наверное, вы удивитесь, но я хотел бы туда вернуться. Жизнь здесь кажется тусклой в сравнении с тамошней.

Неожиданно он замолчал и посмотрел на Нейдельмана, пытаясь понять, чем этот человек так расположил его к себе, что побудил разговаривать.

— В статье рассказывалось о том, что вы побывали в Сьерра-Леоне, на Мадагаскаре и Коморах, — продолжал Нейдельман. — Но, возможно, сейчас вам не помешало бы какое-нибудь разнообразие?

— Не обращайте внимания на мое ворчание, — сказал Хэтч, надеясь, что его голос прозвучал весело. — Немного поскучать бывает полезно — укрепляет дух.

Хэтч посмотрел на папку, которую держал в руках Нейдельман. Он заметил на ней какой-то знак, но не мог понять, что это такое.

— Возможно, — услышал он в ответ. — В любом случае, складывается впечатление, что за последние двадцать пять лет вы побывали во всех уголках мира. Кроме Стормхейвена, штат Мэн.

Хэтч замер. Он почувствовал, как у него онемели сначала пальцы, потом постепенно и руки. Неожиданно он все понял: морское прошлое его посетителя, напряженный взгляд, вопросы.

Нейдельман не шевелился, лишь молча смотрел на Хэтча.

— Понятно, — сказал Хэтч, пытаясь взять себя в руки. — А у вас, капитан, как раз имеется лекарство, чтобы излечить меня от скуки?

Нейдельман кивнул.

— Дайте я догадаюсь. Не имеет ли ваш визит, чисто случайно, отношения к острову Рэггид? — По выражению лица Нейдельмана он понял, что прав. — А вы, капитан, являетесь охотником за сокровищами. Так?

Спокойствие и уверенность ни на секунду не покинули Нейдельмана.

— Мы предпочитаем термин «специалист по изысканиям».

— В наши дни придумать эвфемизм ничего не стоит. Специалист по изысканиям. Что-то вроде «инженер по санитарному оборудованию». Вы хотите организовать раскопки на острове Рэггид. И позвольте мне высказать еще одну догадку: сейчас вы мне скажете, что вы, и только вы, владеете тайной Водяной Бездны.

Нейдельман не произнес ни слова.

— Вне всякого сомнения, у вас также имеется самое современное оборудование, которое покажет, где находятся сокровища. Или вы заручились поддержкой мадам Сосострис, знаменитой ясновидящей?

Нейдельман стоял, как прежде, недвижно, неколебимый, как скала.

— Я знаю, к вам уже обращались раньше, — сказал он.

— В таком случае вам должно быть известно, какой они все получили ответ. Лозоискатели, психи, нефтяные магнаты, инженеры — и у каждого свой уникальный, исключительный план.

— Возможно, в их планах имелись ошибки, — ответил Нейдельман. — Но в мечтах — нет. Я знаю о трагедиях, которые постигли вашу семью после того, как ваш дед купил остров. Но он был абсолютно прав. Там действительно спрятаны огромные сокровища. Я знаю это совершенно точно.

— Естественно, знаете. Все остальные тоже были в этом уверены. Но если вы думаете, что являетесь инкарнацией самого Рыжего Неда, с моей стороны будет честно сообщить вам, что я уже встречался с несколькими другими, твердившими то же самое. Или вы купили одну из «древних» карт с пометками о сокровищах, которые то и дело появляются в Портленде? Капитан Нейдельман, вера не делает эту историю правдой. На острове никогда не было никаких сокровищ, и никто их там не найдет. Мне вас искренне жаль, правда. А теперь прошу вас, уходите, пока я не позвал охрану — извините, специалиста по безопасности, — чтобы он проводил вас до двери.

Не обращая внимания на его слова, Нейдельман пожал плечами и наклонился к столу.

— Я не прошу вас верить мне на слово.

В том, как капитан пожал плечами, была такая уверенность и невозмутимость, что Хэтча охватил новый приступ гнева.

— Если бы вы только знали, сколько раз я слышал эти слова, так постеснялись бы сюда приходить. Вы ничем не отличаетесь от всех остальных.

Нейдельман достал из папки листок бумаги и молча положил его на стол.

Хэтч посмотрел на документ, не прикасаясь к нему. Это был финансовый отчет в упрощенном виде, нотариально заверенный, в котором говорилось, что компания под названием «Таласса холдинг» выделяет определенную сумму денег на создание корпорации «Освоение острова Рэггид». Сумма равнялась двадцати двум миллионам долларов.

Хэтч взглянул на Нейдельмана и расхохотался.

— Вы хотите сказать, что вам хватило наглости договориться о такой сумме, не спросив сначала моего разрешения? По-видимому, у вас очень сговорчивые инвесторы.

И снова на лице Нейдельмана появилась характерная улыбка: спокойная, уверенная, чуть отстраненная, но без намека на высокомерие.

— Доктор Хэтч, вы имели все основания указывать на дверь всем искателям сокровищ в последние двадцать лет. Я прекрасно понимаю ваши чувства. Все они не имели достаточных средств и необходимого оборудования. Но дело было не только в них. Дело в вас. — Он снова выпрямился. — Совершенно очевидно, что я вас не знаю. Но чувствую, что через двадцать пять лет вы все же хотите узнать, что случилось с вашим братом. — Нейдельман замолчал, не сводя глаз с Хэтча. Затем заговорил снова, так тихо, что Хэтч едва различал его слова. — Я знаю, что финансовая сторона вопроса вас не интересует. И мне понятно, что горе заставило вас возненавидеть остров. Вот почему я пришел к вам с уже готовым планом. «Таласса» — лучшая в мире компания, занимающаяся работами подобного рода. Кроме того, в нашем распоряжении имеется оборудование, о котором ваш дед мог только мечтать. Мы наняли корабли. У нас есть водолазы, археологи, инженеры, экспедиционный врач — все они готовы приступить к работе немедленно. Одно ваше слово — и обещаю вам, что через месяц Водяная Бездна откроет нам свои тайны. Мы узнаем о ней все. — Он особенно выделил слово «все».

— А почему бы просто не оставить ее в покое? — пробормотал Хэтч. — Пусть продолжает хранить свои тайны.

— Это, доктор Хэтч, не в моем характере. А как насчет вашего?

Наступившую тишину нарушил бой часов церкви Святой Троицы, сообщив, что уже пять. Тишина тянулась минуту, две, пять...

Наконец Нейдельман забрал листок со стола и убрал его в папку.

— Ваше молчание говорит само за себя, — тихо, без малейших следов раздражения в голосе, сказал он. — Я отнял у вас много времени. Завтра я сообщу своим партнерам, что вы отклонили наше предложение. До свидания, доктор Хэтч. — Он встал и направился к двери, но у самого порога остановился и обернулся. — И кое-что еще. Я отвечу на ваш вопрос: мы отличаемся от всех остальных. Нам удалось обнаружить факты, не известные никому другому. Даже вам.

Хэтч собрался рассмеяться, но, взглянув на лицо Нейдельмана, передумал.

— Мы знаем, кто сконструировал Водяную Бездну, — тихо проговорил капитан.

Хэтч почувствовал, как пальцы невольно сжались в кулаки.

— Что? — прохрипел он.

— Да. И это еще не все. У нас есть записи, которые он вел во время работ.

В наступившей тишине Хэтч громко вздохнул, потом еще раз, посмотрел на свой стол и покачал головой.

— Это здорово, — с трудом проговорил он. — Просто замечательно. Похоже, я вас недооценил. Впервые за столько лет я услышал кое-что оригинальное. Вы меня по-настоящему развлекли, капитан.

Но Нейдельман уже ушел, и Хэтч вдруг понял, что разговаривает с пустой комнатой.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы заставить себя встать из-за стола. Засовывая дрожащими руками последние бумаги в портфель, он вдруг заметил, что Нейдельман оставил свою карточку. На визитке гостиницы, в которой он остановился, был написан номер телефона. Хэтч швырнул визитку в корзину для мусора, взял портфель, вышел из лаборатории и быстро зашагал к своему загородному дому по окутаным летними сумерками улицам.

В два часа пополудни он снова был в своей лаборатории и нетерпеливо расхаживал около окна с визиткой Нейдельмана в руке. В три часа он наконец снял трубку телефона.

ГЛАВА 3

Хэтч припарковал взятую напрокат машину на утрамбованной площадке над пристанью и осторожно выбрался наружу. Он закрыл дверь и на мгновение замер, оглядывая гавань. Длинная, узкая бухта с гранитной набережной, тут и там лодки ловцов омаров и ялики с неводами, залитые холодным серебристым светом. Даже двадцать пять лет спустя он вспомнил некоторые названия — «Лола Би» и «Мейбел У».

Маленький Стормхейвен с узкими, обшитыми вагонкой домиками и кривыми улочками упрямо карабкался вверх по склону холма. Дальше домов становилось меньше, их сменяли заросли черных елей и небольшие лужайки, окруженные каменными стенами. Вершину холма венчала конгрегационалистская церковь, чей строгий белый шпиль упирался в серое небо. В дальнем конце бухты он разглядел дом своего детства, над вершинами деревьев виднелось четыре фронтона и «вдовья дорожка»,⁶ а также длинная лужайка, сбегаящая к самому берегу, и маленькая пристань. Хэтч быстро отвернулся — ему вдруг показалось, что смотрит на все глазами постороннего человека.

Надев солнечные очки, Малин направился к пристани. Из-за сужающих обзор очков, а главным образом из-за неразберихи в душе чувствовал он себя немного не в своей тарелке. Его мучили дурные предчувствия, даже более сильные, чем в деревне Раруана, усеянной трупами туземцев, жертв лихорадки денге, или в Западной Сьерра-Мадре во время вспышки эпидемии бубонной чумы.

Пристань была одним из двух коммерческих причалов гавани. По одну сторону выстроились в ряд маленькие деревянные домики: кооператив ловцов омаров, бар и кафе под названием «Закусочная Рыжего Неда», сарай для хранения наживки и еще один — для

⁶ Огражденная платформа на крыше прибрежного дома, где жены моряков ожидали своих мужей.

снаряжения. На конце пристани возвышалась ржавая газовая помпа, торчали несколько лебедок и сушились верши для омаров. Вдали, там, где море соединялось с небом, висела стена тумана, словно мир заканчивался в сотне ярдов от берега.

Первым на его пути оказался домик, обшитый гонтом, где размещался кооператив ловцов омаров. Веселые завитки пара, выходящие из железной трубы, говорили о том, что внутри варятся омары. Хэтч остановился около доски, где мелом были написаны цены за разные категории этих моллюсков: без панциря, с панцирем, чистое мясо, отборные кусочки, отбракованные куски. Он заглянул в окно с рифленным стеклом и увидел ряды бочек, наполненных барахтающимися омарами, которых вытащили из воды всего пару часов назад. В отдельном резервуаре находился голубой омар — большая редкость, — выставленный на всеобщее обозрение.

Малин отошел от окна, когда рыбак в высоких сапогах и плаще покати́л бочку тухлой наживки по пристани. Он остановился около ближней лебедки, закрепил ее и отправил в лодку, стоящую внизу, движением, которое Малин в детстве видел тысячу раз. Тут же раздались крики, заработал мотор, и лодка отошла от пристани, направляясь в море в сопровождении радостно вопящих чаек. Он наблюдал за ней, пока она не растаяла, точно призрак, в густом тумане. Скоро сидящие в ней различат ближние острова. Бёрнт-Хэд, гранитный массив к югу от городка, уже появился из тумана. Волны с рычанием набрасывались на его основание, и Хэтч слышал их далекий шорох. На вершине островка, среди утесника и низеньких кустов ежевики, возвышался маяк из гладкого камня, и его красно-белые полосы и медный купол приятно разнообразили тусклый серый пейзаж.

Малин стоял на самом краю пирса, вдыхая запах наживки для морских окуней, соленый воздух и пары дизельного топлива; в этот момент защитные стены, которыми он окружил себя на двадцать пять лет, начали рушиться. Годы словно растворились в тумане, и горькое и одновременно сладостное чувство наполнило его душу. Он вернулся в места, куда не собирался никогда возвращаться. Он так сильно изменился, а здесь все осталось по-прежнему. Ему с трудом удавалось сдерживать слезы.

У него за спиной хлопнула дверца машины, и, оглянувшись, он увидел, что из нее вышел Джерард Нейдельман и зашагал по пристани, прямой, излучающий энергию и уверенность. Над зажатой в зубах трубкой из корня верескового дерева поднимался дымок, глаза сияли старательно сдерживаемым, но совершенно очевидным возбуждением.

— Рад, что вы согласились здесь со мной встретиться, — сказал он и, вынув из рта трубку, пожал Хэтчу руку. — Надеюсь, я доставил вам не слишком много хлопот.

Он немного поколебался, прежде чем произнес последние слова, и Хэтч решил, что, возможно, капитан догадался о причинах, по которым он хотел взглянуть на город и остров, прежде чем дать окончательное согласие.

— Все в порядке, — сдержанно ответил он и пожал протянутую руку.

— А где наша лодка? — спросил Нейдельман и, прищурившись, принялся оглядывать гавань.

— Вон там. «Простушка Джейн».

Нейдельман посмотрел в сторону, куда указал Хэтч.

— О, надежный баркас для ловли омаров, — признал он и тут же нахмурился. — Что-то я не вижу шлюпки. Как же мы высадимся на острове?

— Шлюпка в доке, — ответил Хэтч. — И мы не будем высаживаться. Там нет естественной гавани. Остров окружен высокими утесами, и мы все равно не сможем ничего увидеть со скал. А разгуливать по Рэггиду опасно. Так что представление о нем лучше всего получить со стороны моря.

«Кроме того, — подумал он, — я еще не готов ступить на берег Рэггида».

— Понятно, — сказал Нейдельман и, засунув трубку в рот, посмотрел на небо. — Скоро туман рассеется. Ветер дует с юго-запада, море спокойное. Худшее, что можно ожидать, — это небольшой дождь. Отлично. Я с нетерпением жду первого свидания с островом, доктор Хэтч.

— Вы что же, ни разу не видели его? — наградив капитана мрачным взглядом, спросил Хэтч.

— Я ограничился картами и отчетами.

— А мне казалось, что человек вашего склада давным-давно должен был совершить туда паломничество. В прежние времена разные безумцы устраивали экскурсии на остров, некоторые даже пытались там высадиться. Уверен, что за прошедшие годы ничего не изменилось.

Нейдельман невозмутимо посмотрел на Хэтча.

— Я решил, что взгляну на него, только если мы получим разрешение провести там раскопки.

В его словах Хэтч уловил скрытую силу.

Расшатанная лесенка на самом конце пристани вела к плавучему доку. Хэтч отвязал шлюпку и приготовился запустить мотор.

— Вы остановились в городе? — спросил Нейдельман, ловко забравшись в лодку и усевшись на носу.

Хэтч завел мотор и покачал головой.

— Снял номер в мотеле в Саутпорте, это в нескольких милях дальше по берегу. Даже баркас он нанял через посредника. Он еще не был готов к тому, чтобы его здесь узнали.

Нейдельман кивнул, поглядывая на удаляющийся берег.

— Красиво тут, — сказал он, ловко сменив тему разговора.

— Да, — ответил Хэтч. — Наверное. Думаю, здесь появилось несколько новых летних домиков и небольших отелей, где вам сдадут комнату с завтраком, а в остальном жизнь проходит мимо Стормхейвена.

— Видимо, он слишком далеко от популярных дорог.

— Отчасти дело в этом, — проговорил Хэтч. — Но все, что кажется здесь таким симпатичным и диковинным: старые деревянные лодки, обветшавшие домики, полуразрушенные причалы, — результат страшной бедности. Не думаю, что Стормхейвену удалось оправиться от депрессии.

Они подплыли к «Простушке Джейн». Нейдельман забрался на баркас; Хэтч, привязав шлюпку к корме, последовал за капитаном и с облегчением вздохнул: мотор завелся с первой попытки. «Может, конечно, он и старый, — подумал Малин, — но о нем неплохо заботятся». Они вышли из прибрежной зоны, и баркас помчался вперед, разрезая носом спокойные воды бухты. У них над головами солнце пыталось пробиться сквозь тучи, поблескивая в клочьях тумана, словно лампа дневного света. Хэтч посмотрел на юг, в сторону пролива у Олд-Хампа, но ничего не сумел разглядеть.

— Будет холодно, — сказал он, бросив взгляд на спутника в рубашке с коротким рукавом.

Нейдельман повернулся к нему и улыбнулся.

— Я привык.

— Вы называете себя капитаном, — сказал Хэтч. — Служили на флоте?

— Да, — коротко ответил Нейдельман. — Я был капитаном минного тральщика в дельте Меконга. После войны купил в Нантакете деревянную лодку с неводом, ловил гребешков и камбалу. — Он показал на море. — Именно тогда я и заинтересовался поисками сокровищ.

— Правда?

Хэтч посмотрел на компас и немного подправил курс. Затем взглянул на счетчик мотора. Остров Рэггид находился в шести милях от побережья, они будут там через двадцать минут.

Нейдельман кивнул.

— Как-то раз в сеть попал большой кусок затвердевшего коралла. Мой помощник ударил по нему пикой для рыбы, и он раскололся, как орех. А внутри лежал маленький серебряный ларец семнадцатого века, голландский. Так началась моя охота за сокровищами.

Я немного покопался в старых записях и выяснил, что мы наткнулись на место кораблекрушения «Синк-Портс», галеры, которой командовал французский капер Шарль Дампье. Я продал свою лодку, организовал компанию, собрал миллион и покинул те места.

— И много вам удалось найти?

Нейдельман едва заметно улыбнулся.

— Чуть больше девяноста тысяч в монетах и древностях. Я получил хороший урок. Если бы я не поленился как следует изучить вопрос, то посмотрел бы декларации грузов голландских кораблей, на которые нападал Дампье. В основном они перевозили уголь, древесину и ром. — Он задумчиво попыхтел трубкой. — Не все пираты были так же удачливы, как Рыжий Нед Окхем.

— Наверное, вы были разочарованы, как хирург, который рассчитывает обнаружить опухоль, а получает желчные камни.

— Можно и так сказать, — взглянув на него, проговорил Нейдельман.

Они замолчали, глядя на море. Последние клочья тумана рассеялись, и Хэтч увидел ближние острова, Хермит и Рек, зеленые горбы, покрытые хвойными деревьями. Он знал, что скоро покажется Рэггид, и посмотрел на Нейдельмана, который не сводил глаз с того места, где должен был появиться остров. Пора.

— Мы уже достаточно болтаем о пустяках, — тихо проговорил он. — Расскажите мне про человека, построившего Водяную Бездну.

Нейдельман несколько минут молчал, Хэтч ждал ответа.

— Извините, доктор Хэтч, — сказал наконец Нейдельман. — Мне следовало прояснить этот вопрос, когда я приходил к вам в офис. Вы еще не подписали договор. Наше предприятие стоимостью в двадцать два миллиона основывается на информации, которую нам удалось получить.

— Я рад, что вы мне настолько доверяете, — неожиданно разозлившись, заявил Хэтч.

— Вы должны понять нашу ситуацию... — начал Нейдельман.

— Ясное дело, должен. Вы боитесь, что я воспользуюсь тем, что вы мне расскажете, сам достану сокровища, а вы ничего не получите.

— Если без особых прикрас, — сказал Нейдельман, — то да.

На мгновение повисло молчание.

— Ценю вашу прямоту, — усмехнулся Хэтч. — А как вам понравится мой ответ?

Он резко повернул штурвал, и лодка легла на правый борт. Нейдельман вопросительно посмотрел на него, успев схватиться за борт, чтобы не упасть.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Хэтч направил «Простушку Джейн» в сторону бухты и порта.

— Доктор Хэтч? — проговорил Нейдельман.

— Все очень просто, — заявил Хэтч. — Либо вы мне расскажете про вашу таинственную находку и таким образом убедите в том, что вы не из числа безумцев, пытающихся отыскать сокровища, либо ваше маленькое приключение закончится прямо сейчас.

— Возможно, если вы согласитесь подписать соглашение о неразглашении...

— Ради всех святых! — вскричал Хэтч. — Он не только капитан, а еще и морской адвокат. Если нам суждено стать партнерами — а вероятность этого стремительно уменьшается, — нам придется доверять друг другу. Я пожму вам руку и дам слово, и этого будет достаточно, либо распрощайтесь с надеждой попасть на мой остров.

Нейдельман, продолжая сохранять спокойствие, улыбнулся.

— Рукопожатие. Очень оригинально.

Хэтч уверенно управлял лодкой, которая мчалась вперед, возвращаясь по собственному следу, оставленному на воде всего несколько минут назад. Постепенно начали возникать очертания Бёрнт-Хэда и крыши городских домов.

— Ладно, — мягко проговорил Нейдельман. — Поверните лодку. Вот вам моя рука.

Они пожали друг другу руки. Хэтч заглушил мотор, и «Простушка Джейн» на

мгновение замерла на месте. Затем Хэтч снова завел мотор и направил баркас в открытое море и в сторону острова Рэггид.

Нейдельман довольно долго смотрел на восток, пыхтел трубкой, погрузившись в размышления. Хэтч искоса посмотрел на капитана, пытаясь понять, не тянет ли он таким образом время.

— Вы ведь были в Англии, не так ли, доктор Хэтч? — спросил наконец Нейдельман.

Хэтч кивнул.

— Красивая страна, — продолжал Нейдельман беззаботно, словно погружаясь в приятные воспоминания. — Мне особенно нравится север. Вы когда-нибудь были в Хаундсбери? Это симпатичный маленький городок, очень котсуолдский, а в остальном совершенно непримечательный, если не считать изысканного собора. Или в «Уайтстоун-Холле» в Пеннинах? Родовое поместье герцога Уэссекского.

— Это тот, который страшно знаменит и построен как аббатство? — спросил Хэтч.

— Точно. Оба являются восхитительным примером церковной архитектуры семнадцатого века.

— Восхитительно, — повторил Хэтч с намеком на сарказм. — И что?

— Оба построены сэром Уильямом Макалланом.⁷ А еще он сконструировал Водяную Бездну.

— Сконструировал?

— Да. Макаллан был великим архитектором, возможно, величайшим в Англии после сэра Кристофера Рена. И очень интересным человеком. — Нейдельман продолжал смотреть на восток. — Кроме зданий и Старого моста в Баттерси он оставил после себя огромный труд, посвященный церковной архитектуре. Мир лишился настоящего мечтателя, когда он пропал на море в тысяча шестьсот девяносто шестом году.

— Пропал на море? Становится все интереснее.

Нейдельман поджал губы, и Хэтч решил, что он наконец обиделся.

— Да, это была ужасная трагедия. Только... — Он повернулся к Хэтчу. — Разумеется, он не пропал на море. В прошлом году нам удалось обнаружить его монографию. На полях мы заметили какие-то пятна и выцветшие места. После лабораторного исследования выяснилось, что на самом деле эти пятна являются записями симпатическими чернилами, которые под воздействием времени или каких-либо специальных веществ постепенно становятся видимыми. Химический анализ показал, что чернила представляют собой органическую смесь, полученную из уксуса и белого лука. Дальнейший анализ датировал эти «краски» — как тогда называли такие чернила — примерно тысяча семисотым годом.

— Симпатические чернила? Вы читались «Мальчишек Харди».⁸

— В семнадцатом и восемнадцатом веках часто использовали такие чернила, — спокойно объяснил Нейдельман. — Например, Джордж Вашингтон для своих секретных депеш. Колонисты называли это «писать белыми чернилами».

Хэтч попытался придумать какой-нибудь язвительный ответ, но у него ничего не вышло. Против собственной воли он уже почти поверил в историю Нейдельмана — слишком невероятную, чтобы быть враньем.

— Нашей лаборатории при помощи химиков удалось прочитать записи до конца. Оказалось, что этот документ, содержащий примерно десять тысяч знаков, написан

⁷ Прототипом архитектора Уильяма Макаллана стал Джон Валлис (1616–1703), величайший английский математик, живший до Ньютона, с 1649 года профессор геометрии Оксфордского университета, один из основателей Лондонского королевского общества. Прославился тем, что создал символ бесконечности; считается «отцом английской криптологии», был духовником Карла II.

⁸ «Мальчишки Харди» — серия детских детективов, выпущенная «Синдикатом Стрэтмейера», основатель которого, американский писатель Эдуард Стрэтмейер (1863–1930), издал под разными псевдонимами более 150 книг для детей и юношества.

собственной рукой Макаллана на полях книги. Записи зашифрованы, но специалист из «Талассы» сумел довольно легко разобраться в первой половине. Когда мы прочитали получившийся текст, нам стало ясно, что сэр Уильям Макаллан являлся даже более замечательным архитектором, чем думал весь мир.

Хэтч с трудом сглотнул.

— Прошу меня простить, но вся эта история звучит нелепо.

— Нет, доктор Хэтч, совсем нет. Макаллан придумал Водяную Бездну. Закодированные записи — это дневник, который он вел во время своего последнего путешествия. — Нейдельман затянулся и ненадолго замолчал. — Видите ли, Макаллан был шотландцем и тайным католиком. После победы Вильгельма Третьего⁹ в Воинской битве Макаллан в возмущении покинул Англию и направился в Испанию. Там испанская корона дала ему заказ на строительство величайшего в Новом Свете собора. В тысяча шестьсот девяносто шестом году он сел в Кадисе на двухмачтовый бриг и в сопровождении испанского военного корабля направился в Мексику. Оба корабля исчезли, и о Макаллане больше никто никогда не слышал. Считалось, что он погиб во время кораблекрушения. Однако его дневник рассказывает нам, что произошло на самом деле. На их корабль напал Эдвард Окхем. Испанский капитан сдался и под пытками открыл цель своего путешествия. После этого Окхем приказал убить всех, кроме Макаллана. Архитектора притащили к нему в кандалах. Пират приставил саблю к его горлу и сказал — здесь я цитирую дневник: «Пусть Бог сам строит свои собственные проклятые церкви, у меня для тебя есть другой заказ».

Хэтч почувствовал, как его охватывает волнение.

Капитан прислонился к борту баркаса.

— Понимаете, Рыжий Нед хотел, чтобы Макаллан построил хранилище для его несметных сокровищ. Недоступное хранилище, куда попасть мог только сам Окхем. Они проплыли вдоль побережья залива Мэн, выбрали остров Рэггид и спрятали там сокровища. Вскоре после этого Окхем и его команда погибли. А Макаллана, вне всякого сомнения, убили, когда работы были завершены. Вместе с ними ушел в забвение и секрет Водяной Бездны.

Нейдельман замолчал, и его глаза показались Хэтчу почти белыми в ярком свете, отражающемся от воды.

— Разумеется, это не так. Потому что тайна не умерла вместе с Макалланом.

— Я не понимаю.

— В середине своего дневника Макаллан поменял шифр. Мы думаем, он сделал это, чтобы записать ключ к Водяной Бездне. Разумеется, никакой шифр семнадцатого века не представляет трудности для современного компьютера, и, полагаю, наши специалисты вот-вот его разгадают.

— Ну, и каковы размеры сокровищ? — с трудом проговорил Хэтч.

— Хороший вопрос. Нам известно, какое количество грузов могли вмещать корабли Окхема, мы знаем, что они были нагружены под завязку, а еще у нас имеются судовые журналы многих кораблей, на которые он напал. Вы знали, что он был единственным пиратом, который успешно атаковал корабли, перевозившие серебро из Америки в Испанию?

— Нет, — пробормотал Хэтч.

— Когда вы все сложите, по самым скромным подсчетам и с учетом современных цен, получится... — Нейдельман замолчал, и по его губам скользнула улыбка. — Между одной целой восемьюдесятыми и двумя миллиардами долларов.

Наступило долгое молчание, нарушаемое лишь ревом мотора, монотонными криками чаек и плеском разрезаемой воды. Хэтч пытался осознать услышанное.

— Это без стоимости меча святого Михаила, главного сокровища Окхема, — понизив

⁹ Вильгельм III Оранский, король Англии (1650–1702).

голос, добавил Нейдельман.

На мгновение чары были разрушены.

— Да ладно вам, капитан, — рассмеявшись, сказал Хэтч. — Не станете же вы утверждать, будто верите в эту замшелую легенду.

— Я и не верил, пока не прочитал дневник, доктор Хэтч. Меч там. Макаллан собственными глазами видел, как они спрятали его вместе с сокровищами.

Хэтч невидящими глазами смотрел на палубу, в голове у него царила полная неразбериха. Это невероятно, поверить невозможно...

Он поднял голову и почувствовал, как внутри у него невольно все сжалось. Бесчисленные вопросы, которые он собирался задать, моментально куда-то исчезли. Он увидел вдали очертания острова Рэггид, окутанного густым белым туманом, точно таким же, какой висел в тот день, двадцать пять лет назад.

Он услышал, что сидевший рядом с ним Нейдельман что-то сказал. Он повернулся к капитану, задыхаясь и изо всех сил пытаясь успокоиться.

— Извините?

— Я сказал, мне известно, что деньги вас не слишком интересуют. Но я хотел, чтобы вы знали: по договору, который я предлагаю на ваше рассмотрение, вы получите половину сокровищ, в чистом виде, без вычета стоимости работ. А я, поскольку рискую очень большими деньгами, — меч святого Михаила. Таким образом, ваша доля будет равняться примерно одному миллиарду долларов.

Хэтч с трудом сглотнул.

— Вы правы. Деньги меня действительно не слишком волнуют.

Снова повисло молчание, затем Нейдельман приложил бинокль к глазам и принялся разглядывать туманный остров.

— А почему он всегда окутан туманом?

— Этому есть вполне научное объяснение, — сказал Хэтч, радуясь, что они сменили тему. — Остров окружает быстрина — очень сильное течение, оно отводит холодные воды с Лабрадора в теплые, рядом с Кейп-Кодом; там, где они смешиваются, возникает большое туманное облако. Иногда остров окружает тонкое кольцо тумана, а порой его и вовсе нельзя разглядеть.

— Самое подходящее место с точки зрения пирата, — пробормотал Нейдельман.

«Уже скоро», — подумал Хэтч. Он попытался успокоиться, вслушиваясь в шелест воды, ударяющей в бок лодки, вдыхая аромат соленого воздуха, ощущая холод латунного штурвала, потом посмотрел на Нейдельмана и заметил, как на щеке у него подрагивает мускул. Капитана тоже охватили сильные чувства, совсем другого характера, но не менее личные.

Туман приближался. Хэтч молча направил лодку к протянувшимся к ним пальцам дымки, казавшейся чуждой на фоне чистого горизонта. Он сбросил скорость, когда нос лодки скользнул в белое облако, и их неожиданно окутала неприятная липкая сырость. Малин почувствовал, как на костяшках пальцев и на шее застыли крупные капли воды.

Изо всех сил напрягая зрение, он попытался рассмотреть хоть что-нибудь, и вскоре увидел далекие темные очертания острова, которые тут же исчезли. Хэтч убавил скорость. В наступившей тишине он слышал плеск волн, набегавших на берег, звон предупреждающего об опасности буя, установленного неподалеку от предательских рифов. Он повернул на север, намереваясь подойти к острову с подветренной стороны. Неожиданно примерно в двухстах ярдах по правому борту из тумана вырос сломанный подъемный кран, проржавевший и искореженный штормами.

Нейдельман громко выдохнул и быстро поднес бинокль к глазам, но баркас нырнул в новое туманное облако, и остров снова скрылся из виду. Подул холодный ветер, заморосил дождь.

— Мы не можем подплыть поближе? — шепотом спросил Нейдельман.

Хэтч направил баркас к рифам. Когда они приблизились к подветренной стороне

острова, ветер и волнение стихли. А в следующее мгновение они вышли из тумана, и Рэггид предстал перед ними во всей своей красе.

Хэтч поставил баркас параллельно рифам, и Нейдельман, который начисто забыл про свою трубку, не обращая внимания на дождь, словно приклеился к биноклю. Повернув судно кормой к морю, Хэтч заглушил мотор и наконец взглянул на остров.

ГЛАВА 4

Темные, пугающие очертания острова, не отпускавшие Малина в воспоминаниях и кошмарах, снова предстали перед ним в реальности — силуэтом на сером фоне моря и неба, напоминающим необычный, чуть наклоненный стол. Берег с наветренной стороны уходил вверх и превращался в крутые скалы на выходящей в море стороне, лишь в самом центре находился участок ровной земли. Вода ударяла в скалы и пенилась вокруг наполовину ушедших в воду каменных выступов, которые окружали остров. Рэггид показался Хэтчу еще более унылым, чем помнилось: пронизанный ветрами, голый, всего миля в длину и восемьсот ярдов в ширину. На подветренной стороне острова на берегу росла одинокая кривая сосна, ее верхушку сожгла молния, а ветки напоминали скрюченные пальцы колдуньи.

Повсюду из травы и кустов шиповника торчали останки адских машин: древних паровых компрессоров, лебедек, бойлеров, обрывки цепей. Несколько потрепанных непогодой сараюшек, покосившихся и давно лишившихся крыш, притулились неподалеку от старой сосны. В дальнем конце прибрежной полосы Хэтч разглядел гладкие округлые очертания Спин Китов, через которые они с Джонни перебрались двадцать пять лет назад. У ближних гранитных скал лежали остовы нескольких больших лодок, разбитых бурями, повсюду валялись обломки обшивки и снастей. Потрепанные непогодой знаки, расставленные через каждые сто метров над отметкой прилива, гласили:

**ВНИМАНИЕ! ЗОНА СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ.
НЕ ВЫСАЖИВАТЬСЯ!**

На мгновение Нейдельман потерял дар речи, а потом едва слышно прошептал:
— Наконец-то.

Мгновение превратилось в минуты, баркас тихонько покачивался на волнах. Нейдельман опустил бинокль и повернулся к Хэтчу.

— Доктор!

Хэтч вцепился руками в штурвал, стараясь прогнать воспоминания. Ужас накатил на него, словно приступ морской болезни, а мелкий дождь заливал окна рубки, и печальный голос буя звенел в белом тумане. Но к ужасу примешивалось новое чувство: понимание того, что здесь спрятаны огромные сокровища — что его дед на самом деле вовсе не был безумцем, уничтожившим три поколения их семьи ради пустых иллюзий. Неожиданно он понял, каким должно быть его решение: ответ, который он обязан дать ради деда, отца и брата.

— Доктор Хэтч! — снова позвал Нейдельман; лицо его блестело от капель дождя.

Хэтч сделал несколько глубоких вдохов и заставил себя выпустить штурвал.

— Давайте обогнем остров, — предложил он, с трудом сохраняя спокойствие.

Нейдельман несколько мгновений смотрел на него, затем молча кивнул и снова поднес бинокль к глазам.

Хэтч направил баркас в сторону моря, и они повернулись носом к ветру. Они продвигались вперед на небольшой скорости, всего три узла, но Хэтч старался не смотреть на Спины Китов и берег, хранивший страшные воспоминания.

— Неприветливое место, — заметил Нейдельман. — Даже более неприветливое, чем я себе представлял.

— Здесь нет естественной гавани, — ответил Хэтч. — Остров окружен рифами, и течение очень опасное. Он открыт всем ветрам, каждую осень на него обрушиваются северо-восточные ураганы. Кроме того, искатели сокровищ вырыли такое количество туннелей, что большая часть почвы подмыта и стала очень ненадежной. Более того, кое-кто пользовался взрывчатыми веществами. В земле остался невзорвавшийся динамит, детонаторы и одному богу известно что еще.

— А это что такое? — спросил Нейдельман и показал на массивное искореженное сооружение из металла, возвышающееся над скользкими от водорослей скалами.

— Баржа, которая осталась еще со времен моего деда. Она стояла на якоре неподалеку от берега вместе с плавучим краном, но один из ураганов швырнул ее на скалы, а дальше с ней разобрался океан. Так закончилось предприятие моего деда.

— А он оставил какие-нибудь записи? — спросил Нейдельман.

— Отец их уничтожил, — с трудом сглотнув, ответил Хэтч. — Помешательство деда на этом острове стало причиной его банкротства, семья сильно пострадала, и отец ненавидел остров и все, что с ним связано. Даже до несчастного случая с братом.

Он замолчал и снова вцепился в штурвал, глядя прямо перед собой.

— Извините меня, — мягко проговорил Нейдельман. — Я так захвачен всем этим, что забыл о вашей личной трагедии. Простите, если задал бестактный вопрос.

— Все в порядке, — ответил Хэтч, продолжая смотреть на корму лодки.

Нейдельман замолчал, и Хэтч был ему благодарен. Нет ничего страшнее, чем выслушивать банальности, произнесенные с лучшими намерениями, в особенности когда говорят: «Не кори себя, ты ни в чем не виноват».

«Простушка Джейн» обогнула южную оконечность острова и повернула бортом к волне. Хэтч прибавил скорость, и баркас помчался вперед.

— Поразительно, — пробормотал Нейдельман. — Только этот крошечный остров из песка и скалы отделяют нас от самого большого сокровища, когда-либо спрятанного людьми.

— Осторожнее, капитан, — ответил Хэтч, надеясь, что его голос прозвучал весело. — Именно такие мысли и привели к банкротству дюжины компаний. Лучше стоит вспомнить старое стихотворение:

И пусть я близок, как никто,
К святыне, что хранится в этом храме...

Нейдельман повернулся к нему.

— Похоже, вы читали не только «Анатомию» Грэя и «Руководство по медицине» Мерка. Не многие врачи в состоянии процитировать Ковентри Пэтмора.¹⁰

Хэтч пожал плечами.

— Я люблю читать стихи, время от времени, смакуя, как хорошее вино. Теперь ваше объяснение?

По губам Нейдельмана скользнула мимолетная улыбка.

— Я провел много лет на море. Иногда там совсем нечего делать, остается только читать.

Со стороны острова неожиданно послышался громкий звук, похожий на кашель. Постепенно он стал громче, превратился в глухое рычание и наконец перешел в тяжкий, хриплый стон, словно умирало какое-то глубоководное животное. Хэтч почувствовал, как по спине у него пробежали мурашки.

— Что, ради всех святых, это такое? — быстро спросил Нейдельман.

— Прилив сменяется отливом, — ответил Хэтч, которого пробрала дрожь в сыром

¹⁰ Пэтмор, Ковентри (1823–1896) — английский поэт.

холодном воздухе. — Водяная Бездна, по-видимому, соединена с морем тайным приливным туннелем. Когда течение меняется, возникает этот звук. По крайней мере, такова одна из теорий.

Стон продолжал звучать, но вскоре превратился во влажное бормотание и наконец стих.

— Местные рыбаки объясняют это по-другому, — сказал Хэтч. — Возможно, вы обратили внимание на то, что вокруг острова нет ловушек для омаров.

— Проклятие острова Рэггид, — кивнув, проговорил Нейдельман, и в глазах у него прочиталась ирония. — Я про него слышал.

Наступило долгое молчание, Нейдельман упорно не отводил взгляда от палубы. Потом поднял голову.

— Я не могу вернуть вашего брата к жизни, — сказал он. — Но обещаю, что мы непременно узнаем, почему он погиб.

Хэтч помахал рукой, не в силах произнести ни слова, и отвернулся к открытому окну рубки, радуясь попавшим на лицо каплям дождя, которые помогли скрыть его чувства. Неожиданно он понял, что больше ни минуты не может оставаться около острова. Ничего не объясняя Нейдельману, он повернул баркас на запад, и вскоре они вошли в плотное облако тумана. Сейчас ему больше всего на свете хотелось вернуться в свою комнату в мотеле, заказать ранний ланч и запить его несколькими порциями «Кровавой Мэри».

Они вырвались из тумана в сияние дневного света. Ветер набрал силу, и Хэтч почувствовал, что капли влаги на лице и руках начали испаряться. Он не оглядывался назад. Но при одной мысли о том, что окутанный туманом остров скрылся за горизонтом, ему стало легче дышать.

— Должен вам сообщить, что мы будем работать в тесном сотрудничестве с первоклассными археологом и историком, — сказал Нейдельман. — Знания, которые мы получим касательно инженерной науки семнадцатого века, пиратов и морского дела — возможно, даже о загадочной смерти Рыжего Неда Окхема, — бесценны. Наше предприятие — это не только поиски сокровищ, но и археологическая экспедиция.

После его слов повисло молчание, потом Хэтч сказал:

— Я хочу сохранить за собой право остановить работы, если у меня возникнет ощущение опасности.

— Это вполне понятно. В нашем контракте восемнадцать пунктов. Мы просто добавим девятнадцатый.

— Кроме того, если мне придется принять в этом участие, я не хочу быть бессловесным партнером, который заглядывает рабочим через плечо, — добавил Хэтч.

Нейдельман принялся ворошить угли в своей трубке.

— Подобные операции исключительно рискованное дело, особенно для человека неподготовленного. Какую роль вы намерены играть?

Хэтч пожал плечами.

— Помнится, вы мне сказали, что у вас есть врач.

Нейдельман отвлекся от своей трубки и чуть приподнял одну бровь.

— Этого требует закон штата Мэн. Вы предлагаете внести изменения в список персонала?

— Да.

— А вы сможете за такой короткий срок уладить дела в госпитале и получить отпуск?

— Мои исследования могут подождать. Кроме того, экспедиция займет не так много времени. Сейчас конец июля. Вам придется уложиться в четыре недели — вне зависимости от того, найдете вы что-нибудь или нет. Заниматься раскопками во время сезона бурь невозможно.

Нейдельман свесился за борт и вытряхнул трубку в воду одним уверенным, сильным движением. Затем он снова выпрямился, и как раз в этот момент у него за спиной возникли темные очертания Бёрнт-Хэда.

— Через четыре недели все будет закончено, — сказал он. — И ваше дело, и мое.

ГЛАВА 5

Хэтч припарковался около магазинчика Бада. На сей раз он приехал на собственной машине, и смотреть на свое прошлое через ветровое стекло автомобиля — части настоящего — оказалось настолько необычно, что это выбило его из колеи. Доктор бросил взгляд на потрескавшиеся кожаные сиденья и старые кофейные пятна на коробке передач. Все такое знакомое и такое надежное; неожиданно Хэтч понял, что не может заставить себя открыть дверцу. Тогда он взял темные очки, но тут же положил их назад. Хватит играть в прятки.

Хэтч оглядел маленькую площадь. Асфальт растрескался, и в разломах проглядывали булыжники прежней мостовой. Старый газетный киоск на углу с раскачивающимися на ветру стойками с комиксами и журналами уступил место лавке мороженщика. За площадью по склону холма полого спускались городские улицы, такие же живописные, как прежде; черепичные и покрытые кедровым шифером крыши домов сверкали на солнце. Из гавани шагал какой-то парень в резиновых сапогах и дождевике — ловец омаров, возвращающийся с работы домой. Он бросил на Хэтча взгляд, проходя мимо, и скрылся в одной из боковых улиц. Он был молод, лет двадцати, и Хэтч сообразил, что этот рыбак еще не родился, когда они с матерью уехали из города. Пока его не было, здесь выросло целое поколение. И целое поколение умерло. Неожиданно ему стало интересно, жив ли еще Бад Роуэлл.

Внешне его магазин нисколько не изменился: зеленая дверь, которая как следует не закрывалась, древняя реклама кока-колы, покосившееся крыльцо. Хэтч вошел внутрь, и старые половицы скрипнули под ногами, он взял тележку, стоявшую около двери, радуясь тому, что внутри никого нет. Медленно двигаясь по узким проходам, он принялся выбирать продукты, чтобы отвезти на «Простушку Джейн»: там он решил поселиться, пока его старый дом приводят в жилой вид. Еще некоторое время он бродил по рядам, добавляя самые разные предметы, пока не сообразил, что пытается оттянуть неизбежное. Тогда усилием воли он подкатил тележку к кассе, где столкнулся лицом к лицу с Бадом Роуэллом, огромным, лысым, в неизменном белом переднике и в прекрасном расположении духа. Хэтч много раз вспоминал, как Бад тайком, из-под прилавка, давал им с Джонни красные лакричные палочки, что приводило в ярость их мать.

— Добрый день, — поздоровался с ним Бад, скользнул взглядом по лицу и посмотрел на машину, припаркованную у входа. Старинные «ягуары экскей» не часто подъезжали к его магазину.

Хэтч кивнул, так и не решив, как себя вести.

— Угу.

— В отпуске? — спросил Бад, осторожно убирая артишок в пакет и пробивая стоймость на своей старой, дребезжащей кассе. Второй с такой же медлительностью последовал за первым.

— Нет, — ответил Хэтч. — Я по делу.

Рука замерла в воздухе. Никто никогда не приезжал в Стормхейвен по делу. Будучи профессиональным сплетником, Бад должен был непременно выяснить, по какому делу приехал гость.

Рука снова занялась привычным делом.

— Понятно, — сказал Бад. — По делу.

Хэтч кивнул, изо всех сил борясь с нежеланием расставаться со своей анонимностью. Как только Бад узнает, кто он, новость разлетится по всему городу. Решив зайти в магазин, он преодолел точку возврата. Было еще не поздно забрать покупки и уйти, ничего не открывая хозяину. Альтернатива казалась Хэтчу почти невыносимой: он заставлял себя не думать о том, как вновь станут обсуждать старую трагедию, как жители будут качать головами и поджимать губы. Маленькие городки бывают нестерпимо жестокими в своем сочувствии. Бад взял пачку молока и отправил ее в пакет.

— Продаете что-нибудь?

— Нет.

Наступило молчание, Бад очень медленно прибавил пачку апельсинового сока к молоку. Касса протрещала стоимость новой покупки.

— Проезжаете мимо? — задал Бад новый вопрос.

— У меня дело здесь, в Стормхейвене.

Это было настолько неслыханно, что Бад больше не мог сдерживаться.

— И какое же у вас дело?

— Очень деликатного характера, — тихо проговорил Хэтч. Несмотря на собственное волнение, его развеселило изумление, появившееся на лице Бада, и он с трудом скрыл улыбку.

— Ясно, — сказал Бад. — Остановились в городе?

— Не-е-е, — протянул Хэтч и сделал глубокий вдох. — Я остановлюсь в гавани. В старом доме Хэтчей.

Услышав это, Бад уронил бифштекс. Дом стоял заколоченным двадцать пять лет. В следующее мгновение бифштекс отправился в пакет, покупки были упакованы, а у Бада закончились вопросы — по крайней мере, вежливые.

— Ну, — сказал Хэтч. — Я спешу. Сколько я вам должен?

— Тридцать один доллар и двадцать пять центов, — с несчастным видом ответил Бад.

Хэтч собрал пакеты. Ну вот, пора. Если он намерен поселиться в этом городе, пусть и временно, то должен назвать свое имя.

Он остановился, открыл пакеты и принялся в них шарить.

— Прошу меня простить, — сказал он, занявшись вторым пакетом. — По-моему, вы кое-что забыли.

— Не думаю, — пробормотал Бад.

— А я уверен, что забыли, — повторил Хэтч, вынул все свои покупки и разложил на прилавке.

— Все на месте, — заявил Бад, и в его голосе появилась резкость, столь характерная для жителей штата Мэн.

— Нет, не на месте. — Хэтч показал на маленький ящичек под прилавком. — А где мой подарок — где лакричные палочки?

Бад взглянул на ящик, затем проследил за рукой Хэтча и впервые за все время внимательно на него посмотрел. И тут побледнел так, что его лицо стало пепельно-серым.

В тот момент, когда Хэтч напрягся, спрашивая себя, не зашел ли слишком далеко, хозяин магазина громко выдохнул.

— Будь я проклят, — пробормотал он. — Будь я дважды проклят. Это Малин Хэтч.

Щеки Бада быстро приобрели свой нормальный цвет, но на лице застыло такое выражение, будто он увидел привидение.

— Да, это я, — заявил Хэтч. — Как поживаешь, Бад?

Неожиданно Бад выскочил из-за прилавка и схватил правую руку Хэтча обеими руками.

— Вы только на него посмотрите, — вскричал он, схватил Хэтча за плечи, отодвинул от себя на расстояние вытянутой руки, а на его пухлом лице расцвела улыбка. — Совсем взрослый, а какой красавец! Я тысячу раз задавал себе вопрос, как сложилась твоя жизнь и увидим ли мы тебя когда-нибудь. И вдруг, клянусь святыми небесами, ты стоишь прямо передо мной!

Хэтч вдохнул его запах — смесь ветчины, рыбы и сыра — и почувствовал одновременно смущение и облегчение, словно снова стал мальчишкой.

Бад еще пару минут его разглядывал, затем посмотрел на ящик со сладостями.

— Ах ты, сукин сын, — рассмеявшись, заявил он. — По-прежнему любишь лакричные палочки? Вот тебе подарок — от заведения.

Он засунул руку в ящик, вытащил конфету и положил на прилавок.

ГЛАВА 6

Они сидели на стульях на заднем крыльце магазина, пили березовое пиво и смотрели на луг и темные ряды сосен. Под напором Бада Хэтч рассказал несколько историй о своих приключениях в Мексике и Южной Америке, где работал эпидемиологом. Но ему удалось увести разговор от причин, по которым он вернулся в город. Он еще не был готов к общению на эту тему. Неожиданно он понял, что ему нестерпимо хочется вернуться на баркас, разжечь портативный гриль, поджарить отбивную и спокойно посидеть со стаканчиком мартини в руках. Однако он знал, что правила хорошего тона, принятые в маленьком городе, требуют, чтобы он провел с Бадом некоторое время.

— А что произошло в городе за мое отсутствие? — спросил он, чтобы заполнить паузу, возникшую в разговоре, и предотвратить неприятные вопросы.

Он знал, что Бад смертельно хочется узнать, почему он вернулся, но вежливость, присущая жителям штата Мэн, мешает задать прямой вопрос.

— Ну, знаешь, — начал Бад, — тут у нас много всего произошло.

Он рассказал, что пять лет назад к старой средней школе пристроили новое крыло, дом семьи Тибодо сгорел дотла, когда они отправились к Ниагарскому водопаду, Фрэнк Пикетт налетел в своей лодке на Олд-Хамп и утонул, потому что слишком много выпил. Наконец он спросил, видел ли Хэтч чудесную пожарную станцию, которую выстроили совсем недавно.

— Конечно видел, — ответил Хэтч, в глубине души жалея, что старую снесли и заменили железным чудовищем.

— А еще повсюду появляются новые дома. Люди приезжают сюда на лето.

Бад возмущенно поцокал языком, но Хэтч знал, что ему нечего жаловаться, прибыли его магазина наверняка выросли. Впрочем, строящиеся повсюду — в представлении Бада — дома ограничивались парой-тройкой коттеджей на мысе Брид, несколькими перестроенными зданиями и гостиницей, где постояльцев кормили завтраком.

— Тут все изменилось с тех пор, как ты уехал, — покачивая головой, сказал в заключение Бад. — Ты не узнаешь город. — Он покачался на стуле и вздохнул. — Так что, ты приехал, чтобы продать дом?

Хэтч едва заметно напрягся.

— Нет, я приехал пожить. По крайней мере, до конца лета.

— Значит, я не ошибся? — проговорил Бад. — Ты в отпуске.

— Я же сказал, — проговорил Хэтч, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. — Я приехал по довольно деликатному делу. Обещаю тебе, скоро ты все узнаешь.

Бад с обиженным видом откинулся на спинку стула.

— Знаешь, меня твои дела не интересуют. Только, кажется, ты сказал, что ты доктор.

— Да. Именно этим я и намерен здесь заняться. — Хэтч допил пиво и незаметно посмотрел на часы.

— Но, Малин, — начал Бад и смущенно поерзал на своем стуле. — У нас в городе уже есть врач. Доктор Фразье. Он здоров как бык и проживет еще лет двадцать.

— Ну, это легко исправить, можно подсыпать ему в чай мышьяку, например, — заметил Хэтч.

Старик посмотрел на него с тревогой.

— Не волнуйся, Бад. — Хэтч улыбнулся. — Я не собираюсь конкурировать с доктором Фразье.

Ему пришлось напомнить себе, что с чувством юмора у жителей штата Мэн туговато.

— Это хорошо. — Бад искоса посмотрел на своего гостя. — В таком случае, может быть, твое появление связано с вертолетами?

Хэтч удивленно воззрился на него.

— Вчера. День был такой ясный. И тут появились два вертолета. Огромные такие. Пролетели над самым городом и направились к островам. Я видел, как они немного

повисели над Рэггидом, и решил, что они с военной базы. — На лице Бада появилось задумчивое выражение. — А может, и нет.

От необходимости отвечать Хэтча спас скрип входной двери. Он подождал, пока Бад обслужит покупателя.

— Похоже, дела идут хорошо, — заметил он, когда хозяин магазина вернулся.

— Не сказал бы, — ответил Бад. — Не в сезон население у нас восемьсот человек.

Хэтч подумал, что именно таким всегда и было население Стормхейвена.

— Да, — продолжал Бад. — Дети вырастают, оканчивают школу и уезжают. Отправляются в большие города — Бангор, Огасту. Один даже забрался в Бостон. За последние три года еще пятеро уехали. Если бы не отдыхающие да еще лагерь nudists на Пайн-Нек, я вряд ли сводил бы концы с концами.

Хэтч только молча кивнул. Он видел, что дела у Бада идут прекрасно, но спорить с ним в его собственном магазине было неприлично. Лагерь nudists, о котором он говорил, на самом деле был колонией художников, расположившихся в старом поместье в сосновом лесу примерно в десяти милях дальше по побережью. Хэтч помнил, что тридцать лет назад один рыбак, вытаскивая сеть, видел, как кто-то купался голышом. Память прибрежного городка в штате Мэн слишком долговечна.

— А как твоя матушка? — спросил Бад.

— Она умерла в восемьдесят пятом. Рак.

— Сожалею. — Хэтч видел, что Бад искренне огорчился. — Она была хорошей женщиной и вырастила хорош... хорошего сына. — После короткого молчания Бад снова принялся раскачиваться на стуле, потом сделал глоток пива. — Клэр видел? — спросил он как можно небрежнее.

Хэтч помолчал пару секунд, прежде чем ответить.

— А она еще в городе? — так же небрежно бросил он.

— Угу, — ответил Бад. — В ее жизни кое-что изменилось. А у тебя как? Семья есть?

— Жены нет, — улыбнувшись, ответил Хэтч. — По крайней мере пока. — Он поставил пустую бутылку и встал. Пора было уходить. — Бад, я ужасно рад, что повидал тебя. Думаю, мне пора заняться обедом.

Бад кивнул и хлопнул его по спине. Пройдя через магазин, Хэтч уже взялся за ручку двери, когда Бад откашлялся.

— И еще, Малин.

Хэтч замер на месте. Он знал, что слишком легко отделался, и потому ждал вопроса, который так боялся услышать.

— Ты поосторожнее с лакрицей, — с самым серьезным видом проговорил Бад. — Знаешь, зубы-то у тебя не вечные.

ГЛАВА 7

Хэтч вышел на палубу «Простушки Джейн», потянулся и, прищурившись, оглядел гавань. Стормхейвен погрузился в тишину, почти впал в спячку в сиянии июльского дня, и доктор порадовался этому. Вечером он съел бифштекс и выпил немного больше виски, чем намеревался, так что утром проснулся с головной болью, чего не случалось с ним уже лет десять.

В этот день он многое сделал впервые за долгие годы. Например, впервые, с тех пор как побывал на Амазонке, провел целый день в каюте баркаса. Он уже успел забыть, какой мир и покой дарят душе ласково раскачивающие судно волны, единственные твои спутники и товарищи. А еще он не помнил, когда мог позволить себе вот так сидеть и ничего не делать. Лабораторию он закрыл на весь август, а удивленного лаборанта по имени Брюс отправил к своему коллеге с заданием записать первые результаты экспериментов. Дом в Кембридже он тоже закрыл, сообщив экономке, что вернется только в сентябре. А его «ягуар» был припаркован в укромном месте неподалеку от лавки скобяных товаров «От

берега к берегу».

Перед тем как он покинул отель в Саутпорте, ему принесли записку от Нейдельмана: предложение встретиться неподалеку от острова Рэггид сегодня вечером на закате. В результате у Хэтча образовался полностью свободный день. В первый момент он испугался, что ему придется провести все время наедине со своими воспоминаниями, и хотел даже достать краски, с которыми коротал выходные, чтобы поработать над наброском береговой линии. Но потом передумал. Каким-то непостижимым образом здесь, на воде, он погрузился в апатичную расслабленность, ощущая мир и покой. Он вернулся домой, в Стормхейвен. Он даже сплавал к острову Рэггид. Он посмотрел на чудовище и остался в живых.

Хэтч взглянул на часы: почти половина восьмого. Пора.

Он завел мотор и обрадовался, что тот послушно заработал. Глухая вибрация под ногами, равномерное «бу-бу-бу» выхлопа звучали для него точно песня сирены из прошлого, одновременно сладостная и причиняющая боль. Он развернул баркас и направил его в сторону острова Рэггид.

День выдался ясный, и по воде перед баркасом весело бежала тень судна, расцвеченная вечерним солнцем. Океан был пустынным, если не считать одинокой лодки ловца омаров неподалеку от острова Хермит. Хэтч пару раз за день выходил на палубу и вглядывался в горизонт, предполагая увидеть какую-то активность около Рэггида. Однако его глазам предстало только море и небо, и он сам не смог бы сказать, что испытывал — облегчение или разочарование.

Когда он вышел из гавани, воздух стал холоднее, но вместо того, чтобы сбросить скорость и надеть плащ, Хэтч неожиданно для себя самого поддал газу и, подставив лицо ветру, открытым ртом стал ловить соленые брызги. Одиночество на море каким-то невероятным образом несло ему очищение, словно ветер и вода стряхивали с него паутину и грязь, скопившиеся в душе за двадцать пять лет.

Когда впереди, в восточной части горизонта, возникла черная тень, Хэтч чуть-чуть сбросил скорость, чувствуя, что его охватывает знакомая с давних времен тревога. Сегодня туман, окутавший остров, был не слишком густым, но смутные очертания скалистого берега выглядели такими же неприветливыми и грозными, особенно из-за буровых вышек и лебедок, торчащих тут и там, словно разрушенные минареты чужеземного города.

Затем на подветренной стороне острова он увидел незнакомый корабль, который стоял примерно в четверти мили от берега. Подойдя к нему поближе, он понял, что это старый пожарный катер, построенный из великолепного коричневого дерева, красного или тикового. На борту яркими золотыми буквами красовалось название «Грифон», а чуть ниже и мельче — «Мистик, Коннектикут».

Сначала Хэтч собрался подойти к нему, но передумал и заглушил мотор «Простушки Джейн» примерно в ста ярдах от катера. На палубу никто не вышел, и Хэтч на мгновение решил, что это, возможно, какой-нибудь охотник за трофеями или турист, но солнце уже почти село, а он не очень верил в совпадения.

Хэтч с любопытством принялся разглядывать катер. Если Нейдельман решил разместить на нем свой штаб, это необычное, но разумное решение. Недостаток в скорости восполнялся надежностью: Хэтч не сомневался, что катеру не страшны морские шторма, разве что самые яростные. А два двигателя — на носу и на корме — обеспечивали хорошую маневренность. Катушки шлангов и надстройки убрали, освободив таким образом пространство на палубе. Шлюпбалки, рубку и прожектора оставили, а управляемый компьютером кран установили на корме. Хэтч перевел взгляд на просторную рубку и открытый мостик. Чуть выше он заметил обычный набор антенн, систему дальней радионавигации «лоран» и радар, а также оборудование, не слишком часто встречающееся на кораблях: рупорную антенну, действующую на ультракоротких волнах, спутниковую тарелку, противоздушный радар и низкочастотную антенну. «Впечатляющий кораблик», — подумал Хэтч и потянулся к панели управления, чтобы подать сигнал.

Но в последний момент передумал, поскольку уловил глухой равномерный звук,

который доносился из-за безмолвного катера и окутанного туманом острова, — тихий, едва различимый. Хэтч опустил руку и прислушался. Через минуту у него уже не осталось сомнений: издалека быстро приближался еще один катер. Хэтч оглядел горизонт и вскоре заметил маленькое серое пятнышко и мимолетный проблеск на нем — это солнечные лучи отразились от металла. «Наверное, катер «Талассы», — подумал он, — идет из Портленда».

Затем Хэтч увидел, как пятно медленно разделилось и превратилось в два, три, шесть силуэтов. Он с удивлением ждал, глядя, как настоящая флотилия направляется к крошечному острову. Самой первой шла огромная морская баржа, и он видел ее темно-красное брюхо, которое облизывали волны. За ней следовал буксир с покрытыми мхом вершами, который тащил за собой стотонный плавучий кран. В следующее мгновение стали различимы моторные катера, элегантные и мощные, напичканные электронным оборудованием. Дальше он разглядел катер с провиантом, нагруженный настолько, что сидел в воде неправдоподобно низко. На его мачте развевался маленький красно-белый флажок с символом, который Хэтч видел на папке Нейдельмана несколько дней назад.

Завершало строй элегантное судно, большое и фантастически оборудованное. На бортах синими буквами было написано название — «Цербер». Хэтч в благоговении уставился на сверкающие надстройки, пушку для гарпуна, иллюминаторы с дымчатым стеклом. «Тоннаж не меньше пятнадцати тысяч», — подумал он.

Словно исполняя безмолвный танец, корабли подошли к «Грифону». Те, что были побольше, замерли на некотором расстоянии от пожарного катера, а те, что поменьше, остановились около «Простушки Джейн». Зазвучала песнь цепей, когда сбрасывали якоря. Бросая взгляд на моторные катера, подходящие справа и слева, Хэтч заметил, что их пассажиры тоже смотрят на него, а некоторые улыбаются и кивают. В ближайшем катере Хэтч различил мужчину с седыми волосами и круглым лицом, на котором застыло выражение вежливого любопытства. Седовласый был в громоздком оранжевом спасательном жилете, надетом на аккуратный костюм. Рядом с ним сидел молодой человек с длинными жирными волосами и бородкой клинышком, в шортах и яркой рубашке. Он поедал что-то из белого бумажного пакета и наградил Хэтча взглядом, в котором читалось демонстративное отсутствие интереса.

Последний мотор был заглушён, и над водой повисла диковинная, призрачная тишина. Хэтч разглядывал катера и обратил внимание, что все пассажиры смотрят на пустую палубу окруженного ими пожарного катера.

Прошла минута, две. Наконец дверь рубки открылась и появился капитан Нейдельман. Он молча подошел к борту и остановился, прямой, точно натянутая струна. Вечернее солнце отбрасывало пурпурные тени на его загорелое лицо, окрасив светлые волосы в золотые тона. Хэтча поразило, как ощутимо сказалось присутствие этого человека на общей атмосфере — оно словно повисло над водой и распространилось на стоящие в кругу лодки. Затем, так же не нарушая тишины, из двери за спиной Нейдельмана появился другой человек, невысокий и жилистый, и, сложив на груди руки, остался стоять позади капитана.

Нейдельман довольно долго молчал, но когда наконец заговорил, его тихий, исполненный благоговения голос разнесся далеко над водой.

— Мы живем во времена, — начал он, — когда неизвестное становится известным, а большинство загадок Земли находят свое решение. Мы побывали на Северном полюсе, покорили Эверест, летали на Луну. Мы разорвали границы атома и сумели составить карты равнин, находящихся на дне океанов. Те, кому удалось раскрыть эти тайны, часто рисковали жизнью и всем, что им дорого, отдали свое состояние, чтобы их разгадать. Великую тайну можно решить, только заплатив огромную цену — иногда самую высокую в мире.

Он жестом показал на остров.

— Здесь, всего в ста милях от нас, находится одна из таких великих тайн, возможно, самая великая из тех, что остались в Северной Америке. Посмотрите повнимательнее. На первый взгляд ничего особенного — дыра в земле, окруженная скалами. Однако эта дыра — Водяная Бездна — лишила покоя всех, кто пытался открыть ее секрет. Многие и вовсе

поплатились жизнью. На решение этой загадки истрачены миллионы долларов. Многие судьбы пошли прахом. Сегодня среди нас есть те, кто на себе почувствовал острые зубы Водяной Бездны. — Нейдельман оглядел свой отряд, встретился глазами с Хэтчем и продолжал: — Другие загадки прошлого — монолиты Саксауаман,¹¹ статуи на острове Пасхи, камни Стоунхендж в Британии — таят от нас свой смысл. С Водяной Бездной дело обстоит не так. Мы знаем, где она находится, знаем ее историю и с какой целью она построена. Вот она перед нами, наглый вызов всем, кто к ней приблизится.

Он еще немного помолчал.

— В тысяча шестьсот девяносто шестом году Эдвард Окхем стал самым опасным пиратом, чьи корабли бороздили самые разные моря. Он награбил такое количество добра, что его флот потерял скорость и маневренность. Очередной шторм или нечаянная встреча с военным кораблем могли стать роковыми. Он постоянно откладывал момент, когда ему придется спрятать свою добычу, но наступили отчаянные времена. А случайная встреча с одним архитектором позволила решить свои проблемы.

Нейдельман оперся о борт, и ветер растрепал его волосы.

— Окхем взял этого архитектора в плен и приказал построить хранилище для своей добычи. Причем такое, чтобы в него не мог пробраться даже самый ловкий искатель сокровищ. Все получилось так, как он задумал. Хранилище было построено, добыча спрятана. А потом, когда пират снова отправился сеять смерть и грабить невинные жертвы, вмешалось Провидение. Рыжий Нед Окхем умер. А его сокровища остались лежать на дне Водяной Бездны, дожидаясь дня, когда с помощью техники и решительных действий людей будут подняты на свет божий. — Нейдельман глубоко вздохнул. — Несмотря на огромное количество спрятанных богатств, никому не удалось достать из Водяной Бездны ничего стоящего. Ничего, кроме этого!

Неожиданно капитан высоко поднял руку, в которой было что-то зажато. Солнечные лучи вспыхнули и залили сиянием его пальцы, а вокруг раздались возгласы удивления и восторга.

Хэтч подался вперед, чтобы получше рассмотреть, что держит в руке Нейдельман. «Бог мой, — подумал он, — похоже, это золото, поднятое буром «Золотоискателей» сотню лет назад».

Нейдельман поднял над головой золотую спираль и замер. Казалось, он простоял так бесконечно долго. Затем снова заговорил.

— Кое-кто утверждает, что в Водяной Бездне нет никаких сокровищ. Им я хочу сказать: посмотрите на это.

Закатное солнце окрасило воду и катер в темно-розовые тона, а Нейдельман повернулся к окнам рубки «Грифона». Взяв в руки маленький молоток, он положил золотую спираль на крышу рубки и одним ударом прибил ее к дереву гвоздем. Затем отступил на несколько шагов и снова повернулся к своему отряду.

— Сегодня, — сказал он, — сокровища Окхемы находятся на дне Бездны, вот уже три века они не видели ни солнца, ни дождя. Скоро его заточению придет конец. Потому что ключ, который был утерян, снова найден. Мы откроем тайну сокровищ еще до конца лета.

Он помолчал и окинул взглядом стоявшие вокруг него суда.

— У нас много работы. Прежде всего придется убрать то, что осталось от прежних искателей сокровищ, и снова сделать остров безопасным. Нам необходимо определить местонахождение хранилища. Затем мы должны обнаружить и запечатать канал, по которому в него попадает морская вода; откачать воду из шахты и укрепить ее, чтобы начать раскопки. Это будет не просто. Но мы пришли не с пустыми руками, на нашей стороне достижения науки и техники, которые помогут нам открыть тайну Бездны. Мы имеем дело,

¹¹ Саксауаман — крепость, защищавшая город Куско (Перу) с северо-запада, один из самых красивых архитектурных памятников инков, построена из плотно пригнанных друг к другу каменных блоков.

возможно, с самым невероятным творением мастера семнадцатого века. Но Водяная Бездна падет перед технологиями двадцатого. С помощью всех, кто здесь сегодня собрался, мы проведем самую великую — и самую славную — археологическую экспедицию в истории.

Со всех сторон зазвучали радостные крики, но Нейдельман поднял руку, призывая к молчанию.

— Здесь присутствует доктор Малин Хэтч. Именно благодаря его великодушию наше предприятие стало возможным. Он более остальных понимает, что мы собрались здесь не только ради сокровищ. Нас интересует история. Мы хотим узнать больше. И добиться того, чтобы жертвы наших предшественников не были напрасны.

Он на мгновение склонил голову, а затем отошел от борта. Послышались жидкие аплодисменты, легким дождем пролившиеся на воду, а затем раздались дружные приветственные крики, в воздух полетели шапки, восторженное ликование окружило «Грифон». Неожиданно Хэтч сообразил, что тоже вопит вместе со всеми, а потом по его щеке прокатилась одна-единственная слезинка, и ему вдруг показалось, что Джонни заглядывает ему через плечо, наблюдая за происходящим с печальным интересом и мечтая наконец обрести покой.

ГЛАВА 8

Через день Хэтч стоял у руля «Простушки Джейн», наблюдая за кипевшей вокруг него работой. Против воли он чувствовал, как его охватывает волнение. Рядом с ним два монитора связи — сканер с закрытым диапазоном, который охватывал все каналы экспедиции, и радиоприемник, настроенный на специальную медицинскую частоту — время от времени выдавали самые разные сигналы. Океан был спокоен, лишь кое-где резвились небольшие волны, с берега дул легкий бриз. Туман окутывал остров тонким покрывалом. Отличный день для разгрузки, и капитан Нейдельман решил этим воспользоваться.

Хотя «Простушка Джейн» стояла на якоре на том же месте, что и вчера, перед рифами острова Рэггид, все вокруг нее стремительно менялось. Работы начались перед закатом солнца и на рассвете уже шли полным ходом. Неподалеку от восточного берега обосновалась огромная баржа, ее держали мощные цепи, которые водолазы Нейдельмана укрепили в скалистом дне. Хэтч наблюдал за тем, как стотонный кран поставили на якорь возле западного берега. Его длинный гидропогрузчик навис над берегом, точно хвост скорпиона, готовый в любой момент начать расправу с мусором, скопившимся здесь за две сотни лет охоты за сокровищами. В тени крана пристроился «Грифон», флагманский корабль Нейдельмана, и Хэтч видел на мостике силуэт капитана, следившего за тем, как идут работы.

Самое большое исследовательское судно — «Цербер» — осталось за стеной тумана, безмолвное и неподвижное, словно не решалось приблизиться к острову. Два баркаса — «Наяда» и «Касатка» — рано утром причалили к острову для высадки команды, а теперь деловито сновали неподалеку от берега. Судя по маневрам «Наяды», ее экипаж занимался составлением карты морского дна, а на «Касатке» при помощи оборудования, которого Хэтч никогда в жизни не видел, собирали данные о самом острове.

Малин продолжал наблюдать за кипевшей вокруг работой, пока его взгляд не упал наконец на остров. Ему по-прежнему делалось не по себе, когда он смотрел на Рэггид, и он знал, что, возможно, это ощущение никогда не пройдет, но решение было принято, и от этого становилось легче. С каждым днем Малин убеждался, что поступил правильно. Вчера вечером он даже поймал себя на размышлениях о том, как распорядится миллиардом долларов. Вот тогда-то он и дал себе слово, что вложит все до цента в фонд имени своего брата.

Неожиданно его внимание привлек белый проблеск на берегу острова, тут же исчезнувший в тумане. Хэтч знал, что там уже работают люди: одни ищут старые шахты, огораживают веревками безопасные тропы, извлекают из зарослей древний мусор, чтобы потом

убрать его с острова. «Высокая крапива»,¹² — пробормотал Хэтч себе под нос.

И каждой весною они зарастают
Высокой крапивой — тот каменный вал,
Изношенный плуг, борона проржавевшая...

Он знал, что другие отряды снимают верхний слой с балок в многочисленных шахтах. Затем в лаборатории «Цербера» будет проведен углеродный анализ с целью установить их возраст — это поможет определить, какая именно из шахт является Водяной Бездной. Хэтч достал бинокль и рассматривал остров, пока не наткнулся на один из отрядов, состоящий как будто из бледных призраков в белом тумане. Люди растянулись неровной линией и, медленно продвигаясь вперед, рубили кусты топориками и расчищали их специальными крюками, время от времени останавливаясь, чтобы сделать снимки или записи. Один из рабочих водил перед собой металлоискателем; другой протыкал землю длинным узким щупом. Во главе отряда вели немецкую овчарку, которая старательно обнюхивала землю. «Она натренирована на поиски взрывчатки», — догадался Хэтч.

Всего на острове и вокруг него работало около пятидесяти человек. Все служащие «Талассы», которым платили очень приличные деньги: Нейдельман сказал ему, что — если не считать около полудюжины человек, которым полагается процент от прибыли, а не зарплата, — средний рабочий сможет получить двадцать пять тысяч долларов. Совсем неплохо, учитывая, что большинство из них покинет остров через две недели, когда будет смонтировано все оборудование, а остров укреплен.

Хэтч продолжал рассматривать остров. На безопасной северной оконечности — единственной территории, где можно было передвигаться, не опасаясь за свою жизнь, — выросли док и причал, у которого буксир разгружал самое разное оборудование: генераторы, упакованные в ящики, резервуары с ацетиленом, компрессоры, электронные приборы. А на берегу были аккуратно сложены угловое и рифленое железо, пиломатериалы и фанера. Вездеход на дутых шинах, нагруженный под завязку, упрямо поднимался по импровизированной тропе. Неподалеку группа техников уже занялась прокладкой телефонного кабеля, другая возводила сборные бараки. Завтра утром в одном из них оборудуют кабинет для Хэтча. Его поразило, как быстро разворачиваются события. Однако он по-прежнему не спешил высаживаться на остров. «Даже завтра рановато», — подумал он.

С оглушительным грохотом на причал выгрузили какой-то прибор, и звук разнесся далеко над морем. Хэтч знал, что даже без участия Бада Роуэлла уже весь Стормхейвен дружно обсуждает новость о его возвращении и о том, что на острове Рэггид что-то происходит. Ему стало немного стыдно, что он не сказал Баду правду два дня назад. Впрочем, тот уже, наверное, и сам все сообразил. «Интересно, что говорят жители Стормхейвена?» — лениво подумал Хэтч. Возможно, кое-кто разгадал его замысел. Ну и пусть, ему нечего стыдиться. Несмотря на то что банкротство деда освободило их от всех обязательств, его отец — положив на это много сил — выплатил все долги семьи. На свете не было человека лучше Альфреда Хэтча-старшего. И потому жалкая, нелепая его кончина до сих пор отзывалась болью в сердце Малина. Доктор отвернулся от острова, заставив себя прогнать мысли об отце.

Посмотрев на часы, он обнаружил, что уже одиннадцать — по обычаям штата Мэн время для ланча. Он спустился вниз, изучил холодильник и вернулся с сэндвичем с омаром и бутылкой имбирного пива. Усевшись в кресло капитана, он поставил ноги на приборную доску и с удовольствием откусил кусок сэндвича. «Удивительно, как действует на человека морской воздух, — подумал он. — Вечно есть хочется». Может, следует изучить этот вопрос и написать статью в «Журнал Американской ассоциации медиков»? Его лаборанту Брюсу

¹² Стихотворение Томаса Эдварда Брауна (1830–1917), английского поэта и прозаика. Перевод Е. Гуляевой.

морской воздух не повредит, как, впрочем, и любой другой.

Пока он ел, неподалеку уселась чайка, заинтересованно на него поглядывая. Хэтч знал, что рыбаки ненавидят чаек — называют их крылатыми крысами, — а ему всегда нравились эти крикливые птицы-мусорщики. Он подбросил в воздух кусочек омара, чайка поймала его и улетела, унося добычу подальше от двух своих товарок. Вскоре все три вернулись и уселись на перила, глядя на него голодными черными глазами. «Ну вот, я попался», — подумал Хэтч и, оторвав еще кусочек омара, бросил его птице, сидевшей посередине.

Тут же все три поднялись в воздух, и Хэтч с удивлением обнаружил, что они не попытались схватить подачку, а умчались прочь от лодки в сторону материка. В неожиданно наступившей тишине кусок омара с влажным звуком шлепнулся на палубу.

Когда Хэтч, хмурясь, следил за птицами, он почувствовал, как конвульсивно вздрогнула палуба у него под ногами. Он вскочил со стула, решив, что оторвался якорь и «Простушка Джейн» налетела на мель. Но канат по-прежнему был туго натянут. За исключением тонкой вуали тумана, опоясывающей остров, ничто не омрачало ясного неба, молнии быть не могло. Хэтч принялся поспешно осматриваться в поисках чего-либо необычного. Может быть, подорвали динамит? Да нет, для этого еще не время...

И тут его взгляд упал на участок океана в области прибрежных рифов, в сотне ярдов от корабля.

На площади футов в тридцать диаметром безмятежная поверхность моря внезапно и резко изменилась. Из глубины поднялись пузырьки воздуха и взбаламутили воду. Палуба снова содрогнулась, и со дна поднялся новый столб пузырьков. В следующее мгновение поверхность воды начала двигаться против часовой стрелки: сначала медленно, затем быстрее. В центре появилось углубление, которое тут же превратилось в воронку. «Водоворот, — подумал Хэтч. — Какого черта?..»

Громкие помехи из сканера заставили его броситься к перилам. Он услышал истерические голоса: один, затем много...

— Человек внизу! — услышал он сквозь помехи.

— Обвяжите его веревкой! — выкрикнул другой голос. Затем: — Осторожно! Балки сейчас рухнут!

Неожиданно ожил личный приемник Хэтча.

— Хэтч, вы слышали? — раздался резкий голос Нейдельмана. — На острове провалился человек.

— Я понял, — ответил Хэтч и завел мотор. — Иду к причалу.

Когда ветер разогнал клочья тумана, он увидел, что люди в белой униформе мечутся в центре острова.

— Никакого причала, — прозвучал голос Нейдельмана, в котором явственно слышалось волнение. — Времени нет. Он умрет через пять минут.

Хэтч принялся оглядываться по сторонам. Потом заглушил мотор, схватил свой медицинский чемоданчик и подтянул к «Простушке Джейн» шлюпку. Отвязав веревку, он швырнул ее в шлюпку и прыгнул вниз. Шлюпка опасно накренилась, но Хэтч, чуть не падая, пробрался на корму, завел мотор и направил маленькую лодочку к рифам. Где-то около южной оконечности он видел два узких прохода между острыми подводными камнями. Оставалось надеяться, что он ничего не перепутал.

По мере приближения берега вода из серой стала зеленой. «Если бы здесь было мельче, — подумал он, — я бы смог разглядеть камни». Он посмотрел на часы: времени на размышления не оставалось. Сделав глубокий вдох, он прибавил скорость, и лодка резво помчалась вперед. Вскоре он выбрался на мелководье, и очертания подводных рифов стали четче. Хэтч приготовился к удару.

Но ему удалось благополучно миновать рифы, дно океана снова опустилось, и он оказался на большой воде. Хэтч направил шлюпку в сторону маленького, усыпанного галькой участка между Спинами Китов, затем выключил двигатель, чуть развернул лодку и почувствовал толчок, когда она уткнулась носом в берег.

Прежде чем лодка окончательно остановилась, Хэтч схватил свой чемоданчик и помчался по берегу. Он слышал крики где-то впереди. На вершине скалы он на миг остановился, чтобы отдышаться. Перед ним расстилались нетронутые заросли осоки и сладко пахнущего шиповника, они раскачивались на ветру, скрывая под собой опасности, которые таила в себе эта часть острова. Команда «Талассы» здесь еще не побывала. «Соваться сюда — чистое самоубийство», — подумал Хэтч в тот момент, когда ноги сами понесли его вперед. Он мчался сквозь кусты, перепрыгивал через ямы и старые полусгнившие бревна и заржавевшие платформы.

Через минуту он уже оказался среди рабочих в белых комбинезонах, которые столпились около огромной ямы. Из ее черной утробы исходил запах морской воды и свежей земли. К ближайшей лебедке было привязано несколько веревок.

— Стритер, — представился человек, тот самый, который стоял рядом с Нейдельманом во время его речи, — сухопарый мужчина с поджатыми губами и короткой флотской стрижкой. — Я начальник работ.

Не говоря ни слова, двое других принялись закреплять на Хэтче страховочные тросы.

Хэтч заглянул в яму, и внутри у него невольно все сжалось. В дюжине футов внизу — точнее он определить не мог — проблескивали желтые лучи фонариков. Два человека, обвязанные веревками, отчаянно сражались с толстой балкой, под которой Хэтч, к своему ужасу, увидел третьего человека, он слабо шевелился и ловил ртом воздух. Хэтчу показалось, что за ревом воды он услышал крик боли.

— Что, черт подери, произошло? — спросил Хэтч, доставая из чемоданчика аптечку.

— Парень из разведывательного отряда упал в шахту, — объяснил Стритер. — Его зовут Кен Филд. Мы спустили вниз веревку, но она, похоже, зацепилась за бревно, и начался оползень. Его ноги прижаты балкой, а вода быстро поднимается. У нас не больше трех минут.

— Дайте ему акваланг! — крикнул Хэтч и знаком показал, чтобы его начали опускать вниз.

— Некогда! — услышал он ответ Стритера. — Водолазы слишком далеко от берега.

— Да, отлично вы руководите работами!

— Его уже обвязали веревкой, — продолжал Стритер через минуту. — Просто высвободите его, а мы поднимем.

«Просто высвободите? Это как?» — удивился Хэтч, но спросить не успел: его начали опускать. Уже в следующее мгновение он повис в пустоте, под ним оглушительно редела вода. Пару секунд он свободно падал, потом резко завис около двух спасателей. Доктор нащупал опору и посмотрел вниз.

Несчастный лежал на спине, массивная балка придавила по диагонали его левую лодыжку и правое колено. Он снова открыл рот и закричал от боли. Один из спасателей сбрасывал с него камни и комья земли, а другой тяжелым топором рубил балку. Во все стороны летели щепки, наполняя яму запахом сгнившего дерева. Хэтч посмотрел вниз и увидел, что вода прибывает с ужасающей быстротой.

Он сразу понял, что усилия спасателей бесполезны, они не успеют разрубить балку. Малин взглянул на поднимающуюся воду и быстро произвел в уме подсчеты: через две минуты — даже меньше, чем полагал Стритер, — раненого накроет с головой. Затем он обдумал все возможности и понял, что вариантов у него нет. Нет даже времени для анестезии, нет времени ни для чего. Тогда он принялся рыться в своем чемоданчике: пара скальпелей, годящихся для удаления заусениц, и все. Убрав их обратно, он начал стаскивать с себя рубашку.

— Проверьте веревку! — крикнул он первому спасателю. — Потом возьмите мой чемоданчик и поднимайтесь вверх! — Он повернулся к другому рабочему. — Встаньте рядом и приготовьтесь его поднять!

Разорвав рубашку пополам, он скрутил один рукав и затянул им как можно плотнее левую ногу раненого, примерно в пяти дюймах от колена. Другим рукавом — бедро.

— Дайте топор! — крикнул он спасателю. — И будьте готовы вытащить его!

Тот, не говоря ни слова, протянул топор. Хэтч встал над раненым, пошире раздвинул ноги и поднял топор над головой.

Несчастный наконец понял, что его ждет, и глаза его расширились от ужаса.

— Нет! — завопил он. — Прошу вас...

Хэтч изо всех сил ударил топором по левой голени раненого, и на одно короткое мгновение у него появилось диковинное ощущение, будто он рубит ствол молодого дерева. На долю секунды возникло сопротивление, а потом топор прошел насквозь. Несчастный сразу замолчал, но глаза у него остались открытыми, а на шее набухли вены. На ноге появилась широкая, рваная рана, и в тусклом свете стали видны кости и плоть.

Прибывающая вода тут же подобралась к обрубку, вспенилась и покраснела от крови. Малин быстро нанес второй удар и отрубил ногу. Раненый закинул голову, раскрыв рот в безмолвном крике, и Хэтч увидел пломбы на его зубах.

Он отошел на шаг и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы немного успокоиться — у него начали дрожать руки. Затем встал около правого бедра раненого. Он знал, что здесь будет труднее. Намного. Но вода уже бурлила возле его колен, и времени почти не осталось.

Первый удар угодил во что-то мягкое и упругое, и несчастный потерял сознание. Второй пришелся в другое место, и на колене появилась огромная рваная рана. Вода уже накрыла бедра и упорно поднималась все выше. Прикинув, куда должен прийти следующий удар, Хэтч поднял топор над головой, поколебался одно мгновение, замахнулся и изо всех сил ударил. Когда топор погрузился в воду, он понял, что рассчитал правильно и сумел перерубить кость.

— Поднимайте его! — выкрикнул он, и спасатель дважды дернул за веревку.

Она тут же натянулась, плечи несчастного распрямились, и он оказался в сидячем положении. Однако массивная балка по-прежнему отказывалась отпускать свою добычу: нога была отрублена не до конца. Веревка снова повисла, и несчастный упал на спину, а вода забурилась возле его ушей, носа и рта.

— Дайте мне секатор! — крикнул Хэтч спасателю.

Схватив короткий, похожий на мачете инструмент, он сделал глубокий вдох и нырнул в прибывающую воду. Вытянув перед собой руки в кромешной темноте, он проплыл вдоль правой ноги, нашел рану и быстро перерезал последние сухожилия.

— Попробуйте еще раз! — выдохнул он, как только его голова появилась над поверхностью воды.

Веревка натянулась, и на этот раз тело несчастного, так и не пришедшего в себя, вырвалось из воды; с обрубков стекала кровь и грязная вода. Следующим был спасатель, а через минуту Хэтч почувствовал, как его тащат вверх, и вскоре повалился на примятую траву рядом с раненым. Доктор быстро проверил его жизненные показатели: бедняга не дышал, но сердце продолжало биться, часто и слабо.

Несмотря на импровизированные шины, кровь продолжала течь из страшных ран.

В голове Хэтча пронеслось три самых главных правила спасателя: «дыхательные пути, дыхание, кровообращение». Он открыл рот несчастного, пальцем очистил от грязи и рвотных масс, затем повернул пострадавшего на правый бок, придав ему положение эмбриона. К его великому облегчению, изо рта Кена Филда вылилась струя воды, потом он сделал вдох. Хэтч тут же приступил к стабилизирующей процедуре: дыхание изо рта в рот на счет десять, пауза, чтобы подтянуть шину на левой ноге; еще десять вдохов; пауза, подтянуть шину на правой; десять вдохов; проверка пульса.

— Дайте мой чемоданчик! — крикнул он потрясенным зрителям. — Мне нужен шприц!

Один из рабочих схватил чемоданчик и принялся в нем копать.

— Высыпьте все на землю, черт вас подери!

Тот сразу повиновался, и Хэтч быстро нашел шприц и бутылку. Набрав в шприц один кубик адреналина, он ввел препарат в предплечье несчастного. Затем снова стал делать

искусственное дыхание. На счет пять тот закашлялся и с трудом сделал вдох. В этот момент к Хэтчу подошел Стритер с мобильным телефоном в руке.

— Мы вызвали военный вертолет для эвакуации раненых, — сообщил начальник. — Он будет ждать нас на пристани в Стормхейвене.

— К черту вертолет, — рявкнул Хэтч.

Стритер нахмурился.

— Но вертолет...

— Летит из Портленда. И ни один пилот не сможет опустить корзину, зависнув в воздухе.

— Но разве мы не должны доставить его на материк?

Хэтч резко повернулся к нему.

— Вы что, не видите, он не переживет перелета на материк? Вызовите береговую охрану.

Стритер вызвал номер из памяти телефона и молча протянул трубку доктору, Хэтч попросил позвать парамедика, затем быстро объяснил ему, что произошло.

— У нас двойная ампутация, над коленом и ниже колена, — сказал он. — Сильное кровотечение, болевой шок, пульс нитевидный, пятьдесят пять ударов в минуту, немного воды в легких, пациент без сознания. Отправьте к нам вертолет с самым лучшим пилотом. Здесь нет посадочной площадки, и вам придется сбросить корзину. Нам потребуется солевой раствор и кровь нулевой группы, резус отрицательный, если у вас есть. И самое главное, я жду вас здесь. — Он прикрыл телефон рукой и повернулся к Стритеру. — Вы сможете поднять на поверхность его ноги в течение часа?

— Не знаю, — сдержанно ответил Стритер. — Из-за прибывшей воды стены ямы неустойчивы. Надеюсь, нам удастся отправить на разведку водолаза.

Хэтч покачал головой и снова заговорил в телефон.

— Вы должны доставить пациента прямо в Медицинский центр Восточного Мэна. Предупредите травматологов, и пусть подготовят операционную. Существует вероятность, что нам удастся достать его конечности. Кроме того, вызовите микрохирурга, на всякий случай. — Он закрыл телефон и вернул его Стритеру. — Если вы сможете достать обрубки без риска для жизни, сделайте это.

Затем он снова повернулся к своему пациенту. Пульс был не слишком хорошим, но стабильным. Но главное, Филд начал приходить в себя, стонать и едва заметно шевелиться. Хэтч немного успокоился; если бы пострадавший оставался без сознания еще некоторое время, надежды было бы мало. Он ввел раненому пять миллиграммов морфия, достаточно, чтобы немного облегчить боль, но не снизить дальше давление. После этого занялся обрубками и поморщился, увидев неровные края костей и ран. Тупой топор. Естественно, не идет ни в какое сравнение с острыми хирургическими пилами. Он обратил внимание на сильное кровотечение из бедренной артерии правой ноги и, достав из аптечки иглу и нитки, принялся перевязывать вены и артерии.

— Доктор Хэтч? — позвал его Стритер.

— Что? — отозвался Малин, который, наклонившись над обрубком, пинцетом доставал среднего размера вену, уже опавшую.

— Когда у вас появится минутка, капитан Нейдельман хотел бы с вами поговорить.

Хэтч кивнул, закончил операцию, проверил шины и промыл раны. Затем взял наушники радиоприемника.

— Слушаю.

— Как он? — спросил Нейдельман.

— Вероятность того, что он выживет, достаточно высока, — ответил Хэтч. — Если, конечно, вертолет прилетит вовремя.

— Слава богу. А ноги?

— Даже если удастся их достать, сомневаюсь, что будет шанс их восстановить. Я считаю, что вам следует обсудить правила безопасности с начальником работ. Того, что

произошло, можно было избежать.

— Я понимаю, — сказал Нейдельман.

Хэтч отключился и посмотрел на северо-восток, в сторону ближайшей станции береговой охраны. Через три минуты, может быть, четыре на горизонте должен появиться вертолет. Он повернулся к Стритеру.

— Зажгите сигнальный огонь. И расчистите площадку для посадки. Нам не нужен еще один несчастный случай. Когда прилетит вертолет, понадобится четыре человека, чтобы положить Кена на носилки.

— Хорошо, — поджав губы, ответил Стритер.

Хэтч видел, что его лицо неестественно потемнело, а на лбу бьется жилка. «Плохо, конечно, — подумал Малин. — Ничего, налажу с ним отношения позже. Кроме того, ему не придется до конца своих дней жить без ног». Он снова посмотрел на горизонт и увидел, что к ним быстро приближается черное пятно. Через пару минут воздух наполнился глухим ревом мотора, вертолет промчался над островом, резко развернулся и приблизился к небольшой группе людей, столпившихся около ямы. Ветер, поднятый пропеллерами, пронесся по траве и швырнул комья земли в лицо Хэтчу. Дверь грузового отсека открылась, вниз поползла спасательная платформа. Раненого привязали к ней и подняли наверх, а затем Хэтч знаком показал, чтобы платформу снова опустили — для него. Как только он оказался на борту, парамедик закрыл дверь и поднял вверх большой палец, показывая пилоту, что можно улетать. Вертолет тут же сделал правый разворот и, задрвав нос, помчался на юго-запад.

Хэтч огляделся по сторонам. Солевой раствор уже был прикреплен к стойке, рядом лежали кислородная маска и баллон, набор антибиотиков, бинты, шины и антисептические средства.

— У нас не оказалось резус отрицательной крови нулевой группы, доктор, — сказал парамедик.

— Ничего, — ответил Хэтч. — Вы все сделали отлично. Давайте перельем ему четвертую группу. Нужно восстановить потерю крови.

Он заметил удивленный взгляд парамедика и только тут сообразил, в чем дело: без рубашки, весь в грязи и засохшей крови, он не слишком походил на доктора из штата Мэн.

Раненый снова застонал и принялся метаться на носилках.

Через час Хэтч оказался в полном одиночестве в тишине пустой операционной, пропитанной запахом бетадина и крови. Кен Филд находился в соседней операционной, и им занимался лучший хирург Бангора. Надежды на восстановление ног не было, но зато он остался жив. Хэтчу больше нечего было здесь делать.

Он глубоко вдохнул, затем медленно выпустил воздух, пытаясь освободиться от всего дурного, что накопилось в нем за прошедший день. Наконец тяжело склонился на операционный стол и прижал сжатые в кулаки руки к вискам. «Этого не должно было произойти», — шептал холодный голос у него в голове. При мысли о том, как беззаботно он сидел на палубе «Простушки Джейн», лениво ел сэндвич и развлекался с чайками, его начинало тошнить. Он ругал себя за то, что не был на острове в тот момент, когда произошел несчастный случай, а еще за то, что позволил начать работы до того, как прибыло все его оборудование. Второй раз он оказался не готов, второй раз недооценил могущество острова. «Больше такого не случится, — в ярости подумал он. — Никогда».

Когда он наконец успокоился, в голове у него возникла другая мысль. Сегодня он впервые после смерти брата ступил на остров Рэггид. Пока он занимался раненым, думать об этом было некогда. А теперь, в темной операционной, оставшись наедине со своими мыслями, он приложил все силы, чтобы справиться с ужасом, который его охватил.

ГЛАВА 9

Дорис Воудич, агент по продаже недвижимости, уверенно поднялась по ступенькам дома номер пять по Оушнлейн. Старые деревянные ступеньки крыльца протестующе

заскрипели под непривычным весом. Когда она наклонилась, чтобы вставить ключ в дверь, по ее руке с легким мелодичным звоном, напомнившим Хэтчу колокольчики на санях, сползло сразу несколько серебряных браслетов. Она какое-то время сражалась с ключом, затем повернула ручку и широким жестом распахнула входную дверь.

Хэтч подождал, когда она войдет, окутанная легким облаком юбок, а затем последовал за ней в холодный, темный дом. В следующее мгновение у него возникло ощущение, будто он получил сильный удар в солнечное сплетение: тот же запах сосновых досок, шариков от моли и трубочного табака. Он не вдыхал эти ароматы двадцать пять лет, но ему потребовалось собрать все силы, чтобы не выскочить наружу, на солнечный свет, где его не будут преследовать воспоминания о детстве.

— Итак! — услышал он веселый голос Дорис, которая закрыла дверь. — Очень красивый старый дом, правда? Я всегда говорила, что это позор — держать его столько лет запертым. — Она прошла вперед в сопровождении розового облака юбок. — И как он вам?

— Отлично, — ответил Хэтч и сделал неуверенный шаг вперед.

Передняя гостиная осталась такой, какой он ее помнил, какой она была в тот день, когда его мать наконец сдалась и они уехали в Бостон: обитые ситцем кресла, старый полотняный диван, фотография парохода «Линдер» на каминной полке, пианино с круглой табуреткой и плетеным ковриком.

— Водопровод приведен в порядок, — не замечая его настроения, продолжала Дорис, — окна вымыты, электричество включено, баллон наполнен пропаном. — Она перечисляла, загибая пальцы с длинными красными ногтями.

— Все хорошо, — рассеянно проговорил Хэтч и, подойдя к старому пианино, коснулся пальцами клавиш, вспомнив длинные зимние вечера, которые провел, сражаясь с произведениями Баха.

На полке рядом с камином лежал набор для игры в парчизи,¹³ рядом — доска для «Монополии», коробка от которой давно потерялась, а розовые, желтые и зеленые прямоугольнички, изображавшие деньги, стерлись и помялись от бесконечного использования. На верхней полке он увидел несколько старых карточных колод, аккуратно перевязанных резинкой. У Малина сжалось сердце, когда он вспомнил, как они с Джонни играли в покер, используя деревянные спички вместо фишек, и их яростные споры о правилах. Все осталось на своих местах, он словно попал в музей воспоминаний.

Уезжая, они с матерью взяли только одежду, потому что собирались прожить в Бостоне всего месяц. Но месяц превратился в сезон, год, и постепенно старый дом стал воспоминанием: закрытый, никем не посещаемый, но всегда ждущий возвращения хозяев. Хэтч снова задал себе вопрос: почему мать не продала дом, даже когда у них начались трудные времена в Бостоне? И что помешало ему самому сделать это после ее смерти? Какое-то очень глубоко спрятанное чувство мешало ему отдать старый дом в чужие руки.

Он направился в гостиную и подошел к эркеру, откуда открывался вид на бесконечные синие просторы океана, сияющего в лучах утреннего солнца. Где-то далеко за горизонтом лежал остров Рэггид, успокоившийся после того, как заполучил свою первую жертву за прошедшие двадцать пять лет. После несчастного случая Нейдельман объявил, что решил дать всем выходной. Хэтч перевел глаза на зеленый луг, который сбегал от самого дома к берегу моря. Он напомнил себе, что вовсе не должен этого делать и вполне мог поселиться в каком-нибудь другом месте, где его не будут преследовать воспоминания. Но в Стормхейвене ему все равно устроиться не удастся; направляясь к своему дому сегодня утром, он увидел около дюжины рабочих «Талассы», которые толпились около единственной городской гостиницы, пытаясь получить пять имеющихся в ней комнат. Хэтч вздохнул. Раз уж он здесь, придется пройти весь путь до конца.

Пылинки плясали в лучах утреннего света, и, стоя перед окном, Хэтч чувствовал, как

¹³ Настольная игра, современная разновидность го.

отступает время. Он вспомнил, как они с Джонни ночевали на этом лугу в спальных мешках, разложив их на влажной пахучей траве, и считали в темноте падающие звезды.

— Вы получили в прошлом году мое письмо? — вернул его к действительности голос Дорис. — Я боялась, что оно потерялось.

Хэтч отошел от окна, попытался понять, что она сказала, сдался и снова вернулся в настоящее. Вон там, в углу, подушка для стула с незаконченной вышивкой, выцветшей до пастельных тонов. А тут полка с любимыми книгами отца — Ричард Генри Дэна, Мелвилл, биография Линкольна, написанная Сэндбергом, — и две полки английских детективов, которые обожала мать. Внизу стопка потрепанных журналов «Лайф» и желтый ряд «Нэшнл джиографик». Он перешел в столовую, агент, шурша юбками, не отставала.

— Доктор Хэтч, вы же знаете, что содержать такой старый дом очень дорого. Я всегда говорила, что он слишком велик для одного человека...

Она замолчала и наградила его лучезарной улыбкой. Хэтч медленно обошел столовую, провел рукой по столу с откидной доской, задержался взглядом на висящих на стене хромофотографиях Одюбона¹⁴ и отправился в кухню, где сразу увидел старый холодильник, отделанный толстыми кругляшками из хрома. Обрывок бумаги, потускневший и мятый, был прикреплен к нему магнитом. «Эй, мама! Клубнику, пожалуйста!» — было написано его собственным почерком. Хэтч задержался в углу, где они завтракали, — старый, изрезанный ножом стол и скамейки оживили воспоминания о сражениях за едой и о пролитом молоке, об отце, всегда сохранявшем достоинство в гуще дружелюбного хаоса, о том, как он рассказывал им морские байки своим тихим голосом и обед остывал в тарелках. А потом, позже, они вдвоем с матерью, у нее опущена голова, утреннее солнце освещает седые волосы, слезы каплют в чашку с чаем.

— Помните, — услышал он чужой голос, — я писала вам про молодую пару из Манчестера, с двумя детьми. Они очень милые. Вот уже несколько лет они снимают на лето дом Фиггинса, но хотят купить собственный.

— Конечно, — пробормотал Хэтч.

Уголок, где они завтракали, выходил окнами на задний двор, там разрослись и одичали яблони. Хэтч вспомнил, как летом, по утрам, когда туман еще окутывал поля, из леса приходили олени, чтобы полакомиться перед рассветом яблоками, как они опасливо переступали через высокую луговую траву.

— Думаю, они готовы заплатить вам двести пятьдесят. Позвонить им? Разумеется, это вас ни к чему не обязывает...

Сделав над собой усилие, Хэтч повернулся к Дорис.

— Что?

— Просто я подумала, может, вы хотите продать дом?

Хэтч удивленно заморгал.

— Продать? — медленно переспросил он. — Дом?

Продолжая улыбаться, Дорис спокойно сказала:

— Ну, понимаете, вы ведь холостяк и все такое... это же совсем не практично.

Она смутилась, но решила не отступать. Хэтч с трудом взял себя в руки. В маленьком городке вроде Стормхейвена следует вести себя осторожно.

— Я так не думаю, — сказал он ровным голосом, затем вернулся в гостиную и направился к входной двери.

Женщина следовала за ним.

— Я не говорю о том, чтобы прямо сейчас, — не унималась она. — Если вы найдете... сокровища, ну, понимаете... Ведь это займет не много времени, правда? В особенности если учесть, сколько у вас помощников. — На мгновение она помрачнела. — О, какой ужас!

¹⁴ Одюбон, Джон Джеймс(1785–1851) — натуралист и художник-анималист. Опубликовал фундаментальный труд «Птицы Америки». Избран в Галерею славы в 1900 году.

Вчера ведь погибли два человека!

Хэтч внимательно посмотрел на нее.

— Два человека? Два человека не погибли, Дорис. Никто не погиб, даже один. Произошел несчастный случай. А кто вам такое сказал?

— Ну, я слышала от Хильды Маккол. — Дорис слегка смутилась. — Она держит салон красоты «Прически Хильды». Ну, все равно, когда вы получите столько денег, вряд ли захотите здесь остаться, поэтому могли бы...

Шагнув вперед, Хэтч открыл входную дверь.

— Спасибо, Дорис, — сказал он и попытался улыбнуться. — Дом в прекрасном состоянии.

Она остановилась, не доходя до двери, и на мгновение заколебалась.

— А как насчет той молодой пары? Он очень успешный адвокат. У них двое детей, мальчик и...

— Спасибо, — несколько тверже повторил Хэтч.

— Пожалуйста, конечно. Знаете, не думаю, что двести пятьдесят тысяч — это мало за летний...

Хэтч вышел на крыльцо, и ей пришлось подойти к нему, чтобы услышать его ответ.

— Цены на недвижимость сейчас довольно высоки, доктор Хэтч, — заявила она. — Но ведь никто не знает, когда они начнут падать. Восемь лет назад...

— Дорис, вы очень милы, и я порекомендую ваши услуги моим многочисленным друзьям-врачам, которые захотят перебраться в Стормхейвен. Большое вам спасибо. Пришлите мне счет за ваши услуги.

Затем Хэтч шагнул внутрь и осторожно, но твердо закрыл за собой дверь.

Несколько минут он стоял в прихожей, не зная, хватит ли у нее наглости нажать кнопку звонка. Но она нерешительно потопталась на крыльце, а потом, продолжая улыбаться дежурной улыбкой, вернулась к своей машине. Комиссионные в размере шести процентов от двухсот пятидесяти тысяч долларов — сумма для Стормхейвена довольно приличная. Хэтч смутно помнил, что муж у Дорис пьет и банк отобрал у него катер за долги. «Она не может знать, что я чувствую», — подумал он и пожалел агента по продаже недвижимости Дорис Боудич.

Хэтч уселся на маленькую табуреточку у пианино и тихонько сыграл первую ноту прелюдии ми минор Шопена. С удивлением и радостью он обнаружил, что инструмент настроен. Дорис, по крайней мере, точно выполнила все инструкции: вымыть дом, все приготовить к его приезду, но ничего не трогать и не передвигать. Он задумчиво играл прелюдию, пианиссимо, пытаясь прогнать все посторонние мысли. Осознать, что он не прикасался к этим клавишам, не сидел на табуреточке, не ходил по дощатому полу вот уже двадцать пять лет, было трудно. Куда бы он ни поворачивал голову, дом с радостью возвращал ему воспоминания о счастливом детстве. В конце концов, оно действительно было счастливым. А вот оборвалось внезапно и трагически. Если бы только...

Хэтч прогнал этот холодный, настойчивый голос.

Два человека погибли, сказала Дорис. Это как-то чересчур — далее для фабрики сплетен маленького городка. До сих пор Стормхейвен принимал неожиданных гостей с благожелательным любопытством. Разумеется, городу их появление сулило выгоду, особенно тем, кто держал разные лавки. Но Хэтч уже понял, что кто-то должен взять на себя роль представителя «Талассы». Иначе трудно предсказать, какие жуткие истории поползут из магазинчика Бада и салона Хильды. Он отдавал себе отчет, что на эту роль годится только один человек, и ему стало нехорошо.

Он еще некоторое время посидел перед пианино. Если повезет, редактором местной газеты по-прежнему окажется старина Билл Бэннс. Тяжело вздохнув, Хэтч встал и направился в кухню, где его ждали банка растворимого кофе и — если Дорис не забыла — работающий телефон.

ГЛАВА 10

Группа, на следующее утро собравшаяся в рубке «Грифона», около древнего стола кленового дерева, ничем не походила на шумную, полную энтузиазма толпу, встретившую радостными криками речь Нейдельмана три дня назад. Хэтч сразу понял, что несчастный случай с одним из рабочих деморализовал всех.

Малин оглядел штаб Нейдельмана. Из круглых иллюминаторов открывался великолепный вид на остров, море и кусок земли. Рубка, отделанная бразильским розовым деревом и медью, была великолепно отреставрирована, потолок украшали круглые шишечки. Рядом с нактоузом в стеклянном футляре стоял секстант, похоже сделанный в Голландии в восемнадцатом веке, а рулевое колесо было вырезано из экзотического черного дерева. В шкафах из палисандра красовался набор самых современных приборов, включая систему дальней радионавигации «лоран», сонары и геолокационную спутниковую антенну. Сам капитан еще не появился из своей каюты: низкая деревянная дверь среди электронных приборов у задней стенки оставалась закрытой. Над дверью висела старая перевернутая подкова, а медная табличка — не слишком бросающаяся в глаза, но вполне заметная — гласила: «Посторонним вход воспрещен». Тишину в рубке нарушал лишь скрип тросов да плеск воды.

Усевшись за стол, Хэтч посмотрел на собравшихся. В первый вечер он неофициально познакомился с некоторыми из них, но кое-кого до сих пор не знал. Лайл Стритер, начальник работ, демонстративно отвернулся, когда доктор поприветствовал его улыбкой. Хэтч решил, что он из тех, кто не переносит, когда на них кричат. Он постарался это запомнить, хотя каждый первокурсник зная, что крики, ругань и брань являются стандартной составляющей во время оказания медицинской помощи в нестандартных ситуациях. Остальное человечество с этим правилом знакомо не было.

Снизу послышался шум, и вскоре на пороге появился капитан. Все присутствующие проводили его взглядами, пока он проходил к столу. Опершись о него обеими руками, Нейдельман пристально посмотрел каждому из собравшихся в глаза. Напряжение в комнате заметно ослабло, словно появление этого человека придало всем сил и позволило взять себя в руки. Капитан остановил взгляд на Хэтче и спросил:

— Как Кен?

— Положение тяжелое, но он стабилен. Существует невысокая вероятность эмболии — это закупорка сосудов, — но ситуация под контролем. Полагаю, вы уже знаете, что восстановить ноги врачи не смогли.

— Да, знаю. Спасибо, доктор Хэтч, за то, что спасли ему жизнь.

— Я не смог бы этого сделать без помощи мистера Стритера и его команды.

Нейдельман кивнул, и на несколько минут в рубке воцарилась тишина. Затем он заговорил, спокойно и уверенно:

— Разведывательный отряд выполнял мой приказ, соблюдая все предосторожности, какие только я смог придумать. Если и следует кого-то винить в случившемся, так это меня. Мы пересмотрели наши правила безопасности, мы скорбим о случившемся и сочувствуем Кену и его семье. Но я не намерен никого наказывать.

Он выпрямился и заложил руки за спину.

— Каждый день, — сказал он уже громче, — мы будем рисковать. Все мы. Завтра вы или я можем лишиться ног. Или того хуже. Мы рискуем по-настоящему, и это часть нашего предприятия. Если бы поднять два миллиарда из-под воды было легко, это сделали бы давным-давно. Пару веков назад. Мы здесь, потому что это опасно. И нам уже нанесен жестокий удар. Но мы не можем позволить случившемуся повлиять на нашу решимость добиться успеха. Ни одно сокровище не было спрятано с таким мастерством и хитростью. Потребуется еще больше мастерства и хитрости, чтобы его достать.

Он подошел к ближайшему окну, выглянул наружу, а затем повернулся к собравшимся.

— Полагаю, вам всем известно в деталях, что произошло. Когда его команда

находилась на острове, Кен Филд провалился в заколоченную досками шахту, вырытую, возможно, в девятнадцатом веке. Страховочный трос задержал падение, и Кен не долетел до дна, но, когда его начали поднимать, веревка зацепилась за торчащую балку, которая сгнила. Движение веревки сдвинуло балку, начался обвал, и шахта стала заполняться водой.

Он помолчал немного.

— Мы знаем, какие уроки должны извлечь из случившегося. И что обязаны сделать. Завтра мы начнем исследование Водяной Бездны при помощи красителя, чтобы найти тайный приливной туннель, ведущий к морю. К этому моменту необходимо подключить нашу компьютерную систему. Сонары, сейсмометры, томографы и протонные магнетометры следует подготовить до начала работ. Все оборудование водолазов должно быть проверено и готово к использованию к трем часам дня. И самое главное: я хочу, чтобы к концу дня мы смогли протестировать спаренные помпы. — Нейдельман окинул взглядом всех присутствующих. — Поскольку здесь собрался костяк моей команды, каждый из вас получит определенную долю сокровищ. Вам известно, что, если мы добьемся успеха, вы станете исключительно богаты. Совсем неплохо для четырех недель работы — однако следует вспомнить, что произошло с Кеном Филдом. Если кто-то из вас решил нас покинуть, сейчас самое время об этом сказать. Вы получите стандартную компенсацию от компании, но никакой доли. Никто не станет задавать вопросы или осуждать вас. Но не приходите ко мне потом со словами, что вы передумали. Мы дойдем до самого конца, что бы ни случилось. Итак, я вас слушаю.

Капитан повернулся к шкафу и достал старую трубку из корня верескового дерева. Затем вынул коробку с табаком «Данхилл», взял щепотку, с задумчивым видом набил трубку и поднес к ней спичку. Все это он проделал с нарочитой медлительностью, в то время как тишина, воцарившаяся в рубке, стала почти осязаемой. Снаружи туман, как всегда окутывавший остров, стал еще гуще и спустился на «Грифон» с почти чувственной нежностью.

Наконец капитан оглянулся на собравшихся и заговорил сквозь клубы голубого дыма:

— Хорошо. Прежде чем мы разойдемся, я хочу представить вам нового члена нашей экспедиции. — Он посмотрел на Хэтча. — Доктор, я надеялся, что вы познакомитесь с моим штабом при более благоприятных обстоятельствах. — Он обвел рукой тех, кто сидел за столом. — Вы все знаете, что перед вами доктор Малин Хэтч, владелец острова Рэггид и наш партнер. Кроме того, он будет работать у нас врачом. — Нейдельман повернулся к Малину. — Доктор Хэтч, перед вами Кристофер Сент-Джон, историк нашей экспедиции.

Это был тот самый человек с пухлым лицом, который накануне смотрел на Хэтча из катера. Его круглую голову украшала растрепанная седая шевелюра, а помятый твидовый костюм мог рассказать о том, что историк предпочитает есть на завтрак.

— Он специалист во всех областях истории елизаветинских времен и периода правления Стюартов, включая пиратов и использование шифров. А это... — Нейдельман показал на неряшливого молодого человека в шортах, который сидел, перекинув одну ногу через ручку кресла, и со скучающим видом чистил ногти. — Керри Уопнер, наш специалист по компьютерам. Керри особенно силен в построении сетей и в расшифровке. — Он посмотрел на историка и компьютерщика строгим взглядом и добавил: — Думаю, нет нужды напоминать вам, что расшифровка второй части дневника — дело первостепенной важности, особенно в свете недавней трагедии. Мы должны раскрыть все тайны Макаллана.

Затем капитан продолжил представлять остальных.

— Вы уже знакомы с начальником работ, Лайлом Стритером. Наше сотрудничество началось еще во времена Меконга. А это, — он показал на миниатюрную, сурового вида женщину в строгом костюме, — Сандра Магнусен, главный инженер «Талассы» и специалист по дистанционному зондированию. В дальнем конце стола сидит Роджер Рэнкин, геолог.

Нейдельман показал на широкоплечего лохматого мужчину диковатого вида, который устроился на стуле, казавшемся для него слишком маленьким. Геолог встретился глазами с

Хэтчем, светлая его борода внезапно разделилась на две части, когда он улыбнулся, а в следующее мгновение Роджер Рэнкин приложил два пальца ко лбу, словно отдавая доктору честь.

— Доктор Бонтер, — продолжал Нейдельман, — наш археолог и руководитель отряда аквалангистов, немного задержалась и прибудет сегодня поздно вечером. — Он помолчал немного. — Если ни у кого нет вопросов, у меня все. Спасибо всем и увидимся завтра утром.

Когда собравшиеся начали расходиться, Нейдельман подошел к Хэтчу.

— Я оставил специальную команду на острове, они готовят базовый лагерь и оборудование, — сказал он. — Амбулатория будет готова к завтрашнему утру.

— Мне заметно полегчало, — заявил Хэтч.

— Вероятно, вы хотите узнать подробности нашего проекта. Сегодня ближе к вечеру я могу просветить вас на этот счет. Приходите в половине пятого на «Цербер». — На его губах появилась улыбка, которая тут же погасла. — Завтра нам уже будет некогда разговаривать.

ГЛАВА 11

В два часа дня «Простушка Джейн», медленно скользя по спокойной воде, выбралась из последних ключьев тумана, окутавшего остров Рэггид. Впереди Хэтч увидел очертания стоящего на якоре «Цербера». Около ватерлинии он заметил причальный люк, где его ждал высокий худой капитан.

Сбросив скорость, Хэтч направил баркас вдоль корпуса «Цербера»; в тени корабля было очень тихо и прохладно.

— Славная малышка, — крикнул Хэтч, останавливаясь перед капитаном; на фоне «Цербера» его суденышко казалось крошечным.

— Самый большой корабль «Талассы», — ответил Нейдельман. — Вообще-то, это плавучая лаборатория и исследовательская станция. Часть оборудования мы отправим на остров, а самое крупное — вроде электронных микроскопов или ускорителей радиоактивных изотопов — останется на корабле.

— Слушайте, а зачем вам гарпунная пушка на носу, — поинтересовался Хэтч, — вы что, время от времени устраиваете охоту на голубых китов? Когда команда начинает скучать?

Нейдельман ухмыльнулся.

— Пушка выдает происхождение корабля, друг мой. Его построили в Норвегии шесть лет назад, это настоящее китобойное судно. Затем был принят международный закон, запрещающий охоту на китов, и корабль стал дорогим белым слоном еще прежде, чем его окончательно оснастили. «Таласса» купила его по исключительно выгодной цене. Все фишбалки и оборудование для разделки китов сняли, но до пушки дело не дошло. — Нейдельман кивком показал себе через плечо. — Идемте посмотрим, что приготовили нам ребята.

Хэтч закрепил «Простушку Джейн» около «Цербера», затем поднялся по трапу к люку и последовал за Нейдельманом по длинному узкому коридору, выкрашенному светло-серой краской. Капитан провел его мимо нескольких пустых лабораторий и офицерской кают-компания и остановился около двери с надписью: «Компьютерный зал».

— За этой дверью больше компьютеров, чем в некоторых университетах, — сказал Нейдельман, и Хэтч уловил гордость в его голосе. — Но они нужны нам не только для сложных вычислений. Это также и высококласная навигационная система, и самый современный автопилот. В случае необходимости корабль может практически управлять самим собой.

— А где все люди? — спросил Хэтч.

— Мы оставляем на борту минимальное количество членов экипажа. То же самое относится и к остальным кораблям. Политика «Талассы» состоит в том, чтобы иметь мобильный личный состав. В случае необходимости мы можем вызвать сюда дюжину

ученых. Или землекопов. Но мы стараемся работать с минимальной, но максимально эффективной командой.

— Экономия денег на зарплате, — весело проговорил Хэтч. — Наверняка это радует бухгалтеров «Талассы».

— И не только их, — совершенно серьезно ответил Нейдельман. — Это разумно и с точки зрения безопасности. Зачем дразнить судьбу?

Капитан завернул за угол и повел гостя мимо приоткрытой тяжелой металлической двери. Заглянув внутрь, Хэтч увидел самое разное спасательное оборудование, закрепленное у стен, а также стойку с оружием и два маленьких предмета из блестящего металла, назначения которых он не знал.

— А это что такое? — спросил он, показав на короткие пузатые устройства. — Похожи на маленькие пылесосы.

Нейдельман заглянул внутрь комнаты.

— Флешетты, — ответил он.

— Что?

— Нечто вроде особого пистолета. Стеляют маленькими оперенными вольфрамовыми стрелками.

— Болезненно, но, похоже, не слишком опасно.

Нейдельман криво улыбнулся.

— Пять тысяч выстрелов в минуту, со скоростью более трех тысяч футов в секунду — они очень опасны. — Он закрыл дверь и проверил ручку. — Это помещение должно быть всегда заперто. Я поговорю со Стритером.

— А зачем, черт подери, они вам здесь нужны? — нахмурившись, спросил Хэтч.

— «Цербер» не всегда плавает в дружественных водах вроде прибрежной акватории Мэна, — ответил капитан и повел Хэтча дальше по коридору. — Нам нередко приходится работать в морях, кишящих акулами. А когда доводится столкнуться с белой акулой, флешетты незаменимы. В прошлом году в Коралловом море я видел, как акула была разорвана в клочья за полторы секунды.

Хэтч поднялся вслед за капитаном на следующую палубу. Нейдельман ненадолго остановился около ничем не примечательной двери, затем громко постучал.

— Я занят! — услышали они сердитый голос.

Нейдельман улыбнулся Хэтчу и толкнул дверь. Доктор прошел за капитаном в тускло освещенную комнату, обо что-то споткнулся и, моргая, огляделся по сторонам, пока его глаза привыкали к полумраку. Дальняя стена и окна были заставлены рядами электронного оборудования, и он узнал осциллографы, системные блоки и бесчисленное множество приборов, назначения которых он не знал. На полу валялись скомканные бумаги, помятые банки от лимонада, фантики от конфет, грязные носки и нижнее белье. На койке, стоящей в углу, было разбросано постельное белье, часть которого сползла на пол. Запах озона и разогретой электроники наполнял комнату, освещенную лишь многочисленными мигающими экранами. В самом сердце этого хаоса восседал молодой человек в цветастой рубашке и шортах и лихорадочно что-то печатал на клавиатуре.

— Керри, ты не мог бы уделить нам пару минут? — спросил Нейдельман. — Я привел доктора Хэтча.

Уопнер отвернулся от экрана и, прищурившись, посмотрел сначала на Нейдельмана, потом на Хэтча.

— Вы тут начальник, — заявил он высоким раздраженным голосом. — Но ведь вы требовали, чтобы мы сделали все уже вчера. — Он произнес «вчирра». — Я двое суток настраивал сеть и ни хрена еще не сделал с шифром.

Нейдельман успокаивающе улыбнулся.

— Я не сомневаюсь, что вы с доктором Сент-Джоном сумеете выделить несколько минут для главного партнера экспедиции. — Он повернулся к Хэтчу. — По виду не скажешь, но Керри один из лучших дешифровщиков за пределами управления национальной

безопасности.

— Это точно, — проворчал Уопнер, и Хэтч заметил, что комплимент доставил ему удовольствие.

— А у вас тут классное оборудование, — сказал он, закрывая за собой дверь. — Там, слева, случайно, не аксиальный компьютерный томограф?

— Очень смешно. — Уопнер поправил очки и фыркнул. — Думаете, это что-то особенное? Всего лишь дублирующая система. Основное оборудование отправили вчера утром на остров. Вот там вы увидите настоящий класс!

— Тесты в режиме онлайн завершены? — осведомился Нейдельман.

— Занимаюсь последней серией, — ответил Уопнер, смахнул прядь жирных волос, которая попала ему в глаза, и снова повернулся к монитору.

— Специальная команда закончит сегодня вечером установку сети на острове, — объяснил Нейдельман Хэтчу. — Керри уже сказал, что перед вами резервная система, точная копия компьютерной сети острова. Это очень дорого, зато экономит время. Керри, покажи, что я имею в виду.

— Есть, сэр.

Уопнер нажал на кнопки, и у них над головой ожил темный экран. Хэтч поднял голову и увидел, что на экране появился план острова Рэггид, медленно вращающийся вокруг центральной оси.

— Все магистральные линии имеют своих дублеров. — Уопнер еще раз коснулся клавиатуры, и на поверхности острова появились тонкие зеленые линии. — Они соединены кабелями из оптического волокна с центром.

Нейдельман показал на экран.

— Все, что есть на острове — от помп до турбин, компрессоров и буров, — подсоединено к сети. Мы сможем контролировать все, что происходит на Рэггиде, из нашего командного центра. Один сигнал — и начинают работать помпы; следующий — включается лебедка. А третий — гаснет свет в вашем кабинете, и тому подобное.

— Точно, как он и говорит, — подтвердил Уопнер. — К тому же система полностью расширяемая, на всех удаленных клиентах свои операционные системы. И все тип-топ, поверьте мне, миниатюрные базы данных и прочее. Это огромная сеть — тысяча портов одновременно, — но никакой задержки. Вы не представляете, насколько минимально время отклика нашего красавчика.

— А можно по-английски, пожалуйста? — попросил Хэтч. — Я так и не научился разговаривать на сленге. Эй, а это что такое?

Он показал на другой экран, с изображением вида сверху на средневековую деревню. Маленькие фигурки рыцарей и колдунов стояли в разных позах — одни нападали, а другие защищались.

— «Меч Блэкторна». Ролевая игра, я сам написал. Я, между прочим, мастер подземелий в трех онлайн-играх. — Уопнер выпятил нижнюю губу. — Какие-то проблемы?

— Это капитану решать, — сказал Хэтч и посмотрел на Нейдельмана.

Ему было ясно, что капитан предоставил своим подчиненным свободу действий и что, как это ни странно, Нейдельману нравится эксцентричный молодой человек.

Раздался громкий сигнал, и на одном из экранов появилась колонка цифр.

— Ну вот, — проговорил Уопнер, щурясь на экран. — «Сцилла» готова.

— Сцилла? — спросил Хэтч.

— Угу. «Сцилла» — это система на корабле. Та, что на острове, называется «Харибда».

— Проверка сети закончена, — пояснил Нейдельман. — Как только работы по установке сети на острове будут завершены, мы просто перекачаем все программы в «Харибду». Сначала все проверяется здесь, затем переносится на остров. — Он посмотрел на часы. — Мне нужно заняться кое-какими делами. Керри, я не сомневаюсь, что доктор Хэтч хотел бы послушать, как вы с доктором Сент-Джоном работаете над шифрами Макаллана. Малин, встретимся с вами наверху.

Нейдельман вышел и прикрыл за собой дверь.

Уопнер вернулся к своему занятию и снова принялся как безумный колотить по клавишам. Хэтч подумал было, что он решил его проигнорировать, но Уопнер, не отворачиваясь от терминала, поднял кроссовку и швырнул ее в дальнюю стену. За ним последовал тяжелый том в мягкой обложке, озаглавленный «Написание сетевых подпрограмм в C++».

— Эй, Крис! — заорал Уопнер. — Пора на арену!

Хэтч сообразил, что Уопнер целился в маленькую дверь в дальнем конце комнаты.

— Позвольте мне, — сказал он и направился к двери. — Вы плохо прицеливаетесь.

Открыв дверь, он увидел другую каюту, точно такого же размера, но в остальном ничем не похожую на ту, в которой он только что побывал. Она была чистой, просторной, горел яркий свет. Англичанин Кристофер Сент-Джон сидел за деревянным столом в самом центре комнаты и медленно печатал одним пальцем на пишущей машинке «Ройял».

— Здравствуйте, — обратился к нему Хэтч. — Капитан Нейдельман просил вас уделить мне несколько минут.

Сент-Джон встал и взял со стола пару старых книг; на его гладком, лоснящемся лице появилось недовольное выражение.

— Это очень здорово, что вы принимаете участие в нашей экспедиции, доктор Хэтч, — сказал он и пожал Хэтчу руку, но весь его вид говорил о том, что он совсем не рад появлению гостя.

— Зовите меня Малин, — попросил Хэтч.

Сент-Джон едва заметно кивнул и последовал за Хэтчем в каюту Уопнера.

— Садитесь, Малин, — предложил Уопнер. — Я объясню, чем мы тут на самом деле занимаемся, а Крис расскажет про пыльные книги, которые он постоянно роняет в своей каюте. Мы работаем вместе, правда, старина?

Сент-Джон поджал губы. Даже здесь, на воде, у Хэтча возникло ощущение, будто историк с головы до ног покрыт паутиной и древней пылью. «Ему самое место в букинистическом магазине, а не на охоте за сокровищами», — подумал он.

Расчистив ногой место на полу, он поставил стул рядом с Уопнером, который тут же показал на один из ближайших мониторов, пока темный. Затем парень быстро напечатал несколько команд, и на экране появился трактат Макаллана с зашифрованными сведениями на полях.

— Герр Нейдельман считает, что во второй части дневника содержится важная информация о сокровищах, — сказал Уопнер. — Поэтому мы пытаемся разгадать шифр с двух сторон. Я на компьютере. А Крис при помощи своих исторических книг.

— Капитан назвал сумму в два миллиарда долларов, — сказал Хэтч. — Откуда он ее взял?

— Ну, дело в том, — откашлявшись, словно собирался прочитать лекцию, заговорил Сент-Джон, — что, как и у большинства других пиратов, флот Окхема состоял из самых разных кораблей, которые ему удалось захватить: пара галеонов, несколько бригантин, быстрый шлюп и, если я не ошибаюсь, большой корабль Ост-Индской компании. Всего девять судов. Мы знаем, что они были сильно нагружены и от этого страдала их маневренность. Здесь все очень просто: возьмите грузоподъемность судов, а затем посмотрите декларации кораблей, которые ограбил Окхем. Например, нам известно, что он забрал четырнадцать тонн золота только с кораблей испанского флота, перевозивших его из Америки в Испанию, и в десять раз больше серебра. На других кораблях он поживился лазуритом, жемчугом, янтарем, алмазами, рубинами, сердоликом, амброй, нефритом, слоновой костью и гваяковым деревом. Не говоря уже о церковных сокровищах из прибрежных испанских городов.

Он рассеянно поправил галстук-бабочку, явно получая удовольствие от собственного рассказа.

— Извините, вы, кажется, сказали — пятнадцать тонн золота? — спросил потрясенный

Хэтч.

— Совершенно верно, — подтвердил Сент-Джон.

— Плавающий Форт-Нокс, — облизнув губы, прокомментировал Уопнер.

— А еще меч святого Михаила, — добавил Сент-Джон. — Эта вещь бесценна. Иными словами, мы имеем дело с самым крупным сокровищем, которое когда-либо попадало в руки пиратов. Окхем был блестяще образованным и одаренным человеком, что делало его особенно опасным. — Он взял с полки тонкую пластиковую папку и протянул ее Хэтчу. — Вот его биография, которую составил один из наших исследователей. Думаю, вы сразу поймете, что легенды об Окхеме не преувеличение. Он заслужил такую жуткую репутацию, что ему было достаточно войти на своем флагманском корабле в гавань, вывесить Веселого Роджера, произвести один бортовой залп, и горожане, включая священников, спешили отдать ему все, что у них имелось ценного.

— А девственницы? — вскричал Уопнер и изобразил живейший интерес. — Какая судьба ждала их?

Сент-Джон прикрыл глаза и немного помолчал.

— Керри, а тебе не все равно?

— Совсем не все равно, — с самым невинным видом заявил Керри. — Я хочу знать.

— Ты отлично знаешь, какая судьба их ждала, — рявкнул Сент-Джон и снова повернулся к Хэтчу. — Окхем собрал на своих девяти кораблях две тысячи человек. Ему требовались большие команды, чтобы брать на абордаж другие суда и стрелять из пушек. Матросам, как правило, давали, э-э-э, увольнительную на двадцать четыре часа в городе, подвергнувшись нападению. Результаты были ужасными.

— Не только у кораблей имелись двенадцатидюймовки, если вы понимаете, о чем я, — прокомментировал Уопнер.

— Видите, что мне приходится терпеть, — пробормотал Сент-Джон, обращаясь к Хэтчу.

— Я ужасно, ужасно сожалею, старина, — ответил Уопнер, изобразив английский акцент. — Некоторые люди начисто лишены чувства юмора, — пожаловался он Хэтчу.

— Удачные набеги Окхемы вскоре поставили перед ним новую проблему, — деловым тоном продолжал Сент-Джон. — Он не знал, как спрятать такие огромные сокровища. Это же не пара сотен фунтов золотых монет, которые можно потихоньку закопать под каким-нибудь камнем. И тут появляется Макаллан. И, косвенным образом, мы. Потому что Макаллан зашифровал свой дневник.

Он похлопал по книгам, которые продолжал держать под мышкой.

— Это учебники по криптологии, — сообщил Сент-Джон. — «Полиграфия» Иоганна Тритимиуса,¹⁵ опубликованная в конце шестнадцатого века, первый западный трактат, посвященный шифрам и их разгадке. А вот «De Furtivus Literarum Notis» — «Исследование тайного языка» Порты,¹⁶ текст, который знали наизусть почти все шпионы елизаветинских времен. У меня есть еще около полудюжины других монографий, рассказывающих о криптологической науке вплоть до того времени, когда жил Макаллан.

— Звучит хуже, чем у моих учебников в медицинском колледже.

— На самом деле все они потрясающие, — проговорил Сент-Джон, и в его голосе Хэтч уловил восторженные нотки.

— А в те дни часто использовали шифры?

Сент-Джон рассмеялся, его красные щеки всколыхнулись, а смех напомнил Хэтчу рев тюленя.

¹⁵ Тритимиус, Иоганн (1462–1516) — немецкий ученый-гуманист, один из основоположников библиографии. «Полиграфия» (1518) — первая книга, посвященная криптологии.

¹⁶ Порты, Джанбатиста — алхимик, живший в XVI веке.

— Часто? Шифры использовались практически повсеместно, они являлись одним из главных искусств дипломатов и военных. В британском и испанском правительствах имелись особые отделы, которые занимались составлением и взламыванием шифров. Даже у пиратов были свои специалисты. Ведь среди документов нередко встречались очень интересные зашифрованные послания.

— Каким образом зашифрованные?

— Как правило, они были классификационными — длинные списки слов, заменяющих друг друга. Например, в послании слово «орел» могло стоять вместо «Короля Георга», а «нарциссы» — обозначать дублионы, что-то вроде этого. Иногда прибегали к простым заменам с использованием алфавитов, когда буква, цифра или символ выступали в роли определенной буквы алфавита.

— А шифр Макаллана?

— Первая половина дневника записана довольно хитрым монофоническим подстановочным шифром. Вторая... мы еще над ней работаем.

— Это уже моя область, — заявил Уопнер, в его голосе Хэтч уловил гордость, смешанную с ревностью. — Все есть в компьютере.

Он нажал на какую-то кнопку, и на экране появилась длинная строчка, абсолютно лишенная смысла.

AB3 RQB7 E50LA W IEW D8P OL QS9MN WX 4JR 2K WN 18N7 WPDO EKS N2T YX
ER9 W DF3 DEI FK IE DF9F DFS K DK F6RE DF3 V3E IE4DI 2F 9GE DF W FEIB5 MLER
BLK BV6 F1 PET BOP IBSDF K2LJ BVF EЮ PUOER WB13 OPDJK LBL JKF

— Вот первый шифр, — сказал он.

— И как его взломать?

— О господи! Буквы английского алфавита появляются в определенных пропорциях. «Е» встречается чаще остальных, «Х» — самая редкая. Нужно составить то, что мы называем контактной картой символов и буквенных пар. Бабах! Остальное сделает компьютер.

Сент-Джон помахал в воздухе рукой.

— Керри составляет план компьютерных атак на шифр, а я сообщаю ему исторические данные. Без старых таблиц шифров компьютер бессилен. Он знает только то, что в него внесли.

Уопнер резко развернулся на своем стуле и уставился на Сент-Джона.

— Бессилен? Да наша большая мамочка разобралась бы в этом шифре без ваших драгоценных таблиц. Просто времени бы ушло чуть больше.

— Не больше, чем у двадцати обезьян, которые напишут «Короля Лира», нажимая на клавиши пишущей машинки случайным образом, — заявил Сент-Джон и снова рассмеялся своим необычным смехом.

— Ха-ха. Не больше, чем у одного Сент-Джона, который тюкает в соседней комнате по своей дерьмовой пишущей машинке одним пальцем. Заведите ноутбук, и вас ждет новая жизнь! — Уопнер повернулся к Хэтчу. — Ладно, если коротко, вот что у нас получилось после расшифровки.

Он принялся быстро нажимать на клавиши, и экран разделился на две части — в одной остался шифр, в другой появился текст, в который Хэтч сразу впился взглядом.

«2 июня, 1696 год от Рождества Христова. Пират Окхем захватил наш флот, ограбил корабли и убил всех. Наш военный корабль с позором сдался, даже не попытавшись оказать сопротивление, и капитан встретил свой конец жалобными воплями и стонами. Пираты пощадили только меня одного, заковали в цепи и отвели прямо в каюту Окхема, где мерзавец приставил саблю к моему сердцу и заявил: "Пусть Бог сам строит свои проклятые церкви, у меня для тебя есть новый заказ". А затем он положил передо мной контракт. Пусть мой дневник станет свидетелем перед Богом, что я отказался его подписать...»

— Поразительно, — выдохнул Хэтч, дочитав экранную страницу до конца. — А можно дальше?

— Я распечатаю для вас копию, — сказал Уопнер и нажал на очередную кнопку.

Тут же где-то в темноте загудел принтер.

— В основном, — проговорил Сент-Джон, — в расшифрованной части дневника рассказывается о том, как Макаллана взяли в плен, как под страхом смерти он согласился построить Водяную Бездну и как они нашли подходящий остров. К сожалению, Макаллан сменил шифр, когда начались работы. Мы считаем, что дальше рассказывается о том, как Водяная Бездна была сконструирована, а потом построена. И разумеется, раскрывается безопасный путь к сокровищам.

— Нейдельман сказал, что в дневнике упоминается меч святого Михаила.

— Ясное дело, — ответил Уопнер, и на экране появился новый отрывок.

«Окхем разгрузил три из своих кораблей в надежде захватить серьезную добычу вдоль побережья. Сегодня на берег спустили длинный свинцовый саркофаг, украшенный золотом, а также несколько ларцов с драгоценностями. Корсары сказали, что в саркофаге спрятан меч святого Михаила, бесценное сокровище, которое капитан обнаружил на испанском галеоне. Окхем очень высоко его ценит и самым бессовестным образом хвастается, что это самое великое сокровище Индий. Капитан запретил открывать саркофаг, и его охраняют днем и ночью. Люди его относятся друг к другу со страшной подозрительностью, и между ними постоянно возникают стычки. Если бы не жесткая дисциплина, которую поддерживает капитан, боюсь, они бы довольно скоро перебили друг друга».

— А вот как выглядит второй шифр.

Уопнер нажал на несколько кнопок, и на экране появилась новая запись:

34834590234582394438923492340923409856902346789
02349056234908393429086399812349012849123400494
90341208950986890734760578356849632409873507839
04570923404589539045623482602569834587576708764
50734059340389090890805645045560345689034598734
68907234589073908759087250872345903569659087302

— Старина архитектор поумнел, — заметил Уопнер. — Больше никаких пробелов, так что мы не можем определить размеры слов. И только цифры, ни одного знака. Ну, каков ублюдок?

Сент-Джон поморщился.

— Керри, а такие словечки употреблять обязательно?

— Обязательно, старина, еще как обязательно.

Сент-Джон смущенно посмотрел на Хэтча.

— До сих пор, — продолжал Уопнер, — эта куколка не поддавалась всем миленьким табличкам Криса. Поэтому я взял дело в свои руки и прибег к методу грубой силы. Программа работает и сейчас, пока мы разговариваем.

— Метод грубой силы? — переспросил Хэтч.

— Ну, попросту, метод прямого подбора. Алгоритм, который проходит по зашифрованному тексту, проверяя все модели с точки зрения теории вероятности. Дело времени.

— Потери времени, — заявил Сент-Джон. — Я разрабатываю новые таблицы шифров, используя голландскую книгу по криптографии. В данном случае нам требуется историческое исследование, а не компьютер. Макаллан был человеком своей эпохи. Он не придумал этот шифр; должен быть исторический прецедент. Мы уже знаем, что имеем дело не с вариантом шекспировского шифра или кода ордена тамплиеров, но я убежден, что какой-то менее известный код в этих книгах даст нам ключ. Даже самому последнему тупице должно быть понятно...

— Будьте любезны, заткните пасть, — перебил его Уопнер. — Посмотрите правде в глаза, старина, никакие исторические книги не помогут взломать этот шифр. Он для нас. — Он погладил ближайший компьютер. — Мы же сломаем куколку, правда, большая мамочка?

Он развернулся на своем кресле, открыл медицинский холодильник, какие обычно используются для хранения образцов тканей, и достал из него мороженое в вафлях.

— Кто-нибудь хочет? — спросил он и помахал рукой в воздухе.

— Я скорее соглашусь на тандури¹⁷ из придорожной забегаловки на «Эм-один», — с отвращением на лице ответил Сент-Джон.

— Кто бы говорил, — с набитым ртом заявил Уопнер. — Вы, британцы, кладете мясо в пироги, какой ужас! — Он наставил на Сент-Джона свое мороженое, словно оно вдруг превратилось в оружие. — Вы видите перед собой идеальную еду. Жиры, протеины, сахар и углеводы. Я сказал про жиры? На этом можно жить вечно.

— Что он, похоже, и собирается делать, — заметил Сент-Джон, повернувшись к Хэтчу. — Вы бы видели, сколько коробок хранится на корабельном камбузе.

— А вы думали, мне удастся заполучить в этом жутком городке столько, сколько потребуется? Вряд ли. Следы от задницы на моих трусах и то длиннее, чем здешняя главная улица.

— Может, вам стоит показаться проктологу, — предложил Хэтч, и Сент-Джон разразился благодарным смехом, радуясь тому, что обрел союзника.

— Угощайтесь, док.

Уопнер встал и повертел задницей, делая вид, что собирается снять штаны.

— Я бы рискнул, только у меня слабый желудок, — ответил Хэтч. — Итак, вам не нравится тихий сельский штат Мэн?

— Керри даже не захотел снять комнату в городе, — ответил за него Сент-Джон. — Предпочитает спать на корабле.

— Уж можете мне поверить, — вмешался Уопнер, — всякие там корабли я люблю не больше, чем дурацкие городишки. Но здесь есть все, что мне нужно. Например, электричество. Водопровод. И кондиционер. — Он наклонился вперед, и его хилая борода качнулась, словно стремилась принять устойчивое положение. — Кондиционер мне необходим.

Про себя Хэтч подумал, что Уопнеру с его бруклинским выговором, цветастой рубашкой и шортами не стоит появляться в Стормхейвене, где на него станут показывать пальцами, как на чучело двухголового тельца, которого каждый год привозят на ярмарку. Он решил, что пришла пора сменить тему разговора.

— Мой вопрос может показаться вам глупым, но что такое меч святого Михаила?

Ответом ему было смущенное молчание.

— Ну, скажем так, — отозвался наконец Сент-Джон не слишком охотно. — Я всегда считал, что у него украшенная драгоценностями рукоять, разумеется, а еще много серебра и позолоты, возможно, клинок с несколькими желобами. Что-то вроде этого.

— Но почему тогда Окхем считал его своей главной добычей?

На лице Сент-Джона появилось озадаченное выражение.

— Я никогда не думал об этом. Полагаю... на самом деле я не знаю. Возможно, меч имеет какое-нибудь духовное или мистическое значение. Вроде испанского Экскалибура.¹⁸

— Но если Окхем наградил столько, сколько вы говорите, почему же он тогда так ценил обычный меч?

Сент-Джон посмотрел на Хэтча своими водянистыми глазами.

— Дело в том, доктор Хэтч, что в моих документах ничего не говорится о том, что такое меч святого Михаила. Упоминается только, что его старательно берегли и ценили. Боюсь, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Я знаю, что он собой представляет, — заявил Уопнер.

¹⁷ Индийский стиль в кулинарии.

¹⁸ Меч короля Артура, обладавший чудесной, сверхъестественной силой.

— Что? — быстро спросил Сент-Джон, попавшись на удочку.

— Ну, вы же знаете, что происходит с мужиками на море. Они там без женщин, да еще так долго. И тогда этим мечом святого Михаила они...

Он не договорил, наслаждаясь изумлением и отвращением, которые прочитались на лице Сент-Джона.

ГЛАВА 12

Хэтч открыл дверь в дальнем конце родительской спальни и вышел на маленький балкон. Была только половина десятого, но Стормхейвен уже давно спал. Приятный летний ветер резвился в кронах деревьев, растущих вокруг старого дома, ласкал лицо, трепал волосы. Малин положил две черные кожаные папки на выдавшее виды кресло-качалку и шагнул к перилам.

Вокруг гавани расположился городок, расцвеченный редкими огоньками, его улицы и площади, как и много лет назад, сбегали к воде. Было так тихо, что Хэтч слышал, как шелестит прибой и перекачивается галька на берегу, как скрипят мачты лодок, ночующих у причала. Бледная лампочка горела у входа в магазинчик Бада, булыжники мостовых заливал призрачный лунный свет. Чуть дальше мигал предупредительный сигнал на маяке, стоящем на верхней точке Бёрнт-Хэда.

Хэтч почти забыл про этот крохотный балкончик на втором этаже, спрятанный под фронтоном старого дома. Неожиданно на него накатили воспоминания. Вот они с Джонни играют в покер, а их родители отправились в «Причал», чтобы отметить свою годовщину, они смотрят, не появятся ли огни машины, и чувствуют себя одновременно взрослыми и нашкодившими щенятами. А позже он вглядывался в очертания дома Норткатов, надеясь увидеть Клэр в окне ее спальни.

Клэр...

Неожиданно Хэтч услышал смех и тихие голоса и вернулся в настоящее. Он посмотрел в сторону единственной городской гостиницы, увидел, как внутрь вошла пара рабочих из «Талассы», и дверь тут же тихонько закрылась.

Он медленно оглядел ряды домов. Библиотека, с красным кирпичным фасадом, тускло-розовым в сиянии луны. Дом Билла Бэннса, длинный и немного осевший, самый старый в городке. Наверху большой, крытый гонтом дом, отведенный для приходского священника, окутанный тенью и единственный пример архитектуры стикстайла¹⁹ в округе.

Хэтч еще немного постоял у перил, глядя на море и окутанную дымкой даль, где прятался остров Рэггид. Затем, тяжело вздохнув, сел в кресло и взял в руки черные папки.

В первой лежала расшифрованная часть дневника Макаллана. Как и сказал Сент-Джон, здесь описывалось, как архитектор попал в плен, был вынужден принять предложение Окхема и спроектировал тайное хранилище для его сокровищ, попасть в которое мог только сам Окхем. Презрение к капитану и отвращение к его варварской команде, а также возмущение ужасными условиями жизни читались в каждой строчке.

Дневник был коротким, и вскоре Хэтч отложил его в сторону. Его в основном занимала вторая часть, и он гадал, скоро ли Уопнер сумеет ее расшифровать. Перед тем как он ушел из каюты Уопнера, тот пожаловался, что ему приходится выполнять двойную работу, беря на себя обязанности еще и техника.

— Установка чертовой сети — работа не для программиста, тут и простой техник справится. Но капитан был бы в полном восторге, если бы ему удалось сократить команду до себя и Стритера. Вопрос безопасности, будь я проклят. Все равно никто не сворует сокровища. Вот увидите, завтра, когда установки будут на месте, все инженеры и топографы отправятся восвояси. Канут в Лету.

¹⁹ Популярный в Америке в XIX веке стиль деревянной архитектуры, имитирующий швейцарские шале.

— Возможно, это разумно, — ответил ему Хэтч. — Зачем держать ненужных людей? Кроме того, я бы предпочел заниматься тяжелым случаем омертвления кожи на ноге, чем сидеть, как вы, в каюте и смотреть на бессмысленный набор букв и цифр.

— Вы ни черта не знаете, — презрительно скривившись, заявил Уопнер. — Послушайте: по другую сторону этого набора букв и цифр стоит человек, который их написал, и презрительно усмехается. Это же настоящее состязание. Как только вы отыщете алгоритм, получите приз. Может, это доступ к базе данных кредитных карт. Или ключ к началу ядерной атаки. А вдруг вы сумеете разгадать, как отыскать сокровища? Сломать шифр — это же классно! Криптоанализ — занятие для того, у кого есть мозги. Должен сказать, что я здесь чувствую себя ужасно одиноко.

Хэтч вздохнул и снова обратился к черным папкам. Во второй содержалась краткая биография Окхема, которую ему дал Сент-Джон. Откинувшись на спинку кресла, чтобы на листки падал лунный свет, он принялся читать.

ГЛАВА 13

Далее следует выписка из документа.

Номер документа: T14-A-41298

Кассета: 14049

Логическая единица: ЛЕ-48

Составитель: Т. Т. Феррелл

Документ затребован: К. Сент-Джон

КОПИЯ 001 из 003

Данный документ является собственностью и коммерческой тайной корпорации «Таласса холдинг».

Незаконное использование является преступлением и преследуется Уголовным кодексом штата Виргиния.

НЕ КОПИРОВАТЬ

БИОГРАФИЯ ЭДВАРДА ОКХЕМА

Т. Т. Феррелл, «Таласса» — Шривпорт

Эдвард Окхем родился в 1662 году в Корнуолле, Англия, в семье мелкого земельного аристократа. Образование получил в Харроу²⁰ и провел два года в колледже Бейллиол,²¹ после чего был исключен за неизвестные нарушения.

Семья хотела, чтобы он выбрал карьеру военного моряка, и в 1682 году Окхем получил звание лейтенанта и поступил в Средиземноморский флот под командованием адмирала Пойнтонна. Он быстро сделал карьеру и отличился в нескольких столкновениях с испанцами, но вскоре оставил флот и стал капитаном капера, получив соответствующее свидетельство от Адмиралтейства Британии.

После нескольких исключительно удачных операций Окхем, очевидно, решил, что больше не хочет делиться своей добычей с короной. В начале 1685 года он занялся работоторговлей и плавал между гвинейским побережьем Африки до Гваделупы в Наветренных островах. Через два года исключительно выгодных операций Окхем был заперт в гавани двумя кораблями. В качестве отвлекающего маневра он поджег свой корабль, приказав сначала убить всех рабов, находящихся на палубе, а сам сбежал на лодке.

²⁰ Одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных средних школ. Основана в 1571 году.

²¹ Один из наиболее известных колледжей Оксфордского университета. Основан в 1263 году, назван в честь основателя, Джона де Бейллиола.

Остальные рабы — около четырехсот человек — погибли в огне. Документальные свидетельства относят его прозвище Рыжий Нед к данному событию.

Пятеро членов его команды были захвачены и возвращены в Лондон, где их повесили в доке смерти в Уоппинге.²² Окхему удалось бежать и спрятаться в печально известном убежище пиратов Порт-Ройял, в Карибском море, где в 1687 году он стал членом «Братства побережья» (*сравни с документом «Талассы» П6-Б19-110292, «Пиратские сокровища Порт-Ройял», предположительно*).

В течение следующих десяти лет Окхем прославился как самый безжалостный, корыстный и амбициозный пират, действующий в водах за пределами Нового Света. Многие знаменитые пиратские методы — такие, как казнь пленника, которого заставляли идти с завязанными глазами по доске над морем, пока он не свалится в воду, устрашение врагов при помощи черепа и скрепленных костей, требование выкупа у гражданских лиц, попавших в плен, — придумал именно он.

Когда Окхем атаковал города или корабли, он без раздумий использовал пытки, чтобы заставить свои жертвы рассказать, где хранятся ценности. Поскольку он превосходил многих физически и интеллектуально, Окхем был одним из немногих пиратских капитанов, который требовал — и получал — большую часть добычи.

Будучи капитаном пиратов, Окхем одерживал свои победы, используя поразительную смесь психологии, тактики и жесткости. Например, атаковав укрепленный испанский город Портобелло, он заставил монахинь из близлежащего аббатства устанавливать осадные машины и лестницы, понимая, что испанцы, как ярые католики, не станут в них стрелять. Его любимым оружием был мушкет, короткоствольное ружье, выпускающее смертоносный поток свинцовых пуль. Довольно часто под предлогом переговоров он собирал отцов осажденного города либо офицеров корабля, на который напал, а затем, взяв в обе руки оружие, уничтожал их спаренными выстрелами.

По мере того как росла его жажда наживы, росла и наглость Окхема. В 1691 году он попытался взять в осаду расположенный на материке город Панама и потерпел поражение. Отступая по реке Шагрес, Окхем увидел галеон, который направлялся в открытое море и Испанию. Когда он узнал, что на корабле находится три миллиона в золотых песо, говорят, он поклялся, что больше ни одному галеону не удастся от него сбежать.

В последующие годы Окхем обратил все свое внимание на испанское золото — города, где оно хранилось, и перевозившие его корабли. Он мастерски научился перехватывать такие суда, и некоторые исследователи считают, будто он умел разгадывать шифры, которыми пользовались испанские капитаны и послы. (*См. документацию «Талассы» для внутреннего пользования Z-A4-050997.*) Всего за один месяц налетов на испанские поселения осенью 1693 года Окхем захватил такую огромную добычу, что каждый из восьмисот членов его команды получил по шестьсот песо в качестве своей доли.

Окхем становился все сильнее, его начали отчаянно бояться, а его садистские наклонности росли с головокружительной скоростью. Со всех сторон поступали сообщения о его варварской жестокости. Очень часто, захватив какой-нибудь корабль, он отрезал всем офицерам уши, солил, поливал уксусом и заставлял свои жертвы их съедать. Вместо того чтобы контролировать своих людей, когда те грабили захваченный город, он порол их до состояния дикой ярости, а затем выпускал к беззащитному населению. Когда ему не удавалось получить требуемый выкуп, Окхем приказывал жарить свои жертвы на медленном огне, насадив на длинные спицы, или потрошил раскаленными железными крюками.

Самую крупную добычу Окхем захватил в 1695 году, когда его небольшая армада атаковала, ограбила и потопила флотилию испанских торговых кораблей, направлявшихся в Кадис. Товары, которые попали в руки пиратов — золотые слитки и бруски, серебряные

²² Район в Лондоне.

полоски и болванки, необработанный жемчуг и ювелирные изделия, — оценивались более чем в миллиард долларов.

Дальнейшая судьба Окхема остается загадкой. В 1697 году его флагманский корабль обнаружили неподалеку от Азорских островов. Он безмолвно покачивался на волнах, а все, кто на нем находился, погибли по неизвестной причине. На борту не нашли никаких сокровищ, и исследователи того времени пришли к единодушному мнению, что Окхем спрятал их где-то на восточном побережье Нового Света незадолго до своей смерти. Несмотря на появление множества самых разных легенд, существует три наиболее вероятных места, где он мог скрыть свою добычу: остров Вач неподалеку от Гаити, остров Пальм в Южной Каролине и остров Рэггид неподалеку от побережья штата Мэн, в семидесяти милях от Монхигана.

КОНЕЦ ПЕЧАТИ. ВРЕМЯ ПЕЧАТИ: 01:02. ОБЪЕМ В БАЙТАХ: 15425

ГЛАВА 14

Хэтч заглушил мотор «Простушки Джейн» и бросил якорь в двадцати ярдах от подветренной стороны острова Рэггид. Часы показывали половину седьмого, и солнце только появилось на горизонте, окутав остров тонкой золотистой дымкой. Впервые с тех пор, как Хэтч вернулся в Стормхейвен, туман, закрывавший остров от посторонних глаз, рассеялся. Доктор спрыгнул в шлюпку и направился к построенному военными и привезенному в готовом виде причалу у базового лагеря. День обещал быть теплым и влажным, а духота предвещала плохую погоду.

Хэтч смотрел на остров, и страх начал постепенно его отпускать. За последние сорок восемь часов Рэггид изменился и стал практически неузнаваемым, что радовало. Команда Нейдельмана проделала такую огромную работу, что в это было трудно поверить. Желтая лента, какой пользуются полицейские для ограждения места преступления, указывала на нестабильные участки, между которыми проходили безопасные коридоры. Луг над узкой полоской берега из места, где всегда царила тишина, превратился в миниатюрный город. Трейлеры и сборные бараки стояли полукругом, тесно прижавшись друг к другу, за ними работали мощные генераторы, и в воздух поднимались клубы дизельных паров. По влажной земле змеились белые полихлорвиниловые трубки, защищавшие кабели и шнуры питания от непогоды и тех, кто не смотрит себе под ноги. В середине этого хаоса располагался «Первый остров» — командный центр, широченный трейлер, опутанный проводами и утыканный антеннами.

Хэтч вытащил шлюпку на берег, привязал ее и, пройдя быстрым шагом по причалу, начал подниматься по неровной тропинке. Добравшись до базового лагеря, он прошел мимо склада и сразу направился в сборный барак с вывеской «Медпункт» — ему не терпелось поскорее увидеть свое новое место работы. В скромном помещении было тем не менее довольно уютно, пахло свежим деревом, этиловым спиртом и оцинкованным железом. Доктор обошел свой кабинет, восхищаясь предусмотрительностью Нейдельмана, который купил все самое лучшее. Медпункт был снабжен всем необходимым, а в небольшой кладовке хранилось самое разное оборудование и препараты и даже имелся кардиограф. В ящиках Хэтч обнаружил колоноскоп, дефибрилятор, роскошный электронный счетчик Гейгера и множество дорогих современных приспособлений, которых он никогда не видел. Сам барак внутри оказался больше, чем выглядел снаружи. Кроме приемной здесь имелся смотровой кабинет и палата на две койки. В задней части Хэтч обнаружил маленькую комнатку, где он мог остаться на ночь в случае необходимости.

Хэтч вышел из медицинского барака и направился к «Первому острову», стараясь обходить глубокие рытвины и колеи, оставленные тяжелым транспортом. В командном центре он обнаружил Нейдельмана, Стритера и главного инженера, Сандру Магнусен, которые столпились около компьютера. Магнусен напоминала маленького деловитого

жучка, на ее лице играли голубые отблески от монитора, на толстых стеклах очков как будто отпечатались бежавшие по нему строчки. Он производила впечатление постоянно занятого человека, и Хэтчу показалось, что она с неприязнью относится к большинству людей, включая врачей.

Нейдельман поднял голову и кивнул Хэтчу.

— Передача данных со «Сциллы» закончилась несколько часов назад, — сообщил он. — Сейчас мы заканчиваем моделирование работы помп. — Он сдвинулся в сторону, чтобы Хэтч мог посмотреть на монитор.

```
МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО В 06:39:45:21
ПОЛУЧЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
СТАТУС СЕРВЕРА ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ О.К.
РЕТРАНСЛЯЦИОННЫЕ УЗЛЫ О.К.
РЕТРАНСЛЯЦИОННЫЕ СЕКТОРЫ О.К.
АНАЛИЗАТОР ПОСТУПАЮЩИХ ДАННЫХ О.К.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЛЕР О.К.
КОНТРОЛЛЕР УДАЛЕННЫХ ОТ ЦЕНТРА ПЛОЩАДОК О.К.
СТАТУС ПОМПЫ О.К.
СЕНСОРЫ ТЕЧЕНИЙ О.К.
АВАРИЙНОЕ ПРЕРЫВАНИЕ О.К.
ПАМЯТЬ ОЧЕРЕДИ 305385292
ЗАДЕРЖКА ПАКЕТА 0,000045
— ПРОВЕРКА КОНТРОЛЬНОЙ СУММЫ —
УДАЛЕННЫЕ КОНТРОЛЬНЫЕ СУММЫ О.К.
ОТКЛОНЕНИЯ КОНТРОЛЬНЫХ СУММ 00,00000%
ОТКЛОНЕНИЯ ОТ «СЦИЛЛЫ» 00,15000%
ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ПРЕДЫДУЩИХ ЗНАЧЕНИЙ 00,37500%
КОНЕЦ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕРКИ
МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОВЕДЕНО УСПЕШНО
```

Магнусен нахмурилась.

— Все в порядке? — спросил Нейдельман.

— Да. — Инженер вздохнула. — Нет. Не знаю. Компьютер глючит.

— Объясните, — попросил Нейдельман.

— Он стал работать медленнее во время проверки системы аварийного прерывания работ. И посмотрите на цифры отклонений. Сеть острова говорит, что все в порядке. Но когда мы тестировали систему на «Цербере», возникло отклонение. И еще более сильное по сравнению с вечерним прогоном.

— Но оно допустимо?

Магнусен кивнула.

— Возможно, в алгоритмах проверки контрольной суммы появилась какая-то аномалия.

— Иными словами, баг.²³ — Нейдельман повернулся к Стритеру. — Где Уопнер?

— Спит на «Цербере».

— Разбудите его.

Нейдельман повернулся к Хэтчу, кивком показал на дверь и они вышли наружу, в залитое прозрачными лучами утро.

ГЛАВА 15

²³ Программная ошибка.

— Я хочу вам кое-что показать, — сказал капитан и, не дожидаясь ответа, зашагал вперед своей быстрой походкой, приминая траву и оставляя за собой запах трубачного табака и ощущение уверенности в себе.

Его дважды останавливали служащие «Талассы», и у Хэтча сложилось впечатление, что он с хладнокровной четкостью руководит одновременно несколькими работами. Хэтч поспешил за ним, стараясь не отставать и не успевая смотреть по сторонам. Они шли по тропе с веревочным ограждением, проложенной рабочими «Талассы». Тут и там над старыми ямами и ненадежными участками земли были протянуты коротенькие алюминиевые мостики.

— Отличное утро для прогулки, — заметил Хэтч.

— Вам понравился медпункт? — улыбувшись, спросил Нейдельман.

— Большое спасибо, все просто отлично. Я мог бы лечить целую деревню с таким современным оборудованием.

— В определенном смысле так и будет.

Тропинка поднималась по склону в сторону старых шахт. Несколько алюминиевых платформ и маленьких вышек стояли над зияющими ямами. Здесь главная дорожка разветвлялась, переходя в огражденные веревками тропинки, огибающие древние площадки, где в прежние времена велись раскопки. Кивнув рабочему, Нейдельман свернул на одну из центральных тропинок. Через минуту они подошли к краю большой ямы. Если не считать двух инженеров на ее дальней стороне, которые проводили какие-то измерения незнакомым Хэтчу инструментом, она казалась точно такой же, как все остальные. Трава и кусты нависали над краем, сползая вниз, в непроглядный мрак, и прикрывая кусок сгнившей балки. Хэтч с опаской заглянул внутрь, но ничего не увидел. Толстая гибкая труба с металлическими сочленениями торчала из глубины и, пробираясь по сырой земле, уходила в сторону западного берега.

— Самая обычная шахта, — заявил Хэтч. — Жаль, я не прихватил с собой корзинку для пикника и книжку стихов.

Нейдельман улыбнулся, достал из кармана сложенную компьютерную распечатку и протянул ее Хэтчу. Она состояла из длинной колонки дат с цифрами. Одна из пар была выделена желтым цветом: « 1690 ± 40 ».

— Сегодня рано утром на «Цербере» был завершен углеродный анализ, — сказал Нейдельман. — Вот результаты. — Он показал на выделенные данные.

Хэтч взглянул еще раз на распечатку и вернул ее капитану.

— И что?

— Это то самое место, — тихо проговорил Нейдельман.

На мгновение повисла тишина, потом Хэтч недоверчиво спросил:

— Водяная Бездна?

Нейдельман кивнул.

— Она самая. Дерево, которое использовалось для строительства шахты, было срублено примерно в тысяча шестьсот девяностом году. Все остальные шахты относятся к тысяча восьмисотому и тысяча девятьсот тридцатому годам. Это совершенно точно. Перед нами Водяная Бездна, сконструированная Макалланом и построенная людьми Окхема. — Он показал на другую яму, немного меньше, которая находилась примерно в тридцати ярдах от первой. — И если я не ошибаюсь, это Бостонская шахта, вырытая сто пятьдесят лет назад. Видите, у нее постепенный уклон.

— Вам удалось обнаружить Водяную Бездну за такой короткий срок! — Хэтч был потрясен. — Почему никому не пришло в голову провести датировку по углероду?

— Последним на острове проводил раскопки ваш дед в конце сороковых годов. Датировку по углероду открыли через десять лет после этого. Вот вам одно из достижений современной науки, которое поможет нам отыскать сокровища. — Он махнул рукой в

сторону ямы. — Сегодня мы начнем собирать Ортханк.²⁴ Его детали уже в грузовом доке и ждут своего часа.

— Ортханк? — нахмурившись, переспросил Хэтч.

Нейдельман рассмеялся.

— Мы построили его для раскопок на Корфу в прошлом году. Это наблюдательный пункт со стеклянным полом, установленный на буровой вышке. Один из членов нашей команды был любителем Толкина, и название приклеилось. Ортханк оборудован лебедками и приборами с дистанционным управлением. Мы сможем заглянуть в самую глотку зверя — в буквальном и электронном смысле.

— А зачем нужна эта труба? — спросил Хэтч, кивком показывая на яму.

— Для проведения теста с красителями. Труба соединена с серией насосов на западном берегу. — Нейдельман посмотрел на часы. — Примерно через час, во время прилива, мы начнем закачивать в Водяную Бездну десять тысяч галлонов морской воды в минуту. Затем выльем туда интенсивный краситель. Когда вода начнет отступать, насосы протолкнут ее в приливной туннель, а потом в океан. Поскольку нам неизвестно, где появится краситель, мы воспользуемся «Наядой» и «Касаткой», которые установим на противоположных сторонах острова. Иными словами, нам нужно только следить, где появится краска, отправить туда водолазов и запечатать туннель взрывчаткой. Как только поступление морской воды будет заблокировано, мы выкачаем ее и осушим шахты. Водяная Бездна Макаллана уже не будет представлять для нас опасность. В это время в пятницу мы с вами сможем спуститься вниз, и нам понадобятся лишь плащи и пара сапог. А затем спокойно организуем раскопки.

Хэтч открыл рот и тут же закрыл его, покачав головой.

— Что? — спросил Нейдельман, на лице которого появилась счастливая улыбка, а светлые глаза горели огнем в лучах встающего солнца.

— Не знаю. Просто события развиваются с головокружительной скоростью.

Капитан сделал глубокий вдох и окинул взглядом остров, где кипела работа.

— Вы же сами сказали, что у нас мало времени, — проговорил он наконец.

Они некоторое время простояли молча, затем Нейдельман сказал:

— Пожалуй, пора возвращаться. Я попросил «Наяду» подобрать вас. Вы сможете наблюдать за тем, как проходит тест, с ее борта.

— Вы собрали отличную команду, — сказал Хэтч, взглянув на рабочих, которые уверенно двигались на грузовом доке.

— Да, — пробормотал Нейдельман. — Некоторые со странностями, иногда с ними трудно, но все они прекрасные специалисты и хорошие люди. Я стараюсь не окружать себя теми, кто всегда и во всем готов со мной соглашаться, — в нашем деле это опасно.

— Знаете, этот Уопнер вправду довольно странный тип. Он напоминает мне несносного подростка лет тринадцати. И некоторых из знакомых мне хирургов. Он действительно так хорош, как сам считает?

— Помните скандал девяносто второго года? — улыбнувшись, спросил Нейдельман. — Когда все пенсионеры в Бруклине, приписанные к одному почтовому отделению, вдруг получили пенсию с двумя лишними нулями?

— Смутно.

— Это дело рук Керри. В результате он провел три года в Алленвуде. Но он не любит про это вспоминать, так что воздержитесь от шуток на тюремную тему.

— Святой боже! — присвистнул Хэтч.

— Он не только отличный хакер. Керри еще и очень сильный криптоаналитик. Если бы не его любовь к ролевым онлайн-играм, от которых он категорически не желает отказываться, он был бы идеальным работником. Не стоит обманываться его манерами, он хороший парень.

²⁴ Название крепости в трилогии «Властелин колец» Дж. Р. Толкина.

Они уже подходили к базовому лагерю, и, словно Уопнер их подслушивал, из «Первого острова» донесся его сердитый голос.

— Вы меня разбудили, потому что у вас возникло ощущение? Я сто раз проверил эту программу на «Сцилле», она безупречна. Безупречна. Простая программа для простаков. Она управляет вашими дурацкими насосами, и больше ничего.

Ответ Магнусен заглушили двигатели «Наяды», которая подошла к причалу. Хэтч взял свою аптечку и запрыгнул в лодку с мощным двойным мотором. Чуть дальше стояла «Касатка», готовая принять на борт Нейдельмана, а затем отправиться к дальнему концу острова.

Хэтч с сожалением увидел у руля «Наяды» Стритера, с суровым, ничего не выражающим, словно у каменной статуи, лицом. Он кивнул ему и улыбнулся, получив в ответ короткий кивок. Хэтч решил, что все-таки ему удалось завести здесь врага, но тут же прогнал эту мысль. Стритер настоящий профессионал, а что может быть важнее? Если он продолжает переживать из-за несчастного случая, его проблема.

Чуть дальше, около открытой каюты, два водолаза проверяли свои акваланги. Краска не будет вечно оставаться на поверхности, и им придется действовать быстро, чтобы обнаружить подводный туннель. Геолог Рэнкин стоял около Стритера. Увидев Хэтча, он улыбнулся и, подойдя к нему, сжал его руку своей могучей волосатой лапищей.

— Привет, доктор Хэтч, — поздоровался он, и в косматой бороде сверкнули белые зубы; свои длинные волосы он заплел в косу. — Знаете, вам принадлежит потрясающий остров.

Хэтч уже слышал несколько разных вариантов подобного заявления от других служащих «Талассы».

— Ну, думаю, именно поэтому мы здесь и собрались, — улыбнувшись, ответил Малин.

— Нет, нет. Я имел в виду с географической точки зрения.

— Правда? Мне всегда казалось, что он ничем не отличается от других островов, всего лишь большой кусок гранита в океане.

Рэнкин засунул руку в карман дождевика и вытащил горстку чего-то похожего на гранолу.²⁵

— Ничего подобного, — проговорил он с набитым ртом. — Гранит? Это биотитовый кристаллический сланец, с трещинами, изменившийся до невероятной степени. И еще с друмлином наверху. Первозданным, представляете, приятель?

— Друмлины?

— Это такой холм из осадочных пород и камней. Никто не знает, как они образуются, но, если бы я не был уверен, что это не так, я бы...

— Водолазы готовы, — послышался из приемника голос Нейдельмана. — Все станции, проверка, по порядку.

— Контрольная станция, вас понял, — проскрипел голос Магнусен.

— Компьютерная станция, вас понял, — сказал Уопнер, чей голос даже из приемника казался скучающим и раздраженным.

— Радиолокационная станция альфа, вас понял.

— Радиолокационная станция бета, вас понял.

— Радиолокационная станция гамма, вас понял.

— «Наяда», вас понял, — сказал Стритер в микрофон.

— «Касатка», подтверждаю, — послышался голос Нейдельмана. — Занимаем свои места.

Когда заработали двигатели «Наяды» и она стала набирать скорость, Хэтч посмотрел на часы — двадцать минут девятого. Скоро начнется прилив. Он пристроил свою аптечку, и тут

²⁵ Гранола — овсяные хлопья с добавлением орехов и изюма.

из каюты, смеясь какой-то своей шутке, вышли водолазы. Один был высоким и стройным, с черными усами. Водолазный костюм из тонкого неопрена так плотно обтягивал его тело, что проступали все анатомические подробности.

Другим водолазом оказалась женщина — она повернулась к Хэтчу и посмотрела на него. На ее губах появилась игривая улыбка.

— Так вы и есть тот загадочный доктор?

— Я не знал, что я загадочный, — ответил Хэтч.

— Но это же ужасный остров доктора Хэтча, non?²⁶ — сказала она и со смехом показала на Рэггид. — Надеюсь, вы не обидитесь, если я постараюсь обойтись без вашей помощи.

— Я тоже надеюсь, что она вам не понадобится, — сказал Хэтч, пытаясь придумать что-нибудь не такое банальное.

Капли воды блестели на оливковой коже, а в карих глазах сияли золотые искорки. Хэтч решил, что ей не больше двадцати пяти. А еще у нее был очень необычный акцент — французский с примесью диалекта островов.

— Я Изобель Бонтер, — представилась она, сняла неопреновую перчатку и протянула Хэтчу руку.

Он пожал ее, она оказалась прохладной и мокрой.

— Какая у вас горячая рука! — вскричала Изобель.

— Приятно познакомиться, — с опозданием проговорил Хэтч.

— А вы тот блестящий доктор из Гарварда, о котором постоянно говорит Джерард, — сказала она, заглядывая ему в лицо. — Вам известно, что вы ему очень нравитесь?

Хэтч почувствовал, что краснеет.

— Рад слышать.

Он никогда не задумывался о том, как относится к нему Нейдельман, но вдруг обнаружил, что ему это приятно. Краем глаза он успел заметить, как перекосилось от ненависти лицо Стритера.

— Хорошо, что вы здесь. Мне не придется вас искать.

Хэтч нахмурился, не понимая, что она имеет в виду.

— Я буду искать старый лагерь пиратов и проводить раскопки. — Изобель окинула его пронизательным взглядом. — Вы владеете островом, non? Где бы вы разбили лагерь, если бы вам требовалось провести на нем три месяца?

Хэтч задумался.

— Раньше здесь были густые заросли елей и дубов. Думаю, пираты могли расчистить подветренную часть острова. На берегу, неподалеку от своих кораблей.

— Подветренная сторона? Но в этом случае в хорошую погоду их могли заметить с материка.

— Ну, наверное, могли. В тысяча шестьсот девяносто шестом году на берегу уже появились поселения, хотя и немногочисленные.

— А еще им нужно было следить за другой стороной острова, n'est-ce pas?²⁷ За проплывающими мимо кораблями, которые могли их увидеть.

— Верно, — согласился Хэтч, который не понимал, что происходит. «Если она знает ответы, зачем тогда задает вопросы?» — Главный маршрут между Галифаксом и Бостоном проходил мимо острова, по проливу Мэн. — Он помолчал немного. — Но если на побережье уже жили люди, как им удалось спрятать девять кораблей?

— Я тоже об этом подумала. В двух милях отсюда есть глубокая бухта, которую прикрывает остров.

²⁶ Разве нет? (фр.)

²⁷ Не так ли? (фр.)

— Черная бухта, — подсказал Хэтч.

— Exactement.²⁸

— Разумно, — заметил Хэтч. — Люди поселились в Черной бухте только в середине семнадцатого века. Рабочие и Макаллан могли жить на острове, а корабли Окхем спрятали в гавани.

— Значит, наветренная сторона! — сказала Бонтер. — Вы мне очень помогли. А теперь пора заняться делом.

Раздражение, которое почувствовал Хэтч из-за ее вопросов, мгновенно растаяло в лучах ослепительной улыбки. Она собрала волосы и надела капюшон, затем последовала маска. К ней подошел другой водолаз, чтобы поправить акваланг, и сказал, что его зовут Серджио Скопатти.

Бонтер оценивающим взглядом окинула его затянутую в водолазный костюм фигуру, словно видела в первый раз.

— Grande merde du noir,²⁹ — проговорила она, — не знала, что «Спидо» выпускают еще и водолазные костюмы.

— Итальянцы умеют делать отличные вещи, — рассмеявшись, заявил Скопатти. — Я в нем molto svelta.³⁰

— Как моя камера, работает? — крикнула Бонтер через плечо, обращаясь к Стритеру и постучав пальцем по маленькой камере, закрепленной на маске.

Стритер быстро нажал на несколько кнопок, и тут же на контрольной панели ожил видеоэкран, на котором появилось усмехающееся лицо Скопатти.

— Смотри в другую сторону, — посоветовал напарнице Скопатти, — а то испортишь свою камеру.

— Ладно, буду смотреть на доктора, — сказала Бонтер, и Хэтч увидел, как на экране появилось его лицо.

— Тогда не только камера испортится, линзы тоже не выдержат и полопаются, — проговорил Хэтч, пытаясь понять, почему, глядя на эту женщину, он становится косноязычным.

— В следующий раз связь будет у меня, — с жалобным стоном шутливо проговорил Скопатти.

— Низа что, — заявила Бонтер. — У нас я известный археолог, а ты всего лишь дешевая рабочая сила из Италии.

Скопатти ухмыльнулся, несколько не обидевшись.

— Пять минут до прилива, — вмешался голос Нейдельмана. — «Наяда» на месте?

Стритер подтвердил, что все в полном порядке.

— Мистер Уопнер, программа работает, как ей полагается?

— Никаких проблем, капитан, — послышался гнусавый голос. — Теперь все отлично. Я имел в виду: теперь, когда я здесь.

— Понятно. Доктор Магнусен?

— Насосы готовы к работе, капитан. Бомба с красителем подвешена над Водяной Бездной, дистанционный датчик на месте.

— Отлично. Доктор Магнусен, сбросьте бомбу по моему сигналу.

На «Наяде» воцарилась тишина. Мимо, над поверхностью воды пронеслись две кайры. На дальней стороне острова Хэтч различил очертания «Касатки», покачивающейся неподалеку от рифов. На корабле повисло напряженное ожидание, которое становилось

²⁸ Точно (фр.).

²⁹ Здесь: с ума сойти можно (фр.).

³⁰ Очень стройный (ит.).

осязаемым.

— Прилив, — слышался тихий голос Нейдельмана. — Включайте насосы.

Над водой разнесся рокот насосов, и, словно в ответ, остров застонал и закашлялся, отвечая на смену течения. Хэтч невольно содрогнулся, этот звук по-прежнему приводил его в ужас.

— Насосы на десять, — услышал он голос Магнусен.

— Так держать. Мистер Уопнер?

— «Харибда» реагирует нормально, капитан. Все системы работают в пределах нормы.

— Очень хорошо, — сказал Нейдельман. — Начинаем. «Наяда», вы готовы?

— Готовы, — ответил Стритер в микрофон.

— Следите за тем местом, где появится краситель. Поисковые системы готовы?

Раздался дружный хор голосов, подтверждавших готовность. Взглянув в сторону острова, Хэтч увидел, что на скалах столпилось несколько рабочих команд с биноклями в руках.

— Первый, кто увидит пятно, получит премию. Ладно, сбрасываем бомбу.

— Бомба сброшена, — доложила Магнусен.

Все тут же принялись вглядываться в ровную поверхность океана. Темная вода казалась почти черной, но день выдался безветренный, так что условия для наблюдения были идеальными. Несмотря на усиливающееся течение, Стритер, уверенно манипулируя рычагами, удерживал корабль на месте. Прошла минута, другая, тишину нарушал лишь рев насосов, закачивающих морскую воду в Водяную Бездну и отправляющих краситель в самое сердце острова, чтобы он затем вернулся обратно в море. Бонтер и Скопатти, молчаливые и напряженные, ждали на корме.

— Краска, двадцать два градуса, — слышался взволнованный голос одного из наблюдателей, находившихся на острове. — Сто сорок футов от берега.

— «Наяда», это ваш квадрант, — сообщил Нейдельман. — «Касатка» присоединится к вам для оказания помощи. Отлично сработано!

Из приемника донеслись радостные голоса.

«Это то самое место, где я видел водоворот», — подумал Хэтч.

Стритер развернул корабль, включил двигатели на полную мощность, и через минуту Хэтч увидел примерно в трехстах ярдах светлое пятно на поверхности воды. Бонтер и Скопатти уже надели маски и стояли у планширов. В руках они держали крепкие пистолеты, а к поясу прикрепили буйки.

— Краска, двести девяносто семь градусов, сто футов от берега, — сквозь радостные крики слышался голос другого наблюдателя.

— Что? — переспросил Нейдельман. — Вы хотите сказать, что краска появилась в другом месте?

— Подтверждаю, капитан.

На мгновение воцарилась потрясенная тишина.

— Похоже, нам придется запечатать два приливных туннеля, — заметил Нейдельман. — «Касатка» займется вторым. В путь.

«Наяда» приближалась к желтому водовороту внутри рифов. Стритер сбросил скорость, и баркас начал потихоньку кружить на месте, а водолазы тем временем перевалили через борт и ушли под воду. Хэтч быстро повернулся к экранам и оказался рядом с Рэнкином. Сначала на экране плавали лишь пятна желтой краски, затем картинка прояснилась. У основания рифа, возле затененного дна виднелась огромная трещина с неровными краями, краска вытекала из нее, точно клубы дыма.

— Вот она! — слышался возбужденный голос Бонтер.

Картинка дико заметалась по экрану, когда Изабель поплыла к трещине, выстрелила из пистолета в ближайшую скалу и прикрепила надувной буй. Он тут же устремился на поверхность, и Хэтч, заглянув через перила, успел увидеть, как он появился над водой — маленькая солнечная батарейка с антенной.

— Отмечено! — доложила Бонтер. — Готовим заряды.

— Вы только посмотрите, — выдохнул Рэнкин, который переводил взгляд с экрана на батарейку и обратно. — Радиальный разлом. Им оставалось только построить туннели в уже существующих трещинах в скале. И все равно удивительно для семнадцатого века...

— Краска, пять градусов, девяносто футов от берега, — послышался новый голос.

— Ты уверен? — В голосе Нейдельмана недоверие смешалось с сомнением. — Хорошо. У нас третий туннель. «Наяда», он ваш. Наблюдатели, ради всех святых, следите за пятном, чтобы оно не растворилось до того, как мы до него доберемся.

— Еще краска! Триста тридцать два градуса, семьдесят футов от берега.

И снова первый голос:

— Краска появляется, восемьдесят пять градусов, повторяю, восемьдесят пять градусов, сорок футов от берега.

— Мы займемся тем, что на триста тридцать два градуса, — сказал Нейдельман со странной интонацией. — Сколько же туннелей построил этот проклятый архитектор? Стритер, вам придется заняться двумя. Подними водолазов как можно быстрее. Пока пусть только отметят входы, взрывчатку установим позже. У нас есть всего пять минут, пока краска не растворилась.

Через минуту Бонтер и Скопатти уже были на борту, и Стритер, не говоря ни слова, выкрутил штурвал и помчался к обозначенному месту. Вскоре Хэтч увидел новое желтое пятно на поверхности воды. Корабль замер на месте, а водолазы отправились на дно. Вскоре второй буй выскочил наружу, появились водолазы, и «Наяда» поспешила к точке, где возникло третье облако краски. И снова Бонтер и Скопатти ушли под воду, а Хэтч повернулся к экрану.

Скопатти плыл впереди, его тело казалось призрачной тенью в облаках желтой краски. Они опустились глубже, чем в предыдущие два раза, и вскоре стали видны неровные скалы у подножия рифов и большое прямоугольное отверстие, из которого выползали остатки краски.

— Что это? — недоверчиво спросила Бонтер. — Серджио, attends!³¹

Неожиданно ворвался голос Уопнера:

— У нас проблема, капитан.

— Что случилось? — спросил Нейдельман.

— Понятия не имею. Мне поступают сообщения об ошибках, а система утверждает, что все в полном порядке.

— Переключайся на запасную систему.

— Я так и сделал, но... Подождите... О, черт!

— Что? — послышался взволнованный голос Нейдельмана.

В этот момент Хэтч понял, что насосы на острове замолчали.

— Сбой системы, — доложил Уопнер.

И тут раздался резкий, немного искаженный голос Бонтер. Хэтч быстро посмотрел на экран и увидел, что он стал темным. А в следующее мгновение на черном фоне появилась мелкая белая крупа и сигнал исчез среди воя электронного искажения.

— Что, черт подери, случилось? — выдохнул Стритер и принялся словно безумный нажимать на кнопки коммуникационной системы. — Бонтер, ты меня слышишь? Мы тебя потеряли. Бонтер?

Скопатти появился на поверхности примерно в десяти ярдах от корабля и быстро вынул трубку изо рта.

— Бонтер засосало в туннель! — задыхаясь, сообщил он.

— Что случилось? — крикнул Нейдельман.

— Он сказал, что Бонтер засосало... — начал Стритер.

³¹ Осторожно (фр.).

— Проклятье, так вытащите ее! — рявкнул Нейдельман, и его сердитый голос разнесся над водой.

— Это самоубийство, — завопил в ответ Скопатти. — Мощное обратное течение и...

— Стритер,крепи его спасательным тросом, — приказал Нейдельман. — Магнусен, оставьте компьютеры, запускайте насосы вручную. Наверное, когда они перестали работать, возникло обратное течение.

— Слушаюсь, сэр, — ответила Магнусен. — Команде придется перенастроить их вручную. Мне потребуется по меньшей мере пять минут.

— Шевелись, — слышался голос Нейдельмана, суровый и одновременно совершенно спокойный. — И сделайте все за три.

— Слушаюсь, сэр.

— Уопнер,приведи систему в рабочий порядок.

— Капитан, — начал Уопнер, — диагностика утверждает, что все...

— Кончай болтать, — оборвал его Нейдельман. — Займись делом.

Скопатти закрепил спасательный трос на поясе и прыгнул в воду.

— Я приготовлю здесь место, — сказал Хэтч Стритеру и стал раскладывать на палубе полотенца, чтобы принять потенциального пациента.

Стритер с помощью Рэнкина начал выпускать трос. Он дернулся и сильно натянулся.

— Стритер? — слышался голос Нейдельмана.

— Скопатти в обратном течении, — ответил Стритер. — Трос его удерживает.

Хэтч смотрел на мельтешащие белые точки на экране с жутким ощущением deja-vu. Словно Бонтер исчезла так же неожиданно, как...

Он сделал глубокий вдох и отвернулся. Он ничего не мог изменить до тех пор, пока они не поднимут Бонтер на поверхность. Ничего.

Неожиданно со стороны острова слышался страшный шум, и Хэтч понял, что ожили насосы.

— Отлично сработано, — услышал он Нейдельмана.

— Трос обвис, — доложил Стритер.

На палубе воцарилась напряженная тишина. Хэтч видел, как растворяются последние следы краски по мере того, как вода выходит из туннеля. Неожиданно экран снова потемнел, и по радиоперелинии стало слышно затрудненное дыхание. Черное пятно экрана начало медленно светлеть, и вскоре он с облегчением увидел зеленый прямоугольник входа в туннель.

— Merde,³² — услышал он голос Бонтер, которую вынесло из туннеля, картинка с ее камеры дико металась на экране.

Через несколько мгновений на поверхности возник водоворот, и Хэтч с Рэнкином втащили женщину на корабль. За ней последовал Скопатти, который тут же снял с нее акваланг и капюшон, пока Хэтч осторожно укладывал на полотенца.

Открыв ей рот, Хэтч исследовал дыхательные пути: все было в порядке. Затем он расстегнул молнию костюма и приложил к груди стетоскоп. Он сразу услышал, что дыхание в норме, следов воды в легких нет, сердце бьется ровно и сильно. Он заметил разрыв на костюме и тонкую полоску крови в районе живота.

— Incroyable,³³ — пытаясь откашляться и одновременно сесть, выдохнула Бонтер, при этом она махала в воздухе каким-то серым обломком.

— Не шевелитесь, — возмутился Хэтч.

— Цемент! — вскричала она, еще крепче сжимая в руке обломок. — Цемент, которому триста лет! Там ряд камней, установленных между рифами...

³² Дерьмо (фр.).

³³ Невероятно (фр.).

Хэтч быстро ощупал основание черепа, пытаясь отыскать симптомы сотрясения мозга или ранения позвоночника.

— Casuffit!³⁴ — заявила она, поворачивая голову. — Вы что, френолог?³⁵

— Стритер, доложи обстановку! — потребовал Нейдельман.

— Они на борту, сэр, — сообщил Стритер. — Судя по всему, Бонтер в порядке.

— Я в порядке, скажите вашему доктору, чтобы отстал! — вскричала она, вырываясь.

— Минутку, я взгляну на ваш живот, — проговорил Хэтч, мягко укладывая ее назад.

— Те камни, они похожи на какой-то фундамент, — продолжала она, перестав сопротивляться. — Серджио, ты их видел? Что это может быть?

Хэтч уверенным движением расстегнул молнию до самого конца.

— Эй! — завопила Бонтер.

Не обращая на нее внимания, Хэтч быстро обследовал порез. Под ребрами он обнаружил большую рану, но, судя по всему, поверхностную.

— Это всего лишь царапина, — запротестовала Бонтер, вытянув шею, чтобы посмотреть, что делает Хэтч.

Он быстро убрал руку с ее живота, почувствовав совсем не профессиональное возбуждение.

— Возможно, так и есть, — сказал он немного более язвительно, чем намеревался, и принялся искать в чемоданчике мазь с антибиотиком. — В следующий раз я буду резвиться в воде, а вы станете доктором. Сейчас же я нанесу на рану немного мази, чтобы избежать инфекции. Вам повезло.

Он начал втирать мазь в рану.

— Щекотно, — заявила Бонтер.

Скопатти снял свой костюм до пояса и стоял, скрестив на груди руки и добродушно ухмыляясь, его загорелое тело влажно блестело в лучах солнца. Рэнкин остановился рядом с ним, лохматый и могучий, и наблюдал за Бонтер, причем глаза его недвусмысленно сверкали.

«Все, — подумал Хэтч, — все влюблены в эту женщину».

— Я оказалась в большой подводной пещере, — говорила она. — Пару минут я не могла отыскать стены и решила, что мне конец.

— Пещера? — с сомнением спросил Нейдельман по открытому каналу.

— Mais oui.³⁶ Большая пещера. Но мой приемник сдох. Интересно, почему?

— Возможно, туннель блокирует передачу, — предположил Нейдельман.

— А откуда взялось обратное течение? — спросила Бонтер. — Вода же выходила наружу.

Некоторое время все молчали.

— Я не знаю, — сказал наконец Нейдельман. — Может быть, когда мы осушим Водяную Бездну и ее туннели, мы получим ответ на этот вопрос. Я жду подробного отчета. А пока отдохните. Конец связи с «Касаткой».

— Маркеры расставлены. Возвращаемся на базу, — проговорил Стритер.

Корабль ожил и медленно заскользил по воде. Хэтч убирал свои инструменты и прислушивался к голосам, звучащим из приемника. Нейдельмана «Касатке» разговаривал с «Первым островом».

— Говорю вам, у нас появился киберпризрак, — слышался голос Уопнера. — Я взял

³⁴ Хватит! (фр.)

³⁵ Человек, занимающийся френологией, то есть рассуждающий о психических особенностях людей на основании данных измерения их черепа.

³⁶ Ну да (фр.).

ПЗУ³⁷ с «Харибды» и проверил на «Сцилле». Полный бардак. И с кодами что-то не то. Эта система проклята. Даже самый лучший хакер не в состоянии перенастроить ПЗУ...

— Даже не начинай рассуждать про проклятия, — сердито прервал его Нейдельман.

Когда они подходили к доку, Бонтер сняла водолазный костюм, отжала волосы и повернулась к Хэтчу.

— Итак, доктор, мой кошмар оказался реальностью. Мне все-таки понадобились ваши услуги.

— Ерунда, — ответил Хэтч и отчаянно покраснел, сам зная об этом.

— Но это было очень приятно.

ГЛАВА 16

Каменные руины форта Блэклок стояли на лугу, с которого открывался вид на подступы к гавани Стормхейвена. Форт был окружен соснами, постепенно отступавшими перед натиском фермерских угодий и густых зарослей сахарных кленов. На противоположной от форта стороне удобно устроился желто-белый павильон, украшенный лентами и флажками, весело трепетавшими на ветру. Большой транспарант, написанный от руки печатными буквами, гласил: «71-Й ЕЖЕГОДНЫЙ СТОРМХЕЙВЕНСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ОМАРОВ!!!»

Хэтч с волнением поднимался по заросшему травой пологому склону. Сегодняшний праздник был первой представившейся ему возможностью снова встретиться практически со всеми горожанами, но он не знал, какой прием его ждет. С другой стороны, он ни секунды не сомневался в том, как город относится к самой экспедиции.

Хотя «Таласса» провела в Стормхейвене всего неделю, ее воздействие на город уже не вызывало ни малейших сомнений. Члены команды заняли почти все сдающиеся дома и свободные комнаты, причем порой платили весьма приличные деньги. Крошечная гостиница трещала по швам, в двух ресторанах — «Поднять якоря» и «Причал» — по вечерам не было свободных мест. Хозяину заправочной станции на причале пришлось утратить поставки, а дела в магазине Бада шли просто великолепно, прибыли подскочили на пятьдесят процентов — хотя он ни за что в этом не признался бы. Город пришел в такое оживление из-за охоты на сокровища, спрятанные на острове Рэггид, что мэр, не теряя времени, объявил команду «Талассы» коллективным почетным гостем на фестивале омаров. А Нейдельман, который, по совету Хэтча не слишком это афишируя, взял на себя половину расходов, только улучшил настроение городских властей.

Подходя к павильону, Хэтч заметил стол для почетных гостей, где уже сидели отцы города и руководство «Талассы», а за ним — небольшую трибуну с микрофоном. Горожане и члены экспедиции разгуливали по лугу, пили лимонад или пиво или выстраивались в очереди за порцией омаров.

Нырнув в павильон, Хэтч услышал знакомый гнусавый голос. Керри Уопнер, постанывая от усилий, тащил бумажную тарелку с двойной порцией омаров, картофельным салатом и вареным початком кукурузы с маслом. В другой руке он едва удерживал огромную кружку с пивом. Кriptoаналитик осторожно двигался вперед, вытянув перед собой руки и стараясь не запачкать едой и пивом свою гавайскую рубашку, бермуды, высокие белые носки и черные теннисные туфли.

— Как вы все это едите? — крикнул он, обращаясь к одному из местных жителей.

— Что? — переспросил тот, наклонив набок голову, как будто не расслышал вопроса.

— Там, где я вырос, омаров нет.

— Нет омаров? — повторил парень, словно опять не расслышал.

— Да. В Бруклине. Это в Америке. Вам стоит там побывать. В любом случае, я не умею

³⁷ Постоянно запоминающее устройство.

их есть. — Громкий гнусавый голос Уопнера эхом отражался от стен павильона. — Я хочу понять, как открыть панцирь.

— Да ты сядь на него, можешь еще попрыгать, — с самым серьезным лицом ответил насмешник.

Ответом ему был взрыв смеха.

— Прямо обхохочешься, — обиделся Уопнер.

— Ну ладно, — добродушно проговорил парень. — Тебе нужны щипцы.

— У меня есть, — сказал Уопнер и полез в карман, одновременно с энтузиазмом размахивая полной тарелкой перед носом собеседника.

Зрители встретили его слова новым взрывом смеха.

— Специальные щипцы, чтобы сломать панцирь, понимаешь? — сказал рыбак. — Или молоток.

Он показал ему свой корабельный молоток, покрытый соком омаров, кусочками розовой скорлупы и соусом.

— Использовать грязный молоток? — вскричал Уопнер. — Город, где царит гепатит, мы идем к тебе.

Хэтч решил, что пора вмешаться.

— Я ему помогу, — сказал он, и парень, качая головой, отошел в сторону.

Он отвел Уопнера к одному из столов, усадил и прочитал короткую лекцию о том, как следует обращаться с омарами: как открыть панцирь, что можно есть, а что нет. Затем он отошел, чтобы взять себе порцию, но по дороге остановился налить пинту пива из большого бочонка. Пиво из маленькой пивоварни в Камдене оказалось холодным и хмельным. Он быстро осушил кружку и почувствовал, что напряжение начало немного отпускать. Тогда он снова наполнил кружку и встал в очередь за омарами.

Омары и кукурузу готовили на морских водорослях, уложенных на горячие дубовые поленья, и в воздух поднимался восхитительный аромат. Вокруг суетились три повара, они проверяли костры и выкладывали готовых омаров на бумажные тарелки.

— Доктор Хэтч!

Хэтч повернулся и увидел Дорис Боудич в великолепной новой юбке, которая, точно парашют, колыхалась вокруг нее.

Ее муж стоял рядом, маленький, загорелый и молчаливый.

— Как вам дом?

— Чудесно, — искренне ответил Хэтч. — Спасибо за то, что настроили пианино.

— Не стоит. С электричеством и водой никаких проблем, надеюсь? Хорошо. Послушайте, вы не подумали над предложением той милой пары из Манчестера, о которой я вам говорила.

— Подумал, — быстро ответил Хэтч, который уже был готов. — Дом не продается.

— О! — пробормотала Дорис, не в силах скрыть разочарование. — Они так рассчитывали...

— Послушайте, Дорис, я вырос в этом доме, — мягко, но твердо напомнил ей Малин.

Она вздрогнула, словно только сейчас вспомнила обстоятельства детства Хэтча и то, как он покинул город.

— Разумеется, — проговорила она, попыталась улыбнуться и положила руку ему на плечо. — Я все понимаю. Очень трудно отказаться от семейного гнезда. Мы больше не будем об этом говорить. — Она чуть сжала его плечо. — До поры до времени.

Очередь Хэтча подошла, и он принялся разглядывать огромные, окутанные паром кучи водорослей. Ближайший к нему повар разворошил их, демонстрируя ряд красных омаров, початки кукурузы и несколько яиц. Он вытащил одно яйцо рукой в перчатке, разрезал его ножом на две части и заглянул внутрь, проверяя, сварилось ли оно вкрутую. Таким способом они определяли, готовы ли омары.

— Великолепно! — объявил повар, чей голос показался Хэтчу знакомым.

В следующее мгновение Малин узнал своего одноклассника Донни Труитта и напрягся.

— Глядите-ка, кажется, это Малли Хэтч! — вскричал Труитт, который тоже его узнал. — А я-то все думал, когда тебя увижу. Ну, черт подери, как у тебя дела?

— Донни, — так же громко вскричал Хэтч и схватил его за руку. — Я неплохо. А ты?

— Тоже. Четверо детей. Ищу новую работу с тех пор, как обанкротился «Мартин Марин».

— Четверо детей? — присвистнул Хэтч. — А ты времени зря не терял.

— Уж это точно. Дважды в разводе. Слушай, а тебя охомутали?

— Нет еще, — ответил Хэтч.

Донни фыркнул.

— Клэр видел?

— Нет.

Неожиданно Хэтч почувствовал раздражение.

Пока Донни укладывал омара в его тарелку, Хэтч разглядывал своего старого приятеля. Он растолстел, стал немного медлительным, но в остальном был таким же, как двадцать пять лет назад. Болтун, не слишком умный, зато добрый.

Донни смотрел на Хэтча и хитро ухмылялся.

— Да ладно тебе, Донни, — сказал Хэтч. — Мы с Клэр были всего лишь друзьями.

— Ну, да. Друзьями они были. По-моему, друзей не ловят за поцелуйчиками в долине Сквикерс. Это ведь были всего лишь поцелуйчики, а Мал?

— Это было давным-давно. Я не могу помнить всех своих романов.

— Но лучше первой любви ничего нет, верно, Мал? — Джонни захихикал и подмигнул ему из-под копны морковно-рыжих волос. — Кстати, она где-то здесь. Но тебе придется заняться кем-нибудь другим, потому как она...

Неожиданно Хэтч понял, что не хочет больше слышать про Клэр.

— Я задерживаю очередь, — перебил он Донни.

— Это точно. Еще увидимся.

Не переставая ухмыляться, Донни помахал вилкой и ловко разворошил новый слой водорослей, под которыми лежали ярко-красные омары.

«Значит, Донни нужна работа, — подумал Хэтч, направляясь к столу для почетных гостей. — «Таласса» вполне может нанять парочку местных жителей».

Он нашел себе место между Биллом Бэннсом, главным редактором местной газеты, и Бадом Роуэллом. Нейдельман сидел неподалеку, рядом с мэром Джаспером Фицджеральдом и местным конгрегационалистским священником Вуди Клеем. По другую руку от Клея он заметил Лайла Стритера.

Хэтч с любопытством принялся разглядывать двух горожан. Отец Джаспера Фицджеральда владел местным похоронным бюро, и сын, вне всякого сомнения, унаследовал дело отца. Мэру было уже за пятьдесят — этот важный багроволицый господин помимо тоненьких усиков и дорогих подтяжек с зажимом «крокодил» мог похвастаться густым баритоном, почти басом, который заглушал все прочие голоса, точно контрафагот.

Хэтч перевел взгляд на Клея. «Этот явно не из местных», — подумал он. Клей практически во всем был противоположностью Фицджеральда — аскетически худой, с изможденным, одухотворенным лицом святого, только что вышедшего из пустыни. Однако он заметил его напряженный, цепкий взгляд. Хэтч сразу понял, что священнику не по себе за столом для почетных гостей; судя по всему, он относился к той породе людей, которые привыкли говорить очень тихо, словно боялись, что их кто-нибудь подслушает. Клей о чем-то беседовал со Стритером, и Хэтчу стало интересно, что может говорить священник, от чего у начальника работ сделался такой смущенный вид.

— Газету видел, Малин? — прервал его размышления Билл Бэннс, и Хэтч вспомнил его характерный ленивый выговор.

В молодости Бэннс видел в местном кинотеатре «Первую полосу», и его представления о том, как должен выглядеть журналист, с тех пор не изменились. Рукава всегда закатаны, даже в самые холодные дни, а еще он постоянно носил зеленый солнцезащитный козырек,

так что лоб его, сегодня оставшийся непокрытым, казался странно голым.

— Не видел, — ответил Хэтч. — Я не знал, что она вышла.

— Сегодня утром, — ответил Бэннс. — Думаю, тебе понравится. Я сам написал передовую статью. С твоей помощью, конечно.

Он потрогал пальцем нос, словно хотел сказать: «Держи меня в курсе, и я буду писать только хорошее». Хэтч решил, что зайдет сегодня в магазинчик Бада и купит номер.

На столе лежали покрытые запекшейся кровью инструменты для разделки омаров: щипцы, топорики, киянки. Две огромные чаши, стоящие в центре, были переполнены разбитыми панцирями. Все вокруг колотили, ломали и ели. Оглядев павильон, Хэтч увидел Уопнера, который каким-то образом оказался за столом с рабочими из местного кооператива ловцов омаров, и услышал его скрипучий голос, который донес до него ветер.

— А вы знали, — говорил криптоаналитик, — что с точки зрения биологии омары — это насекомые? Если хорошенько разобраться, они просто большие подводные тараканы...

Хэтч отвернулся и сделал еще один большой глоток пива. В конце концов, обстановка вполне терпимая; возможно, даже лучше, чем просто терпимая. Он не сомневался, что все в городе знают его историю, да еще с подробностями. Однако — возможно, из вежливости или из скромности, присущей сельским жителям, — никто не сказал ему ни слова. И за это он был им благодарен.

Он оглядел толпу, пытаясь отыскать знакомые лица. Увидел Кристофера Сент-Джона, зажатого с двух сторон грузными местными жителями. Малину показалось, что он пытается решить, как лучше разделить омара, не устроив вокруг себя помойку. Хэтч перевел взгляд чуть дальше и заметил Кая Эстенсона, владельца скобяной лавки, и Тайру Томпсон, директора местной библиотеки. Она выглядела ни на день старше, чем тогда, когда выгоняла их с Джонни из здания за то, что они рассказывали анекдоты и слишком громко хихикали. «Наверное, укус действительно прекрасный консервант», — подумал он. И тут увидел белую голову и сгорбленные плечи и узнал своего учителя биологии, доктора Хорна, который стоял в дальнем конце павильона, словно не хотел пачкать руки омарами. Этот самый доктор Хорн оценивал его строже всех остальных учителей и говорил, что даже во время автомобильных катастроф трупы расчленены лучше, чем лягушки, побывавшие в руках Хэтча. Именно суровый и одновременно больше других помогавший ему доктор Хорн стал причиной его интереса к науке и медицине. Хэтч удивился и обрадовался, что старик еще жив.

Отвернувшись от него, Хэтч посмотрел на Бада, который высасывал мясо из лапки омара.

— Расскажи мне про Вуди Клея, — попросил он.

Бад ловко метнул ножку в ближайшую миску с отходами.

— Про преподобного Клея? Он священник. Говорят, когда-то был хиппи.

— А откуда он? — спросил Хэтч.

— Откуда-то из пригородов Бостона. Явился сюда двадцать лет назад, чтобы нести слово Божие в массы, и решил остаться. Говорят, отказался от большого наследства, когда принял сан.

Бад ловким движением разрезал хвост и вытащил мясо. В его голосе появились смущенные интонации, которые удивили Хэтча.

— А почему он решил остаться? — поинтересовался Малин.

— Ну, наверное, ему здесь понравилось. Ты же знаешь, как это бывает.

Бад замолчал и занялся хвостом.

Хэтч посмотрел на Клея, который закончил разговаривать со Стритером. Пока Малин с любопытством рассматривал его умное лицо, тот неожиданно поднял голову и встретился с ним глазами. Хэтч смущенно отвернулся к Баду Роуэллу, но обнаружил, что тот ушел за новой порцией. Краем глаза Хэтч заметил, что священник встал из-за стола и подходит к нему.

— Малин Хэтч? — спросил он и протянул руку. — Я преподобный Клей.

— Рад познакомиться с вами, преподобный отец.

Хэтч встал и пожал холодную вялую руку. Клей поколебался пару мгновений, а затем показал на пустой стул.

— Можно, я здесь сяду?

— Если Бад не будет против, я не возражаю, — ответил Хэтч.

Священник неловко пристроил свое тощее тело на маленький стул, причем его острые колени оказались почти на одном уровне со столом, и устремил острый взгляд на Хэтча.

— Я видел, что происходит на острове Рэггид, — тихо сказал он. — И слышал. Грохот, лязг, шум днем и ночью.

— Думаю, мы в чем-то похожи на почту, — заявил Хэтч, стараясь, чтобы голос звучал весело, и не понимая, куда ведет преподобный. — Никогда не спим.

Если его ответ и показался Клею остроумным, священник этого не показал.

— Экспедиция, наверное, стоит немалых денег, — сказал он и вопросительно приподнял брови.

— У нас надежные инвесторы, — ответил Хэтч.

— Инвесторы, — повторил Клей. — Это когда кто-то дает вам десять долларов и рассчитывает, что вы вернете ему двадцать.

— Можно и так сказать.

— Мой отец тоже любил деньги, — кивнув, заметил Клей. — Правда, счастья они ему не принесли, да и жизнь не продлили. Когда он умер, я унаследовал его акции и ценные бумаги. Бухгалтер называет их «портфель». Взглянув на бумаги, я обнаружил табачные компании и горнодобывающие, которые разрушают высокие горы, а также компании, торгующие древесиной и, следовательно, уничтожающие первозданные леса.

За время своей короткой речи он не сводил глаз с Хэтча.

— Понятно, — сказал тот наконец.

— Мой отец давал деньги людям, рассчитывая, что вернут ему вдвое больше. Так и случилось. Он получил в два, три, четыре раза больше. И вот все эти аморальные деньги стали моими.

Хэтч кивнул.

Клей опустил голову и заговорил тише:

— Могу ли я спросить, сколько — точно — вы и ваши инвесторы надеетесь получить в случае удачи вашего предприятия?

То, как священник произнес слово «сколько», насторожило Хэтча, но он понимал, что не ответить было бы ошибкой.

— Число получилось семизначное, — сказал он.

Клей медленно кивнул.

— Я прямой человек, — начал он. — И не умею вести пустопорожние разговоры. Мне так и не удалось научиться красиво выражаться, поэтому скажу, как могу. Мне совсем не нравятся ваши поиски сокровищ.

— Мне очень жаль, — ответил Хэтч.

Клей заморгал и уставился на него.

— Мне совсем не нравится, что в нашем городе появилось столько чужих людей, которые швыряют деньгами направо и налево.

С самого начала Хэтч готовился к таким высказываниям и теперь, услышав слова священника, почувствовал удивительное спокойствие.

— Я не уверен, что остальные горожане разделяют ваше презрение к деньгам, — спокойно проговорил он. — Многие из них всю свою жизнь были бедны. И не имели возможности выбрать нищету — в отличие от вас.

Лицо Клея напряглось, и Хэтч понял, что затронул болезненное место.

— Деньги вовсе не являются панацеей от всех бед, как думают люди, — продолжал священник. — Вам это известно не хуже, чем мне. У тех, кто живет в Стормхейвене, есть достоинство. Деньги разрушат наш город. Они уничтожат промысел ловли омаров,

уничтожат мир и покой, они уничтожат все. А самые бедные из горожан все равно не увидят никаких денег. Их столкнет с дороги развитие. Прогресс.

Хэтч не ответил. С одной стороны, он понимал Клея. Будет очень печально, если Стормхейвен превратится в один из сверхразвитых курортных городов, где на все предельные цены, вроде Бутбэя, расположенного дальше по побережью. Впрочем, это казалось ему маловероятным, вне зависимости от того, добьется «Таласса» успеха или нет.

— Мне нечего вам сказать, — проговорил он. — Мы закончим через пару недель.

— Сколько времени займет экспедиция, не имеет никакого значения, — ответил Клей, и в его голосе появились суровые нотки. — Важно, что вами движет. Охота за сокровищами — это алчность в чистом виде. Один человек уже лишился ног. Ничего хорошего у вас не выйдет. Остров Рэггид — плохое место, если хотите, проклятое. Я не суеверен, но Бог наказывает тех, у кого нечистые мотивы.

Неожиданно Хэтч почувствовал, что спокойствие уступает место гневу. Наш город? Нечистые мотивы?

— Если бы вы выросли в этом городе, вы бы знали, что мной движет, — сердито ответил он. — Вам не стоит брать на себя смелость судить о моих мотивах.

— Я ничего на себя не беру, — проговорил Клей, и его тощее тело напряглось, точно пружина. — Я знаю. Да, я вырос не в этом городе, но зато я знаю, что хорошо для него. Всех здесь соблазнила охота за сокровищами и обещание легких денег. Но только не меня, клянусь Господом Богом, только не меня. И я намерен защитить Стормхейвен. Защитить его от вас и от него самого.

— Преподобный Клей, мне представляется, что вам стоит перечитать Библию, прежде чем швырять подобные обвинения: не судите, да не судимы будете.

Неожиданно Хэтч сообразил, что кричит, а голос его дрожит от гнева. За окружающими столиками воцарилась тишина, люди упорно не поднимали глаз, глядя в свои тарелки. Он быстро встал, прошел мимо молчаливого, бледного Клея и направился через луг к темным руинам форта.

ГЛАВА 17

В форте было темно, холодно и сыро. Ласточки резвились внутри гранитной башни, проносясь, как пули, в солнечных лучах, которые проникали внутрь сквозь древние бойницы.

Хэтч прошел под древней аркой и остановился, тяжело дыша и пытаясь успокоиться. Сам того не желая, он позволил священнику спровоцировать себя, свидетелями его выходки стала половина города, а другая очень скоро о ней узнает.

Он уселся на остатки каменного фундамента. Наверняка Клей разговаривал и с другими. Хэтч сомневался, что его особенно слушали, разве что простые рыбаки. Они суеверны, и разговоры о проклятиях производят на них впечатление. Да еще его заявление о том, что раскопки уничтожат промысел ловцов омаров... Хэтч надеялся, что сезон будет удачным.

Он медленно начал успокаиваться, позволив тишине и мирному покою форта прогнать гнев и прислушиваясь к далекому шуму веселья. Да, в будущем нужно держать себя в руках. Этот тип настоящий зануда, но с ним следует считаться.

В старом форте царил такой умиротворяющий покой, что Малину казалось, он может сидеть здесь часами. Однако он знал, что придется вернуться на праздник, напустить на себя равнодушный вид и постараться все уладить. В любом случае ему следовало там быть, когда начнутся неизбежные речи. Хэтч встал и повернулся, собираясь уходить, когда, к своему удивлению, увидел в тени арки сгорбленную фигуру. Старик сделал шаг вперед и оказался в луче света.

— Профессор Хорн! — обрадовался Хэтч.

Лицо старого профессора сморщилось от улыбки удовольствия.

— А я все думал, когда ты меня заметишь, — сказал он и направился к Хэтчу, опираясь на свою палку. Тепло пожав ему руку, он заявил: — Ну и сцену ты устроил.

Хэтч покачал головой.

— Не сдержался, как самый настоящий идиот. Не знаю, как ему удалось вывести меня из себя.

— Тут нет ничего удивительного. Клей плохо воспитан, асоциален, у него жесткая мораль. Но под неприятной внешней оболочкой бьется сердце щедрое, как океан. Непредсказуемое и яростное, уж можешь не сомневаться. Он очень не простой человек, Малин. Не стоит его недооценивать. — Профессор схватил Хэтча за плечо. — Ладно, хватит про преподобного. А ты прекрасно выглядишь. Я очень тобой горжусь. Медицинская школа Гарварда, работа в Маунт-Оберне. Ты всегда был большим умником. К сожалению, это не всегда означало, что ты хорошо учился.

— Я очень многим вам обязан, — сказал Хэтч, вспомнив вечера в огромном, выстроенном в викторианском стиле доме, где он разглядывал коллекции бабочек, жуков и камней, — в последние годы перед тем, как они уехали из Стормхейвена.

— Чепуха. Кстати, у меня сохранилась твоя коллекция птичьих гнезд. Не знал, куда ее отправить, после того как ты уехал.

Хэтч почувствовал угрызения совести. Ему не приходило в голову, что почтеннейшего профессора может интересовать его судьба.

— Удивительно, что вы не выбросили этот мусор на помойку.

— На самом деле это великолепная коллекция. — Профессор сдвинул руку и вцепился в предплечье Хэтча мертвой хваткой. — Будь добр, помоги мне выбраться отсюда и пройти через луг. В последнее время меня стали подводить мои колесики.

— Я бы с вами связался...

Хэтч не договорил.

— Ни слова, даже адреса не оставил, — ядовито проговорил профессор. — А в прошлом году я прочитал про тебя в «Глоуб».

Хэтч отвернулся, чувствуя, как краска стыда заливает лицо.

Профессор ворчливо хмыкнул.

— Ладно, не важно. По всем статистическим данным, я уже давно должен быть в могиле. В следующий четверг мне исполнится восемьдесят девять, и позор тебе, если я не получу от тебя подарка.

Они вышли на залитый солнечными лучами луг, и ветерок донес до них голоса и веселый смех.

— Вы, наверное, слышали, почему я вернулся, — осторожно проговорил Хэтч.

— А кто не слышал? — язвительно поинтересовался профессор и замолчал.

Некоторое время они шли молча.

— И что? — спросил наконец Хэтч.

Старик с любопытством взглянул на него.

— Хорошо, поставим вопрос иначе, — сказал Хэтч. — Что вы думаете по поводу поисков сокровищ?

Профессор продолжал идти вперед, но вдруг остановился и повернулся к Малину.

— Не забудь, ты сам спросил, — сказал он.

Хэтч кивнул.

— Я считаю, что ты набитый дурак.

Хэтч был так потрясен его ответом, что не мог произнести ни слова. Его не удивила реакция Клея, но это...

— Почему?

— Ты лучше других должен понимать, какая это глупость. Что бы там ни находилось, вам его не достать.

— Послушайте, доктор Хорн, у нас есть машины, о которых прежние охотники за сокровищами даже мечтать не могли. Сонары, протоновые магнетометры, спутниковая связь

и возможность делать фотосъемку с воздуха. Нам удалось получить на работы двадцать миллионов долларов, а еще в нашем распоряжении дневник человека, который сконструировал Водяную Бездну.

Хэтч уже почти кричал, неожиданно он понял, что ему необходимо заручиться поддержкой старого профессора.

Доктор Хорн покачал головой.

— Малин, я уже почти целый век наблюдаю за тем, как они приезжают, а потом уезжают. И у всех самое современное оборудование. У всех имеется важная информация и блестящие идеи. Всякий раз они надеются, что им повезет. А заканчивается все одинаково. Банкротство, боль, даже смерть. — Он посмотрел на Хэтча. — Вы уже нашли сокровища?

— Ну, пока не нашли, — пришлось признаться Хэтчу. — У нас возникла маленькая проблема. Мы знали, что Водяная Бездна должна иметь подземный приливной туннель, ведущий в море, вот почему она наполняется водой. Мы использовали краситель, чтобы определить, где находится выход из туннеля. Только туннелей оказалось целых пять штук и...

— Понятно, — перебил его доктор Хорн. — Маленькая проблема. Я уже это слышал. Может быть, вам удастся ее решить. Но вслед за тем возникнут новые трудности, и еще, и так до бесконечности, пока вы не обанкротитесь. Или умрете. Или и то и другое.

— Но на этот раз все действительно будет иначе, — настаивал Хэтч. — Неужели вы хотите сказать, что достать сокровища невозможно? То, что создал человек, другой человек в состоянии разрушить.

Неожиданно профессор схватил Хэтча за руку, у него оказались на удивление сильные пальцы, жесткие и сухие, словно древние корни дерева.

— Я знал твоего деда, Малин. Он был очень похож на тебя: молодой, умный, впереди блестящее будущее, полон энтузиазма и жизнелюбия. Ты только что повторил то, что он сказал мне пятьдесят лет назад, слово в слово. — Профессор заговорил тише, но в его шепоте Хэтч услышал гнев. — Какое наследство он оставил твоей семье? Тебя интересует мое мнение. Так вот, если вкратце: возвращайся в Бостон, пока все не повторилось.

Он быстро повернулся и, сердито раздвигая тростью высокую траву, заковылял прочь и вскоре скрылся за холмами.

ГЛАВА 18

На следующее утро Хэтч, еще не пришедший в себя после выпитого накануне пива, закрылся в медпункте, разложил инструменты и принялся изучать, что же все-таки у него есть. В последние несколько дней ему пришлось иметь дело с парой несчастных случаев, но ничего серьезного — одна-две царапины и трещина ребра. Он двигался вдоль полок с инвентарным списком в руках, прислушиваясь к монотонному голосу прибора. Солнце, тусклое из-за вечного тумана, тщетно пыталось пробиться сквозь металлические жалюзи на окнах.

Покончив с инвентаризацией, Хэтч повесил листок рядом с полками и выглянул в окно. Он увидел высокого, широкоплечего Кристофера Сент-Джона, который осторожно обходил рывтины, направляясь к базовому лагерю. Англичанин перешагнул через толстый кабель и перепрыгнул через полихлорвиниловую трубу, а затем нырнул в офис Уопнера, чудом не ударившись головой о дверной косяк. Хэтч постоял немного, глядя ему вслед, а затем прихватил две черные папки и вышел из медпункта, решив, что, возможно, появились какие-нибудь новости относительно шифра.

В офисе Уопнера в базовом лагере царил еще более дикий беспорядок, чем в его каюте на «Цербере», — если такое вообще возможно. Помещение с самого начала было небольшим, а многочисленные мониторы и оборудование делали его крайне тесным — у Хэтча тут же возникло давящее ощущение клаустрофобии. Уопнер сидел на единственном стуле, стоящем в дальнем углу около панели управления. На потолке работали два мощных

вентилятора, которые нагнетали в помещение холодный воздух, а на дальней стене висел огромный кондиционер.

Несмотря на это, в комнате было душно от работающих приборов, и, войдя внутрь, Хэтч увидел, что Сент-Джон ищет место, куда бы повесить пиджак. В конце концов он аккуратно положил его на ближайшую консоль.

— Здорово, — заметил Уопнер. — Ваш прекрасный твидовый пиджак что-нибудь замкнет, и все полетит к чертям собачьим.

Сент-Джон нахмурился и снова взял пиджак в руки.

— Керри, ты можешь уделить мне пару минут? — спросил он. — Нам нужно обсудить шифр.

— А я похож на человека, у которого есть пара свободных минут? — спросил Уопнер и с сердитым видом отодвинулся от терминала. — Я только что закончил диагностику систем острова. Все до самого последнего микрокода. Провозился целый час, и это на максимальной ширине полосы частот. Проверил все: насосы, компрессоры, сервомеханизмы, все-все. Никаких проблем или расхождений.

— Отлично, — сказал Хэтч.

Уопнер удивленно уставился на него.

— А у вас с мозгами как? Отлично? Это ужасно!

— Почему?

— Помните, у нас произошел сбой системы? Чертовы насосы перестали работать. А потом я сравнил компьютерную систему острова со «Сциллой» на «Цербере», и знаете, что получилось? Чип ПЗУ здесь, на «Цербере», был изменен. Изменен! — Он с яростью стукнул по ближайшему системному блоку.

— И что?

— И я снова провел проверку, которая показала, что у нас все в полном порядке. И не только это: нигде никаких отклонений. — Уопнер наклонился вперед. — Никаких! Вы что, не понимаете? Это физически невозможно. С компьютерами такого не бывает.

Сент-Джон, который стоял, заложив руки за спину, окинул взглядом забитую самыми разными приборами и компьютерами комнату.

— Призрак в машине, Керри? — предположил он.

Уопнер проигнорировал его слова.

— Я не очень разбираюсь в компьютерах, — продолжал Сент-Джон, и его густой, сочный голос наполнил помещение, — но один термин мне известен: принцип КЗТО — «каков запрос — таков ответ».

— Нечего на меня наезжать. Дело вовсе не в программе.

— А, понятно. Это не может быть ошибкой человека. Насколько мне известно, одного-единственного неправильного уравнения на Фортране хватило, чтобы «Маринер-1» превратился в космический мусор и с тех пор о нем никто не слышал.

— Но ведь сейчас система работает, — вмешался Хэтч. — Почему бы не оставить все как есть.

— Чтобы все повторилось? Я хочу знать, почему это дерьмо отказалось работать.

— В настоящий момент ты все равно ничего не можешь сделать, — сказал Сент-Джон. — А мы выбились из графика с решением задачи по дешифровке. Ничего не получается. Я провел кое-какие дополнительные исследования, и мне кажется, что мы поспешили, отказавшись...

— Дерьмо на палке! — огрызнулся Уопнер, поворачиваясь к нему. — Неужто вы собираетесь снова пачкать мне мозги своим бредом про полиалфавит, а, старина? Послушайте, я намерен изменить алгоритм своей программы, дам ей пятидесятипроцентный системный приоритет, и все завертится. Шагайте в свою библиотеку. И приходите вечером, когда придумаете что-нибудь разумное.

Сент-Джон взглянул на Уопнера, надел пиджак и вышел в пропитанное туманом утро. Хэтч последовал за ним в его офис.

— Спасибо, — сказал Малин, возвращая Сент-Джону две папки.

— На самом деле он прав, — проговорил историк, усаживаясь за свой рабочий стол, где царил идеальный порядок, и придвинув к себе старенькую пишущую машинку. — Просто я испробовал все, что только мог придумать. Я основывал свои исследования на шифровальных методах, известных во времена Макаллана. Даже рассматривал эти записи как математическую задачу, астрономическую или астрологическую систему, как код иностранного языка. Никакого толку.

— А что такое полиалфавит? — спросил Хэтч.

— Шифр, который основывается на полиалфавите, — вздохнув, объяснил Сент-Джон. — На самом деле он очень прост. Видите ли, коды во времена Макаллана были совсем несложными монофоническими заменами. У вас имелся обычный алфавит, затем шифровальный алфавит, не подчиняющийся никакой системе. Чтобы что-нибудь зашифровать, вы смотрели, какая буква из шифровального алфавита соответствует следующей букве в вашем документе. Предположим, букве «к» соответствовала буква «з», «о» — «щ», а «т» — «у». Тогда, если вы хотели написать слово «кот», у вас получалось «зщу». Именно так устроены криптограммы в вашей местной газете.

— Кажется, совсем не сложно.

— Да, но это не слишком надежная система. А что, если вам придется иметь дело с несколькими разными шифровальными алфавитами? Предположим, вместо одного у вас их десять. Шифруя свое письмо по буквам, вы пройдете по всем десяти шифровальным алфавитам, а затем снова начнете с первого. Вот это и называется полиалфавитный шифр. Теперь уже «кот» будет выглядеть не как «зщу», каждая буква получит свой эквивалент из другого алфавита.

— Наверное, прочитав такой шифр не просто.

— Да, эти шифры очень трудны. Но Керри твердит, что во времена Макаллана полиалфавиты не использовали. Их, конечно, знали. Но считалось, что они отнимают слишком много времени, да и ошибиться при такой системе легко. — Сент-Джон снова вздохнул. — Однако в нашем случае самая главная проблема заключена в таблицах. Если Макаллан взял полиалфавит, куда он мог спрятать необходимые ему таблицы? Рыжий Нед Окхем сразу бы его раскусил, если бы их увидел. И, несмотря на свои блестящие способности, выучить их наизусть он не мог.

— Если вы считаете, что существует вероятность использования такого шифра, почему бы вам не попробовать его разгадать?

Уголки губ Сент-Джона дрогнули в улыбке.

— Будь у меня месяца два, я бы попытался. Но этого времени нет. Кроме того, я не имею ни малейшего представления о том, какой длины ключ он использовал, и использовал ли вообще, и с какой систематичностью вставлял нули.

— Нули?

— *Nihil importantes*.³⁸ Буквы, которые ничего не значат, ставятся внутри текста, чтобы запутать того, кто попытается его прочитать.

Снаружи прозвучал сигнал корабельной сирены, низкий и таинственный, и Хэтч взглянул на часы.

— Уже десять, — сказал он. — Мне пора. Через несколько минут начнут запечатывать туннели и выкачивать воду. Удачи вам с Керри.

ГЛАВА 19

Выйдя из базового лагеря, Хэтч поспешил вверх по тропинке к Ортханку, стремясь поскорее увидеть новое сооружение, появившееся над Водяной Бездной всего за сорок

³⁸ Ничего важного (лат.)

восемь часов. Еще не добравшись до вершины острова, он увидел застекленную наблюдательную вышку, по внешнему краю которой шла узкая площадка. Подойдя ближе, он разглядел массивные опоры, а на них, примерно в сорока футах над песчаной почвой, была подвешена буровая установка. С нижней части башни внутрь Водяной Бездны свисали лебедки и многочисленные кабели. «Господи, — подумал Хэтч, — эту штуку, наверное, видно с материка».

Неожиданно его мысли вернулись к фестивалю и к тому, что сказали ему Клей и его старый учитель. Он знал, что профессор Хорн будет держать свое мнение при себе. А вот Клей — совсем другое дело. До сих пор жители Стормхейвена благосклонно относились к деятельности «Талассы», и Хэтч решил, что должен постараться сделать так, чтобы их отношение не изменилось. Еще до окончания праздника он поговорил с Нейдельманом о работе для Донни Труитта. Капитан сразу же включил его в команду, которая займется раскопками на дне Водяной Бездны, когда та будет осушена.

Хэтч подошел к вышке и взобрался наверх по внешней лестнице. Вид с наблюдательной площадки открывался потрясающий. Туман, постоянно висящий над островом, превратился в лучах утреннего солнца в светящиеся клочья, и в его разрывах Хэтч смог разглядеть темно-пурпурную полосу материка. Солнце отражалось от поверхности океана, окрасив его в тона чеканного металла, над рифами с наветренной стороны бурлила вода, нарядив их верхушки пеной и водорослями. Неожиданно ему в голову пришли строчки из Руперта Брука:³⁹

И легкое кружево пены,
Что тает, когда убегает волна.

Он поднял голову, услышав голоса. На дальней стороне наблюдательной платформы Хэтч увидел Изобель Бонтер, ее водолазный костюм влажно сверкал в лучах солнца. Она перевесилась через перила и отжимала волосы, одновременно о чем-то оживленно беседуя с Нейдельманом.

Когда Хэтч подошел, она повернулась к нему и улыбнулась.

— А вот мужчина, который спас мне жизнь!

— Как ваша рана? — в ответ спросил Хэтч.

— *De rien, monsieur le docteur.*⁴⁰ Сегодня утром, в шесть, я уже ныряла, в то время как вы наверняка видели самые сладкие сны. И вы не поверите, что мне удалось обнаружить!

Хэтч посмотрел на Нейдельмана, который с довольным видом кивал и дымил трубкой.

— Помните каменный фундамент, который я нашла на днях? — продолжала она. — Он идет вдоль внутренней части рифов по всему южному берегу острова. Сегодня утром я рассмотрела его как следует. Есть только одно объяснение тому, что это такое: основание водонепроницаемой перемычки.

— Водонепроницаемая перемычка? Возведенная вокруг конечности острова? Зачем? — Не успев задать свой вопрос до конца, Хэтч уже понял, что знает ответ. — Боже праведный! — выдохнул он.

Бонтер ухмыльнулась.

— Пираты построили полукруглую дамбу вдоль южных рифов. Они затопили деревянные сваи по дуге от берега до отмели, а затем вывели их на берег. Получилось что-то вроде частокола в море. Я нашла следы смолы и пакли, которыми они, по-видимому, пользовались, чтобы внутрь не проникала вода. Затем они выкачали морскую воду, открыли морское дно около берега и вырыли пять приливных туннелей. Закончив, они просто

³⁹ Брук, Руперт (1887–1915) — английский поэт.

⁴⁰ Ерунда, мсье доктор (фр.).

разрушили дамбу, и вода хлынула внутрь. Ловушка готова!

— Да, — добавил Нейдельман. — Стоит хорошенько подумать, и такое решение кажется почти очевидным. Как еще, не имея аквалангов и прочего оборудования, они могли построить подводные туннели? Макаллан был не только архитектором, но еще и инженером. Он руководил строительством Старого моста в Баттерси и потому разбирался в законах строительства на мелководье. Вне всякого сомнения, именно он все это придумал, до самой мельчайшей детали.

— Дамба вдоль всей оконечности острова? — проговорил Хэтч. — Задача не из простых.

— Да, не из простых. Но не забывайте, у него было более тысячи полных энтузиазма рабочих, а также цепные помпы на кораблях. — Раздался новый сигнал корабельной сирены, и Нейдельман посмотрел на часы. — Пятнадцать минут до взрывов, которые запечатают пять туннелей. Туман немного рассеялся, и мы сможем все увидеть. Заходите внутрь.

Капитан провел их в Ортханк. Под окнами, идущими по всему периметру стен, Хэтч увидел самое разное оборудование и горизонтально установленные мониторы. Магнусен и Рэнкин стояли наготове в противоположных углах башни, а пара техников, незнакомых Хэтчу, занимались последней проверкой готовности. Мониторы на одной из стен демонстрировали картинки, которые передавались с разных участков острова: командный центр, вход в Водяную Бездну, внутренности самого Ортханка.

Больше всего в этой башне Хэтча поразила массивная стеклянная плита, занимавшая центральную часть пола. Хэтч шагнул вперед и заглянул в пасть Водяной Бездны.

— Посмотрите сюда, — сказал Нейдельман и нажал на кнопку ближайшей консоли.

Тут же вспыхнула ртутная лампа, и ее мощный луч устремился в темноту. На дне Водяной Бездны плескалась морская вода. На поверхности плавали водоросли, а среди них резвились креветки, привлеченные светом. В мутной воде Хэтч разглядел обломки старых деревянных балок, облепленных рачками и уходящих в глубину. Толстая труба с металлическими сочленениями спускалась вниз по стене колодца, соединяясь с другими, более тонкими кабелями и проводами.

— Глотка зверя, — с мрачным удовлетворением проговорил Нейдельман и показал на консоли, установленные под окнами. — Мы снарядили башню самым современным оборудованием, включая радар, работающий на разных частотах. Все подключено к компьютеру базового лагеря.

Он снова взглянул на часы.

— Доктор Магнусен, коммуникационная станция в порядке?

— Да, капитан, — ответила инженер, откинув короткие волосы назад. — Все пять буев ведут передачу и готовы принять наш сигнал.

— Уопнер на «Первом острове»?

— Я связалась с ним пять минут назад. Он скоро будет там, если уже не пришел.

Нейдельман подошел к панели управления и включил приемник.

— «Наяда» и «Касатка», говорит Ортханк. Как поняли? Он тут же получил подтверждение, что его слышат.

— Займите свои позиции. Мы взрываем заряды через десять минут.

Хэтч подошел к окну. Туман превратился в далекую дымку, и он отлично видел, как два баркаса отошли от причала и заняли позиции неподалеку от берега. Внутри кольца рифов вдоль южного берега острова пять электронных буев отмечали входы в приливные туннели. Он знал, что каждый из них заминирован несколькими фунтами взрывчатки. Антенны буев мигали в лучах солнца, готовые принять сигнал о детонации.

— «Первый остров», доложите обстановку, — проговорил Нейдельман в микрофон.

— Уопнер на месте.

— Записывающие системы работают?

— Да, все тип-топ, — несчастным голосом ответил Уопнер.

— Хорошо. Сообщай мне обо всех изменениях.

— Капитан, что я здесь делаю? — жалобно спросил компьютерщик. — Башня охвачена сетью, а вы все равно собираетесь запускать помпы вручную. Все, что вам нужно, можете сделать сами. Мне нужно заниматься проклятым шифром.

— Мне больше не нужны никакие сюрпризы, — отрезал Нейдельман. — Мы взорвем заряды, запечатаем туннели, а потом выкачаем воду из Водяной Бездны. Ты скоро вернешься к дневнику.

Внизу началось какое-то движение, и Хэтч разглядел Стритера, который командовал рабочими, занимавшими свои места около рукава помпы. Бонтер вернулась с наблюдательной площадки, волосы у нее высохли и мягкой волной струились по плечам.

— Сколько осталось до начала фейерверка? — спросила она.

— Пять минут, — ответил Нейдельман.

— Как здорово! Обожаю взрывы.

Она подмигнула Хэтчу.

— Доктор Магнусен, — вмешался Нейдельман. — Пожалуйста, последняя проверка.

— Разумеется, капитан. — На несколько мгновений повисла тишина. — Все в полном порядке. Коммуникационные сигналы в норме. Помпы готовы к работе.

Рэнкин подозвал Хэтча и показал на монитор.

— Смотрите.

Взгляду открылась Водяная Бездна в поперечном разрезе, на сто футов вниз, размеченная с частотой в десять футов. Внутри стояла синяя колонка, доходящая до уровня поверхности.

— Мы смогли поместить в Водяную Бездну миниатюрный глубиномер, — не в силах скрыть волнение, сказал Рэнкин. — Чуть раньше Стритер отправил туда водолазов, но им удалось спуститься всего на тридцать футов, мешают обломки. Вы не поверите, сколько там за это время скопилось мусора. — Он кивком показал на монитор. — Благодаря ему мы сможем отсюда контролировать падение уровня воды.

— Всем внимание! — проговорил Нейдельман. — Взрывы будем производить серийно.

В наблюдательной башне воцарилась тишина.

— Первая серия, боевая готовность, — тихо скомандовала Магнусен, и ее короткие пальцы запорхали по консоли.

— Десять секунд, — пробормотал Нейдельман.

Атмосфера накалилась.

— Огонь!

Хэтч посмотрел в сторону моря, и на одно напряженное мгновение ему показалось, что ничего не изменилось, но уже в следующую секунду в небо взметнулся могучий водяной гейзер, подсвеченный изнутри оранжевым сиянием. И тут же от взрывной волны задрожали стекла на наблюдательной вышке. Громкий стон пронесся над водой, а через тридцать секунд ему ответило эхо с материка. Гейзер начал опадать, словно в замедленной съемке, следом посыпалась пыль, земля и водоросли, высокие волны побежали по океану, и «Наяда», которая оказалась ближе другого баркаса к месту взрыва, бешено закачалась.

— Вторая серия, огонь! — проговорил Нейдельман, и следующий взрыв разнес рифы в ста ярдах от первого.

Нейдельман спокойно продолжал отдавать приказы, и вскоре Хэтчу показалось, что все южное побережье острова Рэггид стало жертвой яростного шторма. «Плохо, что сегодня не воскресенье, — подумал он. — Мы бы оказали Клею услугу, разбудив его прихожан, на проповедь никто бы не опоздал». Пока вода успокаивалась, а водолазы проверяли результаты взрывов, все молчали. Получив сообщение, что все пять туннелей запечатаны, Нейдельман повернулся к Магнусен.

— Приготовьтесь включить помпы. Скорость — двадцать тысяч галлонов в минуту. Стритер, твоя команда должна быть наготове. — Не выпуская из рук приемник, он повернулся к собравшимся в башне. — Давайте осушим Водяную Бездну, — сказал он.

С южного берега послышалось низкое рычание, это заработали двигатели помп. Почти

одновременно Хэтч услышал громкий ритмичный стук, словно биение гигантского сердца. Водяная Бездна неохотно отдавала воду, скопившуюся в ее глубинах. Заглянув вниз, он увидел, как зашевелилась толстая труба, когда вода начала свое путешествие из колодца по острову и обратно в океан. Рэнкин и Бонтер не сводили глаз с монитора, фиксирующего глубину Бездны, Магнусен контролировала работу запасной системы. Башня начала едва заметно вибрировать.

Прошло несколько минут.

— Уровень воды снижен на пять футов, — доложила Магнусен.

Нейдельман повернулся к Хэтчу.

— Во время отливов вода здесь опускается на восемь футов и никогда ниже, — сказал он. — Когда мы доберемся до отметки в десять футов, это будет означать, что мы победили.

В башне снова повисло напряженное молчание. Затем Магнусен подняла голову и оторвалась от консоли.

— Десять футов, — совершенно спокойно доложила она.

Все начали переглядываться, а на лице Нейдельмана расцвела счастливая улыбка.

В следующее мгновение Ортханк превратился в место всеобщего ликования. Бонтер громко свистнула и, подпрыгнув, бросилась на грудь удивленного Рэнкина. Техники с энтузиазмом хлопали друг друга по спине. Даже губы Магнусен искривило подобие улыбки, прежде чем она снова повернулась к своим мониторам. Кто-то извлек на свет бутылку «Вдовы Клико» и пластиковые стаканчики для шампанского.

— Боже праведный, у нас получилось! — вскричал Нейдельман, пожимая окружающим руки. — Мы осушим Водяную Бездну.

Он потянулся к бутылке шампанского, сорвал фольгу и выстрелил пробкой.

— Это место не зря получило свое имя, — сказал он, разливая шампанское по стаканчикам, и Хэтчу показалось, что он уловил в голосе капитана волнение. — В течение двух веков самым страшным врагом тех, кто пытался добраться до сокровищ, была вода. Пока Водяная Бездна не будет осушена, до клада не добраться. Но, друзья мои, с завтрашнего дня остров должен получить новое имя. Моя благодарность и поздравления вам всем. — Он поднял свой стаканчик, и по всему острову прокатилась волна ликования.

— Уровень воды опустился на пятнадцать футов, — сообщила Магнусен.

Держа шампанское в одной руке, Хэтч направился к середине комнаты и заглянул сквозь стеклянную панель в самую пасть Водяной Бездны. Команда Стритера собралась около огромной трубы, следя за работой помпы. Поскольку вода откачивалась со скоростью 20 000 галлонов в минуту — целый бассейн за две минуты, — ему показалось, что он видит, как ее уровень снижается. Она ползла вниз по покрытым водорослями балкам, открывая, миллиметр за миллиметром, облепленные ракушками и бурыми водорослями стены. Неожиданно он ощутил странное чувство сожаления. Им удалось сделать за две недели то, что два века несло людям боль, страдания и смерть, и это казалось несправедливым и каким-то слишком будничным.

Нейдельман взял рацию.

— Это капитан. — Его голос пронесся над островом и темной водой. — Будучи главой нашего предприятия, данной мне властью я объявляю сегодняшний день выходным для всех, кто не занят в непосредственных работах.

Его слова приветствовал дружный вопль ликования, а Хэтч посмотрел на Магнусен, пытаясь понять, что ее так заинтересовало.

— Капитан! — позвал Рэнкин, который снова повернулся к своему монитору.

Увидев выражение, появившееся на его лице, к нему подошла Бонтер и тоже взглянула на экран.

Нейдельман, который наливал новую порцию шампанского, повернулся к геологу.

Рэнкин показал на монитор.

— Вода больше не опускается.

Все молча повернулись к стеклянному полу.

Тихое, ровное шипение зазвучало из Бездны. Темная поверхность воды, изукрашенная пузырьками воздуха, которые всплывали из ее черных глубин, бурлила и кипела.

Нейдельман отошел от стеклянной панели.

— Увеличить скорость откачивания воды до тридцати тысяч галлонов в минуту, — спокойно приказал он.

— Слушаюсь, сэр, — ответила Магнусен, и тут же рычание, доносившееся с южной оконечности острова, стало громче.

Не говоря ни слова, Хэтч подошел к Рэнкину и Бонтер, которые стояли около монитора геолога. Голубая полоска воды остановилась между отметками десять и двадцать футов. Затем она ожила и начала подниматься.

— Вода снова поднялась до пятнадцати футов, — сказала Магнусен.

— Как такое возможно? — удивленно спросил Хэтч. — Ведь все приливные туннели запечатаны. Вода не может попадать в Бездну.

Нейдельман заговорил в рацию:

— Стритер, каков предел возможностей у помп?

— Они настроены на сорок тысяч, сэр, — услышали они ответ.

— Я не спрашиваю, на сколько они настроены. Меня интересует предел.

— Пятьдесят тысяч. Но, капитан...

Нейдельман повернулся к Магнусен.

— Давайте.

Рев двигателей стал почти оглушительным, и башня начала дико сотрясаться от напряжения. Никто не произносил ни слова, все глаза были прикованы к мониторам. Голубая линия снова замерла, потом дрогнула и немного опустилась. Хэтч медленно выдохнул, только сейчас сообразив, что стоял, затаив дыхание.

— Дерьмо, — прошептала Бонтер, и Хэтч с удивлением обнаружил, что вода снова начала подниматься.

— Снова десять футов, — ровным голосом доложила Магнусен.

— Выставляйте шестьдесят, — велел Нейдельман.

— Сэр! — послышался из радиоприемника голос Стритера. — Мы не можем...

— Выполняйте! — рявкнул Нейдельман, обращаясь к Магнусен, его голос прозвучал жестко, тонкие губы превратились в две белые полосы.

Инженер решительно повернулась к панели управления.

И снова Хэтч подошел к окну. Внизу он увидел людей Стритера, они надевали дополнительные металлические кольца на трубу помпы, которая дергалась и подпрыгивала на месте, точно вдруг превратилась в живое существо. Хэтч напрягся, понимая, что, если труба не выдержит, вода под давлением шестьдесят тысяч галлонов в минуту может разорвать человека надвое.

Рев помп превратился в оглушительный вой баньши и заполнил все вокруг. Комья земли срывались с края Бездны и падали вниз, в кипящую воду. Зеленая линия дрогнула, но не опустилась.

— Капитан! — снова крикнул Стритер. — Помпа не выдержит!

Нейдельман стоял неподвижно, словно замороженный глядя в глотку Водяной Бездны.

— Капитан! — Стритер орал из последних сил, пытаясь перекрыть поднявшийся шум. — Если рукав лопнет, вода может разрушить Ортханк.

Хэтч открыл рот, собираясь что-то сказать, но в этот момент Нейдельман резко повернулся к Магнусен.

— Выключайте, — приказал он.

В наступившей тишине Хэтч услышал стоны и шепот Водяной Бездны.

— Уровень воды возвращается к норме, — доложила Магнусен, не поворачиваясь от консоли.

— Дерьмо собачье, — возмутился Рэнкин, просматривая показания сонаров. — Мы запечатали все пять туннелей. Похоже, у нас серьезная проблема.

Нейдельман повернулся к нему вполоборота, и Хэтч увидел его жесткий профиль и суровый блеск в глазах.

— Никаких проблем, — заявил он глухим голосом со странной интонацией. — Мы сделаем то, что сделал Макаллан. Мы построим дамбу.

ГЛАВА 20

Без четверти десять Хэтч спустился с «Цербера» и прошел по сходням к своему баркасу. В конце рабочего дня он отправился на судно, чтобы проверить аппарат для клинического анализа крови, который мог ему пригодиться, если кому-нибудь из членов экспедиции понадобится переливание крови. На корабле он разговаривал с рулевым, который тут же пригласил его на обед на камбузе вместе с полудюжиной членов команды. Наконец, съев невероятное количество лазаньи и выпив несколько галлонов эспresso, Хэтч попрощался с веселыми членами команды и лаборантами и зашагал по белым коридорам к выходному люку. На мгновение он задержался около каюты Уопнера, решив спросить, как продвигается расшифровка дневника, но потом подумал, что отвратительный прием, который его ждет, перевешивает все, что ему, возможно, удастся узнать.

Вернувшись на «Простушку Джейн», он завел мотор, поднял якорь и направился в теплую ночь. Далекие огни материка расцветивали ее черное покрывало, а те, что горели на острове Рэггид, мягко сияли, озаряя окутавший его туман. Венера висела на западе над горизонтом, отражаясь в воде дрожащей белой линией. Сверкающий след тянулся за кормой: искры, рассыпающиеся от зеленых огней. Хэтч удовлетворенно вздохнул, с удовольствием предвкушая приятную прогулку, несмотря на поздний час.

Неожиданно баркас вздрогнул, и Хэтч быстро заглушил мотор. «Похоже, вода попала в топливопровод», — подумал он. Тяжело вздохнув, Малин отправился за фонариком и инструментами, а затем вернулся в кубрик и отодвинул в сторону доски, открыв мотор. Он немного поводит лучом фонарика в поисках водомаслоотделителя. Обнаружив его, Хэтч открутил маленькую крышку и увидел, что внутри полно темной жидкости. Он вылил ее за борт и наклонился, чтобы поставить емкость обратно.

И замер на месте. В повисшей над «Простушкой Джейн» тишине ночной покой нарушал диковинный звук. Хэтч прислушался и тут же все понял: женский голос, низкий и мелодичный, пел необыкновенной красоты арию. Он выпрямился и повернулся в сторону голоса, который плыл над темными волнами, волшебным неуместным здесь, наполненный сладостной мукой.

Хэтч стоял не шевелясь и, словно околдованный, прислушивался к голосу. Оглядевшись по сторонам, он сообразил, что голос доносится с «Грифона», на котором были погашены все огни, только где-то на палубе сияла крошечная красная точка. Хэтч поднес к глазам бинокль и увидел, что капитан курит свою трубку.

Хэтч закрыл мотор и снова его завел. Тот заработал со второй попытки и теперь звучал четко и ритмично. Неожиданно Хэтч поддался импульсу и направил «Простушку Джейн» в сторону «Грифона».

— Добрый вечер, — приветствовал его капитан, и его тихий голос неожиданно громко прозвучал в ночном воздухе.

— И вам того же, — сказал Хэтч и поставил двигатель на холостые обороты. — Зуб даю, это Моцарт, но оперы я не знаю. Может, «Свадьба Фигаро»?

— Ария Зеффиретти.⁴¹ — покачив головой, ответил капитан.

— А, из «Идоменей».

— Да. Сильвия Макнейр великолепно исполняет свою партию, правда? А вы любите оперу?

⁴¹ Ария из оперы В.-А. Моцарта «Идоменей, царь критский».

— Моя мать любила. Каждый субботний вечер она включала радио, и наш дом наполняли трио и тутти.⁴² Я научился ценить музыку лет пять назад.

Они помолчали немного.

— Подниметесь на борт? — неожиданно спросил Нейдельман.

Хэтч привязал «Простушку Джейн», заглушил мотор и, ухватившись за руку капитана, запрыгнул на борт. Трубка Нейдельмана едва заметно тлела, проливая на его лицо красноватое сияние и подчеркивая запавшие щеки и глаза. Лунный свет коснулся рубки и тут же вспыхнул на золотой спирали, которая ее украшала.

Они молча стояли у перил, вслушиваясь в последние звуки арии. Когда она подошла к концу, начался речитатив, а Нейдельман, сделав глубокий вдох, высыпал содержимое трубки за борт.

— Почему вы ни разу не сказали мне, что я должен бросить курить? — спросил он. — Все доктора, с которыми мне пришлось сталкиваться, требовали, чтобы я немедленно покончил с этой вредной привычкой — кроме вас.

— Зачем зря тратить силы, — подумав немного, ответил Хэтч.

Нейдельман тихонько рассмеялся.

— Значит, вы меня уже хорошо изучили. Давайте спустимся вниз и пропустим по стаканчику портвейна.

Хэтч удивленно посмотрел на капитана. Только сегодня вечером на камбузе «Цербера» он слышал, что никого никогда не приглашают в нижние каюты «Грифона»; на самом деле никто даже не знал, как они выглядят. Капитан вел себя дружелюбно со всеми членами экспедиции, но всегда держался от них на расстоянии.

— Мне повезло, что я не стал читать вам лекцию по поводу ваших пороков, верно? — сказал он. — Спасибо, я с удовольствием выпью стаканчик.

Они прошли в рубку, спустились по ступеням и миновали низкую дверь. За ней Хэтч увидел узкую металлическую лесенку, еще одну дверь и большую комнату с низким потолком. Она была обшита роскошными панелями из красного дерева с резьбой эпохи короля Георга и перламутром. Иллюминаторы украшали витражи от «Тиффани», у стен стояли кожаные табуреточки. В дальнем конце горел маленький камин, наполняя каюту теплом и едва различимым ароматом березы. По обеим сторонам камина высились застекленные стеллажи с книгами в переплетах из телячьей кожи и с золотыми печатями на корешках. Он подошел поближе, чтобы прочесть названия: Р. Гаклюйт⁴³ «Путешествия», раннее издание «Принципиа» Ньютона. Тут и там бесценные манускрипты с цветными рисунками и инкунабулы,⁴⁴ расставленные так, чтобы можно было увидеть обложки; Хэтч узнал отличное издание «Часослова» герцога Беррийского.⁴⁵ И маленькую полку, посвященную оригинальным изданиям ранних пиратских текстов: «Радости холостяка» Лайонела Вафера,⁴⁶ «Пираты Америки» Александра Эксквемелина⁴⁷ и «История

⁴² Весь оркестр (ит.).

⁴³ Гаклюйт, Ричард (1552–1616)— «кабинетный» английский географ, знаменит своими изданиями по истории путешествий и географических открытий.

⁴⁴ Первопечатные книги до 1501 года.

⁴⁵ Одна из самых великолепных иллюстрированных французских рукописей XV века, музей Конде, Шантийи.

⁴⁶ Лайонел Вафер был одной из наиболее колоритных фигур среди испанских мореплавателей. Английский пират и врач, начал морскую карьеру в 1677 году, когда отправился в Ост-Индию, второе путешествие привело его в Вест-Индию. На Ямайке покинул корабль и остался работать на плантации с братом. Но затем снова вернулся к пиратству.

ограблений и убийств, совершенных самыми известными пиратами» Чарльза Джонса. Эта библиотека стоила приличного состояния. «Интересно, — подумал Хэтч, — не снарядил ли Нейдельман корабль своими прежними находками?»

Рядом с одним из шкафов висел небольшой морской пейзаж в золоченой рамке. Хэтч подошел поближе, чтобы его рассмотреть, и не смог сдержать удивленного вздоха.

— Господи, — проговорил он, — это же Тернер!

Нейдельман кивнул.

— «Метель. Пароход выходит из гавани и подает сигнал бедствия, попав в мелководье». Эскиз для картины, которая была написана в тысяча восемьсот сорок втором году.

— Той, что выставлена в галерее Тейт? — спросил Хэтч. — Когда я был в Лондоне пару лет назад, я несколько раз пытался ее срисовать.

— Вы художник? — спросил Нейдельман.

— Любитель. Рисую в основном акварели.

Хэтч сделал шаг назад и снова огляделся по сторонам. Другие картины, висевшие на стенах, были гравюрами на меди, изображавшими крупные цветы, диковинные травы и экзотические растения.

Нейдельман подошел к небольшому столику с углублениями, выстланными мягкой тканью, уставленному хрустальными графинами и маленькими стаканчиками. Вытащив два стакана, он налил на два пальца в каждый.

— Гравюры, — сказал он, проследив за взглядом Хэтча, — сделаны сэром Джозефом Бэнксом, который сопровождал капитана Кука в его первом путешествии вокруг света. Это образцы растений, которые он собрал в Ботани-бей сразу после того, как они открыли Австралию. Именно поразительное разнообразие растений подало Бэнксу идею дать заливу такое имя.

— Очень красивые, — пробормотал Хэтч и взял стакан из рук капитана.

— Наверное, это самые лучшие в мире гравюры. Счастливчик, мало того что он был ботаником, так еще и открыл новенький континент.

— А вы интересуетесь ботаникой? — спросил Хэтч.

— Я интересуюсь новенькими континентами, — глядя в огонь, ответил Нейдельман. — Но я родился слишком поздно. Их уже все расхватили. — Он поспешно улыбнулся, стараясь скрыть грусть, появившуюся в глазах.

— Но Водяная Бездна подарила вам загадку, достойную вашего внимания.

— Да, — ответил Нейдельман. — Возможно, единственную, оставшуюся на земле. Вот почему неудачи вроде сегодняшней не должны меня огорчать. Великую тайну раскрыть непросто.

В комнате повисло долгое молчание. Хэтч потягивал портвейн и думал о том, что большинство людей не переносят пауз в разговоре. Но, судя по всему, Нейдельман к их числу не относился.

— Я хотел вас спросить, что вы думаете о приеме, который нам оказали в городе, — наконец проговорил Нейдельман.

— В основном все довольны. Благодаря нам местный бизнес процветает.

— Да, — заметил Нейдельман. — А что вы имели в виду, когда сказали «в основном»?

— Ну, не все в этом городке заинтересованы в бизнесе. — Хэтч решил, что ходить вокруг да около не имеет смысла. — Судя по всему, мы вызвали негодование местного священника.

— Преподобный отец нас не одобряет, верно? — улыбнувшись, проговорил

⁴⁷ Александр Эксквемелин, француз, в 1666 году прибыл в Новый Свет как служащий Вест-Индской компании. Три года служил на острове Тортуга, а затем присоединился к пиратам в роли парикмахера и врача. Книга «Пираты Америки» впервые опубликована на голландском языке в Амстердаме в 1678 году, затем переведена на испанский в 1681-м, и наконец английский перевод появился в 1984 году.

Нейдельман. — После двух тысяч лет убийств, инквизиции и нетерпимости удивительно, что христианский священник продолжает считать, будто имеет право на моральное осуждение.

Хэтч смущенно поерзал на своем месте; перед ним сидел человек, совсем не похожий на холодного, жесткого руководителя экспедиции, который всего несколько часов назад приказал вывести помпы на критическую мощность.

— Они сказали Колумбу, что его корабль свалится за край земли. И заставили Галилея публично отречься от величайшего открытия в мире.

Нейдельман вытащил из кармана трубку и приступил к ритуалу набивания ее табаком.

— Мой отец был лютеранским священником, — сказал он спокойнее и погасил спичку. — Мне хватит его проповедей до конца жизни.

— Вы не верите в Бога? — спросил Хэтч.

Нейдельман молча посмотрел на него и опустил голову.

— Если честно, я часто жалею, что не верю в Бога. Религия сыграла такую огромную роль в моем детстве, что без нее мне иногда кажется, будто я нахожусь в пустоте. Но я принадлежу к категории людей, которые верят во что-то, только получив доказательства. И я не в силах с этим ничего сделать. Я должен иметь доказательства. — Он сделал несколько глотков вина. — А почему вы спрашиваете? Вы в Бога верите?

— Да, верю, — повернувшись к нему, сказал Хэтч. Нейдельман ждал и курил свою трубку. — Но не хочу это обсуждать.

На лице Нейдельмана расцвела улыбка.

— Отлично. Хотите награду?

Хэтч протянул ему свой стакан.

— Священник не единственный в городе противник нашего предприятия, — продолжал он. — У меня есть старый друг, преподаватель естествознания, он считает, что мы обязательно потерпим неудачу.

— А вы? — холодно, не глядя на него, спросил Нейдельман, разливая портвейн.

— Я бы не стал этим заниматься, если бы считал, что нам не удастся добиться успеха. Но с моей стороны было бы нечестно не сказать, что сегодняшняя неудача заставила меня задуматься.

— Малин, — почти ласково проговорил Нейдельман, протягивая ему стакан, — я не могу вас за это винить. Должен признаться, что в тот момент, когда помпы не справились с водой, я на мгновение испытал отчаяние. Но я ни секунды не сомневаюсь в том, что мы победим. Я знаю, в чем была ошибка.

— Думаю, там больше пяти туннелей, — проговорил Хэтч. — Или они использовали какую-то гидротехническую уловку.

— Несомненно. Но я имел в виду совсем другое. Видите ли, мы сосредоточили все свое внимание на Водяной Бездне. Но я понял, что не она наш враг.

Хэтч удивленно приподнял брови, а капитан повернулся к нему, сжимая в кулаке свою трубку, в глазах его горел яркий огонь.

— Дело не в Бездне. Дело в человеке. Макаллан. Он все время опережал нас на один шаг. Он предвидел наши действия и действия тех, кто приходил сюда до нас.

Поставив свой стакан на обтянутый мягкой тканью столик, капитан подошел к стене и открыл деревянную панель, под которой Хэтч увидел маленький сейф. Нейдельман нажал несколько кнопок на панели, и дверца сейфа распахнулась. Он достал оттуда манускрипт размером в четверть листа, переплетенный в кожу: книгу Макаллана «О духовных строениях». Нежно поглаживая длинными пальцами, капитан осторожно раскрыл ее, и Хэтч разглядел на полях рядом с печатным текстом аккуратные записи мелким почерком, бледно-коричневые и похожие на акварель, строчка за строчкой однообразных значков, среди которых время от времени появлялись умелые рисунки различных соединений, арок, скобок и деревянных ряжей.

Нейдельман постучал пальцем по странице.

— Если Водяная Бездна — доспехи Макаллана, здесь то самое место, где мы сможем

просунуть нож. Очень скоро мы получим расшифровку второй части дневника, а с ней ключ к сокровищам.

— А с чего вы взяли, что в дневнике содержится секрет Бездны? — спросил Хэтч.

— Потому что там не может быть ничего другого. Зачем еще ему вести тайный дневник, да еще невидимыми чернилами? Макаллан был нужен Рыжему Неду Окхему для постройки неприступной крепости, где пират собирался спрятать свои сокровища. Крепости, которая не только выстоит против мародеров, но и будет представлять для них физическую опасность, место, где они могут утонуть, где их раздавят балки или еще что-нибудь в этом же роде. Но никто не создает бомбу, предварительно не создав способ ее дезактивировать. Макаллан должен был придумать, каким образом сам Окхем будет доставать свою добычу — потайной туннель или способ снять ловушки. И наверняка он сделал соответствующие записи. — Капитан посмотрел на своего гостя. — Однако в дневнике содержится не только ключ к Бездне, он позволяет нам проникнуть в мышление данного конкретного человека. Именно над ним мы должны одержать победу. — Нейдельман говорил таким же необычным напряженным тоном, какой Хэтч уже слышал у него днем.

Малин наклонился над книгой, вдохнув аромат плесени, кожи, пыли и сухой гнили.

— Меня поражает одна вещь, — сказал он. — Знаменитого архитектора захватили в плен и заставили работать на пиратов на богом забытом острове, а у него хватило присутствия духа вести тайный дневник.

— Да, это поступок смелого человека, — кивнув, проговорил Нейдельман. — Возможно, он хотел поведать будущим поколениям о своем величайшем творении. Думаю, трудно сказать наверняка, что им двигало. В конце концов, он и сам был загадочной личностью. В его биографии имеется пробел, который покрывает целых три года после того, как он закончил Кембридж. Складывается впечатление, что он просто исчез. А его личная жизнь и вовсе тайна за семью печатями. Посмотрите на посвящение.

Он осторожно открыл титульный лист и пододвинул книгу к Хэтчу. Тот прочитал вслух:

— «С благодарностью и восхищением за указанный путь автор посвящает этот скромный труд Эте Онис».

— Мы провели тщательное исследование, но так и не смогли выяснить, кем была Эта Онис, — продолжал Нейдельман. — Наставницей Макаллана? Доверенным лицом или любовницей? — Он осторожно закрыл книгу. — И то же самое можно сказать обо всей его жизни.

— Должен со стыдом признаться, что до вашего появления я о Макаллане даже не слышал, — признался Хэтч.

— Как и большинство других людей. Но в свое время Макаллан был талантливым ученым, настоящим человеком Возрождения. Он родился в тысяча шестьсот пятьдесят седьмом году, внебрачный, но любимый сын герцога. Как и Мильтон, Макаллан утверждал, что прочитал все книги, напечатанные на английском, латыни и греческом. В Кембридже он изучал юриспруденцию, и его ждала карьера священнослужителя, но, очевидно, в какой-то момент он тайно перешел в католицизм. Затем он обратил свое внимание на искусство, естественные науки, философию и математику. Кроме того, физически он был очень сильным человеком и мог подбросить монету до купола самого большого из своих соборов.

Нейдельман встал и отнес книгу в сейф.

— А интерес к гидротехническим сооружениям просматривается во всех его работах. В своей книге он описывает хитроумный водовод и откачку, которые придумал, чтобы снабжать водой собор в Хаундсбери. Кроме того, он создал чертеж системы гидротехнических сооружений для шлюзов на канале Северн. Их так и не построили — но Магнусен сделала макет и считает, что система отлично бы работала.

— Может быть, Окхем сознательно его искал?

— Очень хочется так думать, верно? — улыбнувшись, проговорил Нейдельман. — Однако это сомнительно. Возможно, мы имеем дело с одним из странных поворотов

истории, оказавших влияние на будущее.

Хэтч кивком показал на сейф.

— А как вам удалось заполучить этот манускрипт? Тоже странный поворот истории?

— Нет, не совсем, — расплывшись в улыбке, ответил Нейдельман. — Когда я впервые заинтересовался сокровищами острова Рэггид, я стал изучать материалы, касающиеся Окхема. Вам известно, что, когда был обнаружен его флагманский корабль с мертвым экипажем на борту, его доставили в Плимут, а все, что на нем нашли, продали с открытого аукциона. Нам удалось получить полный список в Лондонском государственном архиве, и в нем содержался перечень книг, обнаруженных в сундуках самого капитана. Окхем был человеком образованным, и я пришел к выводу, что это его личная библиотека. Один из манускриптов — «О духовных строениях» — привлек мое внимание; он довольно резко выделялся среди карт, французской порнографии и книг по военно-морскому делу. Мне потребовалось почти три года, но в конце концов нам удалось отыскать этот труд среди гниющих книг в крипте полуразрушенной кирхи в Гленфаркилле. Это в Шотландии.

Он подошел к камину и заговорил медленно, словно во сне.

— Я никогда не забуду, как впервые открыл манускрипт и сообразил, что грязные пятна на полях — это «белые» чернила, проявившиеся благодаря времени и условиям, в которых хранилась книга. В тот момент я понял, что Водяная Бездна и ее сокровища будут моими.

Он замолчал, его трубка давно погасла, а пламя в камине отбрасывало диковинные тени на все вокруг.

ГЛАВА 21

Керри Уопнер не спеша шел по мощеной улице, насвистывая мотивчик из «Звездных войн». Время от времени он останавливался, чтобы презрительно фыркнуть около какой-нибудь из витрин. Все совершенно бесполезные. Вроде скобяной лавки «От берега к берегу», в которой торговали пыльными инструментами и доисторическим садовым инвентарем. Он уже знал, что в радиусе трехсот миль ему вряд ли удастся отыскать приличный магазин, где продают программное обеспечение. Что же касается багелей,⁴⁸ ему пришлось бы пересечь по меньшей мере две границы штатов, чтобы найти кого-нибудь, кто знает, что это такое.

Он резко остановился перед белоснежным домом в викторианском стиле. Видимо, это то, что ему нужно, хотя больше похоже на старый дом, чем на почту. Большой американский флаг висел над крыльцом, а лужайку украшали крупные буквы — «СТОРМХЕЙВЕН, МЕ 04564». Открыв застекленную дверь, Уопнер сообразил, что действительно попал в жилой дом: почта занимала только вестибюль, а изнутри плыли запахи еды.

Он оглядел маленькую комнатку, покачав головой при виде древних почтовых ящиков и устаревших лет десять назад объявлений о розыске преступников. И тут он увидел стойку с табличкой — «Роза Паундук, начальник почты». В дальнем конце стойки сидела сама Роза Паундук, склонив седую голову над вышивкой крестом, изображавшей четырехмачтовую шхуну. Уопнер с удивлением обнаружил, что не видит никакой очереди и что он единственный посетитель.

— Извините, — сказал он и подошел к стойке. — Это ведь почта?

— Конечно почта, — сказала Роза, аккуратно завязала узелок и осторожно положила вышивку на ручку кресла-качалки, в котором сидела. Увидев Уопнера, она вздрогнула. — О господи! — пробормотала она и невольно поднесла руку к подбородку, словно боялась, что его тощая борода может быть заразной.

— Это хорошо, потому что я жду очень важную посылку, которую должен получить

⁴⁸ Багель — традиционный еврейский хлеб колечком с золотистой хрустящей корочкой.

курьерской почтой. — Уопнер, прищурившись, посмотрел на нее и добавил: — Здесь ведь действует курьерская почта?

— О! — повторила Роза Паундкук, вскочила с кресла и уронила на пол вышивку. — А имя у вас есть? То есть назовите свое имя, пожалуйста.

Уопнер гнусаво рассмеялся.

— Уопнер. Керри Уопнер.

— Уопнер? — Она начала рыться в маленьком деревянном ящичке, заполненном желтыми бумажками. — О-п-п...

— Нет, нет, нет. Уопнер. Одно «у» и одно «п», — раздраженно поправил ее он.

— Ясно, — сказала Роза, которая немного пришла в себя, потому что ей удалось обнаружить квитанцию. — Минутку.

Окинув программиста последним любопытным взглядом, она вышла в заднюю дверь.

Уопнер оперся о стойку и снова принялся насвистывать, и тут с протестующим скрипом открылась входная дверь. Оглянувшись через плечо, он увидел высокого тощего мужчину, который старательно прикрыл дверь за собой. Новый посетитель огляделся по сторонам, мгновенно напомнив Уопнеру Авраама Линкольна: худой, с запавшими глазами и длинными конечностями. Поверх простого черного костюма лежал белый пасторский воротник; в руке вновь пришедший держал несколько писем. Уопнер быстро отвернулся, но опоздал. Они успели встретиться глазами, и он с тревогой заметил, что незнакомец направляется к нему. Уопнеру ни разу не доводилось встречаться со священниками, а разговаривать — и вовсе, и он не собирался исправлять это упущение. Он быстро потянулся к ближней стопке журналов и принялся лихорадочно читать про новые образцы стеганых одеял.

— Здравствуйте, — услышал он и, неохотно повернувшись, обнаружил, что священник стоит прямо перед ним с протянутой для приветствия рукой и улыбкой на худом лице.

— Ага, привет, — пробормотал Уопнер, кое-как пожал протянутую руку и тут же вернулся к своему чтению.

— Я Вуди Клей, — представился священник.

— Угу, — не глядя на него, ответил Уопнер.

— А вы, видимо, из команды «Талассы», — заявил Клей и встал рядом с ним.

— Точно, из команды.

Уопнер принялся листать журнал, чтобы отвлечь священника, и одновременно отодвинул ногу подальше от его ноги.

— А могу я задать вам вопрос?

— Валяйте, — продолжая читать, ответил Уопнер; он и представить себе не мог, что в мире существует столько разных одеял.

— Вы действительно рассчитываете отыскать сокровища?

Уопнер оторвался от журнала.

— Да нет, только прикидываюсь.

Его собеседник даже не улыбнулся.

— Ясное дело, рассчитываю. А почему бы и нет?

— А почему бы и нет? По-моему, следует спросить — почему да?

Что-то в тоне собеседника смутило Уопнера.

— В каком смысле, почему да? Там два миллиарда долларов.

— Два миллиарда долларов, — удивившись на мгновение, повторил священник. Затем он кивнул, словно получил подтверждение своим предположениям. — Значит, это всего лишь ради денег. Других причин нет.

Уопнер расхохотался.

— Всего лишь ради денег? А вам нужна причина получше? Давайте посмотрим правде в глаза. Какого черта, я же вам не мать Тереза. — Неожиданно он вспомнил, кто перед ним. — О, извините, — смущенно проговорил он. — Я не хотел, вы священнослужитель, и все такое, просто...

Вуди Клей едва заметно улыбнулся.

— Ничего страшного, я и раньше такое слышал. И я не священник. Я служу конгрегационалистской церкви.

— Понятно, — протянул Уопнер. — Это вроде секта такая, да?

— Неужели деньги имеют для вас такое огромное значение? — Клей сурово посмотрел на Уопнера. — Я имею в виду, в данных обстоятельствах.

Уопнер не дрогнул под его взглядом.

— В каких обстоятельствах? — спросил он и нервно взглянул на дверь, за которой скрылась Роза Паундкук.

Какого черта толстуха там делает? За это время могла уже пешком дойти до Бруклина. Клей наклонился вперед.

— И что же вы делаете для «Талассы»?

— Компьютеры.

— Понятно, это, наверное, интересно.

— Угу, когда они работают, — пожав плечами, ответил Уопнер.

На лице священника появилось беспокойство.

— А все работает хорошо? Никаких проблем?

Уопнер нахмурился.

— Никаких, — осторожно ответил он.

Клей кивнул.

— Хорошо.

Уопнер положил журнал на место.

— А с чего это вы интересуетесь? — спросил он с деланно равнодушным видом.

— Просто так, — ответил Клей. — По крайней мере, ничего важного. Если не считать...

Он замолчал. Уопнер слегка вытянул вперед шею.

— В прошлом остров... ну, он создавал трудности для всех, кто на него высаживался. Баки взрывались, машины переставали работать без всякой на то причины. Люди страдали. Некоторые гибли.

Уопнер фыркнул и сделал шаг назад.

— Вы имеете в виду проклятие острова Рэггид, — заявил он. — И глупости насчет проклятого камня? Это куча собачьего дерьма, извините мой французский.

Клей вскинул брови.

— Так ли это? Кое-кто из живущих здесь подольше вашего считает иначе. А что до камня, он заперт в подвале моей церкви, где лежит последние сто лет.

— Правда? — вытаращив от удивления глаза, спросил Уопнер.

Клей кивнул.

Они помолчали немного, затем священник заговорил очень тихо, заговорщическим тоном:

— Вам никогда не приходило в голову задать вопрос, почему вокруг острова ловцы омаров не ставят буйки?

— Вы имеете в виду штуки, которые плавают на поверхности воды?

— Именно.

— Я не обращал внимания на то, что их там нет.

— В следующий раз, когда там будете, посмотрите. — Клей заговорил еще тише: — На это есть вполне объяснимая причина.

— Да?

— Это случилось примерно сто лет назад. Как я слышал, один рыбак по имени Хайрам Колкорд ставил свои ловушки около острова Рэггид. Все говорили ему, чтобы он этого не делал, но улов был отличный, и он твердил, что ему плевать на проклятие. Как-то раз летом — похожим на нынешнее — он скрылся в тумане, чтобы в очередной раз расставить ловушки. На закате прилив принес его лодку, только его там не оказалось. Внутри лежали

ловушки и бочка, полная омаров. И ни следа Колкорда. В рубке нашли недоеденный завтрак и наполовину пустую бутылку пива, словно он просто встал и ушел — ненадолго.

— Он свалился за борт и утонул. И что с того?

— Нет, — продолжал Клей. — Потому что тем же вечером на остров отправился его брат, чтобы посмотреть, не застрял ли он где-нибудь. Он тоже не вернулся. На следующий день уже его лодка vyplыла из тумана.

— Ну, значит, они оба свалились за борт, — нервно сглотнув, заявил Уопнер.

— Две недели спустя, — сказал Клей, — море выбросило их тела около мыса Брид. Один из местных жителей, ставший свидетелем случившегося, сошел с ума. А остальные ни за что не хотели говорить, что они видели. Ни за что.

— Да ладно вам, — испуганно пролепетал Уопнер.

— Люди говорят, что сокровища охраняет не только Водяная Бездна. Вы меня понимаете? Вы слышали ужасный звук, который издает остров всякий раз, когда начинается прилив?

Внутри дома послышался какой-то шум.

— Извините, что заставила вас ждать, — задыхаясь, проговорила Роза, которая держала под мышкой пакет. — Он оказался под птичьим кормом для «От берега к берегу», а Юстас сегодня ушел на запруду, так что мне пришлось самой все переставлять.

— Ничего страшного, спасибо.

Уопнер схватил свою посылку и поспешил к двери.

— Извините, мистер! — крикнула ему вслед Роза.

Уопнер резко остановился и, прижимая к груди посылку, неохотно оглянулся.

Роза держала в руке желтую квитанцию.

— Вам нужно расписаться.

Уопнер молча подошел к ней и нацарапал свое имя. Затем быстро выскочил за дверь, которая с грохотом за ним захлопнулась.

Оказавшись на улице, он сделал глубокий вдох.

— К чертям собачьим, — пробормотал он.

Священник этот тип или кто там еще, он не вернется на корабль, пока не проверит, правильно ли выполнен заказ. Он быстро распаковал маленькую коробочку и потянул за крышку, сначала осторожно, потом сильнее. Коробка раскрылась, и к его ногам на мостовую выпало несколько фигурок колдунов и волшебников для ролевой игры. Вслед за ними посыпались карты с пентаграммами, заклинаниями, изображением противников и дьявольских кругов. Выругавшись, Уопнер наклонился, чтобы их собрать.

На улицу вышел Клей, осторожно прикрыв за собой дверь. Он спустился с крыльца, бросил взгляд на фигурки и карты и, не говоря ни слова, зашагал прочь.

ГЛАВА 22

Следующий день выдался прохладным и сырым, но к вечеру мелкий дождь прекратился, и по небу побежали низкие облака. «Завтра будет холодно и ветрено», — подумал Хэтч, который шагал по узкой тропинке позади Ортханка, отмеченной желтой лентой. Он каждый день поднимался на самую верхнюю точку острова, и это уже стало для него чем-то вроде привычного ритуала, завершающего день. Дальше он шел вдоль края южных уступов, пока не подходил к месту, откуда можно было увидеть команду Стритера, которая заканчивала работу над дамбой.

Как обычно, Нейдельман придумал простой, но изящный план. Первым делом он отправил в Портленд грузовой корабль за цементом и строительными материалами, а Бонтер тем временем нарисовала ему подробный план расположения древней пиратской дамбы. Кроме того, она собрала образцы для дальнейшего археологического исследования. Затем водолазы залили бетоном для подводных работ развалины древнего фундамента и установили стальные балки. Хэтч разглядывал огромные столбы, которые вертикально

поднимались над водой на расстоянии десяти футов друг от друга, образуя узкую арку вокруг южной оконечности острова. Со своего наблюдательного поста он видел Стритера в кабине плавучего крана, стоящего около баржи, неподалеку от диковинного сооружения. На канате крана висела массивная железобетонная плита, Стритер аккуратно подвел ее к промежутку между двумя балками, а затем уверенно опустил.

Как только она заняла свое место, два водолаза отцепили крюки, державшие канат, и Стритер ловко развернул кран к барже, чтобы взять новую плиту.

Хэтч увидел копну рыжих волос, а в следующее мгновение узнал в одном из рабочих на барже Донни Труитта. Нейдельман нашел для него дело, несмотря на то что им пока не удалось осушить Водяную Бездну, и Хэтч порадовался, что Донни, судя по всему, трудится с удовольствием.

Со стороны плавучего крана послышался грохот, и Хэтч увидел, что Стритер развернул его к полукругу балок и опустил следующую плиту.

Хэтч знал, что когда строительство дамбы будет закончено, она полностью охватит южную оконечность острова и приливные туннели. После этого они смогут осушить Водяную Бездну и все связанные с ней подводные туннели, а дамба не подпустит к ним море — как это было триста лет назад.

Раздался свисток, обозначающий конец рабочего дня; команда баржи начала связывать еще не использованные плиты, а из тумана появился буксир, чтобы доставить кран в док. Хэтч в последний раз огляделся вокруг и повернулся к тропе, ведущей к базовому лагерю. Он зашел в свой офис, взял медицинский чемоданчик, запер дверь и зашагал к доку. Он решил, что приготовит себе на обед что-нибудь простое, а потом отправится в город к Биллу Бэннсу. Скоро должен был выйти следующий номер «Вестника Стормхейвена», и Хэтч хотел убедиться, что у старика достаточно информации для первой страницы.

Стоянку в самом безопасном районе рифов расширили, и Хэтч получил собственное место. Когда он завел мотор «Простушки Джейн», он услышал, что кто-то его зовет.

— Эй, на фрегате!

Хэтч поднял голову и увидел, что к нему направляется Бонтер, в фартуке с нагрудником и с красным платком на шее. Вся ее одежда, руки и лицо были перепачканы грязью. Она остановилась у входа на причал и выставила палец, как заправский путешественник автостопом, а затем чуть приподняла штанину, продемонстрировав ему загорелую лодыжку.

— Вас подвезти? — спросил Хэтч.

— Как вы догадались? — ответила Бонтер, швырнула сумку и запрыгнула следом. — Меня уже тошнит от вашего уродского острова.

Хэтч отвязал лодку и начал осторожно пробираться между рифами в сторону залива.

— Живот заживает?

— На моем во всех смыслах великолепном животе появилась отвратительная царапина.

— Не волнуйтесь, это не навсегда. — Хэтч окинул взглядом ее грязный комбинезон. — Лепили куличики?

— Какие куличики? — нахмурившись, спросила Бонтер.

— Ну, знаете, с помощью формочек, из песка или грязи.

Она фыркнула.

— Ясное дело! Археологи это отлично умеют.

— Да, я вижу. — Они приближались к небольшому туманному кругу, и Хэтч сбросил скорость, пока они не выбрались из него. — Я не заметил вас среди водолазов.

Бонтер снова фыркнула.

— Прежде всего я археолог, а уж потом водолаз. Я занималась очень важным делом — выясняла границы старой дамбы. Серджио и его приятели могут и без меня справиться с грязной работой.

— Я передам ему ваши слова.

Хэтч провел свой кораблик по проливу у Олд-Хампа и обогнул остров Хермит.

Впереди показалась гавань Стормхейвена, сверкающая бело-зеленая полоска на фоне темно-синего океана. Облокотившись на перила, Бонтер потрянула головой, и на плечи ей пролился каскад черных шелковистых волос.

— Ну и чем можно заняться в этом крошечном городке? — спросила она, кивком показав на материк.

— Выбор невелик.

— Никаких дискотек до трех часов ночи? *Merde*, и что же делать одинокой женщине?

— Должен признаться, это не простая задачка, — ответил Хэтч, сражаясь с желанием ответить на ее заигрывания.

«Не забывай, эта женщина опасна». Она посмотрела на него, и на ее губах появилась мимолетная улыбка.

— Ну, я могла бы пообедать с доктором.

— С доктором? — с деланным удивлением переспросил Хэтч. — Полагаю, доктор Фразье будет счастлив. Для своих шестидесяти он еще вполне ничего.

— Ах вы несносный мальчишка! Я имела в виду этого доктора.

Она игриво ткнула пальцем его в грудь. Хэтч посмотрел на нее. «А почему бы и нет? Какие у меня могут быть неприятности, если я приглашу ее на обед?»

— В городе всего два ресторана. В обоих подают морепродукты. Хотя в одном из них готовят вполне приличные бифштексы.

— Бифштексы? Это для меня. Я отношусь к породе хищников. Овощи пусть едят мартышки и свиньи. А что до рыбы...

Она сделала вид, что ее тошнит.

— Мне казалось, что вы выросли на берегу Карибского моря.

— Да, и мой отец был рыбаком, так что ничего другого мы никогда не ели. Разве что на Рождество, когда нам доставался *chevre*.

— Козлятина? — спросил Хэтч.

— Да, я обожаю козлятину. Приготовленную в течение восьми часов в специальной ямке на берегу, да еще с домашним пивом «Пон лак».

— Потрясающая еда, — со смехом проговорил Хэтч. — Вы ведь живете в городе?

— Да. Все было занято, и я повесила объявление на почте. Женщина, которая там работает, увидела его и предложила мне комнату.

— Вы хотите сказать, наверху у Паундкуков?

— *Naturellement*.⁴⁹

— Почтальонша и ее муж очень милые, тихие люди.

— Да. Иногда мне кажется, что они умерли, так внизу тихо. «А ты приведи мужчину и увидишь, что будет, — подумал Хэтч. — Или явись домой позже одиннадцати».

Они вошли в гавань, и Хэтч подвел лодку к причалу.

— Я должна снять эту грязь, — сказала Бонтер, прыгивая на причал. — И разумеется, вам следует надеть что-нибудь получше этого вашего синего блейзера.

— А мне он нравится, — запротестовал Хэтч.

— Вы, американцы, совершенно не умеете одеваться. Вам требуется хороший костюм из итальянского льна.

— Терпеть не могу лен, — заявил Хэтч. — Он ужасно мнется.

— Вот именно! — рассмеялась Бонтер. — Какой у вас размер? Сорок второй?

— Как вы узнали?

— Я мастерски умею оценивать мужчин.

ГЛАВА 23

⁴⁹ Естественно (фр.)

Хэтч встретил ее около почты, и они дошли по мощенной булыжником улице до «Причала». Был прекрасный, прохладный вечер, ветер разогнал тучи, и небо над гаванью украшала россыпь звезд. В прозрачном вечернем свете крошечные желтые огоньки, сияющие в окнах и над входными дверями, превращали Стормхейвен в образ из далекого и чудесного прошлого.

— Здесь и правда очень мило, — сказала Бонтер и взяла его под руку. — В Сент-Пьере, на Мартинике, где я выросла, тоже красиво, но мой родной город совсем другой! Там море огней и ярких красок. А здесь все белое и черное. Кроме того, у нас полно отличных ночных клубов, где можно здорово повеселиться.

— Я не люблю ночные клубы, — сказал Хэтч.

— Какой скучный, — добродушно заметила Бонтер.

Они подошли к ресторану, и официант, который узнал Хэтча, тут же нашел им свободный столик. Здесь было очень уютно: два зала и бар, стены украшены сетями, ловушками для омаров и стеклянными поплавками. Усевшись, Хэтч огляделся по сторонам и увидел, что примерно треть посетителей — это служащие «Талассы».

— Гадость! — прошептала Бонтер. — От них никуда не денешься. Не могу дождаться, когда Джерард отошлет их всех по домам.

— В маленьких городках всегда так. Единственный способ скрыться от посторонних глаз — это выйти в море. Да и то кто-нибудь обязательно станет подглядывать за вами в подзорную трубу.

— Значит, никакого секса на палубе, — проговорила Бонтер.

— Ни в коем случае, — ответил Хэтч. — Мы, жители Новой Англии, всегда занимаемся сексом внизу. — Он увидел, как на ее лице расцвела довольная улыбка, и подумал, что она разобьет не одно сердце в «Талассе» и станет причиной не одного конфликта. — Ну и как же вам удалось так перепачкаться?

— Почему вас так беспокоит грязь? — нахмурившись, спросила она. — Грязь — лучший друг археолога. — Бонтер наклонилась над столом. — Кстати, я сделала одно маленькое открытие на вашем старом грязном острове.

— Расскажите.

Она отпила воды.

— Мы нашли лагерь пиратов.

— Вы шутите, — взглянув на нее, присвистнул Хэтч.

— Mais non! Сегодня утром мы решили исследовать наветренную часть острова. Знаете, то место, где отдельно от остальных стоит большой уступ, примерно в десяти футах вниз по скалам.

— Знаю.

— Так вот там, где он начал разрушаться, мы обнаружили идеальный почвенный профиль. Вертикальный разрез, очень удобный для археолога. И я наткнулась на линзу древесного угля.

— На что вы наткнулись? — нахмурившись, спросил Хэтч.

— Черную линзу древесного угля. Остатки древнего костра. Тогда мы использовали металлоискатель и нашли много интересного. Крупную картечь, мушкетную пулю и несколько гвоздей от подков, — перечисляла она, загибая пальцы.

— Гвозди от подков?

— Да, они использовали лошадей для тяжелой работы.

— А где они их брали?

— Вы что, совсем незнакомы с военно-морской историей, monsieur le docteur? На кораблях часто перевозили животных. Лошадей, коз, кур, свиней.

Официант принес их заказ — вареные овощи и омара для Хэтча и большой кусок мяса с кровью для его спутницы. Она набросилась на еду с пугающей жадностью, и Хэтч с удивлением наблюдал за ней: сок стекает с подбородка, на лице сосредоточенность.

— Итак, — продолжала она, нацепив на вилку огромный кусок мяса, — после этих

находок мы вырыли канаву сразу за уступом. И что вы думаете? Снова древесный уголь, круглое углубление в земле от палатки, несколько сломанных индюшачьих и оленьих костей. У Рэнкина есть какие-то супердатчики, и он собирается проверить, не упустили ли мы чего-нибудь стоящего. Мы же тем временем огородили лагерь и собираемся завтра начать раскопки. Малыш Кристоф становится отличным землекопом.

— Сент-Джон? Копают землю?

— Разумеется. Я заставила его избавиться от жутких ботинок и куртки. А как только он смирился с тем, что ему придется испачкать руки, оказалось, что от него очень даже много пользы. Теперь он мой главный землекоп. Повсюду ходит за мной и является по первому зову. — Она добродушно рассмеялась.

— Пожалейте беднягу.

— *Au contraire*,⁵⁰ я делаю ему добро. Ему требуется свежий воздух и физические упражнения, иначе он останется белым и жирным, как личинка. Вот увидите, после всего этого он будет стройным и сильным, совсем как *le petit homme*.

— Кто?

— Ну, вы знаете, о ком я. Маленький мужчинка. — Уголки губ Бонтер проказливо опустились вниз. — Стритер.

— Понятно. — По тому, как Бонтер это произнесла, Хэтч сразу понял, что прозвище, которое она придумала Стритеру, дано без особой любви.

— А что он вообще собой представляет?

— Люди разное говорят, — пожав плечами, ответила Бонтер. — А что правда, понять трудно. Он служил под командованием Нейдельмана во Вьетнаме. Вы ведь так говорите, поп? Кто-то сказал мне, что Нейдельман во время какого-то сражения спас ему жизнь. В это можно поверить. Вы видели, как он предан капитану? Точно пес своему хозяину. Он единственный, кому Нейдельман действительно доверяет. — Она посмотрела на Хэтча. — Кроме вас, разумеется.

Хэтч нахмурился.

— Ну, думаю, нет ничего плохого в том, что капитан к нему хорошо относится. Кто-то же должен. Знаете, он не совсем мой тип.

Бонтер приподняла брови.

— *Certainement*.⁵¹ И могу побиться об заклад, что вы с ним не сладили.

— Не сладили, — поправил ее Хэтч.

— Не важно. Но вы ошиблись насчет того, что капитан Нейдельман хорошо относится к Стритеру. В мире есть только одна вещь, которую он любит. — Она кивком показала в сторону острова Рэггид. — Он про это особенно не распространяется, но только *imbécile*⁵² ничего не видит. Сколько я его знаю, у него на столе в «Талассе» стоит маленькая фотография вашего острова.

— Я не знал.

Хэтч вспомнил, как они с Нейдельманом впервые поплыли к острову. Что тогда сказал капитан? «Я не хотел на него смотреть до тех пор, пока у нас не появится возможность организовать там раскопки». Что-то вроде этого.

Он заметил, что Бонтер чем-то расстроена, и открыл рот, чтобы сменить тему разговора, но в этот момент почувствовал что-то — чье-то присутствие в зале — и, подняв голову, увидел Клэр. Он забыл, что хотел сказать.

Она была именно такой, какой он себе ее представлял: высокой, худой, та же россыпь

⁵⁰ Наоборот (фр.).

⁵¹ Конечно (фр.).

⁵² Здесь: идиот (фр.).

веснушек на вздернутом носике. Она увидела его и замерла на месте, а на лице появилось знакомое ему удивление.

— Привет, Клэр, — поздоровался Хэтч и встал, изо всех сил стараясь, чтобы голос прозвучал ровно.

Она сделала шаг вперед.

— Привет, — ответила она и, слегка покраснев, пожала его руку. — Я слышала, что ты в городе. — Она смущенно рассмеялась. — Разумеется, все знают. Ну, ты понимаешь, это...

Она махнула рукой куда-то себе за спину, словно указывала на Водяную Бездну.

— Ты отлично выглядишь, — сказал Хэтч чистую правду.

С годами она стала еще стройнее, а темно-синие глаза приобрели глубокий серый оттенок. Когда-то озорная улыбка не сходила с ее губ, а теперь выражение лица было серьезным и сосредоточенным. Смущенная его взглядом, Клэр невольным жестом разгладила рукой юбку.

У входа в ресторан возникло какое-то движение, и в зал вошел Вуди Клей. Он оглядел помещение, и его глаза остановились на Хэтче. На мгновение его бледное лицо исказила гримаса недовольства, но он тут же справился с собой и направился к доктору. «Только не здесь», — подумал Хэтч, приготовившись к новой лекции на тему алчности людей и неэтичности охоты за сокровищами. Священник остановился возле их столика и несколько секунд рассматривал Малина и его спутницу. Хэтчу стало интересно, хватит ли ему наглости прервать их трапезу.

— О, — проговорила Клэр, взглянув на священника и прикоснувшись рукой к своим длинным светлым волосам. — Вуди, это Малин Хэтч.

— Мы уже встречались. — Клей кивнул.

Хэтч с облегчением понял, что Клей, скорее всего, не станет раздражаться очередными тирадами в присутствии женщин.

— Это доктор Изобель Бонтер, — сказал он, взяв себя в руки. — Позвольте представить вам Клэр Норткэпт и...

— Его преподобие и миссис Вудраф Клей, — холодно объявил священник и протянул Бонтер руку.

Хэтч был потрясен и никак не мог осознать услышанное.

Бонтер вытерла салфеткой губы и, грациозно поднявшись и ослепительно улыбаясь, пожала обоим руки. На мгновение возникла неловкая пауза, но Клей, коротко кивнув Хэтчу, поспешно увел свою жену от их столика.

Бонтер посмотрела на удаляющуюся спину Клэр, затем перевела взгляд на Хэтча.

— Старые друзья? — спросила она.

— Что? — пробормотал Хэтч, не в силах отвести глаз от руки Клея, который с чувством собственника обнимал Клэр за талию.

На лице Бонтер появилась кривая улыбка.

— Кажется, я ошиблась, — проговорила она, наклонившись над столом. — Старая любовь. Должно быть, неловко встречаться снова, но одновременно приятно.

— Вы проникательны, — пробормотал Хэтч, который еще не настолько пришел в себя от неожиданной встречи — и последовавшего открытия, — чтобы отрицать очевидное.

— Но вы и ее муж вовсе не старые друзья. По правде говоря, мне показалось, что вы ему совсем не нравитесь. Как он отвратительно хмурится, и эти ужасные мешки под глазами. У него такой вид, будто у него была *nuit blanche*.

— Что?

— Ну, *nuit blanche*... как это у вас говорят? Бессонная ночь. Причины могут быть самые разные. — Она игриво улыбнулась.

Вместо ответа Хэтч взял вилку и занялся омаром.

— Вижу, она еще вас волнует, — промурлыкала Бонтер с веселой улыбкой. — Когда-нибудь вы должны мне про нее рассказать. Но сначала я хочу послушать про вас. Капитан говорил, что вы много путешествовали. Расскажите про ваши приключения в

Суринаме.

Почти два часа спустя Хэтч заставил себя подняться и выйти вслед за Бонтер из ресторана. Он самым невероятным образом переел: два десерта, два кофейника с кофе, несколько порций бренди. Бонтер ни в чем от него не отставала, но, судя по всему, чувствовала себя прекрасно, когда они вышли на улицу и она, раскинув руки в стороны, вдохнула прохладный ночной воздух.

— Какой здесь чудесный воздух! — воскликнула она. — Я могла бы полюбить это место.

— Подождите, — ответил Хэтч. — Еще две недели, и вы не захотите уезжать. Этот городок способен пробраться в самое сердце.

— Еще две недели, и вам не удастся от меня сбежать, *monsieur le docteur*. — Она окинула его оценивающим взглядом. — Ну, и что будем делать дальше?

Хэтч поколебался немного, он не думал о том, что может произойти после обеда. Он посмотрел на Бонтер, и в голове у него снова зазвучал сигнал тревоги. В желтом свете уличного фонаря она выглядела удивительно красивой, а смуглая кожа и миндалевидные глаза казались экзотикой в этом маленьком городке Мэна. «Будь осторожен», — предупредил его внутренний голос.

— Думаю, мы пожелаем друг другу спокойной ночи, — с трудом проговорил он. — У нас завтра трудный день.

Бонтер тут же демонстративно нахмурилась.

— *C'est tout?*⁵³ — возмутилась она. — У вас, янки, в жилах течет не кровь, а вода. Мне следовало пойти с Серджио, уж у него кровь горячая, хотя воняет он, как козел. — Она, прищурившись, посмотрела на Хэтча. — Ну и как в Сормхейвене принято говорить друг другу спокойной ночи, доктор Хэтч?

— Вот так.

Хэтч шагнул вперед и пожал ей руку.

— Ах. — Бонтер медленно кивнула, словно наконец все поняла. — Ясно.

В следующее мгновение она притянула его к себе и слегка прикоснулась губами к губам. Когда она опустила руки, Хэтч почувствовал, что на короткую долю секунды ее язык дразняще тронул его язык.

— А так говорят спокойной ночи на Мартинике, — пробормотала она, повернулась и, не оглядываясь, зашагала в сторону почты.

ГЛАВА 24

На следующий день, когда Хэтч поднимался по тропинке из дока, после того как вправил вывихнутое запястье одному из водолазов, он услышал грохот со стороны домика Уопнера. Хэтч помчался в базовый лагерь, опасаясь самого худшего. Но вместо того, чтобы обнаружить программиста под грудой оборудования, он увидел, что на полу валяется разбитый системный блок, а сам Уопнер, откинувшись на спинку кресла, с раздраженным видом ест мороженое.

— Все в порядке?

— Нет, — чавкая, ответил Уопнер.

— Что случилось?

Программист посмотрел на него своими большими печальными глазами.

— Этот компьютер встретился с моей ногой, вот что случилось.

Хэтч огляделся по сторонам, пытаясь найти место, чтобы сесть, вспомнил, что ему это не удастся, и прислонился к дверному косяку.

— Рассказывайте.

⁵³ И это все? (фр.)

Уопнер засунул остатки мороженого в рот и бросил обертку на пол.

— Все пропало.

— Что пропало?

— «Харибда». Сеть острова Рэггид. — Уопнер пальцем показал на «Первый остров».

— В каком смысле?

— Я прогнал свою программу через треклятый второй шифр. Даже несмотря на выставленный приоритет, получилось очень медленно. А мне стали приходить сообщения об ошибках и еще какие-то странные данные. Тогда я попробовал проделать то же самое отсюда на «Сцилле», компьютере «Цербера». Все в полном порядке, никаких ошибок. — Он с отвращением фыркнул.

— И что это может быть?

— Я знаю, что это может быть. Я провел диагностику нижнего уровня. Часть микрокода переписана. Точно так же, как в тот раз, когда насосы дали сбой. Причем переписана случайным образом, с промежутками в стандартной схеме Фурье.

— Я вас не понимаю.

— Это невозможно. Понимаете? Нет процесса, который мог бы привести к такому результату. Да еще в стандартной схеме Фурье. — Уопнер встал, открыл дверь холодильника, похожего на те, что стоят в моргах, и вытащил новую порцию мороженого. — И то же самое происходит с моими жесткими дисками и магнитооптической памятью. Причем происходит это только здесь. Не на корабле и не в Бруклине. Именно здесь.

— Ну, вы ведь не можете сказать, что это невозможно. Понимаете, вы же видели, что произошло. Только не знаете причин.

— О, я отлично знаю, почему это происходит. Виновато проклятие острова Рэггид.

Хэтч расхохотался, но тут же заметил, что Уопнер не улыбается.

Программист развернул мороженое и откусил большой кусок.

— Да, да, я все знаю. Назовите другую причину, и я не стану спорить. Но со всеми, кто сюда приходит, случаются несчастья. И самые необъяснимые вещи. Если хорошенько подумать, мы ничем не отличаемся от остальных. Просто привезли с собой более современные игрушки.

Хэтч еще ни разу не слышал от Уопнера подобных слов.

— Что с вами? — спросил он.

— Ничего такого. Священник мне все объяснил. Я с ним встретился вчера на почте.

«Значит, Клей начал разговаривать со служащими «Талассы» и лить им яд в уши, — подумал Хэтч, удивившись тому, какая ярость его охватила. — Он повсюду сует свой нос. Кто-то должен выдавить его, как мерзкий прыщ».

Его размышления прервал появившийся в дверях Сент-Джон.

— Так вот вы где, — сказал он, обращаясь к Хэтчу.

Хэтч удивленно посмотрел на историка, одетого в диковинное сочетание залепленных землей резиновых сапог, старого твидового костюма и какого-то невероятного клеенчатого плаща. Его грудь бурно вздымалась.

— А что случилось? — Хэтч инстинктивно выпрямился, решив, что произошел очередной несчастный случай.

— Ну, ничего серьезного, — ответил Сент-Джон и принялся смущенно разглаживать свой пиджак. — Изабель попросила меня привести вас на наши раскопки.

— Наши раскопки?

— Да. Вы, вероятно, уже знаете, что я помогаю Изабель на раскопках лагеря пиратов.;

«Изабель то, Изабель это!» Хэтч вдруг почувствовал, что его раздражает фамильярность, с которой историк говорит про Бонтер.

Сент-Джон повернулся к Уопнеру.

— Программа закончила проверку компьютера на «Цербере»?

Уопнер кивнул.

— Никаких ошибок. И ничего нового по поводу шифра.

— В таком случае, Керри, у нас нет другого выбора, кроме как попробовать...

— Я не собираюсь переписывать программу для полиалфавита, — заявил Уопнер и пнул ногой останки системного блока. — Слишком много сил придется потратить, а результата никакого. У нас и без того не осталось времени.

— Минутку, — вмешался Хэтч, стараясь погасить спор до того, как он разгорится с новой силой. — Сент-Джон рассказал мне про шифр на основе полиалфавита.

— Зря старался, — проворчал Уопнер. — Они стали популярными только в конце девятнадцатого века. Многие считали, что они слишком ненадежны и составлять их долго. Кроме того, где Макаллан спрятал свои таблицы для расшифровки? Он не мог запомнить сотни буквенных последовательностей.

— Я почти ничего не знаю про шифры, — вздохнув, проговорил Хэтч, — но в природе человека немного разбираюсь. Судя по тому, что рассказал мне капитан Нейдельман, Макаллан был настоящим гением. Нам известно, что он изменил шифры в середине дневника, чтобы защитить свое творение.

— В таком случае он вполне мог прибегнуть к более сложному шифру, — перебил его Сент-Джон.

— Мы это и без вас знаем, умник, — возмутился Уопнер. — Как вы думаете, что мы пытаемся разгадать уже две недели?

— Помолчите минутку, — попросил Хэтч. — Мы также знаем, что Макаллан использовал шифр, состоящий из цифр.

— И что?

— Получается, что Макаллан был еще и программистом. Вы подходили ко второму шифру как к технической задаче. А если все не так просто? Могла ли существовать какая-то серьезная причина, по которой Макаллан использовал только цифры в своем новом шифре?

На мгновение в комнате повисла тишина, криптолог и историк задумались над вопросом.

— Нет, — через некоторое время ответил Уопнер.

— Да! — щелкнув пальцами, вскричал Сент-Джон. — Он использовал цифры, чтобы спрятать таблицу для расшифровки!

— В каком смысле? — проворчал Уопнер.

— Смотрите, Макаллан во многом опережал свое время. Он знал, что шифр, основанный на полиалфавите, самый надежный из всех, что у них имелись. Но, чтобы его использовать, ему требовалось несколько шифровальных алфавитов, а не один. Однако он не мог оставить свои таблицы на виду. Поэтому взял цифры. Он был архитектором и инженером. При нем всегда имелись цифры, множество цифр — математические таблицы, чертежи, разные там уравнения, — что угодно могло сыграть двойную роль, скрыть таблицу, и никто бы никогда ни о чем не догадался.

Голос Сент-Джона звучал громко и возбужденно, лицо покраснелось. Даже Уопнер заметил, в какое он пришел волнение. Компьютерщик выпрямился на своем кресле, а забытое мороженое медленно превращалось в коричнево-белую лужицу на столе.

— В этом что-то есть, Крис, старина, — пробормотал он. — Я не говорю, что вы правы, но кто знает? — Он пододвинул к себе клавиатуру. — Знаете, что? Я перепрограммирую компьютер «Цербера», чтобы провести выборочную атаку на шифр. А теперь, парни, оставьте меня в покое. Я занят.

Хэтч вышел вслед за историком под мелкий моросящий дождь, пеленой окутавший базовый лагерь. Это был один из дней в Новой Англии, когда казалось, будто влага сочится из воздуха.

— Хочу вас поблагодарить, — сказал историк, натягивая капюшон так, чтобы спрятать лицо. — Вам пришла в голову отличная мысль. Кроме того, меня он слушать не стал бы. Я уже собирался попросить помощи у капитана.

— Не знаю, что такого я сделал, но принимаю вашу благодарность. Вы сказали, что меня искала Изобель?

Сент-Джон кивнул.

— Она сказала, что на дальней оконечности острова у нас есть для вас пациент.

— Пациент? — вздрогнув, спросил Хэтч. — Почему вы мне сразу не сказали?

— Это не срочно, — с таинственной улыбкой попытался успокоить его Сент-Джон. — Нет, совсем не срочно.

ГЛАВА 25

Когда они поднялись на скалы, Хэтч огляделся по сторонам. Строительство дамбы было завершено, и команда Стритера суежилась около мощных помп, установленных на западном берегу. Судя по всему, они проверяли состояние агрегатов после тяжелого испытания, которому те подверглись несколько дней назад, и готовили к работе на следующий день. Ортханк серой тенью выделялся на фоне неба, прорезая зеленоватым неоновым сиянием окружавший его туман. Хэтч различил внутри чью-то тень.

Они забрались на самую верхнюю точку острова и начали спускаться по восточному склону, минуя по дороге множество старых шахт. Раскопки проводились на плоском лугу, расположенном за крутыми скалами на восточном берегу. В дальнем конце луга Хэтч разглядел разборный барак для хранения инструментов, установленный на платформе из бетонных блоков. Высокая трава перед ним была сильно примята, а примерно акр земли размечен белой веревкой и напоминал шахматную доску. Неподалеку грудились куски брезента. Тут и там виднелись небольшие квадраты раскопанной рыжей земли, которые резко контрастировали с влажной зеленой травой. Бонтер и несколько рабочих в блестящих мокрых плащах столпились около одного из таких квадратов, а один из парней выкапывал дерн на соседнем участке, помеченном большими оранжевыми знаками. «Отличное место для пиратского лагеря, — подумал Хэтч. — Его не видно ни с моря, ни с материка».

Примерно в ста ярдах от места раскопок под невероятным углом приткнулся вездеход с прицепленным большим серым трейлером. За ним Хэтч разглядел какое-то оборудование на трехколесных тележках. Рэнкин стоял на коленях около одного из них, собираясь погрузить его обратно на трейлер.

— И откуда все эти игрушки? — спросил Хэтч, кивком показав на оборудование.

— Ясное дело, с «Цербера», дружище, откуда же еще? — ухмыльнувшись, ответил Рэнкин. — Томографические детекторы.

— Что-что?

Улыбка Рэнкина стала еще шире.

— Ну, такие особые сенсоры, которые проникают внутрь земли. — Он принялся показывать на разные тележки. — Вот специальный радар. Улавливает наличие человеческих тел и, например, горных пород примерно на глубине двенадцати футов — в зависимости от длины волны. Рядом инфракрасный отражатель, отлично подходит для песка, но у него относительно низкая поглотительная способность. А там, в самом конце...

— Хорошо, хорошо, я все понял. — Хэтч рассмеялся. — И предназначены они для предметов, не содержащих металлы.

— Правильно. Я и представить себе не мог, что они мне здесь пригодятся. Изобель чуть было не лишила меня удовольствия. — Рэнкин показал на оранжевые знаки. — Видите, я тут кое-что нашел, но она наткнулась на главную жилу.

Хэтч помахал ему рукой и поспешил вдогонку за Сент-Джоном. Увидев их, Бонтер отошла от рабочих и направилась в их сторону, по дороге она засунула кирку себе за пояс и вытерла грязные руки о штаны. Волосы она собрала в хвост, но руки и лицо снова были перепачканы землей.

— Я нашел доктора Хэтча, — смущенно улыбнувшись, сообщил Сент-Джон то, что и так было очевидно.

— Спасибо, Кристоф.

Хэтча поразила его смущенная улыбка. Неужели Сент-Джон стал очередной жертвой

чар Изобель Бонтер? Похоже, больше ничто не могло заставить его покинуть свои книги и копаться в земле, да еще под дождем.

— Идите сюда, — сказала она и, схватив Хэтча за руку, потащила к краю ямы. — Отойдите в сторонку, — дружелюбно прикрикнула она на рабочих, — доктор пришел. Убирайтесь.

— Что это? — с изумлением спросил Хэтч, уставившись на грязно-коричневый череп, торчащий из земли, две ноги и кучу других древних костей.

— Пиратская могила, — победоносно объявила Бонтер. — Прыгайте вниз. Только постарайтесь ни на что не наступать.

— Значит, это мой пациент. — Хэтч спустился на дно ямы и с интересом несколько мгновений разглядывал череп, затем занялся костями. — Или, будет правильнее сказать, пациенты?

— Pardon?

— Если только у этого пирата было не две правых ноги, — подняв голову, сказал он. — У нас тут два скелета.

— Два? Это *vachementbien!*⁵⁴ — вскричала Бонтер, хлопая в ладоши.

— Они были убиты? — спросил Хэтч.

— А это уже вам решать, *monsieur le docteur*.

Хэтч опустился на колени и принялся изучать кости. На ближайшем скелете лежала медная пряжка, несколько медных пуговиц были разбросаны по остаткам грудной клетки, рядом со спутанной золотой цепочкой. Он слегка постучал по черепу, стараясь не сдвинуть его с места. Он был повернут на одну сторону, рот широко открыт. Никаких очевидных признаков насильственной смерти Хэтч не нашел: ни отверстий от мушкетной пули, ни сломанных костей или режущих ран. Он не сможет наверняка сказать, от чего умер пират, пока не будут закончены раскопки и его кости не будут извлечены на поверхность. С другой стороны, он сразу понял, что тело похоронили в спешке, его просто бросили в могилу: руки расставлены, голова повернута, ноги согнуты в коленях. В первый момент он решил, что второй скелет находится под первым, но тут заметил золотой блеск возле одной из ног пирата.

— А это что такое? — спросил Хэтч.

Около голени лежала кучка золотых монет и большой обработанный драгоценный камень. Рабочие лишь слегка смахнули землю, оставив монеты нетронутыми.

— Я ждала, когда вы заметите, — фыркнув, заявила Бонтер. — Судя по всему, у этого джентльмена в сапоге был припрятан кошелек. Мы с Кристофом их все идентифицировали. Золотой мухур⁵⁵ из Индии, две английские гинеи, французский луидор и четыре португальских крусадо. Все относятся к тысяча шестьсот девяносто четвертому году. Камень — это изумруд, возможно, из Перу, вырезанный в форме головы ягуара. У бедняги пирата, наверное, были от него жуткие мозоли.

— Итак, это первая находка из сокровищ Окхема, — проговорил Хэтч.

— Да, — уже серьезнее ответила Изобель.

Хэтч смотрел на небольшую кучку золота — маленькое нумизматическое сокровище, — и по спине у него пробежал холодок. То, что до сих пор казалось лишь теорией, вопросом чисто академическим, внезапно стало реальностью.

— А капитан знает? — спросил он.

— Нет еще. Пойдемте, я вам еще кое-что покажу.

Но Хэтч не мог отвести глаз от ярко блестящего металла. «Интересно, — подумал он, — что делает это зрелище таким притягательным? В человеческой реакции на золото,

⁵⁴ Здорово! (фр.)

⁵⁵ Золотой мухур в 15 рупий имел хождение в Британской Индии.

видимо, есть что-то атавистическое».

Отбросив эти мысли, он выбрался из ямы.

— А теперь я вам покажу сам лагерь пиратов! — объявила Бонтер и взяла его под руку. — Потому что он еще более странный.

Хэтч прошел за ней ярдов двенадцать от ямы к следующему месту раскопок. Ничего особенного он не увидел: траву и верхний слой земли расчистили на площади примерно в сто ярдов, и его глазам предстал коричневый прямоугольник твердого грунта. Заметны были несколько темных участков — очевидно, там разводили костры — и множество круглых углублений, расположенных без всякой системы. Из земли торчало множество маленьких пластмассовых флажков с написанными на них черным маркером номерами.

— Круглые участки — по-видимому, следы от палаток, — сказала Бонтер. — В них жили те, кто строил Водяную Бездну. Но посмотрите на артефакты, которые от них остались! Каждый флажок отмечает находку, а мы работаем меньше двух дней. — Она подвела Хэтча к дальнему концу барака, где был разложен большой кусок брезента.

Бонтер открыла его, и Хэтч с удивлением увидел десятки предметов, лежащих аккуратными рядами и пронумерованных.

— Два кремневых пистолета, — объявила она и показала Хэтчу удивительную находку. — Три кинжала, два абордажных топора и сабля, короткоствольное ружье с раструбом. Бочонок с крупной картечью, несколько мешков с мушкетными пулями и снова абордажный топор. Дюжина песа, несколько серебряных тарелок, секстант и дюжина десятидюймовых корабельных штыков.

Она подняла голову.

— Мне еще никогда не доводилось находить так много за такое короткое время. И еще вот это. — Она взяла золотую монету и протянула Хэтчу. — Как бы ни был ты богат, такими дублонами не разбрасываются.

Хэтч взвесил монету на ладони. Это был массивный испанский дублон, холодный и на удивление тяжелый. Золото сверкало так, словно монету отчеканили неделю назад. Иерусалимский крест был расположен чуть сбоку, охватывая льва и замок, которые символизировали Леон и Кастилию. По краю шла надпись: «PHILIPPVS+IV+DEI+GRAT». Золото согрелось у Хэтча на ладони, и сердце помимо его воли сильнее забилося в груди.

— Вот еще одна тайна, — проговорила Бонтер. — В семнадцатом веке моряки никогда не хоронили людей в одежде, которая очень ценилась на кораблях. Но если все-таки кого-то хоронили одетым, сначала его обыскивали, так ведь? Золото в сапоге стояло целое состояние, даже для пирата. И почему они оставили столько полезных вещей? Пистолеты, абордажные сабли, штыки — это же то, без чего пиратам не обойтись. А секстант, при помощи которого они могли добраться домой? Никто добровольно все это не бросит.

В этот момент подошел Сент-Джон и дотронулся до ее локтя.

— Мы нашли еще кости, Изобель.

— Еще? В другом месте? Кристоф, как здорово!

Хэтч последовал за ними к месту, где они нашли новый скелет. Рабочие расчистили его и отправились копать третью яму. Хэтч заглянул вниз, и на смену возбуждению пришло неприятное чувство — его глазам предстало еще три черепа и множество разбросанных костей. Обернувшись, он увидел, что рабочие расчищают сухой кустарник. Появился край очередного черепа, потом еще один. Они продолжали копать, мягкая земля легко поддавалась под лопатами: трубчатая кость, таранная, пятка, уставившаяся в небо, словно труп сбросили лицом вниз.

— Зубами грызущие землю,⁵⁶ — пробормотал Хэтч.

— Что? — вздрогнув, спросил Сент-Джон.

— Ничего. Строчка из «Илиады».

⁵⁶ Гомер. Илиада. Перевод Н. Гнедича.

Никто никогда не хоронил мертвецов лицом вниз, по крайней мере тех, кого уважали. «Массовое захоронение, — подумал Хэтч. — Причем тела сбрасывали кое-как». Он вспомнил, как однажды в Южной Африке его вызвали обследовать убитых крестьян, жертв карательной операции.

Даже Бонтер замолчала, настроение у нее явно испортилось.

— Что могло здесь произойти? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Понятия не имею, — ответил Хэтч, у которого неприятно засосало под ложечкой.

— На костях нет никаких признаков насилия.

— Иногда следы незаметны, — возразил Хэтч. — Но люди могли умереть от голода или какой-нибудь болезни. Судебная экспертиза, возможно, даст ответ.

Он окинул взглядом страшное поле. Повсюду коричневые кости, в некоторых местах скелеты лежат друг на друге по три сразу, клочья полусгнившей кожи темнеют под мелким дождем.

— А вы можете провести такую экспертизу? — спросила Бонтер.

Хэтч, не отвечая на ее вопрос, несколько мгновений стоял на краю могилы. День близился к вечеру, и становилось темно. Дождь, туман, сгущающиеся сумерки и печальный шум далекого прибоя делали все вокруг серым и мертвым, словно окружающий пейзаж вдруг лишился жизни.

— Да, — сказал наконец Малин.

И снова повисло молчание.

— Что могло здесь произойти? — шепотом повторила Бонтер.

ГЛАВА 26

На рассвете следующего дня главные члены экспедиции собрались в рубке «Грифона». В атмосфере на сей раз не ощущалось подавленности, как после несчастного случая с Кеном Филдом. Воздух, казалось, был наэлектризован ожиданием. За одним концом стола Бонтер говорила Стритеру о необходимости перевезти находки, сделанные во время раскопок, в специальное хранилище, а он молча ее слушал. За другим концом Уопнер, который выглядел еще более растрепанным и неопрятным, что-то оживленно шептал Сент-Джону, одновременно размахивая руками. Как обычно, Нейдельман еще не появился. Он ждал в своей каюте, когда все соберутся. Хэтч налил себе чашку горячего кофе, взял огромный маслянистый пончик и уселся рядом с Рэнкином.

В этот момент дверь открылась и появился Нейдельман. Пока он поднимался по ступенькам, Хэтч обратил внимание, что настроение капитана явно совпадает со всеобщим. Нейдельман знаком подозвал Хэтча.

— Я хочу, чтобы вы это взяли, Малин, — сказал он тихо и вложил в ладонь Хэтча что-то тяжелое.

Хэтч с удивлением обнаружил, что это золотой дублон, который Бонтер нашла накануне, и с немим вопросом посмотрел на капитана.

— Не много, конечно, — слегка улынувшись, проговорил Нейдельман. — Мельчайшая частичка вашей конечной доли. Но это первый плод наших трудов. Я хочу, чтобы вы взяли монету в знак нашей благодарности. За то, что смогли сделать такой трудный выбор.

Хэтч пробормотал «спасибо» и незаметно убрал монету в карман. Почему-то, когда он шел назад, на свое место за столом, ему было ужасно не по себе. По совершенно необъяснимой причине ему не хотелось увозить дублон с острова, пока не будут найдены остальные сокровища, словно это могло стать дурной приметой. «Я что, тоже становлюсь суеверным?» — полушутливо спросил он у самого себя и дал себе торжественную клятву оставить монету в медпункте на острове.

Нейдельман встал во главе стола и окинул свою команду внимательным взглядом. Хэтч почувствовал почти осязаемую волну нервной энергии, исходящей от этого человека.

Выглядел капитан безупречно: чисто выбритый, с волосами чуть влажными после душа, в тщательно отутюженном костюме цвета хаки, серые глаза казались почти белыми в теплом освещении каюты.

— Думаю, сегодня нам предстоит выслушать сразу несколько докладов, — сказал Нейдельман, оглядев присутствующих. — Доктор Магнусен, давайте начнем с вас.

— Помпы настроены и готовы к работе, — доложила инженер. — Мы установили дополнительные датчики в нескольких второстепенных шахтах, а также внутри дамбы для контроля за уровнем воды во время осушения.

Нейдельман кивнул и остановил острый взгляд на начальнике работ.

— Мистер Стритер?

— Строительство дамбы завершено. Все проверки стабильности и надежности сооружения дали положительные результаты. Шлюпочный якорь на месте, команда рабочих находится на «Цербере» и ждет приказа начать раскопки.

— Отлично. — Нейдельман посмотрел на историка и программиста. — Джентльмены, насколько мне известно, у вас есть для нас интересные новости.

— Это точно, — начал Сент-Джон. — Как...

— Дайте я скажу, Крис, детка, — перебил его Уопнер. — Мы разгадали второй шифр.

Раздались удивленные возгласы. Хэтч наклонился вперед, невольно вцепившись руками в подлокотники кресла.

— И о чем там говорится? — выпалила Бонтер.

Уопнер поднял руки.

— Я сказал, что мы разгадали шифр, это не значит, что дневник уже прочитан. Нам удалось обнаружить повторяющиеся буквенные последовательности, мы составили электронный контактный список и сумели прочитать достаточно слов, которые совпадают с первой частью дневника, чтобы не сомневаться, что мы на верном пути.

— И все? — Бонтер откинулась на спинку кресла.

— Это в каком смысле — и все? — уязвленно спросил Уопнер. — Это же победа! Мы знаем, какой он использовал шифр: полиалфавит, основанный на нескольких шифровальных алфавитах — всего их от пяти до пятнадцати. Как только мы установим точное число, дальше дело за компьютером. При помощи метода вероятных слов мы сумеем прочитать дневник за несколько часов.

— Полиалфавит, — повторил Хэтч. — Кристофер с самого начала выдвигал эту теорию, не так ли?

Его слова были встречены благодарным взглядом Сент-Джона и мрачной усмешкой Уопнера. Нейдельман кивнул.

— А программы для лестничной системы, которая будет задействована?

— Я протестировал симуляцию на компьютере «Цербера», — ответил Уопнер и отбросил с лица прядь грязных волос. — Все как в аптеке. Но, естественно, его не спускали в Бездну, — со значением добавил он.

— Прекрасно. — Нейдельман встал и подошел к круглому окну, а затем повернулся к собравшимся. — Добавить мне нечего. Все готово. В десять часов мы включим помпы и начнем осушать Водяную Бездну. Мистер Стритер, я хочу, чтобы вы внимательно наблюдали за дамбой. Сообщите нам, если что-нибудь пойдет не так. Без промедления. «Наяда» и «Касатка» должны находиться поблизости — на всякий случай. Мистер Уопнер, вы будете следить за происходящим на «Первом острове», а заодно проведете последние тесты. Доктор Магнусен будет с Ортханка руководить откачиванием воды.

Он подошел к столу.

— Если все пойдет по плану, завтра к полудню Бездна будет осушена. Затем мы тщательно исследуем сооружение, и в течение дня наши рабочие уберут со дна самые крупные обломки, после этого установят лестницы, и послезавтра утром мы сможем спуститься вниз.

Он заговорил тише, по очереди обводя взглядом присутствующих.

— Думаю, нет необходимости говорить, что после выкачивания воды Бездна не перестанет оставаться очень опасным местом. На самом деле без воды нагрузка на старые деревянные конструкции будет значительно больше. Пока мы не укрепим ее титановыми стойками и распорками, постоянно будет существовать вероятность осыпей. Мы отправим на разведку небольшой отряд, который заодно установит пьезоэлектрические датчики в самых ненадежных участках балок. После чего Керри настроит их при помощи дистанционного управления с «Первого острова». Если давление неожиданно поднимется, означая возможный сбой в работе, датчики предупредят нас прежде, чем это произойдет. Они будут подсоединены при помощи системы дистанционного радиоуправления к сети, и мы тут же получим сигнал. Сразу после их установки мы сможем отправить команды для картографических работ.

Нейдельман оперся руками о стол.

— Я много думал о составе первой команды, но в конце концов понял, что на самом деле сомнений тут быть не может. Пойдут трое: доктор Бонтер, доктор Хэтч и я. Знания доктора Бонтер в области археологии, почвенного анализа и пиратских сооружений будут незаменимы во время нашего первого визита на дно Бездны. Доктор Хэтч должен сопровождать нас на случай, если возникнет необходимость в его услугах как врача. Что же до третьего члена команды, я решил воспользоваться своими привилегиями капитана. — В его глазах на мгновение вспыхнул огонек и погас. — Я знаю, вам всем не терпится посмотреть, что ждет нас на дне Водяной Бездны, и вполне это понимаю. Должен вас успокоить, в ближайшие дни все вы получите возможность познакомиться — причем близко познакомиться — с творением Макаллана. — Он выпрямился. — У кого-нибудь есть вопросы?

Все молчали.

— В таком случае, джентльмены, — кивнув, проговорил капитан, — за работу.

ГЛАВА 27

На следующий день к вечеру Хэтч покинул остров в прекрасном расположении духа. Весь предыдущий день и всю ночь помпы работали попарно, выкачивая из Водяной Бездны миллионы галлонов коричневой воды и отправляя ее обратно в океан. В конце концов, через тридцать часов после начала работ, из труб показался ил со дна Бездны, с глубины в сто сорок футов от поверхности земли.

Хэтч напряженно ждал дурных новостей в своем медицинском кабинете, когда пришло сообщение, что после очередного прилива вода не проникла в Бездну. Все члены экспедиции с волнением наблюдали за тем, как массивные балки застонали, но выдержали более мощный вес. Сейсмографы зарегистрировали небольшие осыпи в соседних туннелях и ямах, но главная шахта устояла. Через несколько часов все окончательно успокоилось. Дамба выдержала. В настоящий момент специальная команда, манипулируя магнитным крюком, очищала дно Бездны от мусора, упавшего туда за прошедшие века и застрявшего на деревянных конструкциях.

Оставив свой баркас у причала в Стормхейвене, Хэтч купил себе кусок филе лосося на ужин, а потом, поддавшись неожиданному порыву, проехал восемь миль вдоль побережья в Саутпорт. Когда он выбрался на старое шоссе 1 А, то увидел над морем рваные вспышки молний, бледно-желтые на фоне синего с розовыми крапинками вечернего неба. Далеко на юге, за островом Монхиган, бушевала сильная гроза, и ее темно-серое ядро освещалось изнутри электрическими разрядами: типичный летний шторм, обещающий сильный дождь и, возможно, даже несколько молний, но не представляющий опасности на море.

В продуктовом магазине Саутпорта, жалком по сравнению с Кембриджем, ассортимент все же был побогаче, чем в магазинчике Бада. Выбравшись из своего «ягуара», Хэтч быстро окинул взглядом улицу: ему не хотелось, чтобы его кто-нибудь увидел и доложил Баду о предательстве. Он улыбнулся про себя, подумав, какой дикой может показаться бостонцу

логика поступков маленького городка.

Вернувшись домой, Хэтч приготовил себе полный кофейник кофе, отварил лосося с лимоном, укропом и спаржей и залил соусом из майонеза с хреном и карри. Большая часть обеденного стола была накрыта зеленым брезентом, он расчистил себе небольшое пространство на одном его конце и уселся обедать, прихватив «Вестник Стормхейвена». С одной стороны, он был доволен, но с другой — разочарован тем, что новости о раскопках на острове Рэггид печатались на второй полосе. Первая посвящалась прошедшему фестивалю омаров, а также лосою, который забрел на территорию склада за лавкой скобяных изделий Кая Эстенсона, начал буйствовать и был отловлен представителями охотничьего клуба с помощью укола снотворного. В статье, посвященной экспедиции, отмечался «поразительный прогресс, несмотря на несколько непредвиденных сложностей», а дальше говорилось, что пострадавший в первые дни рабочий уже выписан домой. По просьбе Хэтча его собственное имя не упоминалось на страницах газеты.

Закончив обедать, он сложил посуду в раковину и вернулся в столовую к большому зеленому брезенту. Сделав несколько глотков кофе, он снял брезент, под которым оказался другой, только поменьше, а на нем два скелета, найденных накануне. Хэтч выбрал наиболее полные и показательные образцы из поразившего его воображение захоронения и перевез домой, чтобы спокойно их изучить.

Кости были чистыми, не утратившими твердости, со светло-коричневыми пятнами из-за того, что долго пролежали в богатой железом земле острова. В сухом воздухе закрытого помещения они источали едва различимый запах тлена. Хэтч сделал шаг назад и, уперев руки в бока, принялся рассматривать скелеты и жалкую коллекцию пуговиц, пряжек и сапожных гвоздей, найденных рядом с ними. У одного покойника было кольцо — золотое с небольшим неограненным гранатом, имеющее ценность скорее историческую, чем денежную. Хэтч попытался надеть его на мизинец. Оказалось, что кольцо подошло, и он не стал его снимать, получая удовольствие от этой диковинной связи с давно умершим пиратом.

Летние сумерки окутали луг за открытыми окнами, и лягушки в пруду завели свою вечернюю песню. Хэтч достал маленький блокнот и написал на правой странице — «Пират А», а на левой — «Пират Б». Затем все зачеркнул, заменив на «Черная Борода» и «Капитан Кидд». Почему-то ему казалось, что так они стали больше похожи на людей. Под каждым заголовком он начал заносить свои первые наблюдения.

Сначала Хэтч постарался установить их половую принадлежность: он знал, что среди пиратов было гораздо больше женщин, чем думали многие. Но те, что лежали перед ним, точно были мужчинами. Он обнаружил, что у этих скелетов, как и у всех других, найденных ими в захоронении, почти нет зубов. Хэтч взял в руки нижнюю челюсть и принялся разглядывать ее в лупу. Вдоль всей челюсти виднелись рубцы — следы болезни десен, а кое-где кость совсем истончилась. Несколько оставшихся зубов указывали на очевидную патологию: отслоение десен от шейки зубов. Хэтч положил челюсть на стол, пытаясь понять, что стало этому причиной: болезнь, голод или плохая гигиена.

Затем он взял череп пирата, которого назвал Черная Борода, и занялся его изучением, вспомнив беднягу Йорика. Единственный сохранившийся верхний резец этого человека был лопатовидной формы, это указывало на восточноазиатское или американское происхождение. Другой пират, Кидд, в прошлом сломал ногу: концы кости вокруг перелома стерлись и отвердели, срослись не слишком удачно. Возможно, он хромотал и испытывал при ходьбе сильную боль. При жизни он вряд ли отличался добродушным нравом. Кроме того, у него имелась старая рана в области ключицы, а также глубокий рубец на кости, видимо полученный в результате удара саблей, предположил Хэтч.

Он решил, что обоим было меньше сорока, и если Черная Борода относился к азиатскому типу, то Кидд, скорее всего, белый. Хэтч решил спросить у Сент-Джона, известно ли ему что-нибудь про национальный состав отряда Окхема.

Доктор с задумчивым видом обошел стол и взял в руки бедренную кость. Она показалась ему очень легкой и тонкой. Он согнул ее, и, к его удивлению, она сломалась,

точно сухая ветка. Хэтч посмотрел на концы... совершенно очевидно, что это остеопороз — истончение кости — и время тут ни при чем. Внимательно изучив другие кости, он обнаружил на них те же признаки болезни.

Пираты были слишком молоды, чтобы причиной остеопороза стал возраст. Значит, либо плохое питание, либо болезнь. Но какая болезнь? Он перебрал симптомы возможных заболеваний, пытаясь поставить диагноз, а затем расплылся в широкой улыбке.

Повернувшись к полке с медицинской литературой, он достал потрепанный экземпляр книги «Внутренние болезни по Тинсли Р. Харрисону» и быстро пробежал глазами оглавление, пока не нашел то, что искал. Открыв нужную страницу, он прочитал: «Цинга (нехватка витамина С)». Да, все признаки налицо: выпадение зубов, остеопороз, замедление восстановительных процессов. При этой болезни могут даже открываться старые раны.

Он захлопнул книгу и поставил на место. Эту загадку он решил. Хэтч знал, что сейчас цинга встречается очень редко. Даже в самых нищих странах третьего мира, где ему довелось работать, жители выращивали фрукты и овощи, и за всю свою практику он не встречал ни одного случая. До сих пор. Страшно довольный собой, Хэтч отошел от стола.

В этот момент кто-то позвонил в дверь. «Проклятье», — подумал он и, прежде чем выйти из столовой, накрыл скелеты куском брезента. Вот вам очевидный недостаток жизни в маленьком городке: никому даже в голову не придет договориться по телефону, прежде чем отправляться в гости. Хэтч решил, что, пожалуй, обеденный стол, на котором вместо фамильного серебра лежат древние скелеты, — это несколько чересчур.

Подойдя к двери и выглянув в окно, Хэтч с удивлением увидел сгорбленную фигуру старого профессора Орвилла Хорна. Он опирался на свою трость, а седые волосы, словно наэлектризованные, торчали в разные стороны.

— О ужасный доктор Хэтч! — провозгласил профессор, когда Хэтч открыл дверь. — Я проходил мимо и увидел свет в твоём древнем мавзолее. — Его маленькие блестящие глазки быстро обежали комнату. — Я подумал, а вдруг ты прячешься в темном подвале и там кромсаешь тела. У нас пропало несколько юных девушек, и народ обеспокоен. — Его глаза вдруг остановились на брезенте, закрывавшем обеденный стол. — Эй! А это что такое?

— Скелеты пиратов, — ухмыльнувшись, объявил Хэтч. — Вы ведь хотели получить подарок, так? Так вот, поздравляю вас с днем рождения.

Глаза профессора загорелись от восторга, и он без приглашения отправился в гостиную.

— Чудесно! — вскричал он. — Значит, мои подозрения были небеспочвенны. И где же ты их добыл?

— Пару дней назад археолог из «Талассы» обнаружила на острове Рэггид место, где находился лагерь пиратов, — ответил Хэтч и повел профессора за собой в столовую. — Там же они нашли массовое захоронение. Я решил, что прихвачу с собой парочку скелетов, чтобы определить причину смерти.

Кустистые брови профессора поползли вверх, когда он это услышал. Хэтч убрал брезент, и его гость с интересом наклонился над столом, время от времени тыкая в разные кости тростью.

— Мне кажется, я знаю, что их прикончило, — сказал Хэтч.

Профессор поднял руку.

— Подожди, дай мне сначала на них посмотреть.

Хэтч улыбнулся, вспомнив, что профессор просто обожает разгадывать научные загадки. В эту игру они множество раз играли по вечерам, когда учитель давал ему какой-нибудь образец или научную головоломку, чтобы он разобрался, что перед ним.

Хорн взял в руки череп Черной Бороды, перевернул его, посмотрел на зубы.

— Восточная Азия, — заявил он и положил череп на место.

— Очень хорошо.

— Но не слишком удивительно, — ответил профессор. — Пираты стали первыми работодателями, предлагавшими равные возможности всем. Думаю, этот из Бирмы или с

Борнео. Может быть, матрос-индиец.

— Я потрясен, — проговорил Хэтч.

— Как быстро они все забывают. — Профессор обошел вокруг стола, разглядывая скелеты, при этом его глазки-пуговицы горели огнем, как у кошки, охотящейся на мышь. Он взял в руки кость, которую сломал Хэтч. — Остеопороз, — поставил он диагноз и, приподняв одну бровь, взглянул на Хэтча.

Тот не произнес ни слова. Доктор взял челюсть.

— Очевидно, пираты не верили в пользу зубной нити. — Он изучил зубы, провел по лицу длинным тонким пальцем и выпрямился. — Все указывает на цингу.

— Вы сообразили гораздо быстрее, чем я, — с грустным видом проговорил Хэтч.

— В прошлые века цинга была очень распространена на кораблях и иногда превращалась в настоящую эпидемию. Сожалею, но это общеизвестные сведения.

— Ну да, это было очевидно, — печально сказал Хэтч. Профессор посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Идемте, посидим в гостиной, — предложил Хэтч. — Я принесу вам чашку кофе.

Когда он вернулся с подносом и чашками с блюдцами, оказалось, что профессор уже устроился в удобном кресле и лениво листает один из старых детективных романов, которые так любила его мать. Она держала на полке около тридцати штук и говорила, что к тому моменту, когда закончит последний, успеет благополучно забыть, что было в первом, и сможет начать все сначала. Увидев этого человека из своего прошлого, который сидел в гостиной и читал книгу, когда-то принадлежавшую матери, Хэтч испытал такую горькую и одновременно сладкую ностальгию, что против воли с грохотом опустил поднос на маленький столик. Профессор взял из его рук чашку, и они несколько мгновений молча пили кофе.

— Малин, — проговорил старик и откашлялся. — Я должен перед тобой извиниться.

— Прошу вас, — ответил Хэтч, — не нужно ничего говорить. Я оценил вашу откровенность.

— Пусть моя откровенность катится ко всем чертям. Я вел себя необдуманно. Я продолжаю считать, что Стормхейвен прекрасно обошелся бы без проклятого острова сокровищ, но это к делу не относится. Я не вправе оценивать твои мотивы. Ты делаешь то, что должен.

— Спасибо.

— И чтобы загладить свою вину, я кое-что принес для игры «посмотри и угадай», — сказал он, и в его глазах загорелся знакомый Хэтчу огонек. Профессор вытащил из кармана коробочку и, открыв ее, показал необычную двойную раковину, поверхность которой была испещрена сложным рисунком из точек и бороздок. — Что это? У тебя пять минут.

— Сиамский морской еж, — ответил Хэтч и вернул раковину. — Кстати, отличный экземпляр.

— Проклятье, раз мне не удалось тебя поставить в тупик своим вопросом, по крайней мере, сделай хоть что-нибудь полезное и расскажи про обстоятельства, связанные с этим. — Профессор пальцем показал в сторону столовой. — Я желаю знать все подробности и детали, даже самые мельчайшие. Любые промахи будут оцениваться самым суровым образом.

Вытянув скрещенные ноги на плетеном ковре, Хэтч подробно рассказал, как Бонтер нашла лагерь пиратов; первые раскопки; массовое захоронение; золото; удивительный набор артефактов; огромное количество тел. Профессор внимательно слушал, время от времени кивая, его брови то взлетали вверх, то возвращались на место, реагируя на каждую новую деталь.

— Больше всего меня поражает, — сказал в заключение Хэтч, — количество тел. К концу сегодняшнего дня рабочие обнаружили девяносто скелетов, а раскопки еще не завершены.

— И правда интересно. — Профессор замолчал, глядя куда-то вдаль. Затем он покачал головой, поставил чашку, с удивительной осторожностью разгладил лацканы пиджака и

встал. — Цинга, — повторил он, будто обращаясь к самому себе, и презрительно фыркнул. — Проводи меня до двери, пожалуйста. Для одного вечера я отнял у тебя достаточно времени.

Около двери профессор остановился и повернулся к Хэтчу, окинув его взглядом, в котором читался тщательно скрываемый интерес.

— Малин, расскажи мне, какой вид флоры доминирует на острове Рэггид. Я там никогда не был.

— Ну, — проговорил Хэтч, — это типичный внешний остров, деревьев практически нет, много травы, лопухи, черемуха, шиповник.

— Ах, пирог из черемухи — восхитительно. А ты пробовал чай из плодов шиповника?

— Разумеется, — ответил Малин. — Моя мать без конца пила чай из шиповника — говорила, это очень полезно. А я его ненавидел.

Профессор закашлялся и прикрыл рот рукой — а Хэтч вспомнил, что так он выражал свое неудовольствие.

— Что? — немного с вызовом спросил он.

— Черемуху и шиповник, — сказал профессор, — употребляют в пищу на этом побережье в течение многих веков. И то и другое очень полезно, в них очень много витамина С.

Он замолчал, и Хэтч вдруг удивленно вскричал:

— Да, я понял, что вы имеете в виду.

— Возможно, моряки в семнадцатом веке и не знали, что вызывает цингу, но зато они отлично знали, что почти любые свежие ягоды, фрукты, корни и овощи ее вылечивают. — Профессор вопросительно посмотрел на Хэтча. — Кроме того, с нашим поспешным диагнозом возникает еще одна проблема.

— Какая?

— То, как тела были похоронены. — Старик ударил тростью в пол, чтобы подчеркнуть свои слова. — Малин, цинга не заставляет десятками сбрасывать тела погибших в общую могилу, быстро их закапывать да еще оставлять им золото и изумруды.

Вдалеке сверкнула яркая вспышка, и на юге прокатились раскаты грома.

— А что заставляет? — спросил Хэтч.

В ответ доктор Хорн лишь ласково потрепал его по плечу. Потом повернулся и, хромая, спустился по ступенькам. Стук его трости еще долго слышался после того, как он скрылся в теплом сумраке Оушнлейн.

ГЛАВА 28

Ранним утром следующего дня Хэтч вошел в «Первый остров» и обнаружил, что маленький командный центр забит людьми. Бонтер, Уопнер и Сент-Джон о чем-то громко спорили. Молчали лишь Магнусен и капитан Нейдельман: Магнусен проводила диагностику, а Нейдельман — олицетворение покоя в центре бури — стоял и неторопливо разжигал трубку.

— Вы что, спятили? — говорил Уопнер. — Я должен быть на «Цербере» и заниматься расшифровкой дневника, а не обсуждать вашу дурацкую спелеологию. Я программист, а не ассенизатор.

— У нас нет другого выбора, — сказал Нейдельман, вынимая трубку изо рта и не спуская взгляда с Уопнера. — Ты же видел показания приборов.

— Да, да. А чего еще вы ждали? На этом проклятом острове ничего не работает.

— Кажется, я что-то пропустил, — произнес Хэтч, проходя внутрь.

— О, доброе утро, Малин, — с улыбкой приветствовал его Нейдельман. — Ничего существенного. Просто у нас возникли небольшие проблемы с электроникой в системе лестниц.

— Да, небольшие, — хмуро проговорил Уопнер.

— В результате нам придется взять Керри с собой, когда мы спустимся в Бездну.

— Ну и черт с ней! — раздраженно воскликнул Уопнер. — Я уже устал повторять: упала последняя костяшка домино. Поверьте мне, код уже мой. Через пару часов «Сцилла» полностью расшифрует плохиша.

— Если последняя костяшка упала, то Кристофер может довести дело до конца, — резко сказал Нейдельман.

— Совершенно верно, — вмешался Сент-Джон, слегка выпятив грудь. — Вопрос лишь в том, чтобы вывести результаты и сделать замены.

Уопнер, выпятив нижнюю губу, переводил взгляд с одного на другого.

— Все предельно просто — вопрос лишь в том, где вы больше нужны, — мягко заметил Нейдельман. — Сейчас — нашей команде. — Он повернулся к Хэтчу. — Необходимо установить в Бездне пьезоэлектрические датчики. Как только их подключат к компьютерной сети, заработает система раннего оповещения структурных подземных изменений. До сих пор Керри не удавалось откалибровать датчики дистанционно, с «Первого острова». — Он посмотрел на Уопнера. — Поскольку сеть недостаточно надежна, ему придется отправиться с нами и настроить датчики вручную, пользуясь портативным компьютером. После чего он сможет переслать информацию в главный компьютер системы. Не слишком удобно, но ничего другого не остается.

— Неудобно? — возмутился Уопнер. — Да это настоящая заноза в заднице.

— Большая часть команды отдала бы половину своей доли, чтобы участвовать в первом проникновении, — заявил Сент-Джон.

— Вот ты туда и проникай, — отвернувшись, пробормотал Уопнер.

Бонтер захихикала. Нейдельман повернулся к историку.

— Расскажите доктору Хэтчу о предложении во второй части журнала, которое вам удалось расшифровать.

Сент-Джон с важным видом откашлялся.

— Ну, это не целое предложение, скорее фрагмент: «Тот, кто жаждет получить ключ к...» — тут какое-то непонятное слово — «найдет...»

Хэтч изумленно посмотрел на капитана.

— Значит, тайный ключ к Водяной Бездне существует!

Нейдельман улыбнулся и нетерпеливо потер руки.

— Уже почти восемь, — сказал он. — Собирайте оборудование, пора начинать.

Хэтч вернулся в свой кабинет, чтобы забрать медицинский чемоданчик, и догнал группу, поднимающуюся вдоль холма к Ортханку.

— Merde, как холодно, — проворчала Бонтер, дуя на руки. — И это летнее утро?

— Летнее утро в Мэне, — ответил Хэтч. — Наслаждайтесь. От такого воздуха быстрее растут волосы на груди.

— Ну, в этом я не нуждаюсь, *monsieur le docteur*.

Она побежала вперед, пытаясь согреться, а когда Хэтч последовал за ней, он обнаружил, что и сам слегка дрожит; то ли от холода, то ли от предстоящего спуска — непонятно. Солнце наконец поднялось настолько, что длинные неровные тени легли на остров.

Когда они оказались в верхней точке острова, Хэтч разглядел высокий силуэт Ортханка, толстые связки проводов шли вдоль его основания к разверстой пасти Водяной Бездны. Только теперь она перестала быть Водяной: ее удалось осушить, и им оставалось лишь открыть все ее тайны.

Хэтч вновь почувствовал нервную дрожь, но лишь прибавил шагу. С высоты он видел серый полукруг дамбы, по дуге уходящей в море вдоль южной оконечности острова. Удивительное зрелище. За ней простиралась темно-синяя гладь океана, исчезающего за вечной вуалью тумана; непристойно обнаженное каменистое дно с множеством луж стоячей воды невольно притягивало взгляд. Тут и там виднелись отметки, оставленные на выходе пород: здесь начинались туннели, затоплявшие Бездну, — их еще предстояло тщательно

изучить. На прибрежной полосе возле дамбы валялись кучи ржавых обломков, пропитавшегося водой дерева и другого мусора из глубин Бездны.

Стритер и его команда собрались на площадке возле входа в Бездну, они вытаскивали одни кабели и спускали вниз другие. Подошедший Хэтч увидел верхний край массивной лестницы, торчащей из колодца. Перекладины лестницы были сделаны из толстых блестящих металлических трубок, прикрытых с двух сторон резиновыми планками. Хэтч знал, что несколько человек большую часть ночи монтировали эту мощную лестницу, обходя балки, пересекавшие шахту.

— Вот что я называю лестницей на стероидах, — присвистнув, сказал он.

— Это не просто лестница, — возразил Нейдельман. — Это набор лестниц. Трубочатые перекладины сделаны из титановых сплавов. Они будут спинным хребтом стабилизирующей системы, которая удержит Бездну от разрушения. Со временем мы построим радиальную сеть титановых стоек, которые соединят стены в надежную конструкцию, что позволит нам спокойно вести раскопки. Затем мы установим на лестницу подъемную платформу, которая послужит в качестве лифта. — Он указал в сторону стоек. — Каждая трубка снабжена волоконной оптикой и электрическим кабелем, и каждая ступенька имеет подсветку, реагирующую на контакт. Вскоре вся структура будет контролироваться компьютером — от сервомеханизмов до следящих камер. Однако нашему другу Уопнеру не удалось создать систему дистанционного управления. Поэтому он получил приглашение присоединиться к нам. — Капитан постучал ногой по верхушке лестницы. — Они были разработаны по проекту «Талассы» и обошлись почти в двести тысяч долларов.

Уопнер, услышав его последние слова, подошел к ним и с усмешкой заявил:

— Эй, капитан, а я знаю место, где можно купить потрясные сиденья для унитазов, всего по шестьсот долларов за штуку.

Нейдельман улыбнулся.

— Рад, что у вас улучшилось настроение, мистер Уопнер. Давайте начинать. — Он повернулся к остальным членам группы. — Сегодня наша главная задача состоит в том, чтобы установить пьезоэлектрические датчики в крепежные балки Бездны. — Он вытащил датчик из рюкзака и пустил его по рукам. Это была небольшая полоска металла с компьютерным чипом в центре, запечатанная в твердый прозрачный пластик. С двух противоположных концов торчали два контакта в полдюйма длиной. — Достаточно просто вдавить кончики в дерево. Мистер Уопнер откалибрует датчики при помощи портативного компьютера.

Пока Нейдельман говорил, к Хэтчу подошел техник и помог застегнуть снаряжение. Затем передал ему каску и показал, как пользоваться двусторонней оперативной связью и галогенным фонарем. После чего Хэтчу вручили ранец с набором пьезоэлектрических датчиков.

Проверив медицинский чемоданчик, Хэтч увидел, что Нейдельман жестом предложил ему первым перешагнуть через перила. Хэтч двинулся вперед, и капитан заговорил в микрофон, прикрепленный к его каске.

— Магнусен, включайте питание.

Ослепительно желтое сияние залило Водяную Бездну. Тройной ряд светящихся ступеней уходил в землю, словно указывал путь в преисподнюю.

Только теперь у Хэтча появилась возможность увидеть шахту — неровный квадрат примерно десять футов в поперечнике, со всех сторон ограниченный тяжелыми бревнами, в каждом углу отверстия для массивных вертикальных балок. Через каждые десять футов шли четыре поперечные балки меньшего размера, которые сходились в центре колодца, что не давало стенам обрушиться внутрь. Хэтча поразило, с каким запасом сооружена Бездна: казалось, Макаллан строил на тысячелетия, а вовсе не на несколько лет, через которые Окхем должен был вернуться, чтобы забрать сокровища.

Глядя на уходящие вниз ряды огней, Хэтч вдруг понял, как глубока Бездна. Казалось, свет устремился в какую-то точку во тьме, находящуюся так далеко, что перила лестницы

терялись в мрачных глубинах. Бездна была живой, ее наполняли звуки, что-то капало, потрескивало, шептало и постанывало.

Отзвуки далекого грома прокатились над островом, и тут же налетел сильный порыв ветра, который принялся метаться среди высокой травы вокруг колодца. Почти сразу же полил сильный дождь, но Хэтч остался стоять на прежнем месте, частично защищенный массивным корпусом Ортханка. Через несколько минут они ступят на лестницу и начнут спуск. И вновь им овладело странное чувство — уж слишком легко все получалось. Но тут из Бездны пахнуло холодным дыханием обнажившегося при отливе дна: сильный запах соленой воды, к которому прибавлялся смрад от разложившихся рыбьих останков и гниющих водорослей. В голове Хэтча вдруг промелькнула мысль: «Где-то в этом лабиринте туннелей осталось тело Джонни». Он и мечтал найти его, и ужасно этого боялся.

Техник вручил Нейдельману портативный анализатор воздуха, и капитан надел его на шею.

— Мы идем не на развлекательную прогулку, — напомнил своей команде Нейдельман. — Вы можете отойти от лестницы только на тот момент, когда будете ставить датчик. Мы установим их, откалибруем, а потом быстро вернемся обратно. Однако я попрошу вас все примечать: состояние крепи, размеры и число туннелей, все, что покажется вам существенным. Дно все еще покрыто толстым слоем ила, поэтому мы сосредоточимся на стенах и входах в боковые туннели. — Он немного помолчал, поправляя каску. — Хорошо. Закрепляйте страховочные тросы. Пошли.

Карабины защелкнулись. Нейдельман проверил прочность креплений у каждого.

— Я чувствую себя, как чертов телефонный мастер, — пожаловался Уопнер.

Хэтч посмотрел на программиста, которому пришлось нести на себе не только ранец с пьезоэлектрическими датчиками, но и два карманных компьютера, болтавшихся на поясе.

— Да брось ты, Керри, — насмешливо проговорила Бонтер. — В первый раз ты похож на мужчину.

Большая часть команды, остававшейся на острове, столпилась возле Бездны. Хэтч оглядел возбужденные лица: наступил момент, которого они — и он — с таким нетерпением ждали. Бонтер широко улыбалась. Даже на Уопнера действовал всеобщий подъем — и он с важным видом еще раз проверил свое снаряжение.

Нейдельман окинул их последним взглядом и махнул рукой. Затем решительно подошел к лестнице, пристегнул страховочный трос к одной из ступеней и начал спускаться вниз.

ГЛАВА 29

Хэтч шел последним. Остальные уже успели спуститься футов на двадцать. Лучи от фонарей на их касках рассеивали мрак; медленно, шаг за шагом, смельчаки штурмовали Бездну. У Хэтча закружилась голова, и он, крепко ухватившись за перекладину лестницы, посмотрел вверх. Он знал, что лестница очень надежна и, даже если он упадет, спасательный леер его удержит.

По мере того как они спускались все ниже, странное молчание овладело ими и всей командой, собравшейся возле Ортханка. Теперь они слышали звуки, доносящиеся из Бездны, тихое потрескивание и пощелкивание, диковинный шепот невидимых морских существ. Хэтч спустился мимо первого узла, где сходились кабели и электрические разъемы, расположенные на лестнице на расстоянии пятнадцати футов друг от друга.

— Все в порядке? — донесся из интеркома голос Нейдельмана.

Один за другим все члены группы ответили утвердительно.

— Доктор Магнусен? — спросил Нейдельман.

— Приборы в норме, — послышался голос из Ортханка. — На всех панелях зеленые индикаторы.

— Доктор Рэнкин?

— Все в пределах нормы, капитан. Никаких признаков сейсмической активности или магнитных аномалий.

— Мистер Стритер?

— Все системы лестниц в норме, — последовал короткий ответ.

— Очень хорошо, — подытожил Нейдельман. — Продолжаем спуск до платформы на отметке пятьдесят футов. Там, где требуется, ставим датчики, потом останавливаемся передохнуть. Следите затем, чтобы тросы не зацепились за балки. Доктор Бонтер, доктор Хэтч, мистер Уопнер, будьте внимательны. Если заметите что-либо необычное, сразу же сообщайте.

— Шутите? — послышался голос Уопнера. — Здесь все выглядит необычно.

Чем ниже они спускались, тем больше Хэтчу казалось, что он все глубже погружается в водоем, наполненный солоноватой водой. Воздух был влажным и холодным, пропитанный запахами гниения. Каждый выдох сопровождался облачком испарений, зависающим в перенасыщенном воздухе. Малин посмотрел по сторонам, луч фонаря на каске синхронно двинулся. Они уже находились в зоне прилива, где еще совсем недавно вода поднималась и опускалась дважды в день. Хэтч с удивлением обнаружил здесь те же виды организмов, что и в полосе прибоя: сначала рачки, затем водоросли, береговые улитки, морские ежи и актинии. По мере того как они продолжали спуск, Хэтч замечал слои кораллов и водорослей. Мириады брюхоногих все еще сидели на стенах и балках в тщетной надежде на возвращение прилива. Изредка кто-то из них отлеплялся и падал вниз.

Хотя из Бездны удалось извлечь огромное количество мусора, осталось еще множество препятствий и горы всякой дряни. Лестницы были установлены среди гниющих балок, согнутых и переплетенных металлических конструкций и обломков древних буров. Группа остановилась, когда Нейдельман закреплял датчик в небольшом углублении в стене колодца. Дожидаясь, когда Уопнер его откалибрует, Хэтч почувствовал, что у него резко ухудшается настроение. Интересно, подумал он, разделяют ли остальные его ощущения, или на него действуют мысли о теле брата, оставшемся где-то в бесконечном холодном лабиринте.

— Люди, как здесь воняет, — проворчал Уопнер, склоняясь над своим компьютером.

— Приборы показывают, что воздух в пределах нормы, — сказал Нейдельман. — В ближайшие несколько дней мы установим вентиляционную систему.

По мере того как они спускались все ниже, становилось заметно, что стены шахты покрыты не толстыми слоями ила, а свисающими волокнами келпа.⁵⁷ Сверху доносились приглушенные раскаты грома. Хэтч поднял голову и увидел на фоне неба темную громаду Ортханка, окутанного зеленоватым сиянием. Еще выше висели грозовые тучи, придававшие небесам цвет серой стали. На мгновение сверкнула молния, озарившая Бездну призрачным светом.

Неожиданно группа остановилась. Посмотрев вниз, Хэтч увидел, что Нейдельман осветил лучом своего фонаря два неровных отверстия, уходящих в стороны от основной шахты и теряющихся в темноте.

— Что вы об этом думаете? — спросил Нейдельман, устанавливая еще один датчик.

— Туннель пробит сравнительно недавно, — ответила Бонтер, осторожно заглядывая во второй коридор, чтобы получше его разглядеть и установить датчик. — Посмотрите на крепь: здесь поработали продольной пилой. Возможно, это работа экспедиции Паркхерста в тысяча восемьсот тридцатом году?

Она выпрямилась и посмотрела на Хэтча, луч ее фонаря осветил его ноги.

— Я могу заглянуть под твою одежду, — ухмыльнулась она.

— Может, нам поменяться местами? — ответил Хэтч.

Они продолжали спуск, устанавливая на балках датчики, пока не добрались до узкой платформы, находившейся на отметке пятьдесят футов. В свете прожектора Хэтч видел, что

⁵⁷ Келп — бурая водоросль.

от возбуждения лицо капитана побледнело. Несмотря на холод, Нейдельман покрылся испариной.

Новая вспышка молнии озарила Бездну, послышался далекий раскат грома. Струйки воды быстрее потекли по стенам, и Хэтч решил, что дождь усилился. Он посмотрел вверх, но небо теперь было почти полностью закрыто перекрещенными балками, лишь капельки падающей воды блестели в свете прожектора. «Наверное, уже штормит. Выдержит ли дамба?» — подумал он, представив себе, как море прорывается сквозь плотину и обрушивается в Бездну, которая мгновенно станет для группы смертельной ловушкой.

— Я замерзаю, — пожаловался Уопнер. — Почему вы не предупредили меня — я бы захватил электрическое одеяло. К тому же вонять стало еще сильнее.

— Слегка увеличилось содержание метана и двуокиси углерода, — сообщил Нейдельман, посмотрев на показания датчика. — Но поводов для тревоги нет.

— Он прав, — заметила Бонтер, поправляя фляжку на поясе. — Здесь действительно холодно.

— Сорок восемь градусов,⁵⁸ — коротко ответил Нейдельман. — Что еще вы заметили? Все молчали.

— Тогда будем продолжать спуск. Теперь появится больше боковых туннелей и шахт, и нам всюду необходимо поставить датчики. Поскольку мистер Уопнер должен откалибровать их вручную, он начнет отставать от нас. Мы будем ждать его на платформе сто футов.

На такой глубине в сходящихся в центре балках накопилось огромное количество мусора. Старые кабели, цепи, зубчатые колеса, шланги, даже сгнившие кожаные перчатки. То и дело появлялись новые туннели и шахты, пересекающиеся с главной. Нейдельман выбрал первый туннель, поставив датчики на расстоянии двадцати футов друг от друга, Бонтер двинулась в следующий. Наконец пришла очередь Хэтча.

Хэтч осторожно удлинил страховочный трос и сошел с лестницы в боковой туннель. Он тут же почувствовал, как нога погрузилась в липкую грязь. Туннель был низким и узким и довольно круто поднимался вверх. Он был грубо пробит в валунной глине, ничем не напоминая изящные контуры Водяной Бездны. Судя по всему, его прорубили значительно позже. Слегка наклонив голову, Хэтч прошел в глубь туннеля футов на двадцать, вытащил из ранца пьезоэлектрический датчик и воткнул в отвердевшую землю. Затем вернулся к главной шахте и положил у входа в туннель маленький светящийся флажок.

Вернувшись на лестницу, Хэтч услышал громкий, жалобный стон, который издавал ближайший деревянный брус; в следующее мгновение он сменился обычным скрипом. Крепко вцепившись в лестницу, Хэтч замер на месте и затаил дыхание.

— Обычное оседание, — раздался голос Нейдельмана.

Он уже установил очередной датчик и теперь спускался ниже, к следующему пересечению туннелей. Когда капитан заговорил, раздался скрежет — хриплый и визгливый, — удивительно похожий на человеческий крик.

— А это еще что такое, черт подери? — спросил Уопнер из-за спины Хэтча, и его голос прозвучал неожиданно громко в замкнутом пространстве.

— То же самое, — ответил Нейдельман. — Протест старого дерева.

Послышался новый вопль, сопровождающийся невнятным бормотанием.

— Проклятое дерево здесь ни при чем, — заявил Уопнер. — Такое впечатление, что это кто-то живой.

Хэтч поднял голову. Программист застыл на месте — он заканчивал калибровку датчика. Уопнер держал свой компьютер в вытянутой руке, положив на него указательный палец другой руки. Выглядело довольно забавно — казалось, он указывает на собственную ладонь.

⁵⁸ Около 9 градусов по Цельсию.

— Не свети в глаза, ладно? — буркнул Уопнер. — Чем быстрее закончу с этой дрянью, тем скорее мы выберемся из этой задницы.

— Ты просто хочешь поскорее вернуться на корабль, чтобы Кристоферу не досталась вся слава, — весело сказала Бонтер.

Она выбралась из бокового туннеля и начала спускаться по лестнице.

Когда они приблизились к платформе на отметке сто футов, им открылся новый вид. До сих пор горизонтальные коридоры, уходящие в сторону, были грубыми, с плохо обработанными стенами. Но теперь они увидели вход в туннель, над которым кто-то хорошо потрудился.

Бонтер посветила фонарем в квадратный проем.

— Это часть Бездны, — заявила она.

— И каково ее назначение? — спросил Нейдельман, доставая датчик из ранца.

Бонтер заглянула в туннель.

— Не могу сказать ничего определенного. Но здесь можно увидеть, как Макаллан использовал естественные расселины в скале для своего строительства.

— Мистер Уопнер, — позвал Нейдельман, взглянув вверх. Наступило недолгое молчание. Наконец Уопнер откликнулся:

Но его голос прозвучал как-то приглушенно.

Посмотрев вверх, Хэтч увидел, что молодой человек стоит возле флажка, оставленного им, и калибрует датчик. Влажные волосы прилипли к лицу, но программист дрожал от холода.

— Керри? — позвал Хэтч. — Вы в порядке?

— Я в порядке.

Нейдельман перевел взгляд с Бонтер на Хэтча, и в его глазах загорелся огонек.

— Ему потребуется некоторое время, чтобы откалибровать все датчики, — сказал он. — Почему бы нам не заглянуть в один из боковых туннелей?

Капитан шагнул в туннель, а потом помог остальным перебраться к нему. Они оказались в длинном узком проходе, примерно пять футов в высоту и три фута в ширину, с такими же деревянными балками, как и в Водяной Бездне. Нейдельман вытащил из кармана небольшой нож и воткнул его в одно из бревен.

— На половину дюйма дерево совсем мягкое, но дальше становится твердым, — констатировал он, убирая нож. — Выглядит вполне надежно.

Они осторожно начали двигаться, немного горбясь, чтобы не задевать головой за низкий потолок. Нейдельман часто задерживался, проверяя надежность деревянных балок. На протяжении пятидесяти ярдов туннель был прямым. Неожиданно капитан остановился и негромко присвистнул.

Посмотрев вперед, Хэтч увидел необычное каменное помещение, примерно пятнадцати футов диаметром. Оно имело форму восьмиугольника, каждая сторона заканчивалась аркой, восходящей к крестообразному своду. В полу, в самом центре, находилась железная решетка, покрытая ржавчиной и скрывающая дыру неизвестной глубины. Они стояли у входа в зал, и пар от их дыхания смешивался с туманом, клубившимся внутри. Воздух заметно ухудшился, и Хэтч почувствовал легкое головокружение. Слабый шум доносился со стороны центральной решетки: шепот воды или шорохи медленно перемещающейся земли.

Бонтер направила луч своего фонаря в потолок.

— Mon dieu,⁵⁹ — выдохнула она, — классический образец английского барокко. Немного грубоват, но сомнений тут быть не может.

Нейдельман посмотрел на потолок.

— Да, — сказал он, — мы видим руку самого сэра Уильяма. Посмотрите на терции и ребра свода — впечатляет.

⁵⁹ Мой бог (фр.).

— Впечатляет тот факт, что все это находилось на глубине в сотню футов под землей, — заметил Хэтч. — Зачем?

— Если бы я попыталась угадать, — сказала Бонтер, — то предположила бы, что у этого помещения какие-то гидротехнические функции.

Она выдохнула, и они завороченно наблюдали за тем, как облачко тумана плывет к решетке и стремительно исчезает в ее глубинах.

— Мы пойдем, что к чему, когда составим подробные карты, — сказал Нейдельман. — А сейчас поставим здесь парочку датчиков. — Он укрепил их в выемках между камнями в противоположных сторонах зала, а затем посмотрел на показания. — Здесь слишком высокое содержание двуокиси углерода, — сказал он. — Лучше нам сократить время нашего пребывания.

Они вернулись к центральной шахте и увидели, что Уопнер заканчивает свою работу.

— Мы поставили еще два датчика в помещении, которое находится в конце этого туннеля, — сказал ему Нейдельман, положив второй флажок у входа в туннель.

Уопнер пробормотал что-то невнятное, стоя к ним спиной и продолжая работать на компьютере. Хэтч обнаружил, что если долго оставаться на одном месте, то образуется облачко пара, которое мешает нормальному обзору.

— Доктор Магнусен, — заговорил Нейдельман в интерком. — Доложите ситуацию, пожалуйста.

— Доктор Рэнкин отмечает небольшие сейсмические аномалии, капитан, но ничего серьезного. Возможно, они связаны с погодой.

И словно в подтверждение ее слов, послышался раскат грома.

— Я понял. — Нейдельман повернулся к Бонтер и Хэтчу. — Давайте спустимся на дно и отметим остальные шахты.

Они продолжили спуск. Когда Хэтч проходил мимо платформы, отмечавшей глубину в сто футов, он почувствовал, что у него от усталости и холода начали дрожать руки и ноги.

— Взгляните сюда, — сказал Нейдельман, разворачивая свой фонарь. — Еще один тщательно построенный туннель, непосредственно под предыдущим. Наверняка это работа пиратов.

Бонтер поставила датчик на ближайший брус, и они двинулись дальше.

Неожиданно Хэтч услышал тихое восклицание, и Бонтер ругнулась вполголоса. Он посмотрел вниз, и сердце мучительно сжалось у него в груди.

Внизу, среди гор мусора, лежал опутанный проржавевшими цепями труп, частично превратившийся в скелет. Пустые глазницы сверкали безумным светом в сиянии фонаря Бонтер. Ключья одежды свисали с плеч и бедер, челюсти были широко раскрыты, словно он хохотал над какой-то веселой шуткой. Хэтча охватило странное ощущение, какая-то часть его разума автоматически отметила, что скелет слишком большой, чтобы принадлежать его брату. Отвернувшись, он отчаянно задрожал и вцепился в ступеньку лестницы, пытаясь сконцентрироваться на размеренном дыхании.

— Малин! — послышался настойчивый голос Бонтер. — Малин! Скелет очень древний. Comprends?⁶⁰ Ему никак не меньше двухсот лет.

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем Хэтч почувствовал, что может говорить.

— Я понимаю, — проговорил он.

С трудом оторвав руки от титановых трубок, он начал медленно спускаться, пока не оказался на одном уровне с Бонтер и Нейдельманом.

Капитан направил луч своего прожектора на скелет, не обращая внимания на реакцию Хэтча.

— Взгляните на покрой рубашки, — сказал он. — Домотканая материя, швы реглан,

⁶⁰ Понимаете? (фр.)

обычная одежда для рыбаков начала девятнадцатого столетия. Похоже, мы нашли тело Саймона Раттера, первой жертвы Бездны. — Они смотрели на скелет до тех пор, пока далекий гром не заставил их вернуться к действительности.

Капитан молча направил луч фонаря вниз. Хэтч последовал его примеру и увидел их конечную цель — дно Водяной Бездны. Огромная груда сломанных крестовин, ржавого железа, шлангов, механизмов, стержней и других непонятных устройств, которые торчали из грязи и футах в двадцати под ними. Хэтч видел несколько мощных деревянных стоек, видимо, с них начиналась конструкция крепи Водяной Бездны, все они были покрыты толстым слоем ракушек и водорослей. Нейдельман провел лучом прожектора, освещая все новые и новые обломки. Затем он повернулся к Бонтер и Хэтчу, и худую фигуру капитана неожиданно окружил ореол тумана от его дыхания.

— Примерно пятьюдесятью футами ниже этой груды мусора, — негромко проговорил он, — лежат сокровища стоимостью в два миллиарда. — И хотя его глаза продолжали обшаривать дно, казалось, он смотрит куда-то вдаль. Затем он коротко рассмеялся. — Пятьдесят футов, — повторил он. — Нам остается только копать.

Неожиданно из интеркома послышался голос Стритера.

— Капитан, это Стритер. — Хэтчу показалось, что он уловил тревогу в голосе начальника работ. — У нас проблемы.

— Что? — отозвался капитан, и мечтательные нотки исчезли из его голоса.

После короткой паузы Стритер заговорил снова.

— Капитан, мы — подождите минутку, пожалуйста, — мы рекомендуем вам немедленно вернуться на поверхность.

— Почему? — спросил Нейдельман. — Какие-то проблемы с оборудованием?

— Нет, ничего подобного. — Казалось, Стритер колеблется. — Я соединяю вас с Сент-Джоном, пусть он объяснит.

Нейдельман вопросительно посмотрел на Бонтер, но она лишь пожала плечами.

Послышался голос историка, четко произносящего слова:

— Капитан Нейдельман, это Кристофер Сент-Джон. Я на «Цербере». «Сцилла» только что расшифровала несколько кусков дневника.

— Превосходно, — сказал капитан. — Но почему нам следует вернуться?

— Все дело в том, что здесь пишет Макаллан. Давайте я вам прочитаю.

Стоя на лестнице — во влажном мраке, в самом сердце Водяной Бездны, — Хэтч слушал англичанина, читающего отрывок дневника Макаллана. Казалось, его голос звучит из совсем другого мира:

«Прошлой ночью я долго не мог уснуть. Не сомневаюсь, что Окхем собирается меня прикончить — как он уже без колебаний поступил с множеством других людей, — как только я перестану быть для него полезным. Вот почему в эти утренние часы, несмотря на сомнения, которые раздирают мою душу, я решил, как буду действовать в дальнейшем. Все дело в этих отвратительных сокровищах, как и в самом пирате Окхеме, они принесли зло и ужас на этот богом забытый остров, а также смерть бесчисленному количеству людей. Это сокровища самого дьявола, и я намерен поступить с ними соответствующим образом...»

Сент-Джон замолчал, и они услышали, как он переворачивает страницу компьютерной распечатки.

— И вы хотите, чтобы мы прервали нашу миссию из-за этого?

В голосе Нейдельмана слышалось изумление.

— Капитан, это еще не все. Вот послушайте:

«Теперь, когда Бездна Сокровищ построена, я знаю, что мое время подходит к концу. Моя душа спокойна. Под моим руководством пират Окхем и его банда, сами того не ведая, создали вечный мавзолей для нечестивых богатств, полученных в результате чудовищных злодеяний. Смертным не удастся вновь заполучить этот клад доступными им средствами. Я выбрал стратегию, которая позволила мне поместить сокровища в такие условия, что не только Окхем, но и любые другие люди не смогут их достать. Бездна несокрушима и

непреодолима. Окхем уверен, что в его руках остался ключ, и он умрет из-за своей веры. И я говорю тому, кто сумеет расшифровать мои записи: будьте осторожны, спуск в Бездну грозит вашей жизни; а всякого, кто попытается завладеть сокровищами, ждет неизбежная смерть. Тот, кто жаждет получить ключ к Бездне Сокровищ, найдет лишь ключ в мир иной, и труп его сгниет рядом с адом, куда отправится душа».

Сент-Джон смолк, наступило долгое молчание. Хэтч посмотрел на Нейдельмана: на его щеке дрогнул мускул, глаза капитана сузились.

— Теперь вы понимаете, — вновь заговорил Сент-Джон. — Получается, что ключа к Водяной Бездне не существует. Вероятно, Макаллан решил отомстить похитившему его пирату: он захоронил сокровища Окхема таким образом, что достать их невозможно. Похоже, Макаллан построил ловушки для всех, кто попытается...

— Чепуха, — прервал его Нейдельман. — Он говорит о той ловушке, из-за которой двести лет назад погиб Саймон Раттер и была затоплена Бездна.

Вновь надолго воцарилась тишина. Хэтч посмотрел на Бонтер, потом вновь перевел взгляд на Нейдельмана. Лицо капитана оставалось спокойным и решительным.

— Капитан? — вновь раздался голос Стритера. — Сент-Джон не совсем правильно...

— Это спорный вопрос, — прервал его капитан. — Мы уже практически закончили, осталось откалибровать пару датчиков, после этого мы возвращаемся.

— А мне кажется, что Сент-Джон говорит разумные вещи, — вмешался Хэтч. — Нам лучше вернуться и выяснить, что имел в виду Макаллан.

— Я за, — быстро сказала Бонтер.

Взгляд Нейдельмана заметался между ними.

— Категорически с вами не согласен, — отрезал он и, закрыв ранец, посмотрел вверх. — Мистер Уопнер?

Программиста не было на лестнице, и по интеркому он не отвечал.

— Должно быть, он в туннеле, калибрует датчики, которые мы поставили в зале, — сказала Бонтер.

— Тогда давайте его позовем. Наверное, он выключил интерком.

Капитан начал подниматься мимо них, лестница слегка задрожала под его тяжестью.

«Минутку, — подумал Хэтч. — Что-то здесь не так. До сих пор лестница не дрожала».

Дрожь повторилась, он почувствовал ее кончиками пальцев и ступнями. Малин посмотрел на Бонтер и понял, что она испытывает те же ощущения.

— Доктор Магнусен, докладывайте! — велел Нейдельман. — Что происходит?

— Все нормально, капитан.

— Рэнкин? — спросил Нейдельман.

— Приборы показывают небольшую сейсмическую активность, но она не превышает порога нормы. Опасности нет. У вас проблемы?

— Мы почувствовали... — начал капитан.

Неожиданно лестница сильно затряслась, одна нога Хэтча соскользнула со ступеньки, и он отчаянно вцепился руками в перила, чтобы удержаться. Краем глаза он заметил, что Бонтер также прижалась к лестнице. Один за другим последовало несколько толчков. Над головами послышался шум, словно земля пришла в движение; откуда-то донесся едва слышный гул.

— Проклятье, что происходит? — закричал капитан.

— Сэр! — прозвучал голос Магнусен. — Мы зафиксировали смещение грунта поблизости от вас.

— Ладно, ваша взяла. Давайте найдем Уопнера и будем уносить отсюда ноги.

Они быстро поднялись по лестнице на платформу сто футов, так что вход в боковой туннель оказался прямо перед ними, оттуда пахло сыростью и гнилью. Нейдельман заглянул внутрь и направил в темноту луч прожектора.

— Уопнер? Шевелись. Мы возвращаемся.

Лишь слабое дуновение холодного ветра было ему ответом.

Некоторое время Нейдельман молча вглядывался в туннель. Затем обернулся к Бонтер и Хэтчу, в глазах его читался немой вопрос.

В следующее мгновение все трое, словно им пришла в голову одна и та же мысль, отстегнули свои тросы и бросились в туннель. Хэтчу показалось, что раньше туннель не казался таким темным, да и воздух здесь стал другим.

Они выскочили в каменный зал. Два пьезоэлектрических датчика оставались на своих местах у противоположных стен. Рядом с одним из них лежал портативный компьютер Уопнера с согнутой под странным углом антенной. Щупальца тумана плыли по залу, озаренные лучами их фонарей.

— Уопнер? — позвал Нейдельман, резко переместив прожектор каски. — Куда, черт подери, ты делишься?

Хэтч шагнул мимо Нейдельмана и увидел, что один из массивных камней крестообразного свода рухнул вниз. Внутри у него все сжалось. Хэтч разглядел напоминавшее выпавший зуб отверстие в потолке, из которого сыпались влажные комья земли. На уровне пола, где основание рухнувшего камня было прижато к стене, он увидел что-то черно-белое. Приблизившись, Хэтч понял, что из вязкой грязи торчит носок кроссовки Уопнера. В следующее мгновение Хэтч уже был рядом и шарил лучом своего фонаря между двух камней.

— О господи, — прошептал подошедший к нему Нейдельман.

Наконец Хэтч сумел разглядеть Уопнера, зажато между двумя гранитными плитами, одна рука рядом с телом, другая вывернута под немыслимым углом. Голова в каске была повернута в сторону, а наполненные слезами глаза смотрели на Хэтча.

Рот Уопнера беззвучно произнес одно слово.

— Пожалуйста...

— Керри, постарайся сохранять спокойствие, — сказал Хэтч, освещая лучом узкую щель и одновременно включая интерком.

«Боже мой, поразительно, что он еще жив!»

— Стритер! — позвал Хэтч в интерком. — Уопнера зажало между двумя гранитными плитами. Нам нужны гидравлические домкраты. А также кислород, кровь и физиологический раствор.

Он вновь повернулся к Уопнеру.

— Керри, мы раздвинем эти плиты и очень скоро тебя вытащим. А сейчас я хочу знать, что у тебя болит.

И вновь губы Уопнера задвигались.

— Я не знаю. — Голос звучал едва слышно. — Чувствую... что внутри у меня все сломано.

Он произносил слова очень невнятно, и Хэтч понял, что программист с трудом может шевелить челюстью. Хэтч отступил в сторону, открыл свой медицинский чемоданчик, вытащил шприц и набрал два кубика морфия. Просунув руку между плитами, он ввел иглу в плечо Уопнера. Тот даже не дернулся.

— Ну, как он? — спросил Нейдельман, стоявший за спиной Хэтча, воздух от его дыхания собирался в маленькие облачка.

— Отойдите, ради бога! — сказал Хэтч. — Ему нужно больше воздуха. — Он вдруг обнаружил, что сам начал задыхаться.

— Будьте осторожны! — предупредила Бонтер. — Здесь могут быть и другие ловушки.

Ловушка? Подобная мысль Хэтчу в голову не приходила. С другой стороны, почему еще мог рухнуть кусок потолка? Он попытался добраться до руки Уопнера, чтобы нащупать пульс, но запястье находилось слишком далеко.

— Домкраты, кислород и кровь уже отправлены, — донесся из интеркома голос Стритера.

— Хорошо. Пусть на отметку сто футов спустят складные носилки с надувными фиксирующими лубками и вертикальным воротом...

— Воды... — выдохнул Уопнер.

Бонтер подошла к Хэтчу и протянула ему флягу. Он просунул руку в щель между плитами, направив тонкую струйку воды по краю каски Уопнера. Когда раненый вытянул язык, чтобы коснуться воды, Хэтч увидел, что язык стал сине-черным, на нем блестели капли крови. «Господи, где же домкраты...»

— Помогите мне, пожалуйста! — прохрипел Уопнер и закашлялся.

На подбородке появились сгустки крови. Повреждено легкое, понял Хэтч.

— Держись, Керри, потерпи несколько минут, — сказал он успокаивающе, а потом отвернулся и зашипел в интерком: — Стритер, домкраты, черт подери, где домкраты? — Он почувствовал, как закружилась голова, и втянул в себя воздух.

— Состав воздуха заметно ухудшился. Приближается к критической отметке, — негромко проговорил Нейдельман.

— Мы опускаем все, о чем вы просили, — сквозь шум помех донесся голос Стритера.

Хэтч повернулся к Нейдельману и увидел, что капитан уже вернулся к лестнице.

— Ты чувствуешь руки и ноги, Керри? — спросил Хэтч Уопнера.

— Я не знаю. — Программист задыхался. — Чувствую одну ногу. Кажется, кость торчит наружу.

Хэтч посветил лучом фонаря, но в узком пространстве сумел разглядеть лишь штанину, потемневшую от крови.

— Керри, я смотрю на твою левую руку, попробуй пошевелить пальцами.

Рука, которая приобрела синеватый оттенок, довольно долго оставалась неподвижной. Наконец средний и указательные пальцы слегка шевельнулись. Хэтч облегченно вздохнул. Центральная нервная система все еще функционирует. Если в ближайшие несколько минут снять с него этот камень, у парня есть шанс. Он тряхнул головой, перед глазами стояла пелена.

Хэтч ощутил под ногами дрожь, сверху посыпалась земля, Уопнер издал нечеловеческий вопль.

— Mon dieu, что это такое? — спросила Бонтер, бросив быстрый взгляд на потолок.

— Думаю, вам лучше уйти, — тихо сказал Хэтч.

— Ну уж нет.

— Керри? — Хэтч с тревогой всматривался в лицо молодого человека. — Керри, ты меня слышишь?

Уопнер посмотрел на него, и с губ его сорвался хриплый стон. В горле что-то хрипело и булькало.

За пределами туннеля слышалось клацанье механизмов — Нейдельман подтягивал кабель, сброшенный с поверхности. Хэтч сделал глубокий вдох и почувствовал, как в голове у него зашумело.

— Не могу дышать, — прохрипел побледневший Уопнер, его глаза начали стекленеть.

— Керри? Ты отлично справляешься. Продержись еще немного.

Уопнер вновь раскашлялся, струйка крови стекла по губам на подбородок.

Послышался звук приближающихся шагов, и появился Нейдельман. Он бросил два гидравлических домкрата на землю, потом осторожно поставил небольшой баллон с кислородом. Хэтч схватил маску и быстро открутил кран баллона. Тут же послышалось шипение выходящего воздуха.

Нейдельман и Бонтер лихорадочно работали рядом с ним, собирая домкраты. Вновь задрожала земля, и Хэтч почувствовал, как камень под его рукой сдвинулся с места и заскользил к стене.

— Поторопитесь! — крикнул он, заставив себя не думать о том, как сильно кружится голова. Максимально открутив кран, он засунул кислородную маску в щель между плитами. — Керри, — сказал он, — я собираюсь надеть тебе маску на лицо. — Он задыхался, но продолжал говорить. — Я хочу, чтобы ты дышал медленно и неглубоко. Хорошо? Через несколько секунд мы вытащим тебя из-под плиты.

Он прижал кислородную маску к лицу Керри, пытаясь засунуть ее под смятую каску. Ему пришлось придерживать маску пальцами, только теперь Хэтч понял, как сильно сдавлено тело несчастного каменными плитами. Влажные глаза Уопнера умоляюще смотрели на него.

Нейдельман и Бонтер молчали, но работали изо всех сил, собирая домкрат.

Вытянувшись вперед, Хэтч попытался заглянуть в щель между плитами, чтобы понять, что происходит с Уопнером. Он увидел, что лицо программиста стиснуто с двух сторон, кровь течет по щекам в тех местах, где края каски пробили кожу. Керри уже не мог ни говорить, ни кричать. Его левая рука спазматически дергалась, почерневшие кончики пальцев прижимались к камню. До Хэтча долетали хриплые звуки его дыхания, давление каменной плиты увеличивалось: еще немного, и Керри совсем не сможет дышать.

— Готово, — прошипел Нейдельман, протягивая домкрат Хэтчу.

Тот попытался засунуть его в уменьшающуюся щель между плитами.

— Слишком широко! — задыхаясь, проговорил Хэтч. — Нужно уменьшить плечо!

Он повернулся к Уопнеру.

— Давай, Керри, я хочу, чтобы ты дышал вместе со мной, хорошо? Один... два...

Земля у них под ногами отчаянно задрожала, щель заметно уменьшилась, и руку Хэтча защемило. Уопнер задрожал и ахнул. Хэтч с ужасом смотрел, как луч света с безжалостной четкостью освещает узкое пространство — глаза Керри сначала порозовели, а потом почернели. Раздался хруст, и каска треснула по швам. Пот на щеках окрасился розовым, расстояние между плитами еще немного уменьшилось. Из уха брызнула струя крови, кончики пальцев левой руки также стали красными. Челюсть перекосило, из-под кислородной маски вылез язык.

— Камень ползет дальше! — закричал Хэтч. — Дайте мне что-нибудь, что-нибудь...

Он не успел закончить фразы — голова программиста раскололась, как орех. Кислородная маска начала пузыриться, наполнившись жидкостью. Хэтч ощутил странную вибрацию между пальцами и с ужасом сообразил, что это язык Уопнера спазматически трепещет, пока выходят из строя его нервы, управляющие мышцами.

— Нет! — в отчаянии закричал Хэтч. — О господи, нет!

Перед глазами у него заплескали черные точки, он пошатнулся, не в силах восстановить дыхание в сгустившемся воздухе, пытаясь вытащить руку, застрявшую в щели.

— Доктор Хэтч, отойдите в сторону! — предупредил Нейдельман.

— Малин! — выкрикнула Бонтер.

— Эй, Мал! — услышал Хэтч голос своего брата Джонни, шепчущий в темноте. — Эй, Мал! Давай сюда!

Затем стало темно, и больше он ничего не помнил.

ГЛАВА 30

К полуночи океан немного успокоился, лишь мерная зыбь колыхала его поверхность, как это часто бывает после летних ураганов. Хэтч встал из-за письменного стола и подошел к окну сборного барака, осторожно перемещаясь в темноте своего кабинета. Он устремил взор за домики базового лагеря, пытаясь разглядеть огни, которые означали бы, что наконец прибыл следователь. Морская пена призрачным пологом накрывала темную воду. Сильный ветер на время сдул с острова туман, и на горизонте неясной светящейся полосой возник материк, над которым мерцало усыпанное звездами небо.

Хэтч вздохнул и отвернулся от окна, бессознательно поглаживая забинтованную руку. Весь вечер он в одиночестве просидел у себя в кабинете, не в силах пошевелиться, даже свет зажигать ему не хотелось. В темноте было почему-то легче не думать о бесформенном теле, лежащем под белой простыней, и отгонять мрачные мысли и шепоты, звучащие в сознании.

Раздался тихий стук, медленно повернулась ручка двери. На фоне лунного света возник силуэт Нейдельмана, застывшего в дверном проеме. Он шагнул в комнату и исчез в темном

кресле. Послышалось чирканье спички, вспыхнул желтый свет, капитан раскурил трубку; и прежде чем Хэтч ощутил аромат турецкого табака, он услышал, как затягивается его гость.

— Следовательно так и не появился? — спросил Нейдельман.

Хэтч выразительно промолчал. Они хотели доставить тело Уопнера на материк, но следователь, суетливый, подозрительный человек, который прибыл из Мачиаспорта, настаивал, чтобы тело перемещали как можно меньше.

Несколько минут капитан молча курил, так что лишь мерцание тлеющего в трубке табака выдавало его присутствие. Затем он отложил трубку и откашлялся.

— Малин? — тихо спросил он.

— Да, — ответил Хэтч, и собственный голос показался ему чужим.

— Это ужасающая трагедия. Для всех нас. Я любил Керри.

— Да, — вновь проговорил Хэтч.

— Я помню, — продолжал капитан, — как руководил отрядом, который занимался глубоководными работами возле острова Сейбл. Могила Атлантики. Шестеро наших водолазов находились в барометрической камере, они проходили декомпрессию после спуска на стометровую глубину, где покоилась затонувшая нацистская подводная лодка, нагруженная золотом. Случилась какая-то неполадка, и сальник камеры не выдержал. — Хэтч услышал, как Нейдельман пошевелился. — Вы не можете себе представить, что произошло. Полная эмболия. Сердце останавливается, а мозг разваливается на части.

Хэтч молчал.

— Одним из водолазов был мой сын.

Хэтч посмотрел на темную фигуру в кресле.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я не знал... — И не договорил.

«Мне и в голову не приходило, что вы были отцом. Или мужем». Да он вообще ничего не знал о личной жизни Нейдельмана.

— Джефф был нашим единственным сыном. Его смерть стала тяжелым ударом для нас с женой. Аделаида так и не сумела меня простить.

Хэтч вновь погрузился в молчание, вспоминая потемневшее лицо матери в тот ноябрьский вечер, когда она узнала о смерти мужа, отца Малина. Она сняла фарфоровый подсвечник с каминной полки, рассеянно протерла его передником, поставила на место, потом снова взяла и опять принялась полировать, а лицо ее оставалось пустым и серым, как осеннее небо. Интересно, чем сейчас занимается мать Керри Уопнера.

— Господи, как я устал. — Нейдельман вновь пошевелился в кресле, словно старался не заснуть. — В нашем деле такое случается, — продолжал он. — Это неизбежно.

— Неизбежно, — повторил Хэтч.

— И я не ищу оправданий. Керри прекрасно знал о риске, он сам сделал выбор. Как и все мы.

Против воли Хэтча взгляд его обратился к лежащему под простыней телу. Темные пятна просочились сквозь тонкую ткань и казались в лунном свете неровными черными дырами. Действительно ли Уопнер сделал свой выбор?

— Главное, — капитан понизил голос, — не позволить, чтобы это нас сломало.

Хэтч с трудом оторвал взгляд от тела.

— Пожалуй, я испытываю такие же чувства. — Он вздохнул. — Мы продвинулись достаточно далеко. Гибель Керри станет еще более бессмысленной, если мы откажемся от продолжения поисков. Нужно лишь немного времени, чтобы усилить меры предосторожности. Тогда мы сможем...

Нейдельман наклонился вперед.

— Немного времени? Вы меня не поняли, Малин. Мы должны возобновить работы завтра.

Хэтч нахмурился.

— Но как это возможно после того, что произошло? Во-первых, люди потрясены. Сегодня я слышал, как двое рабочих под моими окнами говорили, что остров проклят и все

наше предприятие обречено на провал. Нам никогда не добраться до сокровищ.

— Но именно по этой причине мы не должны останавливаться, — продолжал капитан, в голосе его слышалось напряжение. — Нужно пресекать подобную болтовню, занять людей работой. Нет ничего удивительного в том, что пошли разговоры. Чего еще можно ждать после такой трагедии? Идеи о проклятии и сверхъестественных явлениях заразительны. Между прочим, как раз это я хотел с вами обсудить. — Он придвинул свое кресло поближе к Хэтчу. — Оборудование работает прекрасно, но как только мы устанавливаем его на острове, возникают необъяснимые сбои. Все это приводит к потере времени, не говоря уже о появлении самых разных слухов среди рабочих. — Он взял трубку. — Вы думали о возможных причинах?

— Не особенно. Я плохо разбираюсь в компьютерах. Даже Керри не понимал, что происходит. Он все время повторял, что нам мешают какие-то злые силы.

Нейдельман презрительно фыркнул.

— Да, и он туда же. Забавно, что специалист по компьютерам мог быть таким суеверным. — Он повернулся, и даже в темноте Малин почувствовал его взгляд. — А я много об этом думал и пришел к выводу. Дело тут вовсе не в проклятии.

— А в чем же тогда?

Капитан разжег трубку, и его лицо на миг осветилось.

— Саботаж.

— Саботаж? — удивленно переспросил Хэтч. — Но кто за этим стоит? И почему?

— Не знаю. Пока не знаю. Но нет сомнений, что это кто-то из ближнего круга, кто-то, имеющий доступ к компьютерным системам и другому оборудованию. Таким образом, под подозрением оказываются Рэнкин, Магнусен, Сент-Джон и Бонтер. Возможно, даже Уопнер, который в этом случае стал жертвой собственных козней.

Хэтча поразило, что Нейдельман способен так хладнокровно высказывать подобные гипотезы, когда рядом лежит изуродованное тело юноши.

— А как насчет Стритера? — спросил он.

Капитан покачал головой.

— Мы со Стритером вместе еще со времен Вьетнама. Он был старшиной в моей канонерке. Я знаю, что вы пока не нашли общего языка, Стритер человек довольно странный, но саботажем он заниматься не станет. Исключено. Он вложил все свои сбережения в наше предприятие. Но и это еще не все. Однажды я спас ему жизнь. Когда сражаешься с человеком бок о бок, между вами не может быть лжи.

— Очень хорошо, — ответил Хэтч. — Но я не вижу мотива у остальных — зачем им заниматься саботажем?

— Я могу сделать несколько предположений, — сказал Нейдельман. — Первое: промышленный шпионаж. Не забывайте, «Таласса» не единственная компания, которая занимается поисками сокровищ. Если мы потерпим неудачу или разоримся, то уступим место кому-то другому.

— Но им придется заручиться моей поддержкой.

— Они об этом не знают. — Нейдельман немного помолчал. — В любом случае, человека можно переубедить.

— Ну, не знаю, — покачал головой Хэтч. — Мне трудно в это поверить...

Он замолчал и вдруг вспомнил, как столкнулся вчера с Магнусен в бараке, где хранились артефакты. Она изучала золотой дублон, найденный Бонтер. Тогда он удивился: инженер, всегда выдержанная и серьезная, так пристально смотрела на монету, что на лице у нее появилось алчное выражение. Как только Хэтч вошел, она поспешно положила дублон на место, словно в чем-то была виновата.

— Не забывайте, — между тем продолжал капитан, — на кону выигрыш в два миллиарда долларов. В нашем мире многие не задумываясь пристрелят продавца в магазине за двадцать долларов. А сколько людей способны совершить преступление, в том числе и убийство, за два миллиарда?

Вопрос повис в воздухе. Нейдельман встал и принялся расхаживать по комнате, продолжая курить трубку.

— Теперь, когда Бездна осушена, мы можем вдвое сократить число рабочих. Я уже отправил баржу с плавучим краном обратно в Портленд. Так будет легче следить за безопасностью. Но я бы хотел ясности еще по одному вопросу. Нельзя исключить, что вредитель все еще среди нас. Возможно, он или она что-то сделали с компьютерами, чтобы заставить Керри спуститься в Бездну вместе с нами. Но именно Макаллан убил Керри Уопнера. — Внезапно Нейдельман остановился и уставился на Хэтча. — Как ранее убил вашего брата. Он сумел протянуть руку через три столетия, чтобы нанести нам удар. Клянусь богом, Малин, мы не можем позволить ему победить. Мы раскроем тайну Бездны и заберем золото. И меч.

Хэтч сидел в темноте, раздираемый противоречивыми чувствами. Он никогда не думал о Бездне в этом ключе. Однако теперь соглашался с капитаном: Макаллан, в некотором смысле, убил его невинного брата и почти столь же невинного программиста. Водяная Бездна в своей основе была жестокой, хладнокровной машиной смерти.

— Я не знаю насчет саботажника, — задумчиво проговорил Хэтч. — Но вы правы относительно Макаллана. Вспомните, что он написал в своем дневнике. Он сконструировал Бездну так, чтобы она убивала всякого, кто попытается добраться до сокровищ. Вот почему нам лучше сделать небольшую передышку, еще раз прочитать дневник, изменить наше отношение к Бездне. Мы слишком торопимся.

— Малин, вы ошибаетесь. — Неожиданно Нейдельман заговорил громко. — Неужели вы не понимаете, что это лишь сыграет на руку саботажнику? Мы должны действовать максимально быстро, составить подробную карту всей Бездны, установить дополнительный крепеж по всему периметру. Не говоря уже о том, что каждый дополнительный день приносит новые осложнения. Пройдет совсем немного времени, и о случившемся узнает пресса. «Таласса» платит за страховку «Ллойд» триста тысяч долларов в неделю. После несчастного случая наш страховой взнос удвоится. Мы выходим за рамки бюджета, наши инвесторы недовольны. Малин, мы подошли так близко. Как вы можете предлагать нам снизить темп?

— На самом деле, — спокойно проговорил Хэтч, — я предлагаю сейчас вообще остановить работы, а возобновить их весной.

Нейдельман сделал глубокий вдох.

— Мой бог, о чем вы говорите? Вы предлагаете снести дамбу, вновь все затопить, разобрать Ортханк и «Первый остров» — неужели вы это серьезно?

— Послушайте, — сказал Хэтч. — С самого начала мы предполагали, что у нас есть ключ от сокровищ. Теперь мы выяснили, что ошиблись. Все как раз наоборот. Мы провели здесь уже три недели. Август заканчивается. С каждым днем возрастает вероятность шторма.

Нейдельман небрежно махнул рукой.

— Мы строим не из деталей детского конструктора. Наши постройки выдержат любой шторм. Даже ураган, если на то пошло.

— Я не говорю об ураганах или юго-западном ветре. О них обычно предупреждают за три или четыре дня — за это время мы успеем организовать эвакуацию. Речь идет о северо-восточном ветре. Он может обрушиться на наше побережье в течение двадцати четырех часов. В таком случае остается лишь молиться, чтобы мы успели увести лодки в порт.

Нейдельман нахмурился.

— Я знаю, что такое северо-восточный ветер.

— Тогда вы должны понимать, что он может вызвать встречный ветер и такое волнение, которое опаснее любого урагана. И тогда дамба — какой бы укрепленной она ни была — будет сметена как картонный домик.

Нейдельман упрямо выпятил подбородок; доводы Хэтча не произвели на него впечатления.

— Послушайте, — продолжал Хэтч, стараясь, чтобы его голос звучал убедительно. — Мы столкнулись с серьезными проблемами. Но это еще не повод сворачивать работы. Аппендикс может быть воспаленным, но вовсе не обязательно прорвется. Я лишь предлагаю тщательно изучить Бездну, провести исследование других зданий, построенных Макалланом, попытаться понять его логику. А слепо бросаться вперед слишком опасно.

— А я вам скажу, что если среди нас есть вредитель, то мы не можем замедлять процесс. И вы еще говорите мне о слепоте? — резко ответил Нейдельман. — Именно на такое малодушие Макаллан и рассчитывал. Не торопиться, не рисковать, потратить все деньги. Нет, Малин. Исследования хороши, но, — тут капитан неожиданно понизил голос, и Хэтча поразила прозвучавшая в его тоне убежденность, — сейчас самое время взять его за горло.

Никогда прежде Хэтча не называли малодушным — более того, он встречал это слово только в книгах, — и ему совсем не понравилось заявление Нейдельмана. Он почувствовал, как в нем поднимается старый темный гнев, но сумел его подавить. «Если я сейчас потеряю самообладание, то все испорчу, — подумал он. — Возможно, капитан прав. Наверное, смерть Уопнера вывела меня из равновесия. В конце концов, мы прошли уже немалый путь. И близки к цели». В напряженном молчании он различил шум мотора приближающегося катера.

— Должно быть, это следователь, — сказал Нейдельман и повернулся к окну, так что Хэтч уже не видел его лица. — Пожалуй, я предоставлю вам вести с ним переговоры.

Нейдельман решительно направился к двери.

— Капитан Нейдельман? — позвал Хэтч.

Капитан, уже взявшийся за ручку двери, обернулся. И хотя Хэтч не мог различить в темноте его лицо, он ощутил силу взгляда человека, смотревшего в его сторону.

— Чем закончилась история с нацистской подлодкой, заполненной золотом? — спросил Хэтч. — Что произошло после смерти вашего сына?

— Естественно, мы продолжили операцию, — спокойно ответил Нейдельман. — Не сомневаюсь, что он бы этого хотел.

А потом капитан ушел, оставив в ночном воздухе лишь аромат трубочного табака.

ГЛАВА 31

Бад Роуэлл был не из тех, кто регулярно ходит в церковь. А после появления Вуди Клея он стал бывать там еще реже: слишком уж в жесткой манере, непривычной для священника конгрегационалистской церкви, читал Клей свои проповеди. Да еще призывал прихожан вести строго духовную жизнь, что тоже не нравилось Бадю. Но в Стормхейвене владельцу магазина не обойтись без слухов и сплетен. Будучи профессиональным сплетником, Роуэлл не мог позволить себе пропустить какое-нибудь важное событие. Прошел слух, что преподобный Клей намерен прочитать особую проповедь, для многих неожиданную.

Роуэлл явился за десять минут до начала службы и обнаружил, что маленькая церковь заполнена горожанами. Он стал пробираться к задним рядам, пытаясь отыскать место за колонной, откуда мог бы незаметно удалиться. Однако удача от него отвернулась, и ему пришлось довольствоваться местом у конца скамьи. Он уселся, и его тело тут же жалобно запротестовало на жестком деревянном сиденье.

Роуэлл медленно оглядел собравшихся, кивая своим знакомым. Он увидел мэра Джаспера Фицджеральда, устроившегося в одном из первых рядов и отвечавшего на приветствия членов городского совета. Билл Бэннс, редактор местной газеты, сидел несколькими рядами дальше. Клэр Клей заняла свое обычное место в середине второго ряда. Она стала превосходной женой священника — печальная улыбка, в глазах тоска. Роуэлл заметил также нескольких незнакомцев, вероятно, рабочих «Талассы». Он удивился, поскольку прежде никто из них не показывался в церкви. Быть может, несчастный случай произвел на них тяжелое впечатление и вызвал желание помолиться.

Затем его взгляд остановился на незнакомом предмете, накрытом чистой белой простыней и стоящем на столике возле кафедры. Нет, это определенно странно. Священники в Стормхейвене не пользовались реквизитом; во всяком случае, не чаще, чем кричали, размахивали кулаками или стучали Библией по кафедре.

Когда миссис Фаннинг уселась возле органа и заиграла первые аккорды «Твердыня веры наш Господь», в церкви остались только стоячие места. После обычных еженедельных поминаний и молитв Клей вышел вперед, черная сутана мешком висела на его худом теле. Он встал за кафедру и оглядел прихожан. На его лице застыло выражение яростной решимости.

— Кое-кто, — начал он, — думает, что священник призван утешать людей и вызывать у них приятные чувства. Но сегодня я пришел сюда не для этого. Моя миссия вовсе не в том, чтобы произносить успокоительные банальности или полуправду, которая вас ободрит. Я человек прямой, и то, что я сейчас скажу, встревожит некоторых из вас. «Ты дал испытать народу Твоему жестокое».⁶¹

Он вновь обвел свою паству взглядом, а затем склонил голову в краткой молитве. После небольшой паузы он открыл Библию и приготовился читать текст проповеди.

— «Пятый ангел вострубил, — начал он сильным звонким голосом. — ...И я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи... Царем над собой она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон... И зверь, что вышел из бездны, чтобы сразиться с ними, победит их, и убьет их. И их мертвые тела будут лежать на улицах. Прочие же люди не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам».⁶²

Клей поднял голову и медленно закрыл Библию.

— «Откровения Иоанна Богослова», глава девятая, — сказал он и сделал долгую напряженную паузу. Затем заговорил тише: — Несколько недель назад у нас в городе появилась крупная компания, чтобы в очередной раз попытаться отыскать сокровища острова Рэггид. Вы все слышали взрывы динамита, шум работающих днем и ночью двигателей, вой сирены и стрекот вертолетов. Вы видели, как по ночам весь остров залит светом, точно нефтяная платформа. Некоторые из вас работают на эту компанию, сдают комнаты ее представителям или в другой форме получают финансовую выгоду от охоты за сокровищами. — Его взгляд блуждал между рядами, пока не остановился на Баде.

Владелец магазина заерзал на своем месте и посмотрел в сторону двери.

— Те из вас, кого тревожит состояние окружающей среды, могут задуматься о том, какое влияние окажут все эти насосы, грязная вода, газ и нефть, взрывы и прочая беспрестанная деятельность на экологию побережья. А рыбаки и ловцы омаров наверняка понимают, что именно с этим связана скудость их уловов.

Священник сделал паузу. Бад прекрасно знал, что улов постоянно уменьшался в последние двадцать лет и это никак не было связано с работами на острове. Однако многие рыбаки беспокойно заерзали на своих местах.

— Но сегодня меня тревожит вовсе не шум, загрязнение воды или расхищение природных богатств. Все эти земные проблемы находятся в ведении нашего мэра, если только он обратит на них внимание. — Клей бросил выразительный взгляд на Фицджеральда.

Бад заметил, как тот смущенно улыбнулся и погладил рукой роскошные усы.

— Меня тревожат духовные аспекты охоты за сокровищами. — Клей отступил на шаг от кафедры. — В Библии об этом сказано ясно и четко. Любовь к золоту есть корень всех

⁶¹ Псалтирь, 59:5.

⁶² Откровение Иоанна Богослова, 9-11. Цитируется неточно.

зол. И лишь бедные обретут рай. Здесь нет никакой двусмысленности, нельзя спорить о различных трактовках. Такие вещи слышать неприятно, но это правда. Когда богач выражал желание последовать за Иисусом, Он сказал: сначала раздай все свои богатства. Но человек не всегда на это способен. Вспомните Лазаря, нищего, который умер у ворот богача и сразу же оказался на лоне Авраамовом? А богач, живший за воротами, отправился в ад и молил о капле воды, чтобы охладить обожженный язык. Но он ее не получил. Иисус не мог бы выразиться яснее: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». ⁶³

Он сделал паузу и оглядел прихожан.

— Не исключено, что проблема богатства всегда казалась вам чуждой. В конце концов, большинство тех, кто живет в нашем городе, бедны. Но охота за сокровищами все изменила. А думал ли кто-нибудь из вас, что произойдет с нашим городом, если она увенчается успехом? Позвольте мне ответить на этот вопрос. Стормхейвен станет крупнейшим туристическим центром со времен создания Диснейленда. Рядом с ним померкнут Бар-Харбор и Фрипорт. Если вы думаете, что сейчас улов нельзя назвать хорошим, то представьте себе, каким он станет, когда сотни лодок с туристами начнут бороздить эти воды, а вдоль побережья возникнут отели и летние коттеджи. А транспорт? Подумайте о бесчисленных авантюристах и искателях кладов, которые прибудут сюда, организуют раскопки; всюду появятся горы мусора, а рыба окончательно уйдет от наших берегов. Конечно, некоторые из присутствующих здесь заработают деньги. Но будет ли их судьба отличаться от судьбы того богача в притче о Лазаре? А самые бедные среди вас — те, кто живет дарами моря, — останутся ни с чем. У них будет выбор из двух вариантов: государственное вспомоществование или билет в одну сторону до Бостона.

При упоминании двух самых презируемых вещей в Стормхейвене — социального обеспечения и Бостона — раздался недовольный ропот.

Неожиданно Клей положил руки на кафедру и наклонился вперед.

— Они выпустят на свободу зверя по имени Аваддон. Аваддон, король Бездны. Аваддон по-еврейски означает Разрушитель. — Он обвел ряды прихожан суровым взглядом. — Разрешите мне кое-что вам показать.

Отойдя от кафедры, он потянулся к скрытому под простыней предмету.

Бад подался вперед, а в церкви наступила напряженная тишина.

После эффектной паузы Клей сорвал простыню. Под ней оказался плоский черный камень, двенадцать на восемнадцать дюймов, с неровными, облупленными ребрами. Он лежал на древнего вида коробке из черного дерева. На каменной грани были высечены три ряда букв, грубо обведенных желтым мелом.

Клей поднялся на кафедру и громким дрожащим голосом прочитал надпись:

«Сначала солжешь, Проклятье найдешь. Потом ты умрешь».

— Камень был найден тогда, когда впервые обнаружили Водяную Бездну, и его появление вовсе не случайно привело к первой смерти. Пророчество на этом злом камне с тех пор не раз оказывалось верным. Те из вас, кто станет создавать кумиров из золота и серебра — непосредственно участвуя в раскопках или просто получая выгоду от проводимых работ, — должны помнить о последовательности событий, которая описана на камне. «Сначала солжешь» — жажда богатства заставит вас отказаться от благородных побуждений.

Он расправил плечи.

— На фестивале омаров сам Малин Хэтч сказал мне, что сокровища оцениваются в несколько миллионов долларов. Приличная сумма даже для жителя Бостона. Но позднее я узнал, что правильная оценка ближе к двум миллиардам долларов. Два миллиарда. Почему доктор Хэтч меня обманул? Я могу дать вам лишь один ответ: золотые идолы умеют

⁶³ Евангелие от Луки, 18, 25.

обольщать.

Он понизил голос.

— Затем идет вторая строчка: «Проклятье найдешь». Золото приносит проклятие скорби. И если вы сомневаетесь, поговорите с человеком, который лишился ног. А теперь вспомним последнюю строку: «Потом ты умрешь». — Его ввалившиеся глаза обвели аудиторию. — Сегодня многие из вас хотят — если можно так выразиться — поднять камень, чтобы добраться до золотого идола под ним. Того же двести лет назад хотел Саймон Раттер. Вспомните, что случилось с Раттером.

Он вернулся к кафедре.

— Вчера в Бездне погиб человек. Я говорил с ним менее недели назад. Он даже не пытался оправдать свою жажду золота. Более того, он позволил себе быть дерзким. «Я не мать Тереза», — сказал он. Теперь этот человек мертв. Он умер ужасной смертью, раздавленный огромным камнем. «Потом ты умрешь». Истинно, говорю я вам, ему воздалось по заслугам.

Клей замолчал, чтобы перевести дыхание. Бад оглядел прихожан. Рыбаки о чем-то тихо переговаривались между собой. Клэр опустила голову и разглядывала свои ладони.

— Что сказать о других, тех, кто умер, или стал калекой, или обанкротился, пытаюсь овладеть проклятыми сокровищами? Охота за ними есть воплощение зла. И тот, кто получит от них доход, прямо или косвенно, должен знать, что ему придется отвечать. Ведь на последнем суде не будет иметь значения, найдены сокровища или нет. Сами поиски есть грех, вызывающий отвращение у Бога. И чем больше жителей Стормхейвена пройдет по тропе зла, тем более жестоким будет искупление. Мы лишимся средств к существованию. Рыбаки не смогут ловить рыбу. Наши жизни будут разрушены.

Он откашлялся.

— Вот уже много лет идут разговоры о проклятии, лежащем на острове Рэггид и Водяной Бездне. Теперь многие не верят в подобные вещи. Они скажут вам, что только невежественные люди верят в такие вещи. — Он указал на камень. — Скажите это Саймону Раттеру. Скажите Изикиелю Харрису. Скажите Джону Хэтчу. — Голос Клея понизился почти до шепота. — На острове происходят странные вещи. Вещи, о которых вам не говорят. Оборудование отказывает без всяких на то причин. Необъяснимые события приводят к тому, что руководителям экспедиции приходится сдвигать сроки работ. Всего несколько дней назад на острове обнаружили братскую могилу, полную останков пиратов. Восемьдесят, возможно, сто человек. На них не осталось следов насилия. Никто не знает, как и почему они умерли. «И зверь, что вышел из бездны, чтобы сразиться с ними, победит их и убьет их. И их мертвые тела будут лежать на улицах».

После минутной паузы Клей спросил неожиданно громким голосом:

— Как погибли эти люди? То была рука Бога. И тому есть объяснение — знаете ли вы, что найдено среди останков?

В церкви наступила такая тишина, что Бад услышал шелест листвы за окном.

— Золото, — хриплым шепотом произнес Клей.

ГЛАВА 32

Как врач экспедиции, Хэтч должен был заниматься всеми бюрократическими формальностями, связанными со смертью Уопнера. Поэтому он пригласил медсестру, которая должна была временно заменить его, а сам запер большой дом на Оушнлейн и поехал в Мачиаспорт, где проводилось официальное дознание. На следующее утро он отправился в Бангор. К тому времени, когда он закончил заполнение бесконечных бумаг и вернулся домой в Стормхейвен, прошло три рабочих дня.

Хэтч появился на острове днем и пришел к выводу, что поступил правильно, не став возражать Нейдельману, который настаивал на немедленном продолжении работ. Хотя капитан и подгонял людей, его усилия по обеспечению безопасности после гибели Уопнера

помогли развеять мрачные настроения. И все же начинала сказываться усталость: в течение следующих нескольких часов Хэтч занимался всякими незначительными травмами, полученными рабочими. Кроме того, медсестра сообщила ему о трех случаях заболеваний: слишком высокий процент с учетом того, что количество работающих сократилось в два раза. Один жаловался на апатию и тошноту, другой подцепил бактериальную инфекцию, о которой Хэтч слышал, но сам никогда с ней не сталкивался. У третьего оказалась обычная вирусная инфекция, не слишком серьезная, но у него поднялась высокая температура. «По крайней мере, Нейдельман не может обвинить его в симуляции», — подумал Хэтч, когда брал кровь на анализ.

На следующее утро Хэтч отправился к Водяной Бездне. Работы велись с лихорадочной быстротой — даже Бонтер, выбравшаяся на поверхность с ручным лазером, который использовался для измерения расстояний, лишь кивнула ему и одарила быстрой улыбкой. За три дня работы было сделано немало. Всю систему лестниц укрепили от дна до самого верха, сбоку удалось установить небольшой лифт для быстрого спуска. Техник рассказал Хэтчу, что датчики почти полностью контролируют дно колодца. Он не нашел Нейдельмана, но тот же техник сказал, что последние трое суток капитан почти не спал, оставаясь в Ортханке, где управлял созданием координатной сетки Бездны на экране монитора.

«Интересно, что капитан будет делать дальше», — подумал Хэтч. Его не удивило, что после гибели Уопнера Нейдельман погрузился в работу. Но теперь первоочередные задачи выполнены: система лестниц полностью снабжена датчиками, координатная сетка Бездны практически готова. Оставалось лишь спуститься на дно шахты и — соблюдая все возможные предосторожности — начать раскопки.

Хэтч с минуту стоял, размышляя о золоте и о том, что он будет делать со своей долей. Миллиард долларов — колоссальная сумма. Возможно, ему не следует передавать все в фонд Джонни Хэтча. Будет непросто отдать такие деньги. Кроме того, неплохо бы купить новую яхту, которую он бы поставил у причала в Линне. И еще он вдруг вспомнил выставленный на продажу красивый уединенный дом на Браттл-стрит, неподалеку от больницы. Не следовало забывать и о том, что у него когда-нибудь будут дети. Имеет ли он право лишать их щедрого наследства? Он все больше склонялся к тому, чтобы оставить себе несколько миллионов, ну, скажем, пять. Или даже десять, на всякий случай. Никто не станет возражать.

Он вновь посмотрел на Бездну, размышляя о своем старом друге Донни Труитте, который работал сейчас где-то на дне колодца. Через минуту Хэтч повернулся и зашагал обратно.

На «Первом острове» он нашел Магнусен, которая сидела возле компьютера, ее пальцы быстро бегали по клавиатуре, губы были плотно сжаты. Исчезли обертки от мороженого и сломанные платы, а оборудование с многочисленными разноцветными кабелями теперь было расставлено самым аккуратным образом. Все, больше никаких следов Уопнера. Хэтч огляделся по сторонам, и у него возникла не вполне логичная мысль — идеальный порядок каким-то непостижимым образом отбрасывал тень на память о погибшем программисте. Как обычно, Магнусен продолжала работать, полностью игнорируя Хэтча.

Он с минуту подождал, но потом не выдержал и рявкнул:

— Прощу меня простить! — С некоторым удовлетворением Хэтч отметил, что женщина слегка вздрогнула от неожиданности. — Я бы хотел взглянуть на полный текст расшифровки дневника, — пояснил он Магнусен, которая перестала печатать и посмотрела на него пустыми глазами.

— Конечно, — ответила она ровным голосом, но продолжала сидеть и чего-то ждать.

— Ну и?..

— Где оно? — спросила она.

Он удивился.

— Это вы о чем?

На мгновение Хэтчу показалось, что глаза инженера торжествующе сверкнули, но тут же ее лицо вновь обратилось в маску.

— Иными словами, у вас нет разрешения капитана?

Удивление в его глазах послужило ответом.

— Новые правила, — продолжала Магнусен. — Единственный экземпляр распечатки дневника хранится в сейфе и выдается только по письменному разрешению капитана.

Хэтч не сразу сообразил, что ответить.

— Доктор Магнусен, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно, — это правило на меня не распространяется.

— Капитан не упоминал об исключениях.

Хэтч молча подошел к телефону. Войдя в телефонную сеть острова, он набрал номер в Ортханке и попросил капитана.

— Малин! — послышался резкий голос Нейдельмана. — Я хотел к вам зайти, чтобы выяснить, как все прошло на материке.

— Капитан, я нахожусь на «Первом острове» с доктором Магнусен. Она говорит о новом правиле доступа к дневнику Макаллана.

— Это обычная формальность для обеспечения безопасности, — последовал ответ. — Чтобы знать, где находится текст дневника. Мы с вами говорили о необходимости этих мер. Не принимайте на свой счет.

— Боюсь, что именно так и произошло.

— Малин, даже я ставлю свою подпись, когда беру дневник. Это необходимо для того, чтобы защитить не только интересы «Галассы», но и ваши. А теперь, если вы передадите трубку Сандре, я объясню ей, что у вас есть разрешение на доступ к дневнику.

Хэтч молча протянул телефон Магнусен, которая так же молча, с застывшим лицом выслушала довольно длинный монолог капитана. Потом она повесила трубку и вытащила из ящика письменного стола небольшой лист желтой бумаги.

— Покажите это разрешение охраннику на складе, — сказала она. — Вам нужно будет поставить свое имя, дату и время.

Хэтч положил разрешение в карман, размышляя о том, почему Нейдельман выбрал именно Магнусен на должность стража дневника. Разве она не находилась в списке подозреваемых в саботаже?

Впрочем, в сером свете дня мысли о саботаже показались Хэтчу не слишком убедительными. Всем работающим на острове очень хорошо платили. Некоторые должны были получить миллионы. Неужели саботажник готов рискнуть надежным выигрышем ради весьма сомнительного? Чепуха какая-то.

Дверь распахнулась, и на пороге командного центра возникла высокая, сутулая фигура Сент-Джона.

— Доброе утро, — с коротким кивком сказал он.

Хэтч кивнул в ответ, удивленный переменами, которые произошли с историком после смерти Уопнера. Вместо пухлых белых щек и самодовольной улыбки Хэтч видел землистую кожу и мешки под покрасневшими глазами. Неизменный твидовый пиджак выглядел непривычно мятым.

Сент-Джон повернулся к Магнусен.

— Уже готово?

— Почти, — ответила она. — Мы ждем последних показаний. У вашего друга Уопнера в системе полная путаница, и мне пришлось потратить немало времени, чтобы во всем разобраться.

На лице Сент-Джона появилось неудовольствие, даже раздражение. Магнусен кивнула на экран.

— Я привожу данные в соответствие с последними спутниковыми снимками.

Взгляд Хэтча остановился на большом мониторе, в который смотрела Магнусен. Он был покрыт сложной сеткой перекрещивающихся линий разной длины и цвета. В нижней части экрана появилось сообщение:

*Ретранслятор 8Z (KU Band)
Частота пересылки данных 14,044 мегагерц
Получено и обработано...*

Сложное переплетение линий на мониторе обновилось. Несколько мгновений Сент-Джон молча смотрел на экран.

— Я бы хотел немного поработать с этим, — наконец сказал он.

Магнусен кивнула.

— В одиночестве, если вы не против.

Магнусен встала.

— Трехкнопочная мышь управляет тремя осями. Или вы можете...

— Я знаю, как работает программа.

Магнусен молча вышла и закрыла за собой дверь. Сент-Джон вздохнул и уселся в освободившееся кресло. Хэтч повернулся, собираясь уйти.

— Я не имел в виду вас, — остановил его Сент-Джон. — Только Магнусен. Какая ужасная женщина. — Он покачал головой. — Вы уже это видели? Тут есть на что посмотреть.

— Нет, — ответил Хэтч. — А о чем вы говорите?

— Водяная Бездна и все, что имеет к ней отношение. Точнее, то, что уже нанесено.

Хэтч наклонился поближе и вдруг сообразил, что бессмысленное нагромождение линий являлось трехмерным изображением Бездны, со шкалой ее глубины, идущей вдоль края монитора. Сент-Джон нажал на клавишу, и весь комплекс пришел в движение, шахта Бездны, а вместе с ней боковые штреки и туннели принялись медленно поворачиваться на фоне призрачной черноты экрана.

— Боже мой, — выдохнул Хэтч. — Я и не представлял, что это так сложно.

— Мы дважды в день вводим в компьютер новые показания приборов. Моя работа состоит в том, чтобы искать в архитектуре Бездны исторические параллели. Если я сумею найти сходство с другими сооружениями того времени, а еще лучше с работами Макаллана, это поможет отыскать оставшиеся ловушки и уничтожить их. Однако пока у меня ничего не получается. Очень трудно отвлечься от нагромождения сложностей. Несмотря на то что я сказал Магнусен, у меня до сих пор нет ни малейшего представления о том, как работает эта штука. Но я предпочту болтаться на виселице, чем обратиться к этой женщине за помощью. — Он нажал на несколько клавиш. — Давайте посмотрим, удастся ли нам удалить все, кроме исходного сооружения.

Большинство линий исчезли — остались только красные.

Теперь изображение стало более понятным: Хэтч ясно видел центральную шахту, уходящую глубоко в землю. На уровне ста футов туннель вел в большое помещение: здесь погиб Уопнер. Глубже, рядом с дном Бездны, шесть туннелей меньшего размера разбегались в стороны, точно пальцы руки; а над ними большой туннель вел к поверхности. Еще один узкий туннель отходил от дна под углом, рядом виднелись еще какие-то углубления.

Сент-Джон указал на нижнюю часть изображения.

— Это шесть приливных туннелей?

— Шесть?

— Да. Пять мы обнаружили, плюс еще один дьявольский туннель, через который во

⁶⁴ Восточное поясное время.

⁶⁵ Серия американских искусственных спутников Земли, используемых для телефонной связи и передачи телевизионного сигнала.

время испытаний окрашенная вода не поступала. Магнусен что-то говорила о хитрой гидрологической системе противотока. Честно говоря, я не понял и половины того, что она сказала. — Он нахмурился. — Хм-м. Этот туннель с небольшим наклоном называется Бостонской шахтой, она пробита значительно позднее и не должна быть показана как часть конструкции Макаллана.

Сент-Джон несколько раз нажал на клавиши, и изображение туннеля исчезло. Историк бросил быстрый взгляд на Хэтча и вновь посмотрел на экран.

— Ну, а теперь туннель, который отходит под углом к побережью... — Историк сглотнул. — Он не является центральной частью Бездны — и в ближайшее время мы не собирались его исследовать. Сначала я подумал, что это еще один вход в Бездну. Однако туннель заканчивается глухим тупиком, в который нет доступа воды, да и обрывается он, не доходя до берега. Быть может, он как-то связан с ловушкой, в которую попал ваш брат... — Сент-Джон смущенно замолчал.

— Я понимаю, — сумел выговорить Хэтч, хотя собственный голос показался ему сухим и неестественным. Он сделал глубокий вдох. — Они пытаются исследовать этот туннель?

— Конечно. — Сент-Джон продолжал смотреть на монитор. — Знаете, еще три дня назад я восхищался Макалланом. Но теперь отношусь к нему иначе. Он действительно создал великолепное инженерное сооружение, и я не могу винить его за то, что он хотел отомстить похитившим его пиратам. Но теперь мы все знаем, что Бездна с одинаковой легкостью убивает не только виновных, но и ни в чем не повинных людей.

Он вновь принялся поворачивать изображение.

— Конечно, как историк, должен сказать: у Макаллана были все основания думать, что Окхем проживет достаточно долго, чтобы вернуться и испытать ловушку на себе. Однако Бездна сконструирована так, чтобы в течение многих лет охранять сокровища — даже после того, как Окхем погибнет, пытаюсь их извлечь.

Он нажал на другую клавишу, и на диаграмме появились зеленые линии.

— Теперь вы видите распорки и крепи главной шахты Бездны. Четыреста тысяч досковых футов⁶⁶ сердцевины дуба. Этого дерева хватило бы на два фрегата. Колодец построен так, чтобы простоять сотни лет. Зачем Макаллан создал такую могучую машину смерти? А теперь, если мы развернем вот так... — Сент-Джон быстро нажал три клавиши одну за другой. — Проклятье, — пробормотал он, когда изображение стало стремительно вращаться.

— Эй, вы спалите видеокарту, если будете так быстро вращать изображение! — сказал появившийся в дверях геолог Рэнкин.

Его огромная фигура, напоминающая медведя, заполняла почти весь дверной проем. Светлая борода не скрывала кривой улыбки.

— Лучше отойдите подальше, пока не сломали, — пошутил он, закрывая дверь и подходя к экрану. Заняв место Сент-Джона, он быстро нажал на несколько клавиш, и изображение послушно остановил ось. — Что-нибудь удалось найти? — спросил он у историка.

Сент-Джон покачал головой.

— Пока не удастся обнаружить какие-то закономерности. Я отыскал кое-какие параллели с другими гидравлическими сооружениями Макаллана, но и только.

— Будем вращать изображение относительно оси «зет» со скоростью пять оборотов в минуту. Быть может, у нас возникнут новые идеи. — Рэнкин нажал на клавиши, и структура на мониторе вновь начала вращаться. Он откинулся на спинку кресла, переплел пальцы на затылке и посмотрел на Хэтча. — Это просто поразительно. Такое впечатление, что старому архитектору кто-то помогал, если можно так выразиться.

⁶⁶ Единица измерения объема пиломатериалов. 1000 досковых футов равны 2,36 куб. м.

— Какого рода помощь вы имеете в виду?

Рэнкин подмигнул.

— От матери природы. Последние данные топографической съемки показывают, что, когда появились пираты, Бездна уже существовала. В естественной форме. Огромная вертикальная расселина в коренной породе. Возможно, Окхем выбрал остров Рэггид именно по этой причине.

— Я не уверен, что понял вас.

— Слишком много пустот и смещений в метаморфной скальной подушке, проходящей под островом.

— Теперь я уж точно ничего не понимаю, — признался Хэтч.

— Я говорю о пересечении дефектных пластов, находящихся прямо под островом. Пласты, которые каким-то образом разошлись.

— Иными словами, под нами находятся подземные пещеры?

Рэнкин кивнул.

— Множество. Открытые трещины и разломы идут в самых разных направлениях. Наш друг Макаллан лишь расширил их и кое-что добавил. Но я до сих пор не нашел ответа на следующий вопрос: почему эти сдвиги находятся только под этим островом? Обычно такие явления охватывают более обширные пространства. Однако они наблюдаются только в районе острова Рэггид.

Их разговор прервало появление Нейдельмана. Он оглядел всех троих, по его лицу промелькнула улыбка, но тут же исчезла.

— Ну, Малин, дала вам Сандра разрешение или нет?

— Да, все в порядке, спасибо, — ответил Хэтч.

Нейдельман повернулся к Рэнкину.

— Продолжайте, не обращайтесь на меня внимания.

— Я просто помогал Сент-Джону разобраться с трехмерной моделью, — сказал Рэнкин.

Хэтч перевел взгляд с одного на другого. Беспечный геолог явно напрягся. «Неужели между ними что-то произошло?» — подумал Хэтч. Затем он сообразил, что Нейдельман смотрит на них как-то странно. У него самого возникло желание извиниться и объяснить, что он здесь делает.

— Понятно, — бросил Нейдельман. — В таком случае у меня есть для вас хорошая новость. В сеть внесены показания приборов.

— Великолепно. — Рэнкин вновь принялся нажимать на клавиши. — Сейчас сведу воедино.

На глазах у Хэтча на изображении стремительно появлялись новые сегменты. Через несколько секунд загрузка новой информации закончилась. Само изображение не слишком изменилось, но линий стало больше.

Сент-Джон, который заглядывал через плечо геолога, глубоко вздохнул. Рэнкин нажал на клавиши, и модель вновь начала медленно вращаться относительно вертикальной оси.

— Уберите, пожалуйста, все, кроме исходных конструкций, — попросил Сент-Джон.

Рэнкин быстро набрал нужную команду, и бесчисленные линии исчезли. Теперь Хэтч увидел изображение центральной части Бездны.

— Значит, водяные ловушки были добавлены в самом конце, — заметил Нейдельман. — Ну, это мы и раньше знали.

— Вы видите какие-нибудь элементы, характерные для других сооружений Макаллана? — спросил Рэнкин. — Или что-нибудь, напоминающее ловушку?

Сент-Джон покачал головой.

— Пожалуйста, уберите все, кроме деревянных балок.

Рэнкин вновь застучал по клавишам, и на черном фоне появилась странная скелетоподобная конструкция.

Историк с шумом втянул в себя воздух.

— Что такое? — быстро спросил Нейдельман. После короткой паузы историк покачал головой.

— Не знаю. — Он показал на два места на экране, где перекрещивались несколько линий. — Эти узлы показались мне знакомыми, но я никак не могу вспомнить, где видел нечто подобное.

Они молча стояли и смотрели на экран.

— Наверное, это бессмысленная трата времени, — продолжал Сент-Джон. — Ну какие аналоги мы можем найти в других сооружениях Макаллана? Какие здания могут иметь десять футов в поперечнике и четыреста с лишним футов в высоту?

— Падающая башня в Пизе? — предположил Хэтч.

— Минутку! — воскликнул Сент-Джон. Он еще раз посмотрел на монитор. — Взгляните на симметричные линии слева, здесь и здесь. А теперь обратите внимание на эти изогнутые участки, расположенные один под другим. Если бы я не имел совершенно другой информации, то предположил бы, что это пересекающиеся арки. — Он повернулся к Нейдельману. — Вы знаете, что Бездна сужается к середине?

Капитан кивнул.

— От двенадцати футов в поперечнике внизу до девяти футов на высоте семидесяти футов.

Историк провел пальцами по сходящимся линиям каркасной модели.

— Да, — прошептал он. — Это похоже на конец перевернутой вверх дном колонны. Она должна служить основанием для внутреннего контрфорса. А эта арка, вот здесь, концентрирует нагрузку в одной точке. То есть выполняет прямо противоположную задачу.

— Вы не могли бы объяснить, что имеете в виду? — спросил Нейдельман.

Он говорил спокойно, но Хэтч видел, что в глазах капитана вспыхнул интерес.

Сент-Джон отступил на шаг от монитора, его лицо выражало удивление.

— Все сходится. Такая же глубокая и узкая... в конце концов, Макаллан строил соборы... — Он замолчал.

— Да о чем вы? — нетерпеливо спросил Нейдельман. Сент-Джон перевел взгляд своих больших глаз на Рэнкина.

— Поверните, пожалуйста, картинку на сто восемьдесят градусов относительно оси «игрек».

Рэнкин молча выполнил его просьбу, и диаграмма на экране повернулась. Теперь изображение Водяной Бездны заняло вертикальное положение, сияя красными линиями скелета.

Неожиданно послышался вздох капитана.

— Мой бог, — прошептал он. — Это же собор.

Историк кивнул, и на его лице появилась торжествующая улыбка.

— Макаллан сконструировал то, что он знал лучше всего. Водяная Бездна — это всего лишь шпиль. Чертов перевернутый шпиль собора.

ГЛАВА 33

Чердак был таким, каким его помнил Хэтч: забит самыми разными ненужными вещами, скопившимися за десятилетия. Окна пропускали слабые лучи полуденного света, которые тут же терялись в горах темной мебели, старых шкафов и кроватей, вешалок для шляп и коробок, поставленных друг на друга стульев. Когда Хэтч поднялся на последнюю ступеньку, жара, пыль и запах нафталина с неожиданной остротой вернули его на много лет назад: они с братом играют на чердаке в прятки, а дождь громко стучит по крыше.

Он глубоко вздохнул, а затем осторожно двинулся вперед, стараясь ничего не перевернуть и не шуметь. Каким-то образом это хранилище воспоминаний превратилось в священное место, и он чувствовал себя здесь чуть ли не чужаком, вторгшимся в святилище.

После того как была окончательно составлена карта Водяной Бездны, все ждали

появления на острове агента страховой компании, и Нейдельману ничего не оставалось, как остановить работы на вторую половину дня. Малин воспользовался этим, чтобы зайти домой перекусить и кое-что разыскать. Он вспомнил большой альбом «Величайшие соборы Европы», принадлежавший его тетушке. Если повезет, он отыщет альбом в коробках с книгами, которые его мать аккуратно складывала на чердаке. Он хотел сам, в спокойной обстановке, разобраться с открытием Сент-Джона.

Он продирался сквозь груды вещей, больно ударился щиколоткой о столик, на котором стоял старый проигрыватель и лежали пластинки. Он посмотрел на них и вспомнил, что они сильно заиграны и исходную мелодию уже тогда, во времена его детства, с трудом удавалось разобрать. «Пуская пыль в глаза»,⁶⁷ «Варситидрэг»,⁶⁸ «Давай похулиганим»,⁶⁹ Бинг Кросби и сестры Эндрюс.⁷⁰ Отец настаивал, чтобы они слушали эти древние пластинки летними вечерами, и хриплые пронзительные звуки старых мелодий плыли над двором в сторону побережья.

В тусклом свете он различил огромную резную спинку родительской кровати, стоявшей в дальнем углу. Прадедуска подарил ее прабабушке в день свадьбы. «Забавный подарок», — подумал Хэтч.

Так и есть: рядом с кроватью стоял древний шкаф. А за шкафом Хэтч углядел коробки с книгами — аккуратно сложенными с тех самых пор, как они с Джонни сделали это под руководством матери.

Хэтч подошел к шкафу и попытался отодвинуть его в сторону. Он переместился на дюйм, может быть, чуть больше. Хэтч отошел назад, разглядывая чудовищно массивный викторианский шкаф, раритет из времен его деда. Он навалился на него плечом и сумел подвинуть еще на несколько дюймов. За долгие годы дерево должно было высохнуть, и Хэтча поразило, каким оно все-таки осталось тяжелым. Наверное, он чем-то набит. Малин вздохнул и вытер лоб.

Верхние дверцы шкафа оказались незаперты, однако внутри ничего не нашлось. Нижние ящики также были пусты. Все, кроме самого нижнего: там он обнаружил свою старую футболку с логотипом «Лед Зеппелин». Он вспомнил, что ее когда-то купила для него Клэр, когда они ездили на экскурсию в Бар-Харбор. Он повертел футболку в руках, вспоминая тот день, когда Клэр вручила ему подарок. Теперь это всего лишь старая тряпка. Он отложил футболку в сторону. Теперь Клэр нашла свое счастье — или потеряла его, тут все зависит от того, кого спрашивать.

Еще одна попытка. Хэтч обхватил шкаф и принялся раскачивать. Неожиданно монстр резко наклонился вперед, так, что удержать его было невозможно. Малин отскочил в сторону, а громада шкафа с оглушительным грохотом рухнула на пол рядом с ним, подняв тучу пыли.

Когда пыль немного улеглась, Хэтч наклонился и с любопытством принялся разгребать обломки.

Деревянная спинка шкафа раскололась на две части, открыв узкое углубление. Внутри

⁶⁷ «Puttin' on the Ritz» (1929), песня Ирвинга Берлина(1888–1989), ставшая популярной в исполнении друга Гарри Ричман — Фред Астер. Впоследствии исполнялась Эллой Фицджеральд.

⁶⁸ Ария из мюзикла «Хорошие новости» Рэя Хендерсона (1927), давшая название танцу, подобному чарльстону.

⁶⁹ Ария из мюзикла Кола Портера «Париж» (1928)

⁷⁰ Американское вокальное трио, представительницы стиля свинг. После выступлений на подмостках провинциальных оперетт Среднего Запада сестры Эндрюс в конце 30-х и 40-х гг. исполнили много песен на радио и в кино, часто в сопровождении оркестра Гленна Миллера. Среди прочих при записи грампластинок с ними сотрудничали Бинг Кросби и Гай Ломбардс.

Хэтч разглядел газетные вырезки и страницы с истончившимися, хрупкими краями, исписанные незнакомым мелким почерком.

ГЛАВА 34

Красновато-желтый мыс острова Бёрнт-Хэд торчал в море к югу от города, точно шишковатый палец великана. На его дальней оконечности крутой, поросший лесом склон спускался к заливу, прозванному бухтой Сквикерс.⁷¹ Здесь скопились миллионы устричных раковин, трущихся друг о друга в волнах прибоя, что и послужило поводом для такого странного именованья. Лесные тропы и лощины, лежащие в тени маяка, звались долина Сквикерс. В этом названии заключался двойной смысл для старшекласников Стормхейвена; именно сюда приходили влюбленные парочки, и многие здесь потеряли невинность.

Двадцать лет назад Малин Хэтч сам был одним из таких неумелых любовников. И вот, повинаясь неожиданному импульсу, он вновь шагал по этим лесным тропинкам. На страничках, обнаруженных в шкафу, он узнал почерк деда. Хэтч не нашел в себе мужества сразу их прочитать и решил сначала прогуляться к побережью. Однако ноги сами привели его на окраину города, он пересек луг у форта Блэклок и направился в сторону маяка и бухты Сквикерс.

Он свернул на узкую неровную тропинку, уходящую в густые заросли. Однако очень скоро Хэтч вышел на небольшую прогалину. С трех сторон ее окружали крутые склоны, покрытые мхом и ползучими растениями. С четвертой стороны густая листва скрывала море, тем не менее приглушенный шепот ракушек в полосе прибоя выдавал близость берега.

Тусклый свет, проникающий сквозь листву, ложился полосами на траву. Хэтч невольно улыбнулся, вспомнив стихи Эмили Дикинсон.⁷²

— «У света есть один наклон, — пробормотал он. — Припав к снегам устало, он давит — словно тяжкий груз соборного хора». ⁷³

Он оглядел укрытую от посторонних глаз прогалину, и на него нахлынули воспоминания об одном ярком майском полудне, наполненном блуждающими руками и неровным дыханием. Новизна ощущений, пьянящие чувства юноши, впервые вступившего на тропу взросления. Он попытался избавиться от нахлынувшего прошлого, удивляясь, что картинки сохранили яркость, несмотря на прошедшие годы. Это произошло за шесть месяцев до того, как они с матерью переехали в Бостон. Клэр, более чем кто-либо, понимала его настроения; она без колебаний принимала Малина Хэтча таким, каким он был — юношей, потерявшим лучшую часть своей семьи.

«Не могу поверить, что это место ничуть не изменилось, — подумал он. Его взгляд наткнулся на смятую банку из-под пива, валявшуюся под камнем. — И сюда явно приходят все с теми же целями».

Он уселся на душистую траву. Прекрасный летний день, которым он сможет насладиться в одиночестве.

Нет, не в одиночестве. Хэтч услышал шелест травы: кто-то шел по тропинке. Он резко обернулся и с удивлением увидел выходящую на прогалину Клэр.

Увидев Хэтча, она замерла, а потом густо покраснела. Клэр была в летнем ситцевом платье с глубоким вырезом, длинные золотые волосы заплетены в косу, лежащую на покрытом веснушками плече. После коротких колебаний она решительно шагнула вперед.

— Привет еще раз, — сказал Хэтч, вскакивая на ноги. — Рад встретить тебя в такой

⁷¹ От английского squeak — пищать, взвизгивать.

⁷² Дикинсон, Эмили (1830–1886) — американская поэтесса.

⁷³ Перевод В. Марковой и И. Лихачева.

чудесный день.

Он старался, чтобы голос звучал непринужденно. Быть может, следовало пожать ей руку или поцеловать в щеку, но он слишком долго колебался, и момент был упущен.

Клэр коротко улыбнулась и кивнула.

— Как прошел обед? — спросила она.

Вопрос прозвучал довольно глупо.

— Прекрасно.

Наступила неловкая пауза.

— Извини, — сказала она. — Я нарушила твоё уединение.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Подожди! — воскликнул Хэтч чуть громче, чем собирался. — Тебе вовсе не обязательно уходить. Я просто бродил без всякой цели. Кроме того, я хотел бы с тобой поговорить.

Клэр с некоторой тревогой огляделась по сторонам.

— Ты же знаешь, что значит жить в маленьком городке. Если кто-нибудь нас увидит, они подумают...

— Никто нас здесь не найдет, — перебил он. — Это ведь долина Сквикерс, помнишь?

Он снова сел на траву и похлопал по земле рядом с собой. Клэр подошла и разгладила подол платья жестом, который Хэтч так хорошо помнил.

— Удивительно, что мы встретились с тобой именно здесь, — заметил он.

Она кивнула.

— Я помню, как ты засунул за уши дубовые листья, встал на этот камень и процитировал весь «Люсидас». ⁷⁴

Хэтчу захотелось рассказать о том, что вспомнилось ему.

— А теперь я старый костоправ и гораздо чаще пользуюсь медицинскими метафорами.

— Так сколько же прошло лет? Двадцать пять? — спросила Клэр.

— Около того. — Снова повисло неловкое молчание. — И чем ты занималась все это время?

— Ты и сам знаешь. Окончила школу, собиралась поехать в Огайо, чтобы учиться в университете, но встретила Вуди. Мы поженились. Детей нет. — Она пожала плечами, присела на стоящий неподалеку камень и обхватила руками колени. — Вот, пожалуй, и все.

— Нет детей? — спросил Хэтч.

Даже в школе Клэр говорила о своем желании иметь детей.

— Нет, — спокойно сказала она. — Низкая концентрация сперматозоидов.

Наступило молчание. Внезапно Хэтч — к собственному ужасу, по непонятным ему самому причинам — ощутил мощную волну веселья, обрушившуюся на него из-за направления, которое принял их неловкий разговор. Он фыркнул, а потом расхохотался и смеялся так долго, что у него закололо в груди, а на глазах выступили слезы. Однако он успел заметить, что Клэр хохочет вместе с ним.

— О господи, — сказала она, вытирая слезы, — какое облегчение — просто смеяться. Особенно над этим. Малин, ты себе не представляешь, под каким запретом находится тема детей у нас дома. Низкая концентрация сперматозоидов.

И они снова принялись хохотать.

Когда они немного успокоились, неловкость бесследно исчезла. Хэтч принялся потчевать Клэр историями из своей студенческой жизни, рассказал о жутковатых шутках, которые устраивали в анатомических классах, и о своих приключениях в Суринаме и Сьерра-Леоне, а она поведала ему о судьбе их общих друзей. Почти все они перебрались в Бангор, Портленд или Манчестер. ⁷⁵

⁷⁴ Элегия Джона Мильтона в память университетского товарища.

⁷⁵ Город на юге штата Нью-Гемпшир, США.

Наконец она замолчала.

— Я должна кое в чем тебе признаться, Малин, — сказала она. — Эта наша встреча не случайна.

Хэтч кивнул.

— Дело в том, что я видела, как ты проходил мимо форта Блэклок, и... ну, я догадалась, куда ты направляешься.

— И была права, как оказалось.

Клэр посмотрела на него.

— Должна извиниться перед тобой. Я не разделяю взглядов Вуди на то, что ты здесь делаешь. Понимаешь, я знаю, что ты участвуешь в этом не ради денег, и хотела, чтобы ты узнал об этом от меня. Пусть тебе сопутствует успех.

— Нет никакой нужды в извинениях. — Хэтч помолчал. — Расскажи мне, как получилось, что ты за него вышла?

Клэр вздохнула и отвернулась.

— А стоит ли?

— Да.

— О, Малин, я была так... Даже не знаю. Ты уехал и не написал ни одного письма. Нет-нет, — быстро проговорила она, — я тебя не виню. Я помню, что перестала с тобой встречаться еще до того, как ты уехал.

— Это правда. Ты выбрала Ричарда Мо, звезду-куотербека.⁷⁶ Как поживает старина Дик?

Понятия не имею. Я порвала с ним через три недели после того, как ты уехал из Стормхейвена. К тому же он мне никогда особенно не нравился. Я ужасно на тебя злилась. В тебе был какой-то потайной уголок, куда я никогда не могла добраться. Ты не пускал меня туда. Ты покинул Стормхейвен задолго до того, как уехал по-настоящему — если ты понимаешь, что я имею в виду. Я осознала это значительно позже. — Она пожала плечами. — Я продолжала надеяться, что ты ко мне вернешься. А потом ты и твоя мать уехали из Стормхейвена.

Да. В Бостон. Наверное, я был довольно унылым парнем.

— После того как ты уехал, все остальные ребята казались мне ужасно скучными. И я решила поступить в колледж. А потом появился молодой священник. Он был в Вудстоке, на чикагском съезде избирателей в шестьдесят восьмом, когда применили слезоточивый газ.⁷⁷ Он казался таким яростным и искренним. Вуди унаследовал миллионы — ты знаешь, маргарин, — и все до последнего пенни отдал бедным. Малин, как бы я хотела, чтобы ты познакомился с ним в то время. Вуди был другим. Ставил перед собой грандиозные цели, считал, что может изменить мир. Он был таким значительным и сильным. Я не могла поверить, что такой человек мог заинтересоваться мной. Знаешь, он никогда не говорил со мной о Боге. Просто пытался жить по Его заветам. Я помню, как он страдал, что я из-за него бросила учебу. Он настаивал, чтобы я отправилась в местный общинный колледж.⁷⁸ Он единственный из всех, кого я знаю, ни разу не солгал, какой бы горькой ни была правда.

— И что же с ним произошло?

⁷⁶ В американском футболе — разыгрывающий, ведущий игрок команды.

⁷⁷ В Вудстоке в 1969 году проводился знаменитый рок-фестиваль под девизом «Мир, любовь, рок-н-ролл». В Чикаго в 1968 году, во время съезда Демократической партии, прошла акция гражданского неповиновения, жестоко подавленная полицией.

⁷⁸ Двухгодичное среднее специальное учебное заведение, обучение в котором финансируется местными властями и рассчитано на удовлетворение местных нужд в специалистах средней квалификации. По окончании присваивается степень младшего специалиста.

Клэр вздохнула и опустила голову.

— Я и сама толком не понимаю. С годами он как-то увял. Иногда маленькие города могут быть губительными, Малин, в особенности для таких людей, как Вуди. Ты и сам знаешь. Стормхейвен — это маленький мирок, замкнутый на себе. Никого не интересует политика, распространение атомного оружия или голодающие дети в Биафре. Я много раз предлагала Вуди перебраться в какое-нибудь другое место, но он такой упрямый. Твердил, что приехал сюда, чтобы изменить этот маленький город, и не намерен покидать его до тех пор, пока не добьется своего. Люди его терпят, с легкой насмешкой наблюдая за всеми его кампаниями по сбору средств. Никого не волнует либеральная политика. Они просто ее игнорируют. А его больше всего на свете бесит вежливое равнодушие. Он становится все более и более... — Она немного помолчала, подыскивая слова. — Не знаю, как поточнее выразиться. Он превратился в консерватора и нудного моралиста. Даже дома. Он не умеет радоваться. К тому же совершенно не понимает юмора.

— Ну, к юмору штата Мэн трудно привыкнуть, — призвав на помощь снисходительность, сказал Хэтч.

— Нет, Малин, в буквальном смысле. Вуди никогда не смеется. Его ничто не может рассмешить. Он просто не понимает. Возможно, дело в его прошлом или в генах. Мы никогда об этом не говорим. Может быть, именно по этой причине он настолько непоколебим в своих убеждениях. — Она помедлила. — А сейчас у него снова есть во что верить. Крестовый поход против охоты за сокровищами влил в него новые силы. Наконец он нашел то, что действительно может заинтересовать обитателей Стормхейвена.

— Но какое все это имеет отношение к работам на острове? — спросил Хэтч. — Или все дело в нас? Он что-нибудь о нас знает?

Она повернулась и посмотрела на Малина.

— Много лет назад он потребовал, чтобы мы были абсолютно честны друг с другом, и я обо всем ему рассказала. Впрочем, рассказ получился коротким. — Она грустно рассмеялась.

«Другого я и не заслужил», — подумал Хэтч, а вслух произнес:

— Ну, теперь ему придется искать себе повод для нового похода. Мы уже почти закончили.

— В самом деле? Как ты можешь быть уверен?

— Наш историк сделал сегодня открытие. Он обнаружил, что Макаллан, архитектор, который построил Водяную Бездну, создал ее как шпиль собора.

Клэр нахмурилась.

— Шпиль? Но на острове нет шпиля.

— Нет, нет, я имел в виду перевернутый шпиль. Мне это тоже сначала показалось безумным. Но если подумать, то все становится на свои места. Он мне все объяснил. — Хэтч был так рад, что они снова могут говорить обо всем открыто. Он не сомневался, что может доверять Клэр. — Все дело в том, что Рыжий Нед Окхем хотел, чтобы Макаллан построил надежное хранилище, в котором он спрячет свои сокровища и откуда только он сам сможет его забрать.

— Каким образом?

— Через потайную дверь. Но у Макаллана были совсем другие намерения. Он решил отомстить за свое похищение и сконструировал Бездну так, чтобы никому не удалось добраться до сокровищ. Он позаботился о том, чтобы Рыжий Нед нашел свою смерть при попытке забрать сокровища. Конечно, пират погиб до того, как решил вернуться назад, и с тех пор Бездна успешно отражала все попытки завладеть сокровищами. Но мы сейчас пользуемся технологиями, о которых Макаллан не мог даже мечтать. И теперь, когда нам удалось осушить Бездну, мы поняли, что именно придумал Макаллан. Обычно он строил церкви. А ты знаешь, какая сложная система опор используется в церквях, верно? Ну, Макаллан перевернул привычную для себя конструкцию и использовал ее для создания Бездны. Потом, перед тем как Бездну затопили, он тайно удалил несколько важнейших опор.

Никто из пиратов так и не догадался, что их обманули. Если бы Окхем вернулся, он построил бы перемычку, запечатал туннели, через которые Бездна наполнялась водой, и, если бы потребовалось, выкачал всю воду. Но стоило бы ему попытаться забрать сокровища, конструкция бы рухнула, завалив обломками всех пиратов. Однако мы получили возможность воссоздать опоры, которые он уничтожил, и теперь Бездна стабилизирована. Осталось лишь вытащить сокровища без всякого риска.

— Поразительно, — сказала Клэр.

— Да, ты права.

— Почему же ты говоришь об этом так спокойно?

Хэтч немного помедлил с ответом.

— Неужели это так очевидно? — невесело рассмеялся он. — Несмотря на все, что произошло, у меня бывают моменты, когда я ощущаю двойственные чувства. Золото, точнее, притягательная его сила делает с людьми странные вещи. И я не исключение. Я постоянно повторяю себе, что участвую в проекте для того, чтобы узнать, что случилось с Джонни. Я намеревался отдать свою долю в фонд, который будет создан в память о нем. Но я уже не раз ловил себя на мыслях о том, как распорядиться такими огромными деньгами.

— Но это же естественно, Малин.

— Может быть. Но мне от этого не легче. Ведь твой преподобный раздал все свое состояние, помнишь? — Хэтч вздохнул. — Наверное, он в чем-то прав относительно меня. В любом случае, он не особенно нам мешает.

— Тут ты ошибаешься. — Клэр посмотрела на него. — Тебе известно, что он говорил на своей последней проповеди в воскресенье?

— Что-то слышал.

— Он прочитал отрывок из «Откровений Иоанна Богослова». И это очень подействовало на рыбаков. Разве ты не слышал, что он принес в церковь проклятый камень?

Хэтч нахмурился.

— Нет.

— Он сказал, что сокровища оцениваются в два миллиарда. И что ты солгал, когда сказал ему, что оно стоит гораздо меньше. Ты действительно солгал ему, Малин?

— Я... — Хэтч замолчал, сам не зная, на кого злиться больше: на Клею или на себя. — Да, пожалуй, я начал оправдываться, когда он припер меня к стенке во время праздника. Я и в самом деле занизил стоимость сокровищ. Мне не хотелось давать ему лишней информации.

— Ну, теперь он все знает. Улов в этом году заметно сократился, и он убедил рыбаков, что это вызвано работами на острове. Наконец ему удалось разделить людей на два лагеря. Он сумел найти повод, который искал в течение двадцати лет.

— Клэр, улов падает каждый год. В последние пятьдесят лет рыбу и омаров ловили без ограничений — и вот результат.

— Ты это знаешь, и я знаю. Но теперь у них появилась возможность свалить на кого-то вину. Малин, они планируют организовать протест.

Хэтч посмотрел на нее.

— Я не знаю подробностей. Но никогда прежде мне не доводилось видеть Вуди таким энергичным, во всяком случае с тех пор, как мы поженились. Он собрал рыбаков и ловцов омаров, и они планируют нечто серьезное.

— Ты могла бы узнать побольше? Клэр замолчала, опустив глаза.

— Я и так много тебе рассказала, — проговорила она со вздохом. — Не заставляй меня шпионить за мужем.

— Извини, — ответил Хэтч. — Я ничего подобного не имел в виду. Ты же знаешь, что такое мне никогда не пришло бы в голову.

Неожиданно Клэр спрятала лицо в ладонях.

— Ты не пони... не понимаешь! — воскликнула она. — О, Малин, если бы я только могла...

Ее плечи поникли, и она разрыдалась. Хэтч мягко привлек ее к себе.

— Прости, — пробормотала она. — Я веду себя как ребенок.

— Шшш, — шепнул он, поглаживая ее плечи.

Постепенно ее рыдания стали стихать; Малин почувствовал свежий яблочный запах волос Клэр, ощутил сквозь рубашку влажное дыхание. Его губы коснулись гладкой кожи ее щеки, и она пролепетала что-то невнятное, горячая слеза скатилась с ресниц и коснулась его губ. Он слизнул ее языком. Когда Клэр повернулась к нему, он откинул голову назад, и их губы встретились. Он нежно поцеловал ее, ощутив пьянящую мягкость ее губ. И снова осторожно поцеловал Клэр, а потом уже увереннее. В следующее мгновение ее губы раскрылись, поцелуй стал страстным, руки Хэтча погрузились в ее волосы. Шум прибоя, теплый воздух, легкий ветерок — все исчезло. Мир вдруг стал ограничен лишь их телами. Сердце Малина отчаянно забилося, когда его язык проник в ее рот, и она прижалась к нему еще сильнее. Руки Клэр вцепились в его плечи. Он вдруг вспомнил, что в юности они никогда не целовались с такой страстью. Или просто не умели? Малин с жадностью приник к ней, одной рукой продолжая гладить ее чудесные волосы, а другой скользнув к талии и вниз, к дрогнувшим коленям. С ее губ слетел стон, ноги раздвинулись. Он ощутил тонкую полоску пота на внутренней поверхности бедра. Запах яблок смешался с мускусным ароматом.

Неожиданно она отпрянула в сторону.

— Нет, Малин, — хрипло сказала она, поднимаясь на ноги и расправляя платье.

— Клэр... — начал он, протягивая к ней руку, но она уже отвернулась.

Он смотрел, как она быстро зашагала по тропе и вскоре исчезла за густым кустарником. Сердце Хэтча продолжало отчаянно колотиться, странная смесь страсти, чувства вины и адреналина закипела в крови. В Стормхейвене не потерпели бы любовной интрижки с женой священника. Он только что совершил один из самых глупых поступков в своей жизни. Это была ошибка, потеря рассудка — и все же, когда он поднялся на ноги и медленно зашагал в другую сторону, в его воображении вдруг вспыхнули образы — он ясно представил себе, что произошло бы, если бы Клэр не вырвалась из его объятий.

ГЛАВА 35

Ранним утром следующего дня Хэтч по короткой тропинке направился в базовый лагерь. Он вошел в кабинет Сент-Джона и с удивлением обнаружил, что историк уже на месте. Отодвинув старую пишущую машинку, тот разложил перед собой с полдюжины книг.

— Не ждал вас так рано, — признался Хэтч. — Я хотел оставить вам записку с просьбой зайти ко мне.

Англичанин откинулся на спинку кресла и потер пухлыми пальцами глаза.

— Я и сам хотел с вами поговорить. Мне удалось сделать интересное открытие.

— Мне тоже.

Хэтч молча вытащил стопку пожелтевших бумаг, которые лежали в прозрачных папках. Освободив место на письменном столе, Сент-Джон разложил перед собой папки. Постепенно усталость на его лице сменилась интересом. Он взял один из желтых листов рукописи и посмотрел на Хэтча.

— Где вы это раздобыли? — спросил историк.

— Они были спрятаны в старом шкафу на чердаке моего дома. Здесь описаны поиски сокровищ, которыми занимался мой дед. В ряде случаев я узнал почерк. Как вы знаете, сокровища стали для него настоящей манией, и в результате он разорился. Мой отец сжег большую часть архива после смерти деда, но эти записи он просто не нашел.

Взгляд Сент-Джона вернулся к бумагам.

— Поразительно, — пробормотал он. — Некоторые из этих данных ускользнули от внимания наших коллег, работавших в архиве в Севилье.

— Мой испанский далек от совершенства, поэтому я не сумел перевести все. Но вот что меня заинтересовало.

Хэтч показал на папку с надписью «Archivos de la Ciudad de Cadiz». Внутри находилась

темная расплывчатая фотография подлинной рукописи.

— Давайте посмотрим, — начал Сент-Джон. — «Архивы суда Кадиса с тысяча шестьсот шестьдесят первого по тысяча семисотый годы». Хм-м-м. «Во время правления Святого римского императора Каролуса Второго, — иными словами Карла Второго, — нам ужасно досаждали пираты. Только в тысяча шестьсот девяностом году Королевский серебряный флот...» — впрочем, тогда перевозилось и золото...

— Продолжайте.

— «...Был захвачен и разграблен невежественным пиратом Эдвардом Окхемом, что обошлось короне в девяносто миллионов реалов. Он стал для нас настоящим проклятием, бедствием, посланным самим дьяволом. Наконец, после долгих сомнений, наш Тайный совет позволил нам получить в свое распоряжение меч святого Михаила, наше величайшее, тайное и ужасное сокровище. *In nomine patre*,⁷⁹ пусть Господь дарует нашим душам прощение за это деяние».

Сент-Джон отложил папку и нахмурился.

— Что это может означать: «наше величайшее, тайное и ужасное сокровище»?

— Не знаю. Возможно, они полагали, что меч обладает магическими свойствами. И что он напугает Окхему. Что-то вроде испанского Эскалибура.

— Сомнительно. Не забывайте, наступил век Просвещения, а Испания была одной из самых цивилизованных стран Европы. Не мог тайный совет императора верить в средневековые суеверия, не говоря уже о том, чтобы решать на их основании государственные проблемы.

— Если только меч действительно не носил в себе печати проклятия, — шутливо пробормотал Хэтч, для большего эффекта широко раскрыв глаза.

Однако Сент-Джон даже не улыбнулся.

— Вы уже показывали эти документы капитану Нейдельману?

— Нет. Честно говоря, я подумываю о том, чтобы послать их по электронной почте старому другу, живущему в Кадисе. Маркизе Гермине Конча де Гогенцоллерн.

— Маркизе? — уточнил Сент-Джон. Хэтч улыбнулся.

— Вы бы никогда не догадались, глядя на нее. Но она любит рассказывать о своей длинной и славной родословной. Я познакомился с ней, когда работал с «Врачами без границ». Она весьма эксцентрична, ей уже почти восемьдесят, однако она превосходный исследователь, читает на всех европейских языках и знает многие древние диалекты.

— Наверное, вы правы, лучше попросить помощи, если есть у кого, — сказал Сент-Джон. — Капитан настолько погружен в проблемы Водяной Бездны, что у него просто не будет времени в этом разбираться. Вы знаете, вчера, после отъезда страхового агента, он пришел ко мне и попросил сравнить длину и ширину Бездны с данными шпилей различных соборов. Затем он хотел нарисовать опоры, которые используются в соборах, чтобы воссоздать нагрузки исходного шпиля. По существу, сделать Бездну безопасной.

— Так я и понял. Непростая задача.

— Ну, с технической точки зрения это не так уж сложно, — заметил Сент-Джон. — Самым трудным оказалось провести соответствующие исследования. — Он указал на разложенные на столе книги. — Я потратил остаток дня и всю ночь только для того, чтобы сделать наброски.

— В таком случае вам необходимо немного поспать. Я иду на склад, чтобы взять вторую часть дневника Макаллана. Спасибо за помощь с переводом.

Хэтч забрал папки с архивом и собрался уходить.

— Одну минуту! — остановил его Сент-Джон.

Хэтч остановился, англичанин встал и обошел письменный стол.

— Я уже упоминал о том, что мне удалось сделать открытие.

⁷⁹ Во имя Отца (лат.).

— Да, вы говорили.

— Оно связано с Макалланом. — Сент-Джон машинально поправил узел галстука. — Косвенно. Взгляните сюда.

Он взял со стола лист бумаги и протянул его Хэтчу. Малин посмотрел на сплошную строку заглавных букв:

ETAONISRHLDCUFPMWYBGKQXYZ

— Бессмыслица какая-то, — сказал Хэтч.

— Посмотрите более внимательно на первые семь букв.

— Е, Т, А, О... — начал читать вслух Хэтч. — Ой, подождите, Эта Онис! Именно ей посвятил свою книгу об архитектуре Макаллан.

Он помолчал, глядя на лист бумаги.

— Это таблица частоты употребления букв английского языка, — объяснил Сент-Джон. — Какие буквы чаще всего используются. Дешифровщики постоянно пользуются этими таблицами в своей работе.

Хэтч присвистнул.

— И когда вы это заметили?

Сент-Джон заметно смутился.

— На следующий день после смерти Керри. Но ничего никому не сказал. Я чувствовал себя ужасно глупым. Подумать только — эта строка была у меня перед глазами с самого начала. И чем больше я думал, тем больше мне открывалось. Я понял, что Макаллан был не просто архитектором. Если он знал о таблицах частоты, то был связан с английской разведкой или принадлежал к какому-то тайному обществу. Поэтому я произвел кое-какие расследования. И столкнулся с обрывками информации, слишком интригующими, чтобы оказаться случайными совпадениями. Теперь я убежден, что в те годы жизни Макаллана, о которых не сохранилось никакой информации, он работал на Черную палату.

— Как вы сказали?

— Это действительно завораживает. Дело в том...

Неожиданно Сент-Джон замолчал и посмотрел через его плечо.

Хэтч вдруг понял, что Сент-Джон смотрит в направлении комнаты Уопнера, ожидая ядовитого замечания программиста, и посочувствовал англичанину.

— Пойдемте со мной, — предложил Хэтч. — Вы можете рассказать мне по дороге на склад.

— Черная палата, — продолжал Сент-Джон, когда они вышли в утренний туман, — была тайным отделением английской почты. Они перехватывали подозрительные письма, описывали их содержание, а затем вновь запечатывали при помощи фальшивых печатей. Если они сталкивались с шифрами, то обращались в отдел дешифровки. Раскодированный текст обычно отправляли королю или высокопоставленным министрам.

— Неужели в Англии Стюартов кипели такие шпионские страсти?

— Не только в Англии. Во всех европейских странах имелись похожие службы. Более того, считалось, что это весьма подходящее место работы для самых способных молодых аристократов. Если им удавалось расшифровывать сложные послания, они получали денежные премии и выгодные должности при дворе.

Хэтч покачал головой.

— Я об этом даже не слышал.

— Мало того, изучая королевские архивы, я пришел к выводу, что Макаллан мог быть двойным агентом, работавшим на Испанию из-за своих ирландских симпатий. Однако его раскрыли. Он покинул Англию, чтобы спасти свою жизнь. Возможно, его отправили в Америку не только для того, чтобы он построил собор для Новой Испании, но и по другим тайным причинам.

— И Окхем положил конец этим планам.

— Да. Но Макаллан дал пирату больше, чем тот рассчитывал.

Хэтч кивнул.

— Все это объясняет, почему Макаллан так хорошо владел разными шифрами и умел пользоваться невидимыми чернилами.

— И почему его второй шифр был таким дьявольски сложным. Немногим хватило бы мужества сохранить выдержку и решиться создать такую хитрую ловушку, как Водяная Бездна. — Сент-Джон немного помолчал. — Я упомянул об этом Нейдельману во время нашего вчерашнего разговора.

— И?

— Он сказал, что все это очень интересно и что он обязательно вникнет во все детали позднее, но сейчас ему необходимо укрепить Бездну и забрать золото. — Бледная улыбка промелькнула по усталому лицу Сент-Джона. — Поэтому нет смысла показывать ему документы, которые вам удалось обнаружить. Он слишком занят работами в шахте, чтобы думать о том, что не имеет к ним непосредственного отношения.

Они подошли к складу. После первых находок в лагере пиратов простой ангар приобрел более приличный вид. Два маленьких окошка были закрыты решетками, у входа стоял охранник, который внимательно следил за всем, что вносили и выносили со склада.

— Прошу меня извинить, — с гримасой сказал Сент-Джон, когда Хэтч попросил расшифровку дневника Макаллана и вручил записку Нейдельмана охраннику. — Я бы с радостью распечатал для вас экземпляр, но несколько дней назад пришел Стритер и потребовал, чтобы все материалы, связанные с расшифровкой, были перегружены на диски. В том числе и дневник. Затем все материалы стерли с серверов, в том числе и резервные копии. Если бы я побольше знал о компьютерах, то мог бы...

Его прервало восклицание, донесшееся из темных глубин ангара. Через мгновение появилась Бонтер, с планшетом в одной руке и необычным круглым предметом в другой.

— Двое моих любимых мужчин! — с лучезарной улыбкой провозгласила она.

Сент-Джон смутился и замолчал.

— Как дела в Пиратвилле? — осведомился Хэтч.

— Подготовительные работы практически закончены, — ответила Бонтер. — Сегодня утром мы завершим работу над координатной сеткой. Но, как и в занятиях любовью, самое лучшее всегда происходит в конце. Вот, взгляните, что вчера обнаружил один из моих рабочих во время раскопок. — Она протянула им круглый предмет.

Хэтч сразу же обратил внимание на искусную работу — на бронзовом предмете были вырезаны какие-то цифры. Два заостренных металлических прута, напоминающих стрелки часов, выходили из центра.

— Что это такое? — спросил Хэтч.

— Астролябия. Используется для определения широты и долготы по солнцу. Во времена Рыжего Неда стоила в десять раз дороже своего веса в золоте. — Бонтер с любовью провела пальцем вдоль края. — Чем больше я нахожу, тем меньше понимаю.

Неожиданно рядом прозвучал громкий крик.

— Что это было? — нервно спросил Сент-Джон.

— Кажется, что-то случилось, — сказал Хэтч.

— Похоже, это кто-то из геологов, — заметила Бонтер. Все трое побежали к кабинету Рэнкина. К удивлению Хэтча, светловолосый великан не корчился от боли, а сидел за компьютером и переводил взгляд с монитора на распечатку, а его губы беззвучно шевелились, словно он что-то подсчитывал. Наконец он отложил распечатку в сторону.

— Проверено с обеих сторон, — сказал он. — Это не может быть случайным сбоем.

— Он что, fou?⁸⁰ — спросила Бонтер.

Рэнкин повернулся к ним.

— Совершенно верно, — возбужденно заговорил он. — Так и есть. Нейдельман все время просил меня определить, что находится на дне Водяной Бездны. Когда ее наконец

⁸⁰ Чокнутый (фр.).

удалось осушить, я предположил, что приборы перестанут давать странные показания. Но ничего не менялось. Сколько я ни пытался, всякий раз получал другие результаты. До настоящего момента. Взгляните.

Он протянул им распечатку, непонятный узор из черных пятнышек и линий, а также нечеткий темный прямоугольник.

— Что это такое? — спросил Хэтч. — Копия с Мазеруэлла?⁸¹

— Вовсе нет. Это железная камера, примерно в десяти футах в стороне и пятьюдесятью футами ниже очищенной части Бездны. Похоже, вода в нее не попадает. Только что мне удалось уточнить содержимое камеры. Среди прочего там сосредоточена масса от пятнадцати до двадцати тонн плотного цветного металла с удельным весом девятнадцать.

— Подождите минутку, — сказал Хэтч. — Существует только один металл с таким удельным весом.

Улыбка Рэнкина стала еще более широкой.

— Точно. И это не свинец.

Наступило короткое напряженное молчание. Затем Бонтер завопила от восторга и обняла Хэтча. Рэнкин вновь закричал и стукнул Сент-Джона по спине. Все четверо с громкими воплями выбежали на свежий воздух.

Вокруг тут же собралась небольшая толпа, и новость моментально распространилась по лагерю. Дюжина с лишним служащих «Талассы» устроили импровизированное празднование. Тягостное настроение, царившее в лагере после трагической гибели Уопнера, многочисленные неудачи, тяжелая работа — все было моментально забыто. Скопатти радостно прыгал и скакал, сорвал с ног туфли и принялся подбрасывать их в воздух, зажав нож ныряльщика между зубами. Бонтер бросилась на склад и появилась оттуда с абордажной саблей, найденной при раскопках пиратского лагеря. Потом она отхватила полоску ткани от своих шорт и сделала себе повязку для глаза, да еще вывернула карманы шорт наизнанку и разорвала блузку, частично обнажив грудь. Размахивая саблей, она оглушительно вопила, как настоящий пират.

Хэтч с некоторым удивлением обнаружил, что кричит вместе с остальными, обнимает техников, которых едва знает, радуясь, что они наконец получили доказательство: золото лежит у них под ногами. Впрочем, он понимал, что всем просто необходима такая разрядка. «И дело тут не в золоте, — подумал он. — Мы не позволили проклятому острову нас победить».

Радостные крики смолкли, когда на территории лагеря появился Нейдельман. Он оглядел собравшихся усталыми и холодными серыми глазами.

— Черт побери, что здесь происходит? — спросил он голосом, в котором кипела с трудом сдерживаемая ярость.

— Капитан! — обратился к нему Рэнкин. — Здесь золото, оно находится на глубине в пятьдесят футов под дном Бездны. По меньшей мере пятнадцать тонн!

— Конечно! — рявкнул капитан. — Неужели вы полагали, что мы организовали наши работы для поправки собственного здоровья? — Наступила тишина. — Это что, пикник в детском саду? Мы заняты серьезным делом, так что ведите себя соответствующим образом. — Он посмотрел на историка. — Доктор Сент-Джон, вы закончили свой анализ?

Сент-Джон кивнул.

— Тогда давайте загрузим результаты в компьютер «Цербера». А остальным не мешает помнить, что нам нельзя выбиваться из графика. Возвращайтесь к работе.

Он развернулся на каблуках и решительно зашагал к причалу, Сент-Джон поспешил за ним, стараясь не отставать.

⁸¹ Мазеруэлл, Роберт (1915–1991) — художник, один из лидеров и теоретиков абстрактного экспрессионизма. Для его живописной манеры характерны сдержанные цвета и крупные фигуры неопределенной формы.

ГЛАВА 36

На следующий день выдалась суббота, но на острове Рэггид всем было не до отдыха. Поскольку Хэтч умудрился проснуться позже обычного, он, не теряя времени, выскочил из своего дома на Оушнлейн, задержавшись только для того, чтобы взять почту, и сразу же отправился на пирс.

Проплывая мимо Олд-Хампа, он посмотрел на серое небо и нахмурился. По радио сообщили, что над Ньюфаундлендом собирается ненастье. Наступило 28 августа, оставалось всего несколько дней до того момента, когда погода начнет портиться. Из-за многочисленных отказов оборудования и сбоев в программном обеспечении они заметно выбились из графика, кроме того, участвовавшие болезни персонала не могли не повлечь дополнительных задержек. Когда без четверти десять Хэтч появился в своем кабинете, его уже ждали двое посетителей. У одного была необычная инфекция в полости рта, и, чтобы определить ее природу, потребовалось взять анализ крови. А у другого все оказалось гораздо серьезнее — вирусное воспаление легких.

Пока Хэтч организовывал доставку второго пациента в больницу на материке и готовил кровь к анализу на «Цербере», появился третий: это был оператор вентиляционного насоса, который получил рваную рану на голени во время работы с сервоприводом. Только к полудню у Хэтча появилась возможность включить свой компьютер, выйти в Интернет и послать сообщение маркизе в Кадис.

Коротко изложив историю пиратских сокровищ, он отправил ей копии нескольких самых загадочных документов деда и попросил поискать любые дополнительные материалы по мечу святого Михаила.

Отправив послание, он обратился к маленькому пакету, который получил сегодня на почте: сентябрьский выпуск медицинского журнала, рекламу спагетти и последний выпуск «Вестника», а также маленький конверт кремового цвета без адреса и марки.

Он вскрыл конверт и сразу же узнал почерк.

«Дорогой Малин, я не знаю, как сказать тебе это, иногда мне бывает трудно выразить словами, что я чувствую, вот почему я постараюсь написать как можно проще.

Я решила уйти от Клея, потому что больше не могу так жить. Не хочу оставаться здесь, копить горечь и отвращение. Это неправильно для нас обоих. Я скажу ему после окончания акции протеста. Возможно, тогда ему будет легче принять мои слова. В любом случае я нанесу ему страшный удар. Но я знаю, что поступаю правильно.

И еще я знаю, что мы с тобой не созданы друг для друга. У меня остались замечательные воспоминания — надеюсь, у тебя тоже. Но наши новые отношения выросли из прошлого. И все закончится тем, что нам обоим будет больно.

То, что едва не произошло в долине Сквикерс — то, что едва не произошло из-за меня, — пугает меня. Но наша встреча помогла мне многое понять. Поэтому я благодарю тебя.

Пожалуй, я должна сообщить тебе о своих планах. Я отправляюсь в Нью-Йорк. Моя подруга по общинному колледжу руководит небольшой архитектурной фирмой. Она предложила мне работу секретарши и обещала научить чертить. Так я смогу начать новую жизнь в городе, который всегда мечтала увидеть.

Пожалуйста, не отвечай на мое письмо и не пытайся меня переубедить. Давай не будем портить прошлое, совершая глупости в настоящем.

С любовью, Клэр».

Зазвонил местный телефон. Двигаясь словно во сне, Хэтч поднял трубку..

— Это Стритер, — послышался резкий голос.

— Что такое? — спросил Хэтч, который еще не пришел в себя.

— Капитан хочет видеть вас в Ортханке. Немедленно.

— Скажите ему, что я... — начал Хэтч, однако Стритер уже повесил трубку.

ГЛАВА 37

Хэтч ступил на последние подмостки перед входом в Ортханк. Над Бездной высилась недавно установленная система вентиляции: три массивных трубопровода отсасывали загрязненный воздух и выбрасывали его вверх, где он конденсировался огромными облаками тумана. Свет, идущий из Бездны, озарял сгущающуюся мглу.

Хэтч решительно шагнул вперед, взялся за поручни лестницы и поднялся на наблюдательную площадку, которая опоясывала башню.

Нейдельмана нигде не было видно. Более того, в башне никого не оказалось, кроме Магнусен, наблюдавшей за датчиками, которые показывали, как деревянные балки выдерживают нагрузки. Все датчики сейчас светились зеленым. Любое увеличение напряжения в какой-либо из балок, малейшее ее смещение — и соответствующий датчик загорится красным, вдобавок включится сирена. Пока шла установка дополнительных крепежей, сигналы тревоги стали поступать все реже и реже. Даже компьютерная система в последнее время работала надежнее. Калибровка сложной системы датчиков, которые были установлены в последние часы жизни Уопнера, наконец закончилась.

Хэтч перешел в центр помещения и сквозь застекленное отверстие посмотрел вниз. Там переплетались многочисленные боковые туннели и шахты, таящие в себе страшную опасность, но входы в них, отмеченные желтыми лентами, были доступны лишь членам команды, которая занималась созданием пространственной карты Бездны.

Порыв ветра очистил от тумана горловину шахты, и картина приобрела четкость. Система лестниц, уходящих вниз, три ряда блестящих рельсов с многочисленными платформами. Титановые распорки сходились в центре. Все вместе производило сильное впечатление: полированный металл, свет бесчисленных фонарей озаряет покрытые мхом стены, отражается в кажущемся хаосе титановых труб и уходит в бесконечные глубины.

Распорки образовали сложный узор. Утром команде Нейдельмана пришлось хорошо потрудиться, чтобы заменить недостающие опоры, которые снял Макаллан, титановыми трубами на основании указаний Сент-Джона. Кроме того, они добавили дополнительные балки, которые предложил компьютер «Цербера», создавший виртуальную модель Водяной Бездны. Вечером все будет готово к началу последнего этапа работ — оставалось добраться до сокровищ, находящихся на глубине пятидесяти футов.

Хэтч смотрел на озаренные ярким светом глубины Бездны, но продолжал размышлять о письме Клэр. Из поднявшегося лифта вышел Нейдельман. За ним следовала Бонтер, обхватив себя руками, словно замерзла. Призрачный свет, идущий из Бездны, придавал песочным волосам капитана золотой оттенок.

Интересно, почему Нейдельман хотел встретиться именно здесь. «Может, у него язва обострилась», — ядовито подумал Хэтч. Впрочем, он бы не удивился, если бы вызов был действительно связан с болезнью. Он никогда не видел, чтобы человек работал с такой одержимостью и так мало спал, как Нейдельман в последние дни.

Капитан быстро преодолел несколько ступенек лестницы и соскочил на смотровую площадку, оставляя грязные следы сапог. Он молча посмотрел на Хэтча. Бонтер не отставала от капитана. Хэтч взглянул на нее и напрягся — его встревожило выражение ее лица. Оба молчали.

Нейдельман повернулся к Магнусен.

— Сандра, я хочу, чтобы нас некоторое время никто не беспокоил.

Инженер встала, молча вышла наружу и закрыла за собой дверь. Нейдельман вздохнул и устремил взгляд усталых серых глаз на Хэтча.

— Вам лучше присесть, — негромко сказал он. Бонтер ничего не сказала, продолжая смотреть на Хэтча.

— Малин, мы нашли вашего брата.

Хэтча вдруг охватило чувство нереальности происходящего, словно его выдернули из окружающего мира и переместили на какую-то незнакомую планету.

— Где? — с трудом выговорил он.

— В глубокой пещере, ниже арочного туннеля. Под решеткой.

— Вы уверены? — прошептал Хэтч. — Тут нет ошибки?

— Это скелет ребенка, — сказала Бонтер, — двенадцати или тринадцати лет, в синих саржевых шортах, бейсболке...

— Да, — прошептал Хэтч. Ему пришлось сесть, поскольку все вокруг поплыло, а колени едва не подогнулись. — Да.

Молчание длилось почти минуту.

— Я должен увидеть его сам, — наконец сказал Хэтч.

— Мы знали, что ты захочешь, — сказала Бонтер, помогая ему подняться на ноги. — Пойдем.

— Спуск довольно крутой, — предупредил Нейдельман. — Последняя пещера не укреплена. Там очень опасно.

Хэтч лишь махнул рукой.

Накинув дождевик, он вошел в маленький электрический лифт, который начал довольно быстро спускаться, — следующие несколько минут промелькнули незаметно. Пальцы Хэтча вцепились в перила лифта, его руки казались серыми и безжизненными в ослепительном освещении над Бездной. Рядом стояли Нейдельман и Бонтер, остальные лишь провожали их взглядами.

Когда они оказались на отметке в сто футов, Нейдельман остановил лифт. Они сошли с платформы и направились к входу в туннель. Хэтч колебался.

— Другого пути нет, — сказал Нейдельман.

Хэтч шагнул в туннель мимо большого сооружения, фильтрующего воздух. Потолок туннеля был укреплен металлическими листами, которые удерживались титановыми винтовыми домкратами. Еще несколько кошмарных шагов, и Хэтч оказался в восьмиугольном помещении, где умер Уопнер. Огромный камень лежал у стены, жуткий памятник программисту и машине смерти, которая его убила. Пара домкратов все еще оставалась в трещине, откуда извлекли тело Уопнера. В ярком свете фонарей выделялось большое ржавое пятно на камне и стене. Хэтч отвел взгляд.

— Вы хотели увидеть все сами, — мягко проговорил Нейдельман.

Пересилив себя, Хэтч двинулся дальше, мимо камня и пятна крови, к колодцу посреди зала. Железную решетку сняли, веревочная лестница уходила в темноту.

— Команда, составляющая карту боковых туннелей, начала работать только вчера, — сказал Нейдельман. — Когда они вернулись сюда и осмотрели решетку, стало ясно, что идущая вниз шахта связана с береговым туннелем. Тем самым, который вы обнаружили, когда были ребенком. Они послали для осмотра человека. И он сумел пробить нечто, напоминающее водонепроницаемую перемычку. — Он шагнул к отверстию. — Я пойду первым.

Капитан начал спускаться по веревочной лестнице и вскоре исчез в темноте. Бонтер молча взяла Хэтча за руку.

Через несколько минут их позвал Нейдельман. Хэтч наклонился вперед и взялся руками за перекладину узкой лестницы.

Колодец имел всего четыре фута в диаметре. Хэтч начал спускаться вниз, мимо гладких стен, прорубленных в скале. Наконец он соскочил с последней ступеньки, и его ноги погрузились в отвратительную грязь. Он осмотрелся, замирая от ужаса.

Это было небольшое помещение, вырубленное в твердой валунной глине. Оно напоминало тюремную камеру — со всех сторон высились мощные каменные стены. Но потом Хэтч заметил, что одна из стен не доходит до пола. На самом деле это был огромный камень, обтесанный в форме квадрата.

Нейдельман направил луч прожектора под камень. Мелькнуло что-то белое.

Хэтч сделал шаг вперед, наклонился, и в висках мучительно застучал пульс. Он отстегнул фонарь и включил его.

Под камнем лежал скелет. С черепа свисала бейсболка «Ред сокс», из нее торчали пучки каштановых волос. Сгнившая рубашка скрывала грудную клетку. Ниже Хэтч увидел саржевые шорты с поясом. Из-под них торчала коленная чашечка. Красная кроссовка скрывала правую ногу, а левая все еще оставалась под камнем.

Какой-то частью сознания Хэтч отметил, что руки и ноги сломаны во многих местах, ребра треснули, череп проломлен. Джонни — а это был именно он — попал в одну из ловушек Макаллана, похожую на ту, что убила Уопнера. Но у Джонни не было каски, и смерть наступила гораздо быстрее. Во всяком случае, Хэтч очень на это надеялся.

Он протянул руку и коснулся бейсболки. Любимая бейсболка Джонни, подписанная Джимом Лонборгом. Отец купил ее Джонни, когда ездил в Бостон — в тот день «Ред сокс» выиграли чемпионский титул. Пальцы Малина погладили завиток волос, нижнюю челюсть и переместились по сломанным ребрам к костям руки. Он отмечал каждую подробность словно во сне: отстраненно, но с той же отчетливостью, как это иногда случается в сновидениях, каждая деталь запечатлелась в его мозгу.

Хэтч долго стоял неподвижно в погребальной тишине подземелья, сжимая в руке холодные тонкие кости.

ГЛАВА 38

Хэтч направил «Простушку Джейн» мимо мыса Кранберри и вошел в тихие воды реки Пассабек. Он оглянулся через плечо и свернул к берегу: остров Бёрнт-Хэд остался в трех милях позади, красноватое пятно на южном горизонте. В холодном воздухе летнего утра ощущалось преддверие зимы.

Он плыл все дальше, стараясь ни о чем не думать.

Постепенно река сузилась, течение стало не таким стремительным, вода успокоилась, и в ней появились все оттенки зеленого. Сейчас он проплывал мимо района миллионеров — так он называл это место в детстве; череда высоких «коттеджей» девятнадцатого века, украшенных башенками, фронтонами и мансардными крышами. Малыш в причудливом старомодном передничке и с желтым зонтиком в руке махал с крыльца одного из домов.

Чем дальше от моря, тем более сглаживался ландшафт. Скалистые берега уступили место отлогим галечным, на смену хвойным деревьям пришли покрытые мхом дубы и березовые рощи. Хэтч миновал разрушенный причал и рыбацкую хижину на сваях. Осталось совсем немного. За следующей излучиной взгляду открылся пляж, который он так хорошо помнил; нанос из устричных раковин поднимался на десять футов. Как Хэтч и предполагал, на берегу никого не было. Большинство обитателей Стормхейвена и Блэк-Харбора не проявляли интереса к доисторическим индейским стоянкам или кучам ракушек, оставшимся от них. Большинство, но не все: именно сюда привел их с братом профессор Хорн одним теплым безоблачным утром. На следующий день Джонни погиб.

Хэтч вытащил лодку на берег, достал лежавшие на носу потрепанную коробку с красками и складной стул. Он огляделся и выбрал место под одинокой березой, в тени, где краски не засохнут под прямыми лучами солнца. Оставив коробку с красками и стул, он вернулся за складным мольбертом и большой папкой.

Он уселся и стал выбирать подходящий пейзаж. Хэтч прищурился, чтобы лучше понять распределение цвета и массы. Серый цвет ракушек на заднем плане создавал превосходный контраст с далекой пурпурной громадой скалы Ловелла. Здесь не потребуются карандашные наброски, он сразу сможет работать акварелью.

Открыв папку, он осторожно вытащил лист дорогой бумаги холодной прессовки, укрепил его на мольберте и в предвкушении провел пальцами по гладкой поверхности из льна. Дорогое удовольствие, но оно того стоило: бумага будет прекрасно держать краску, поможет лучше проработать детали, даже при его любимом методе работы по влажному слою.

Хэтч развернул картон, в который была завернута каждая кисть, и осмотрел их: одну с

тупым концом, две тонкие кисточки из соболиного волоса, кисточку из волоса козы и старую плоскую, на четверть дюйма, для сухого нанесения грунтовки. Потом до половины залил водой ячейку палитры. Вытащил из коробки небесно-голубую краску, щедро выдавил ее в воду и принялся размешивать, злясь на руку, которая заживала слишком медленно. Осторожно смочив бумагу влажным кусочком ткани, он долго изучал ландшафт. Наконец глубоко вздохнул, опустил кисточку в растворенную краску и сделал длинный голубой мазок через две трети листа.

Когда кисть запорхала по бумаге быстрыми, широкими мазками, Хэтч почувствовал, как постепенно спадает напряжение. То было целебное занятие, рисование оказывало на него исцеляющее действие. Он почувствовал, что правильно поступил, приплыв сюда. За годы, прошедшие после смерти Джонни, он не находил в себе сил вернуться к грудам индейских ракушек. И вот, через четверть века, он вновь в Стормхейвене — в особенности сейчас, после обнаружения тела брата. Хэтч чувствовал, что преодолел какой-то рубеж. Он ощущал боль, но понимал, что этой боли приходит конец. Кости брата наконец найдены. Быть может — если он сумеет придумать достойный памятник, — кости достанут из-под земли, где они пролежали столько лет. Вероятно, еще придет время, когда он сумеет понять, как устроен дьявольский механизм, унесший жизнь его брата. Но даже это сейчас было не так важно. Он сможет перевернуть страницу и жить дальше.

Хэтч продолжал рисовать. Пришло время заняться передним планом. Галька на пляже почти в точности соответствовала его желтой охре. Поразмыслив, он смешал охру с серой краской, чтобы передать цвет ракушек.

Когда Хэтч потянулся к другой кисточке, он услышал шум приближающегося двигателя. Подняв голову, он увидел знакомую фигуру и загорелое лицо под широкими полями соломенной шляпы. Вглядывающаяся в берег Бонтер заметила Хэтча, улыбнулась, помахала рукой и направила моторку к берегу. Вскоре двигатель затих.

— Изобель! — крикнул он.

Когда нос лодки ткнулся в землю, Бонтер зашагала к нему, на ходу снимая шляпу. Ее длинные черные волосы рассыпались по плечам.

— Я наблюдала за тобой с почты. У них есть отличный старый телескоп. Я увидела, как ты направил лодку вверх по реке, и мне стало любопытно.

«Значит, такой у нее стиль, — подумал он, — все по делу, никакой тебе романтики, сочувствия или слащавых замечаний по поводу того, что произошло вчера». Он ощутил огромное облегчение.

Она указала рукой вниз по реке.

— Впечатляющие дома.

— Группа богатых семей из Нью-Йорка приехала в Блэк-Харбор на лето, — сказал Хэтч. — Построили все эти дома. ФДР⁸² проводил лето на острове Кампобелло, в десяти милях к северу отсюда.

Бонтер нахмурилась.

— ФДР?

— Президент Рузвельт.

Она кивнула.

— Ага. Вы, американцы, ужасно любите сочинять аббревиатуры для своих лидеров. ДФК, ЛБД.⁸³ — Она вдруг удивленно посмотрела на Хэтча. — Но я глазам своим не верю! Ты рисуешь! *Monsieur le docteur*, мне и в голову не приходило, что у тебя такие художественные способности.

— Лучше не высказывать мнения, пока не увидишь законченного полотна, — ответил

⁸² Франклин Делано Рузвельт, 32-й президент США.

⁸³ Джон Фицджеральд Кеннеди, 35-й президент США; Линдон Бейнс Джонсон, 36-й президент США.

он, делая несколько коротких мазков. — Я увлекся этим, когда учился в университете. Помогает расслабиться. Оказалось, что акварель нравится мне больше всего. В особенности такие пейзажи.

— Да, какой вид! — воскликнула Бонтер, указывая на груды ракушек. — Mon dieu, они огромны!

— Верно. Устричные раковины пролежали здесь три тысячи лет, а те, что сверху, появились в семнадцатом веке, когда индейцев прогнали с этих земель. — Хэтч указал вверх по течению. — Там есть еще несколько доисторических индейских стоянок. А еще любопытная стоянка микмаков⁸⁴ на острове Ракиташ.

Бонтер отошла к ближайшей груде ракушек.

— Но почему ракушки оказались именно здесь? — спросила она издали.

— Никто не знает. Должно быть, из-за них возникло немало проблем. Кажется, я где-то читал, что это связано с религией.

Бонтер расхохоталась.

— Ага. С религией. Мы, археологи, всегда так говорим, когда чего-то не понимаем.

Хэтч взял другую кисточку.

— Скажи мне, Изабель, чем я обязан твоему визиту? Не сомневаюсь, что ты могла бы придумать что-нибудь получше для воскресного дня, чем болтать со старым холостяком доктором.

На лице Бонтер появилась озорная улыбка.

— Я хотела узнать, почему ты не пригласил меня на второе свидание.

— Решил, что ты приняла меня за ненадежного слабака. Помнишь, как ты сказала, что у всех северян недостает жизненной силы?

— Это правда. Но я не считаю тебя слабым тростником,⁸⁵ если я правильно поняла, что ты имеешь в виду. Быть может, спичка будет лучшим сравнением? Нужна лишь подходящая женщина, которая смогла бы тебя зажечь. — Она взяла ракушку и небрежно швырнула ее в воду. — Проблема лишь в том, чтобы ты не сгорел слишком быстро.

Хэтч оторвался от рисования. Бонтер всегда будет побеждать в таких поединках.

Изабель снова подошла к нему.

— Кроме того, я боюсь, что ты будешь встречаться с другой женщиной.

Хэтч посмотрел на нее.

— Да, как ее зовут... ну, жена священника. Твой старый, старый друг.

— Она всего лишь друг, — неожиданно резко ответил Хэтч. Бонтер с любопытством посмотрела на него, и он вздохнул. — Она ясно дала мне это понять.

Бонтер приподняла брови.

— И ты разочарован.

Хэтч опустил кисть.

— Честно говоря, я сам не знал, чего ждал от нашей встречи. Но она заявила, что прежние отношения остались в далеком прошлом. Даже письмо об этом написала. Мне было больно. Но вот что я тебе скажу: она совершенно права.

Бонтер посмотрела на него, и на ее лице медленно расплылась улыбка.

— Почему ты улыбаешься? — обиженно спросил Хэтч. — Доктор и его романтические проблемы? Не сомневаюсь, что у тебя их тоже было немало.

Бонтер весело рассмеялась, довольная тем, какое направление приняла их беседа.

— Я улыбаюсь от облегчения, monsieur. Но ты с самого начала неправильно меня понял. — Она провела указательным пальцем по тыльной стороне его запястья. — Я люблю играть в подобные игры, comprends? Но многое могу себе позволить только с правильным

⁸⁴ Микмаки — североамериканское племя индейцев, ветвь алгонкинов, ныне вымирающее.

⁸⁵ Английское слово «reed» означает «тростник», а также «слабак, ненадежный человек».

мужчиной. Моя мать вырастила из меня хорошую католичку.

Хэтч с минуту удивленно смотрел на нее. Затем снова взялся за кисть.

— Насколько я понял, ты весь день провела с Нейдельманом, изучая карты и диаграммы.

Когда Хэтч сменил тему разговора, по лицу Бонтер промелькнула тень.

— Нет. — Она сразу стала серьезной. — У капитана кончилось терпение, он больше не желает всерьез заниматься археологией. Он хочет спешить, спешить, *vivement*, а все остальное может проваливать к чертям. Сейчас он спустился в Бездну, готовится начать раскопки на дне. Его больше не интересуют артефакты или стратиграфический анализ. Мне это совсем не нравится.

Хэтч удивленно посмотрел на Бонтер.

— Он работает сегодня?

Работа в воскресенье, когда на острове не было врача, являлась нарушением инструкции.

Бонтер кивнула.

— После того как Сент-Джон нашел связь между шпилем собора и Бездной, Нейдельман ведет себя как человек, которым овладели демоны. Мне кажется, он не спал неделю — так работает. Тем не менее, несмотря на все свое нетерпение, он два дня собирался обратиться за помощью. Я вновь и вновь повторяла, что Кристофер, с его знанием архитектуры, это человек, который сможет восстановить недостающие распорки в конструкции Макаллана. Но капитан меня словно не слышал. — Она покачала головой. — Я никогда его не понимала. Но сейчас его поступки и вовсе кажутся мне необъяснимыми.

Хэтч хотел было рассказать Бонтер о подозрениях Нейдельмана, который боялся, что среди них есть предатель, но решил промолчать. И о найденных им документах тоже. Он всегда успеет сделать это позже. Все остальное может подождать. Пусть Нейдельман и в воскресенье сколько угодно ползает по Бездне, если ему так не терпится поскорее отыскать сокровища. Сегодня выходной, и он намерен закончить свою картину.

— Пришло время изобразить скалу Ловелла, — сказал он, кивая в сторону темной громады.

Хэтч окунул кисть в серую краску, добавил немного кобальта и провел толстую линию, которая отмечала место, где сходились земля и небо. Сняв картину с мольберта, он перевернул ее, чтобы свежая краска затекла на линию горизонта. Затем вновь укрепил бумагу на мольберте.

— *Mon dieu!* Где ты этому научился?

— В каждой профессии есть свои приемы, — сказал Хэтч, тщательно промывая кисточки и укладывая краски в коробку. Потом он встал. — Нужно время, чтобы краски просохли. Почему бы нам не забраться наверх?

Они поднялись по пологому склону самой большой груды, ракушки хрустели у них под ногами. С вершины Хэтч посмотрел мимо их лодок в сторону реки. В кронах дубов порхали птицы, шелестела листва. Воздух был теплым и прозрачным: если и приближался шторм, то здесь этого не чувствовалось. Выше по течению реки не было видно следов обитания человека, только голубая вода в просветах, зелень деревьев и открытые пространства лугов, простиравшихся до самого горизонта.

— *Magnifique*,⁸⁶ — сказала Бонтер. — Какое волшебное место.

— Я часто приходил сюда вместе с Джонни, — сказал Хэтч. — Наш школьный учитель иногда привозил нас сюда по субботам. В последний раз мы побывали здесь за день до смерти брата.

— Расскажи мне о нем, — просто попросила Бонтер.

Хэтч молча сел, и ракушки зашуршали и заскрипели под его весом.

⁸⁶ Великолепно (фр.).

— Джонни очень любил командовать. В Стормхейвене было мало детей нашего возраста, поэтому мы все делали вместе. Мы были лучшими друзьями — ну, в те моменты, когда он меня не колотил.

Бонтер рассмеялась.

— Он любил все делать по науке — даже больше, чем я. Он собрал поразительную коллекцию бабочек, камней и окаменелостей. Джонни знал названия всех созвездий. Он даже построил телескоп. — Хэтч откинулся назад, опираясь на локти, и посмотрел сквозь деревья. — Джонни добился бы поразительных успехов в жизни. Мне кажется, что это одна из причин, заставлявших меня так напряженно трудиться в медицинском колледже Гарварда. Так я пытался хоть как-то компенсировать его гибель.

— А почему ты должен был что-то компенсировать? — мягко спросила Бонтер.

— Это была моя идея отправиться в тот день на остров Рэггид, — ответил Хэтч.

Бонтер не стала произносить обычных в таких случаях банальностей, и вновь Хэтч почувствовал признательность. Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Казалось, с каждым новым выдохом он избавляется от яда, накопившегося за многие годы после гибели Джонни.

— После того как Джонни исчез в туннеле, — продолжал он, — я долго не мог выбраться наружу. Я даже не помню, сколько прошло времени. Более того, я вообще почти ничего не помню — какая-то часть моей жизни исчезла. Мы ползли вниз по туннелю, потом Джонни зажег еще одну спичку... И после этого помню только, как появился перед нашим причалом. Родители как раз вернулись домой после ланча и тут же, вместе с половиной города, бросились на остров. Никогда не забуду лицо отца, когда он вышел из туннеля, покрытый кровью Джонни. Он кричал, колотил кулаками по деревянным брускам и плакал.

Хэтч немного помолчал, вспоминая ту ужасную сцену.

— Они не смогли найти тело. Поиски продолжались долго, были прорыты дыры в стенах и потолке туннеля. Береговая охрана приняла участие в поисках, они даже позвали инженера-шахтера со специальным оборудованием. На остров доставили экскаватор, но земля была слишком ненадежной, и они не сумели начать раскопки.

Бонтер молча слушала.

— Они потратили на поиски всю ночь и следующие два дня. Затем, когда стало очевидно, что Джонни мертв, работы прекратились. Медики сказали, что количество крови в туннеле указывает на то, что Джонни не мог выжить, но отец не сдавался. Он отказывался уехать. Через неделю большинство людей прекратили поиски, даже мама, но отец остался. Его разум не выдержал гибели сына. Он бродил по Рэггиду, спускался в шахты, копал землю киркой и лопатой и кричал так, что совсем потерял голос. Он не мог покинуть остров. Так проходили недели. Мама умоляла его вернуться домой, но он отказывался. Наконец она в очередной раз привезла ему еду, но найти отца не смогла. Вновь начались поиски, но на сей раз они увенчались успехом — тело нашли. Отец утонул в одной из шахт. Никто ничего нам не говорил, но поползли слухи о самоубийстве.

Хэтч долго смотрел на тонкие узоры листвы на фоне голубого неба. Он никогда прежде не рассказывал об этом и сам изумлялся тому, какое облегчение сейчас испытывал — казалось, с него сняли страшную тяжесть, о существовании которой он забыл.

— Мы прожили в Стормхейвене еще шесть лет. Наверное, мама рассчитывала, что со временем мы сможем вернуться к нормальной жизни. Но нет. Маленький городок никогда не забывает. Все были такими... приветливыми. Однако слухи не прекратились. Они редко доходили до моих ушей, но я знал об их существовании. Видимо, никому не давало покоя, что тело Джонни так и не было найдено.

Знаешь, некоторые рыбацкие семьи верили в проклятие. Позднее я узнал, что кое-кто из родителей не разрешал своим детям играть со мной. Наконец, когда мне исполнилось шестнадцать, моя мать не выдержала. На лето мы уехали в Бостон. Предполагалось, что мы проведем там несколько месяцев, но когда наступил сентябрь, я пошел в школу в Бостоне: так прошел год. А потом еще один. Наступило время выбрать колледж. И до сих пор я не

возвращался в Стормхейвен.

Крупная голубая цапля, спланировав, устроилась на высохшей ветке, словно чего-то дожидалась.

— А дальше?

— Медицинский колледж, Корпус мира, «Врачи без границ», больница Маунт-Оберн. И наконец настал день, когда в мой кабинет вошел капитан. Вот и вся история. — Хэтч помолчал. — Знаешь, после того как была осушена Бездна и найдено место входа берегового туннеля, я помалкивал. Я не стал настаивать, чтобы его осмотрели немедленно. Можно было ожидать, что я буду уговаривать капитана. Но теперь, когда мы подошли так близко, я испугался. Я не был уверен, что хочу знать, как все произошло.

— Значит, ты жалеешь, что подписал договор с капитаном? — спросила Бонтер.

— Ну, на самом деле договор подписал он, — уточнил Хэтч. — Нет, я ни о чем не жалею. Но даже если и жалел, то вчерашний день все изменил.

— А через неделю или две ты сможешь оставить работу как один из самых богатых людей в Америке.

Хэтч рассмеялся.

— Изобель, — сказал он, — я решил вложить все деньги в фонд, который будет носить имя моего брата.

— Всю сумму?

— Да. — Он колебался. — Ну, я все еще об этом думаю.

Бонтер сменила позу и скептически посмотрела на него.

— Я неплохо знаю людей, *monsieur le docteur*. Ты можешь вложить большую часть денег в этот фонд. Но скорее я соглашусь, чтобы с меня содрали кожу живьем, чем поверю, что ты не оставишь себе кругленькую сумму. В противном случае ты не будешь человеком. И я уверена, что такой ты бы мне не понравился.

Хэтч собрался было возразить, но передумал.

— В любом случае ты святой, — сказала Бонтер. — Я планирую использовать свою долю с куда более корыстными целями. Например, купить спортивную машину — и, конечно, отошлю крупную сумму моей семье на Мартинику.

Она посмотрела на него, и Хэтч с удивлением обнаружил, что она ждет его одобрения.

— Ну и прекрасно, — сказал он. — Для тебя это профессиональная проблема. А для меня слишком личное.

— Для тебя и для Джерарда Нейдельмана, — отозвалась Бонтер. — Возможно, ты сумеешь изгнать одолевавших тебя демонов, но мне кажется, что он все еще призывает своих, *n'est ce pas?* Сокровища острова Рэггид всегда манили капитана. Но более всего Нейдельмана завораживает личность Макаллана, *c'est incroyable!*⁸⁷ Теперь он во всем видит личное оскорбление, прямой вызов. Думаю, что он не успокоится, пока не отвернет шею старому архитектору.

— Свернет, — машинально поправил Хэтч.

— Как скажешь. — Бонтер попыталась устроиться поудобнее. — Чума на оба ваши дома.⁸⁸

Они замолчали, нежась в лучах утреннего солнца. На ветке ближайшего дуба мелькнула белка с желудем. Хэтч закрыл глаза. Он подумал, что ему нужно сообщить Биллу Бэннсу в газету о том, что удалось найти тело Джонни. Бонтер что-то говорила, но на Хэтча навалилась странная вялость. Через несколько мгновений он уже крепко спал.

ГЛАВА 39

⁸⁷ Это невероятно! (фр.)

⁸⁸ Шекспир У. «Ромео и Джульетта». Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

На следующий день Хэтч получил весточку от маркизы.

Маленькая иконка закрытого конверта появилась в углу монитора его портативного компьютера, сообщая о появлении электронной почты. Но когда он попытался открыть почту, связь с Интернетом оборвалась. Решив сделать короткий перерыв, Хэтч направился к причалу и запустил мотор «Простушки Джейн». Отплыв от острова и удалившись от покрытого постоянным туманом берега, он вышел в Сеть через мобильный телефон и с легкостью получил сообщение маркизы. «Что происходит с компьютерами на этом острове?» — подумал он.

Он развернул «Простушку Джейн» и направил ее обратно к острову. Нос баркаса легко рассекал волны, испуганный баклан нырнул под воду, всплыл на поверхность в нескольких дюжинах ярдов и бешено захлопал крыльями.

Радиостанция передавала прогноз погоды: возмущения в атмосфере над Ньюфаундлендом привели к возникновению зоны низкого давления, смещающейся к северному побережью штата Мэн. Если ураган не изменит курса, в полдень следующего дня будет объявлено штормовое предупреждение для мелких судов. «Классический северо-восточный ветер», — мрачно подумал Хэтч.

На горизонте он заметил неожиданно большое скопление суденышек ловцов омаров, рыбаки доставали ловушки. Возможно, они знают о грядущем урагане. Или у них другие причины. Хотя после встречи в бухте Сквикерс он больше не видел Клэр, Билл Бэннс позвонил в воскресенье вечером и сообщил, что Клей выбрал последний день августа для марша протеста.

Вернувшись в кабинет, Хэтч допил остатки кофе и обратился к компьютеру, чтобы прочитать письмо маркизы. В своей обычной манере коварная старая леди начала с рассказа о своем последнем юном поклоннике.

«Он ужасно смущается, но такой милый и так старается угодить, что я безумно в него влюбилась. Его волосы выбиваются на лоб мелкими каштановыми колечками, которые темнеют от пота, когда ему приходится заниматься физической работой. Его усердие говорит о многом, не так ли?»

Она продолжала рассуждать о своих прошлых любовниках и мужьях, пустившись в подробное описание собственных анатомических пристрастий. Маркиза всегда пользовалась электронной почтой как средством для болтовни и сплетен. Если бы это было обычное письмо, то далее она бы принялась рассуждать о нехватке наличных денег, а также о семейном генеалогическом древе, уходящем через римских императоров к самому Алариху Вестготу.⁸⁹ Однако сейчас она неожиданно быстро перешла к информации, полученной в архивах кадисского собора. Вновь и вновь перечитывая письмо, Хэтч ощущал, как его охватывают дурные предчувствия.

Послышался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Хэтч и отправил письмо маркизы на распечатку.

Подняв взгляд на рабочего, Хэтч замер.

— Боже мой! — воскликнул он, вскакивая из-за стола. — Какого дьявола, что с вами случилось?

ГЛАВА 40

Пятьдесят минут спустя Хэтч уже шагал по тропе, ведущей к Водяной Бездне. Лучи садящегося солнца отражались в воде, превращая клубы тумана в водовороты огня.

В Ортханке он нашел лишь Магнусен и техника, управлявшего лебедкой. Послышался

⁸⁹ Аларих — в 395–401 гг. правитель западноевропейского государства вестготов, что располагалось на территории современных Италии, Испании и южной части Франции.

скрежет, и из Водяной Бездны показалась массивная бадья на толстом стальном тросе. Пока Хэтч смотрел сквозь иллюминатор, бадью наклонили, и ее содержимое вылилось в один из заброшенных туннелей. Послышалось громкое хлюпанье, и бесчисленные галлоны жидкой грязи потекли вниз. Техник выровнял бадью, и вскоре она скрылась в шахте.

— Где Джерард? — спросил Хэтч.

Магнусен следила за каркасной сеткой в основании Водяной Бездны. Она бросила на Хэтча короткий взгляд, а потом вновь повернулась к монитору.

— Ведет раскопки вместе с командой, — ответила она.

На стене, рядом с техником, который управлял лебедкой, висело шесть красных телефонов, связывавших командный центр с различными участками работ на острове. Хэтч выбрал телефон с надписью «ВОДЯНАЯ БЕЗДНА, ГЛАВНАЯ КОМАНДА».

Он услышал три коротких гудка. И почти сразу же раздался голос Нейдельмана:

— Да?

На том конце слышались глухие удары.

— Я должен с вами поговорить, — сказал Хэтч.

— Это важно? — раздраженно спросил Нейдельман.

— Да, очень важно. Я получил новую информацию относительно меча святого Михаила.

Наступившую паузу вновь заполнил звук глухих ударов.

— В таком случае, — наконец ответил Нейдельман, — вы должны спуститься сюда. Мы устанавливаем опоры.

Хэтч положил трубку на место, надел каску и необходимое снаряжение, после чего направился к лифту. В сгущающихся сумерках Бездна казалась особенно ярко освещенной, столб белого света озарял клубящийся туман над ней. Один из рабочих помог Хэтчу войти в лифт. Он нажал кнопку, и маленькая платформа поползла вниз.

Он опускался мимо сверкающего лабиринта титановых труб и кабелей, восхищаясь изощренностью конструкции. Лифт проплыл мимо людей, которые проверяли балки на отметке сорок футов. Через девяносто секунд показалось дно Водяной Бездны. Здесь активность была заметнее. Жидкую грязь удалось убрать, мощные прожектора освещали поверхность. От основания Бездны вниз уходила новая шахта, тщательно укрепленная со всех сторон. Несколько небольших инструментов и измерительных приборов, принадлежащих Магнусен или Рэнкину, свисали на тонких проводах. В одном из углов Хэтч увидел трос лебедки, а с противоположной стороны была смонтирована титановая лестница. Сойдя с платформы лифта, Хэтч стал спускаться по лестнице, и на него сразу же обрушилась какофония звуков: стук лопат и молотков, шум воздухоочистительной системы.

Тридцатью футами ниже находилась главная область раскопок. Здесь под недремлющим оком одинокой камеры рабочие копали влажную землю, сбрасывая ее в бадью. Другие с помощью шлангов откачивали грязь и воду. Нейдельман с каской на голове стоял в углу и командовал установкой балок. Рядом маячил Стритер с пачкой чертежей в руках.

Малин подошел к ним, и капитан кивнул.

— Удивлен, что вы не спустились сюда раньше, чтобы понаблюдать за работами, — сказал он. — Бездна стабилизирована, и мы можем вести раскопки с максимальной быстротой.

Наступило молчание. Нейдельман посмотрел на Хэтча своими светлыми глазами.

— Вы понимаете, как мало у нас времени, — сказал капитан. — Надеюсь, новость у вас важная.

За прошедшую после смерти Уопнера неделю Нейдельман сильно изменился. Исчезла спокойная уверенность и самообладание, которые ореолом окружали Нейдельмана, когда он в первый раз вошел в кабинет Хэтча. Теперь во взгляде капитана читались усталость и отчаянная решимость.

— Это действительно важно, — сказал Хэтч. — Но мы должны поговорить наедине.

Некоторое время Нейдельман смотрел на Хэтча. Затем бросил быстрый взгляд на часы.

— Послушайте, — сказал он, обращаясь ко всем рабочим. — Смена заканчивается через семь минут. Сворачивайте работу, поднимайтесь наверх и скажите следующей смене, чтобы они заняли свои места.

Рабочие отложили в сторону инструменты и начали подниматься по лестнице к лифту. Стритер молча стоял на прежнем месте. Нейдельман повернулся к Хэтчу.

— У вас есть пять минут, может быть, десять.

— Два дня назад, — начал Хэтч, — мне случайно попались бумаги деда, в которых была собрана информация о Водяной Бездне и сокровищах Окхема. Они были спрятаны на чердаке моего дома; вот почему отец их не уничтожил. В некоторых документах упоминается меч святого Михаила. В них говорится, что меч — это некое страшное оружие, которое испанское правительство собиралось использовать против Рыжего Неда Окхема. Там имелись и другие встревожившие меня намеки. Вот почему я связался с одним из знакомых мне ученых в Кадисе и попросил отыскать какие-нибудь документы, связанные с историей меча.

Нейдельман посмотрел на грязь у них под ногами и поджал губы.

— Подобную информацию следовало бы рассматривать как частную. Я удивлен, что вы предприняли такие шаги, не посоветовавшись со мной.

— Вот что ей удалось узнать.

Хэтч вытащил из кармана пиджака лист бумаги и протянул Нейдельману. Капитан бросил на него взгляд.

— Это староиспанский, — нахмурившись, сказал он.

— Ниже идет перевод, сделанный моим другом.

Нейдельман вернул лист Хэтчу.

— Коротко перескажите мне смысл своими словами, — нетерпеливо бросил он.

— У нас есть лишь фрагменты текста. В них описывается, как удалось найти меч святого Михаила и что произошло после этого.

Нейдельман приподнял брови.

— В самом деле?

— Во время эпидемии чумы богатый испанский купец отплыл из Кадиса на паруснике вместе со своей семьей. Они пересекли Средиземное море и высадились на пустынном участке Берберийского побережья, где обнаружили руины древнеримского поселения. Они остались там в надежде переждать чуму. Дружественные берберские племена предупреждали их, чтобы не подходили к развалинам храма, который находился на вершине холма, на некотором расстоянии от поселения. Утверждалось, что храм проклят. Предупреждения повторялись несколько раз. Через некоторое время, когда эпидемия пошла на спад, купец решил исследовать храм. Возможно, он решил, что берберы прячут там что-нибудь ценное, и ему не хотелось уезжать, не взглянув на гипотетические сокровища. Среди развалин он нашел мраморную плиту за алтарем. Под плитой лежал древний металлический ящик, на котором была печать с надписью на латыни. Надпись гласила, что в ящике находится меч, являющийся смертоносным оружием. Даже один взгляд на него сулит верную смерть. Купец приказал своим людям доставить ящик на корабль, но туземцы отказались помочь ему открыть ящик. Более того, они заставили купца немедленно покинуть побережье.

Нейдельман слушал, продолжая смотреть в землю.

— Несколько недель спустя, в День святого Михаила, корабль купца был найден дрейфующим в Средиземном море. На фок-реях сидели стервятники. Ящик был закрыт, но печать сломана. Ящик привезли в монастырь в Кадисе. Монахи прочитали надпись на латыни, а также бортовой журнал купца. Они решили, что меч — здесь я цитирую перевод, который мне прислали, — «частица самого ада». Они вновь запечатали ящик и поместили его в подземелье монастыря. Документ заканчивается сообщением о том, что монахи, которые запечатывали ящик, заболели и умерли.

Нейдельман посмотрел на Хэтча.

— И вы полагаете, что все это имеет отношение к нашим нынешним работам?

— Да, — спокойно ответил Хэтч. — И самое непосредственное.

— Тогда просветите меня.

— Чем бы ни был меч святого Михаила, нам следует помнить, что умирали люди. Сначала семья купца. Затем монахи. А когда Окхем открыл ящик, восемьдесят человек из его команды умерли прямо на острове. Шесть месяцев спустя корабль Окхема был найден дрейфующим в море; все, кто находился на борту, были мертвы.

— Любопытная история, — сказал Нейдельман. — Но я не думаю, что нам стоило прерывать работы, чтобы ее выслушать. Мы живем в двадцатом веке. Все это не имеет к нам отношения.

— Здесь вы ошибаетесь. Разве вы не заметили, что среди нашей команды участились случаи заболеваний?

Нейдельман пожал плечами.

— Когда в работах участвует столько народу, болезни неизбежны. В особенности когда люди устают, а в работах присутствует риск.

— Сейчас речь не идет о симуляции. Я всякий раз делал анализ крови. И во всех случаях обнаружил заметное снижение лейкоцитов. А сегодня утром один из рабочих, который участвовал в раскопках, пришел ко мне в кабинет — у него чрезвычайно редкая болезнь кожи. Красная сыпь и вздутия на руках, бедрах и в районе паха.

— Что это такое? — спросил Нейдельман.

— Пока я не знаю. Проверил в справочниках, сделал запросы, но окончательного диагноза нет. Если бы я не был уверен, что этого не может быть, то предположил бы, что столкнулся с бубоном.⁹⁰

Нейдельман приподнял бровь.

— Черная смерть? Бубонная чума в двадцатом столетии? В Мэне?

— Как я уже говорил, мне пока не удалось поставить диагноз.

Нейдельман нахмурился.

— О чем вы тут разглагольствуете?

Хэтч вздохнул, стараясь контролировать свой гнев.

— Джерард, я не знаю, что такое меч святого Михаила. Но не вызывает сомнений, что он очень опасен. Всюду, где он появлялся, умирали люди. Теперь я начинаю думать, что мы ошиблись, когда предположили, что испанцы собирались использовать его в качестве оружия против Окхема. Возможно, они даже хотели, чтобы меч попал ему в руки.

— Ага, — заговорил Нейдельман, не скрывая иронии. — Быть может, меч действительно проклят?

Стоявший рядом Стритер презрительно фыркнул.

— Вы прекрасно знаете, что я верю в проклятия не больше, чем вы, — резко сказал Хэтч. — Но из этого не следует, что не существует какой-то реальной причины, породившей легенду. Например, эпидемия. Возможно, этот меч подобен Тифозной Мэри.⁹¹

— Но разве таким образом можно объяснить, почему несколько наших людей заражены бактериальной инфекцией, один получил вирусную пневмонию, а у кого-то странное заболевание полости рта. О какой эпидемии может идти речь, доктор?

Хэтч посмотрел в худое лицо капитана.

— Да, разнообразие болезней меня смущает. Но одно не вызывает сомнений: меч

⁹⁰ Поверхностный лимфатический узел, увеличенный в результате воспаления.

⁹¹ Маллон, Мэри — повариха-ирландка, которая, работая во многих американских семьях, заразила брюшным тифом более 50 человек, из которых трое умерли. Была бациллоносителем, однако сама обладала иммунитетом к болезни. Вошла в историю под прозвищем «Тифозная Мэри». В 1907–1910 и в 1914–1938 годах принудительно содержалась в изоляции в одной из больниц Нью-Йорка.

опасен. И мы должны понять суть этой опасности, прежде чем продолжим работы и достанем меч.

Нейдельман кивнул, но на его губах появилась отстраненная улыбка.

— Понятно. Вы не знаете, почему болеют люди. Вы даже не в силах определить, чем они болеют. Тем не менее во всем виноват меч.

— Дело не только в болезнях, — возразил Хэтч. — Вы должны знать, что усиливается северо-восточный ветер. Ураган идет к нам — по сравнению с ним буря, которая была на прошлой неделе, покажется весенним дождичком. Продолжать в таких условиях — настоящее безумие.

— Продолжать — настоящее безумие, — повторил Нейдельман. — И как вы собираетесь остановить раскопки?

Хэтч помолчал немного, до него начал доходить смысл последних слов капитана.

— Обратившись к вашему здравому смыслу, — сказал он, стараясь сохранять хладнокровие.

Наступило напряженное молчание.

— Нет, — твердо сказал Нейдельман. — Раскопки будут продолжаться.

— Тогда ваше упрямство не оставляет мне выбора. Я немедленно останавливаю работы. С этого момента.

— Как именно?

— Руководствуясь девятнадцатым пунктом нашего контракта.

Повисла пауза.

— Моя поправка, помните? — продолжал Хэтч. — Она дает мне право остановить работы, если они станут слишком опасными.

Нейдельман не торопясь вытащил трубку и принялся набивать ее табаком.

— Забавно, — произнес он безжизненным голосом, поворачиваясь к Стритеру. — Очень забавно, не так ли, мистер Стритер? Теперь, когда нам остается всего тридцать часов, чтобы добраться до сокровищ, доктор Хэтч намерен остановить работы.

— Через тридцать часов, — начал Хэтч, — ураган может достигнуть...

— Почему-то, — прервал его капитан, — мне кажется, что дело тут вовсе не в мече или урагане. Да и средневековые бредни из ваших бумаг меня не убеждают. И я не понимаю, почему вы... — Он помолчал, затем в его глазах загорелся холодный огонь. — О да, конечно, теперь я понимаю. У вас совсем другой мотив, не так ли?

— О чем вы говорите?

— Если мы завершим работы сейчас, «Таласса» потеряет все свои вложения. Вы прекрасно знаете, что наши инвесторы уже пошли на десятипроцентное увеличение расходов. Они не станут вкладывать еще двадцать миллионов в новую попытку в следующем году. Вы ведь рассчитываете именно на такое развитие событий, не так ли?

— Только не надо выдавать ваши параноидальные фантазии за реальность, — гневно бросил Хэтч.

— Но это вовсе не фантазии, верно? — Нейдельман понизил голос. — Теперь, когда вы получили всю необходимую информацию от «Талассы», когда мы практически открыли для вас парадную дверь, вам больше всего на свете хочется, чтобы мы потерпели неудачу. Тогда в следующем году вы сможете закончить раскопки без нас и получить все сокровища. И самое главное — меч святого Михаила. — Он смерил Хэтча подозрительным взглядом. — Все одно к одному. Теперь понятно, почему вы настаивали на включении девятнадцатого пункта договора. А также из-за чего происходили сбои в работе компьютеров, бесконечные задержки. Наконец, я знаю, почему все прекрасно работало на «Цербере», но ломалось на острове. Вы подстроили все это заранее. — Он с горечью потряс головой. — А я вам верил. Я сам пришел к вам и рассказал о подозрениях в саботаже.

— Я не пытаюсь отнять у вас сокровища. Мне плевать на них. Меня волнует лишь безопасность людей.

— Безопасность людей, — презрительно повторил Нейдельман.

Он выудил из кармана коробок спичек, вытащил спичку и зажег ее, но, вместо того чтобы прикурить трубку, неожиданно поднес ее к лицу Хэтча. Тот невольно отпрянул.

— Я хочу, чтобы вы кое-что поняли, — продолжал Нейдельман, отбросив спичку в сторону. — Через тридцать часов сокровища будут моими. Теперь, когда я понял, какую игру вы ведете, Хэтч, я больше не стану с вами считаться. Если вы попытаетесь меня остановить, я применю силу. Вы меня поняли?

Хэтч внимательно посмотрел на Нейдельмана, пытаясь понять, как далеко готов зайти капитан.

— Вы готовы применить силу? — повторил Хэтч. — Это угроза?

Наступило долгое молчание.

— Вы меня правильно поняли, — наконец ответил Нейдельман, понизив голос еще сильнее.

Хэтч расправил плечи.

— Завтра на рассвете, — сказал он, — если вы все еще будете оставаться на острове, я вас вышвырну. И даю вам личную гарантию: если кто-то будет убит или ранен, вам предъявят обвинение в убийстве по небрежности.

Нейдельман повернулся.

— Мистер Стритер?

Стритер сделал шаг вперед.

— Отведите доктора Хэтча на причал.

На узком лице Стритера появилась улыбка.

— Вы не имеете права, — заявил Хэтч. — Это мой остров.

Стритер взял Хэтча за плечо.

Сделав шаг в сторону, Хэтч кулаком ударил Стритера в солнечное сплетение. Удар был не слишком сильным, но Хэтч нанес его с анатомической точностью, Стритер упал на колени, мучительно пытаясь сделать вдох.

— Если вы еще раз ко мне прикоснетесь, — сказал Хэтч, обращаясь к стоящей на коленях фигуре, — ваши яйца будут носить на блюдечке.

Стритер с горящими от ненависти глазами с трудом поднялся на ноги.

— Мистер Стритер, я не думаю, что вам следует прибегать к насилию, — остановил его Нейдельман, когда тот с угрожающим видом двинулся вперед. — Доктор Хэтч мирно вернется в свою лодку. Он понимает, что теперь, когда мы поняли его намерения, он не в силах нам помешать. Полагаю, он уже сообразил, что вставать у нас на пути не стоит. — Он повернулся к Хэтчу. — Я человек справедливый. Ваша попытка не удалась. Вам более не следует находиться на острове. Если вы его покинете и позволите мне довести дело до конца, как мы с вами и договаривались, то получите свою часть сокровищ. Но если вы попытаетесь меня остановить...

Нейдельман молча опустил руки и отвел в сторону плащ. Хэтч увидел у него за поясом пистолет.

— Кто бы мог подумать, — съязвил Хэтч. — Какой боевой капитан.

— Уходите, — сказал Стритер, шагнув вперед.

— Я сам найду дорогу.

Не сводя глаз с Нейдельмана, Хэтч отступил на несколько шагов и быстро пошел по лестнице вверх. Лифт уже привез первую порцию рабочих из следующей смены.

ГЛАВА 41

Восходящее солнце прорвалось сквозь облака, и по океану пролегла блистающая дорожка, осветив множество лодок, скопившихся у выхода из небольшой гавани Стормхейвена.

За рулем маленького катера, который медленно пробирался между других рыбацких лодок, стоял Вуди Клей. Катер едва не задел буй — моряком Клей был неважным.

Когда катер достиг выхода из бухты, священник выключил мотор. Подняв старенький мегафон, он принялся отдавать указания собравшимся рыбакам, и его голос был исполнен такой убежденности, что даже мегафон не мог его исказить. Ответом ему послужил рев множества заводимых двигателей. Одна за другой лодки покидали бухту и направлялись в сторону острова Рэггид. Все новые и новые суденышки выходили в море, и вскоре весь флот уже мчался к острову, вспенивая воду.

Три часа спустя, шестью милями дальше к юго-востоку, яркие потоки света пробились сквозь клубы тумана в запутанный влажный лабиринт крепежных стоек Водяной Бездны. Призрачный свет озарил вход в Бездну, окруженный многочисленными механизмами.

На глубине 180 футов уже не имело значения, день сейчас или ночь. Джерард Нейдельман стоял рядом с небольшой платформой, наблюдая за лихорадочной работой своей команды. До полудня оставалось несколько минут. Сквозь шум воздухопроводов и скрежет цепей лебедки Нейдельман различал вой лодочных сирен, доносившийся с поверхности.

Некоторое время он прислушивался, а потом достал телефон.

— Стритер?

— Я здесь, капитан, — послышался голос из Ортханка, двумястами футами выше, слабый и невнятный из-за шума помех.

— Докладывай.

— Около двух дюжин лодок, капитан. Они окружили «Цербера», пытаются заблокировать его. Наверное, думают, что мы все на борту. — Послышался треск — возможно, Стритер смеялся. — Но там только Роджерсон. Вчера вечером я отправил на берег всю нашу научную команду.

— Были попытки саботажа?

— Нет, капитан, они ведут себя послушно. Много шума, но не более того.

— Что еще?

— Магнусен говорит, что датчики показывают аномалию на глубине шестидесяти четырех футов. Скорее всего, ничего страшного, вторая сеть не дает подтверждения.

— Я хочу взглянуть, — сказал Нейдельман. — Мистер Стритер, встретьте меня там.

— Есть, капитан.

Нейдельман энергично, пружинистым шагом, несмотря на недостаток сна, направился к электрическому лифту. Он поднялся на отметку в шестьдесят футов, затем сошел с платформы и по лестнице спустился вниз, чтобы проверить датчик. Убедившись, что он находится в рабочем состоянии, капитан вернулся на платформу и поднялся на самый верх.

— Какие-то проблемы? — спросил Стритер.

— Только не с датчиком. — Нейдельман протянул руку и выключил связь с Ортханком. — Но у меня из головы не идет Хэтч.

Раздался визг шестеренок, сопровождающийся механическим стоном где-то внизу, и мощная лебедка вытащила очередную порцию грязи. Нейдельман и Стритер молча наблюдали, как огромная железная бадья поднимается из глубин, в ярком свете прожекторов поблескивала влага на стальных тросах.

— До соковищ всего восемь футов, — пробормотал Нейдельман, наблюдая, как поднимается бадья. — Девяносто шесть дюймов.

Он повернулся к Стритеру.

— Я хочу, чтобы все, кто не участвует в работах, покинули остров. Все. Говори что хочешь, объясняй протестом рыбаков, угрозой урагана, используй любые другие предлоги. Нам ни к чему, чтобы лишние люди толпились вокруг, когда мы начнем доставать соковища на поверхность. После того как в два часа появится следующая смена, отправь домой остальных рабочих. Мы завершим раскопки с последней сменой. Погрузим соковища в бадью, а меч я понесу сам. Нам нужно убраться отсюда как можно скорее. Роджерсону можно верить?

— Он сделает все, что я ему скажу, сэр.

Нейдельман кивнул.

— Подведи «Цербера» и мой катер к острову, но не приближайся к рифу. На всякий случай мы разделим сокровища на два корабля. — Он помолчал, глядя за горизонт. — Не думаю, что все проблемы с ним решились, — снова заговорил капитан, понизив голос, словно не переставал думать о Хэтче. — Я его недооценил с самого начала, возможно, и сейчас повторяю ту же ошибку. Как только он окажется дома, Хэтч начнет анализировать происходящее. И поймет, что ему потребуется несколько дней или даже недель, чтобы принять против меня официальные меры. Кроме того, обладание — это девять десятых права. Он может кричать о пункте девятнадцать до посинения, но будет уже поздно.

Он коснулся груди Стритера.

— Кто бы мог подумать, что миллиард долларов не удовлетворит жадного ублюдка? Он наверняка постарается придумать какой-то план. Я хочу, чтобы ты его выведal и помешал Хэтчу. Мы находимся всего в нескольких часах от сокровищ Окхема, клянусь богом, и я не хочу никаких неприятных сюрпризов. — Он притянул Стритера к себе. — И ради бога, как бы ни развивались события, не позволяй Хэтчу вновь оказаться на острове. Он может причинить нам много вреда.

Стритер невозмутимо посмотрел на капитана.

— Будут какие-то более конкретные указания?

Нейдельман отступил на шаг.

— Я всегда считал вас способным и изобретательным моряком, мистер Стритер. Оставляю это на ваше усмотрение.

Брови Стритера приподнялись — то ли от предвкушения, то ли от удивления.

— Да, сэр, — ответил он.

Нейдельман наклонился и включил переговорное устройство.

— Будем на связи, мистер Стритер.

Он быстро вернулся к лифту и спустился вниз. Стритер направился к лестнице.

ГЛАВА 42

Хэтч стоял на широком старом крыльце дома на Оушнлейн. Предостережения метеорологов обретали реальность. На востоке формировались высокие волны, с грохотом набегавшие на мыс Брид. На противоположной стороне гавани, за буйками, прибой вновь и вновь ударял в гранитные утесы Бёрнт-Хэда, ритмичный грохот разносился по пляжу. Небо затянули тяжелые дождевые тучи, которые проносились над взбаламученной водой. Еще дальше злобная пена прибоя с шипением накатывала на берега островка Олд-Хамп. Хэтч покачал головой; если волны начали перехлестывать даже через эту скалу, грядет настоящий ураган.

Он посмотрел в сторону гавани — первые суда мятежной флотилии уже возвращались: небольшие катера и более дорогостоящие траулеры, которыми управляли осторожные капитаны.

Хэтч заметил какое-то движение ближе к дому: повернувшись, он увидел фургончик «Федерал экспресс», который сворачивал к его дому. Машина остановилась напротив крыльца, и Хэтч подошел, чтобы расписаться за посылку.

Он вернулся в дом, сорвал оберточную бумагу и нетерпеливо вытащил толстый пластиковый пакет. Профессор Хорн и Бонтер, стоявшие рядом с одним из пиратских скелетов, прекратили беседу, как только увидели посылку.

— Прямо из лаборатории Смитсоновского института, — сказал Хэтч, ломая пластиковую печать.

Он вытащил объемистую распечатку, положил ее на стол и принялся перелистывать страницы. Наступило напряженное молчание, в воздухе повисло предчувствие разочарования. Наконец Хэтч вздохнул и уселся в ближайшее кресло. Профессор устроился напротив, сложил руки на рукояти трости и задумчиво посмотрел на хозяина дома.

— Вы ожидали получить совсем другое? — спросил он.
— Нет, — ответил Хэтч, покачивая головой. — Вовсе нет.
Брови профессора сошлись на переносице.
— Малин, ты всегда слишком быстро смирялся с поражением.
Бонтер взяла распечатку и стала быстро ее просматривать.
— Я ничего не понимаю в медицинском жаргоне, — сказала она. — Что это за ужасные болезни?

Хэтч вздохнул.

— Пару дней назад я отправил кости этих скелетов в Смитсоновский институт. Кроме того, добавил несколько случайных образцов, взятых от дюжины скелетов, которые мы нашли во время раскопок в Бездне.

— Чтобы исследовать их на наличие болезней, — кивнул профессор Хорн.

— Да. По мере того как все больше людей заболело, я начал размышлять о массовом захоронении. И решил, что скелеты могут оказаться полезными и помогут найти ответы на некоторые вопросы. Если человек умирает от болезни, то в его теле остается избыточное количество антител, характерных для данного заболевания.

— Или в ее теле, — заметила Бонтер. — Не забывайте, в могиле были и женщины.

— В крупных лабораториях, вроде Смитсоновской, могут протестировать кости скелетов на наличие антител и выяснить, от какой болезни умер человек. — Хэтч помолчал. — Нечто на острове Рэггид — тогда и теперь — вызывает у людей болезни. Самая вероятная причина — это меч, так мне кажется. Я пришел к выводу, что именно меч является переносчиком болезни. Повсюду, где появлялся меч, гибли люди. — Он взял распечатку. — Но согласно этим тестам, все пираты умерли от разных болезней. Клебсиела,⁹² болезнь Брунера, микоз, таитянский клещевой возвратный тиф — целый букет заболеваний, причем среди них есть очень редкие. А почти в половине случаев причина смерти осталась неизвестной.

Он схватил пачку листов с края стола.

— Это не менее таинственно, чем результаты клинического анализа крови пациентов, которых я принимал за последние дни.

Он передал верхний лист профессору Хорну.

КЛИНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРОВИ

Лейкоциты (отклонение от нормы) — 2,50 тысяч/мм³

Эритроциты — 4,02 мл/мм³

Гемоглобин — 14,4 г/дл

Гематокрит — 41,2 %

MCV — 81,2 PL

Среднее содержание гемоглобина в эритроцитах — 34,1 ПГ

Средняя концентрация гемоглобина — 30 %

Распределение объема эритроцитов — 14,7 %

Средний объем тромбоцитов — 8 г ФЛ

Тромбоциты (отклонение от нормы) — 75 тысяч/мм³

ОСОБЕННОСТИ

Полиморфы — 900 куб. мм

Лимфоциты — 600 куб. мм

Моноциты — 10 куб. мм

Эозинофилы — 0,30 куб. мм

⁹² Клебсиела — микроорганизм, устойчивый к лекарственным средствам, может быть причиной разного рода воспалительных заболеваний.

Базофилы — 0,30 куб. мм

— Анализы крови во всех случаях показывают отклонения от нормы, но у каждого пациента по-разному. Общим является лишь понижение лейкоцитов. Взгляните на этот анализ. Две с половиной тысячи телец на кубический миллиметр. А норма — от пяти до десяти тысяч. То же самое с лимфоцитами, моноцитами и базофилами. Господи! — Он положил лист с анализом на стол и с горечью вздохнул. — Это мой последний шанс остановить Нейдельмана. Если бы началась эпидемия или нам удалось бы обнаружить на острове вирус, я бы мог его убедить или воспользоваться своими медицинскими связями, чтобы установить на острове карантин. Но у нас нет ни малейших признаков эпидемии — ни в прошлом, ни в настоящем.

Наступило долгое молчание.

— А почему бы не обратиться к закону? — спросила Бонтер.

— Я говорил с моим адвокатом. Он сказал мне, что это обычное нарушение контракта. Чтобы остановить Нейдельмана, потребуется судебный запрет. — Хэтч посмотрел на часы. — А мы не можем ждать недели. Если учесть, с какой скоростью ведутся раскопки, остается всего несколько часов.

— А нельзя арестовать его за вторжение на частную территорию? — спросила Бонтер.

— Фактически он никуда не вторгся. Контракт дает право ему и «Талассе» вести работы на острове.

— Я понимаю твою тревогу, — сказал профессор, — но не согласен с твоими выводами. Как меч сам по себе может быть опасным? Если не считать того, что можно зарубить человека клинком, конечно.

Хэтч посмотрел на него.

— Это трудно объяснить. У диагноста иногда срабатывает шестое чувство. У меня сейчас именно такое ощущение. Чувство, убежденность, что этот меч является носителем зла. Мы постоянно слышим разговоры о проклятии острова Рэггид. Возможно, оно как-то связано с мечом и существует реальное объяснение.

— А почему ты отбрасываешь мысль о настоящем проклятии?

Хэтч удивленно посмотрел на профессора Хорна.

— Вы ведь шутите, правда?

— Мы живем в странной вселенной, Малин.

— Не настолько странной.

— Я лишь прошу о том, чтобы ты обдумал невозможное. Поискал связи.

Хэтч подошел к окну гостиной. Ветер срывал листья с дуба и разбрасывал их по лугу. Упали первые капли дождя. Все больше лодок входило в гавань, несколько маленьких катеров дожидались своей очереди у пандуса — хозяева решили вытащить их на берег. Гребни волн по всей поверхности залива были покрыты шапками пены; по мере того как слабел прилив, волнение усиливалось. Малин вздохнул и повернулся к своим собеседникам.

— Я не нахожу никаких связей. Что общего у стрептококковой пневмонии и, к примеру, кандидомикоза?

Профессор поморщился.

— В восемьдесят первом или восемьдесят втором году я читал аналогичные комментарии, сделанные врачом-эпидемиологом из Национального института здравоохранения.

— И о чем там шла речь?

— Он спрашивал, что общего между саркомой Капоза и пневмоцистной пневмонией.

Хэтч вскинул голову.

— Послушайте, это не может быть вирус иммунодефицита. — Затем, прежде чем профессор успел отпустить ядовитую реплику, Хэтч понял, к чему клонит его старый учитель. — ВИЧ убивает, разрушая иммунную систему человека, — продолжал он. — Организм перестает бороться.

— Совершенно верно. Нужно отфильтровать раздражающие подробности, если можно так выразиться, чтобы увидеть, что остается.

— Иными словами, мы столкнулись с прямым воздействием на иммунную систему человека.

— Я не знала, что среди рабочих так много больных, — заметила Бонтер. — Все мои люди здоровы.

Хэтч повернулся к ней.

— Все?

Бонтер кивнула.

— Вот видишь? — Доктор Хорн улыбнулся и стукнул тростью по полу. — Ты искал общие закономерности. Теперь у тебя появилось несколько ниточек.

Он встал и взял Бонтер за руку.

— Я просто очарован вами, мадемуазель, и с удовольствием бы остался. Однако погода портится, и я хочу вернуться домой к моему шерри, тапочкам, собаке и камину.

Когда профессор потянулся к своему пальто, на крыльце послышались тяжелые шаги. Дверь распахнулась, и в гостиную ворвался порыв ветра. На пороге, в распахнутом дождевике, стоял Донни Труитт. По лицу его текли струйки дождя.

Яркая вспышка озарила небо, раздался мощный удар грома.

— Донни? — удивленно спросил Хэтч.

Труитт поднял обе руки к вороту влажной рубашки и разорвал ее у себя на груди. Хэтч и профессор ахнули.

— Дерьмо собачье, — прошептала Бонтер.

Подмышки Труитта были покрыты крупными мокнущими пятнами. Текущая по ним вода становилась розовато-зеленой. Глаза у бедняги отекали, под ними чернели синяки.

Вновь полыхнула молния, и вместе с затихающим громом Труитт закричал. Он сделал неуверенный шаг вперед, срывая с головы зюйдвестку.

На мгновение все в доме оцепенели. Потом Хэтч и Бонтер подхватили Донни под руки и помогли ему сесть на диван.

— Помоги мне, Мал, — выдохнул Труитт, хватая ладонь Хэтча обеими руками. — Я ни разу в жизни не болел.

— Я тебе помогу, — сказал Хэтч. — Но тебе нужно лечь, чтобы я мог осмотреть твою грудь.

— Забудь о проклятой груди, — простонал Донни. — Я говорю об этом!

Он судорожно поднял руки к голове и бессильно опустил их — его ладони были полны прядей рыжих волос.

ГЛАВА 43

Клей стоял на корме своей моторки, положив бесполезный мегафон на кабину — дождь промочил его насквозь. Он и шестеро оставшихся представителей протестующих нашли временное пристанище с подветренной стороны самого крупного корабля «Талассы» — именно его они пытались поначалу блокировать.

Клей промок до нитки, но ощущение потери — горькой, непереносимой потери — проникло куда глубже, чем дождевая влага. Большой корабль, «Цербер», необъяснимым образом оказался пустым. Или люди на борту получили приказ не покидать свои каюты, несмотря на пронзительный вой корабельных сирен и громкие крики рыбаков. Так или иначе, но ни один человек не появился на палубе. Наверное, ошибкой было выбирать самый большой корабль, с горечью думал Клей. Быть может, им следовало отправиться прямо на остров и заблокировать причалы. По крайней мере, там они видели людей: около двух часов назад несколько лодок, нагруженных пассажирами, покинули остров и на высокой скорости, мимо протестующих рыбаков, направились в сторону Стормхейвена.

Клей взглянул на остатки флотилии протеста. Когда они утром выходили из гавани, он

был полон надежд, даже вновь почувствовал себя молодым. Он не сомневался, что с этих пор все в городе пойдет по-другому. Наконец он сможет чем-то помочь этим хорошим людям. Но теперь, глядя на шесть старых лодок, подпрыгивающих на волнах, Клей был вынужден признать, что его протест, как и все остальное, что он пытался делать в Стормхейвене, обречен на поражение.

Глава кооператива ловцов омаров, Лемюэль Смит, направил свою лодку к моторке Клея и бросил кранцы. Два суденышка стояли рядом, толкая друг друга бортами, дождь стучал по палубе. Клей наклонился над планширом. Волосы прилипли у него к черепу, придавая священнику особенно мрачный вид.

— Пришло время отступить, ваше преподобие, — крикнул Смит, держась за борт своей лодки. — Скоро начнется настоящий ураган. Быть может, когда закончится лов макрели, мы попытаемся еще раз.

— Но тогда будет слишком поздно! — стараясь перекричать ветер и дождь, ответил Клей. — Дело будет сделано, ущерб непоправим.

— Мы высказали свою точку зрения, — мрачно отозвался Смит.

— Лем, этого мало, — возразил Клей. — Я промок насквозь, и мне так же холодно, как тебе. Мы должны принести жертву. Мы должны их остановить.

Смит покачал головой.

— В такую погоду мы никого не остановим, ваше преподобие. В любом случае ураган сделает это за нас. — Смит посмотрел на небо, потом повернулся к далекой земле — синяя полоска исчезала за пологом дождя. — Я не могу рисковать своей лодкой.

Клей молчал. «Я не могу рисковать своей лодкой». В этих нескольких словах и была заключена вся суть. Они не понимали, что некоторые вещи важнее лодок или денег. Возможно, они никогда не поймут. Он вдруг ощутил, как у него защипало в глазах, и понял, что плачет. Не имеет значения — еще несколько слезинок в океане.

— Я бы не хотел, чтобы из-за меня кто-то потерял лодку, — отвернувшись, сказал он. — Возвращайтесь, Лем. А я останусь.

Смит колебался.

— Было бы лучше, если бы мы вернулись вместе. Можно бороться с этими людьми, но невозможно сражаться с океаном.

Клей махнул рукой.

— Может быть, я высажусь на острове и поговорю с Нейдельманом... — Он замолчал, пряча лицо и делая вид, что занят лодкой.

Смит наморщил лоб и с тревогой посмотрел на священника. Клей был не слишком хорошим моряком. Но давать мужчине советы относительно его лодки — непростительное оскорбление. Кроме того, Смит углядел на лице священника отчаянное безрассудство и понял, что уговаривать бесполезно.

Он похлопал ладонью по планширу лодки Клея.

— Тогда нам в разные стороны. Я буду следить за диапазоном десять и пять на случай, если вам понадобится помощь.

Клей держался за леер «Цербера», двигатель его лодки работал на холостом ходу. Священник наблюдал за оставшимися лодками, поворачивающими к берегу, порывы ветра доносили до него шум работающих двигателей. Он плотнее запахнул плащ и попытался занять более устойчивое положение на палубе. Рядом вздымался мощный белый корпус «Цербера» — казалось, волнение не оказывает на него ни малейшего влияния.

Клей механически проверил лодку. Трюмная помпа продолжала работать в нормальном режиме, отправляя тугие струи воды за борт; двигатель уверенно урчал, топлива оставалось еще много. Теперь, когда положение изменилось и он остался один — лишь Всемогущий был его спутником, — Клей ощутил странное удовлетворение. Быть может, он совершил грех высокомерия, ожидая многого от жителей Стормхейвена. Ему нельзя было рассчитывать на них — но на себя он вполне мог положиться.

Он немного подождет, а затем поплывет к Рэггиду. В его распоряжении лодка и вполне

достаточно времени. Все время мира.

Клей долго смотрел, как остатки его флота возвращаются в гавань Стормхейвена. Скоро они превратились в далекие призрачные тени на сером фоне.

Клей не видел, как от берега отчалил катер «Галассы», волны тут же набросились на небольшое суденышко, которое упрямо направлялось к противоположному от Клея борту «Цербера».

ГЛАВА 44

Донни Труитт лежал на диване, его дыхание стало спокойнее — начал действовать лоразепам, который ввел ему Хэтч. Труитт смотрел в потолок и терпеливо моргал, пока доктор его осматривал. Бонтер и профессор перешли на кухню, где приглушенно беседовали о том, что произошло.

— Донни, послушай меня, — сказал Хэтч. — Когда у тебя появились эти симптомы?

— Примерно неделю назад, — с тоской ответил Труитт. — Но тогда я не обратил внимания. Утром, когда я просыпался, меня тошнило. Пару раз я даже расстался со своим завтраком. А еще появилась сыпь на груди.

— И как она выглядела вначале?

— Красные пятна. Потом они стали какими-то мягкими. И еще заболела шея. Тут, сбоку. И я стал замечать волосы на своей расческе. Сначала понемножку, а сейчас мне кажется, что я мог бы легко выдрать их полностью. Но в нашей семье никогда не было лысых; у всех было полно волос. Честное слово, Малли, что скажет моя жена, если я облысею!

— Не беспокойся. Так мужчины не лысеют. Как только мы выясним, что с тобой, мы тебя вылечим, и волосы отрастут снова.

— Ох, я очень на это надеюсь, — признался Труитт. — После вчерашней ночной смены я сразу же пошел спать, но утром почувствовал себя еще хуже. Никогда раньше не ходил по врачам. Но я подумал, черт возьми, ты же мне друг, верно? Это ведь не то же самое, что пойти в больницу.

— Что еще ты хочешь рассказать о своей болезни? — спросил Хэтч.

Неожиданно Донни смутился.

— Ну, у меня болит где-то в заднице. Наверное, там какие-то болячки.

— Повернись на бок, — сказал Хэтч. — Я посмотрю.

Через несколько минут Хэтч перешел в соседнюю комнату. Он вызвал из больницы машину скорой помощи, но до ее приезда оставалось еще минут пятнадцать. Потом ему придется уговорить Донни сесть в машину. Сельский обитатель Мэна, Труитт панически боялся врачей, а больницы — еще больше.

Некоторые из симптомов его болезни оказались такими же, как у других рабочих, — жалобы на апатию и тошноту. Но были и другие, характерные только для Донни. Хэтч потянулся к потертому справочнику Мерка. И уже через несколько минут смог поставить диагноз: хронический гранулематоз. Широко распространившееся повреждение тканей, гнойные лимфатические узлы, анальные гнойники делали диагноз абсолютно очевидным. «Но это заболевание обычно бывает наследственным, — подумал Хэтч. — Неспособность лейкоцитов убивать бактерии. Почему оно проявилось только сейчас?»

Отложив справочник в сторону, он вернулся в гостиную.

— Донни, — сказал Хэтч, — я хочу еще раз осмотреть твою голову. Нужно разобраться, как именно выпадают у тебя волосы.

— Еще немного, и я буду Юлом Бриннером.

Труитт осторожно коснулся ладонью головы, и Хэтч увидел на его руке уродливую рану, которую раньше не замечал.

— Опусть руку. — Хэтч закатал рукав рубашки, чтобы осмотреть запястье Труитта. — Что это такое?

— Ничего особенного. Поцарапался, когда работал в Бездне.

— Рану необходимо промыть. — Хэтч потянулся к своему чемоданчику, порылся в нем и обработал рану солевым раствором и бетадином, после чего наложил антибактериальную мазь. — Как это произошло?

— Порезался острым ребром титановой трубки, когда устанавливали эту чудо-лестницу в Бездну.

Хэтч удивленно посмотрел на него.

— Но это же было неделю назад, а рана выглядит свежей.

— Я и сам ничего не понимаю. Эта дрянь все время открывается. Честное слово, жена каждый вечер накладывала мазь.

Хэтч внимательно осмотрел рану.

— Заражения нет, — сказал он. — А как твои зубы?

— Странно, что ты об этом спросил. Как раз вчера я заметил, что один из задних зубов начал шататься. Наверное, старость подкрадывается.

Потеря волос, зубов, прекращение процессов заживления. Как у пиратов. Однако у пиратов были и другие заболевания. Но все они имели три общие черты. Как и болезни некоторых рабочих.

Хэтч покачал головой. Это были классические симптомы цинги. Но все остальные экзотические симптомы цингу исключали. Тем не менее что-то во всем этом было чертовски знакомым. Как сказал профессор, забудь о других болезнях, исключи их и посмотри, что останется. Понижение лейкоцитов в крови. Потеря волос и зубов, замедление процессов заживления, тошнота, слабость, апатия...

Внезапно он понял. И вскочил.

— О господи... — начал он.

Все части головоломки встали на свои места, и Малин некоторое время ошеломленно пытался осознать, что все это значит.

— Подожди минутку, — сказал он Труитту, накрывая его одеялом и отворачиваясь.

Он проверил время — семь часов. Через два часа Нейдельман доберется до сокровищ.

Хэтч несколько раз глубоко вздохнул, дожидаясь, когда к нему вернется самообладание. Потом он подошел к телефону и набрал номер телефона базы на острове.

Телефон не отвечал.

— Проклятье, — пробормотал Хэтч.

Из чемоданчика с медицинскими принадлежностями он вытащил радиопередатчик. Все каналы «Талассы» прекратили работу.

Он с минуту размышлял, пытаясь найти решение. Довольно быстро Хэтч понял, что у него остается лишь один выход.

Он пошел на кухню. Профессор разложил на столе дюжину наконечников стрел и рассказывал Бонтер об индейских стоянках на побережье. Она встревоженно взглянула на Хэтча и сразу же помрачнела, когда увидела его лицо.

— Изобель, — тихо сказал он, — я должен отправиться на остров. Ты позаботишься о том, чтобы Донни согласился поехать в больницу?

— На остров? — воскликнула Бонтер. — Ты спятил!

— Сейчас нет времени объяснять, — сказал Хэтч, направляясь к шкафу.

Он услышал, как отодвигаются стулья, — Бонтер и профессор последовали за ним. Открыв шкаф, он вытащил два шерстяных свитера и принялся их натягивать.

— Малин...

— Извини, Изобель. Я все объясню позже.

— Я поеду с тобой.

— Забудь об этом, — покачал головой Хэтч. — Это слишком опасно. В любом случае ты должна остаться здесь и отправить Донни в больницу.

— Я не поеду в больницу, — послышался голос с дивана.

— Вот видишь? — Хэтч надел дождевик и засунул в карман зюйдвестку.

— Нет. Я знаю море. Нужны двое, чтобы управлять лодкой — и тебе это известно не хуже меня. — Бонтер принялась доставать одежду из шкафа: толстые свитера, дождевик его отца.

— Извини, — сказал Хэтч, надевая ботинки.

Он почувствовал, как на его плечо легла рука профессора.

— Леди права. Я не знаю, что все это значит, но ты не сможешь управлять лодкой в одиночку в такую погоду. Я сам отвезу Донни в больницу.

— Неужели вы меня не слышите? — опять вмешался Донни. — Я не сяду в машину скорой помощи.

Профессор сурово посмотрел на него.

— Еще одно слово, и тебя привяжут к носилкам как сумасшедшего. Так или иначе, но ты поедешь в больницу.

После короткой паузы Труитт ответил:

— Да, сэр.

Профессор повернулся к ним и подмигнул. Хэтч схватил фонарь и посмотрел в темные глаза Бонтер, которая успела надеть желтую зюйдвестку.

— Она знает все, что потребуется, не хуже тебя, — сказал профессор. — Даже лучше, если говорить честно.

— Зачем тебе все это? — тихо спросил Хэтч.

В ответ Бонтер взяла его под руку.

— Потому что ты особенный, *monsieur le docteur*. Особенный для меня. Я никогда себе не прощу, если останусь здесь, а с тобой что-нибудь случится.

Хэтч задержался еще на пару минут, чтобы дать профессору инструкции относительно Труитта, а потом они выскочили из дому. На них сразу же обрушился дождь. За последний час ураган стремительно набирал силу, сквозь вой ветра и шелест листвы Хэтч слышал, как волны Атлантики тяжело ударяют в берег. Ему вдруг показалось, что он воспринимает эти глухие удары не слухом, а всем своим существом.

Они бежали по пустынным улицам, мимо запертых домов, в окнах горел свет — сегодня стемнело гораздо раньше обычного. Уже через минуту, несмотря на дождевик, Хэтч промок. Когда они приближались к причалу, вспыхнула ослепительная молния, тут же раздался мощный удар грома. И почти сразу же коротко вспыхнул трансформатор порта. Город моментально погрузился в темноту.

Они осторожно спустились на причал. Все лодки были вытащены на шаткие подмости и тщательно привязаны. Достав из кармана нож, Хэтч перерезал веревку шлюпки «Простушки Джейн» и с помощью Бонтер толкнул ее на воду.

— Если мы спрыгнем вместе, то лодку может затопить, — сказал Хэтч, соскакивая на дно шлюпки. — Я вернусь за тобой.

— Не вздумай меня обмануть, — погрозила ему пальцем Бонтер.

Ее стройная фигура в слишком большом плаще вдруг показалась Хэтчу забавной.

Хэтч сразу же вставил весла в уключины и начал грести к «Простушке Джейн». Вода в бухте все еще оставалась сравнительно спокойной, но ветер поднял зыбь. Шлюпку бросало из стороны в сторону, волны глухо ударяли в борт. Хэтч греб, сидя спиной к морю, и видел смутные очертания города на фоне темного неба. Его взгляд притягивало высокое, узкое здание дома священника — деревянный палец в темноте. Ослепительно вспыхнула молния, и Хэтчу показалось, что он видит надевшую желтую юбку Клэр, которая стоит возле открытой двери и смотрит в сторону моря, а потом все снова погрузилось во мрак.

С глухим стуком шлюпка ткнулась в борт «Простушки Джейн». Хэтч поднялся на борт баркаса, произнес короткую молитву и запустил двигатель. «Простушка Джейн» проснулась. Поднимая якорь, Хэтч в очередной раз порадовался, что владеет таким надежным судном.

По крутой дуге он направил баркас к причалу и с удовлетворением отметил, что Бонтер, несмотря на неудобную одежду, запрыгнула на палубу с ловкостью опытного моряка. Она надела спасательный жилет, который ей бросил Хэтч, и убрала волосы под

зюйдвестку. Хэтч проверил компас и посмотрел в сторону моря, где виднелись два освещенных буя у выхода из бухты.

— Когда выйдем в открытый океан, — сказал он, — я включу двигатель на половину мощности и направлю баркас по диагонали. Качка будет очень сильной, поэтому постарайся за что-нибудь держаться. И оставайся рядом со мной, возможно, мне потребуется твоя помощь со штурвалом.

— Какой ты глупый, — недовольно проворчала Бонтер. — Неужели ты думаешь, что ураганы бывают только в штате Мэн? Однако мне бы хотелось знать, почему ты затеял это безумное путешествие?

— Я расскажу, — вздохнул Хэтч, — но тебе это не понравится.

ГЛАВА 45

Клей всматривался в мерцающий мрак, вцепившись обеими руками в штурвал. Пальцы мучительно ныли от холода и усталости. Каждая следующая волна ударяла в лодку с сокрушительным грохотом, вода переливалась через нос, ветер срывал пену с гребней. Снова и снова стекла рубки управления залепляло белой пеной, катер вздрагивал и с трудом переваливал через очередной вал. На несколько мгновений воцарялась жуткая тишина; затем суденышко соскальзывало вниз, и все начиналось сначала.

Десятью минутами ранее, когда Клей попытался включить передний фонарь, он понял, что полетели предохранители и катер потерял большую часть электрического оборудования. Запасные аккумуляторы не работали — он их вовремя не проверил. Ранее его занимали совсем другие вещи — «Цербер» неожиданно поднял якорь и, не обращая внимания на притулившуюся к нему моторку, поплыл в темноту моря. На катер Клея тут же обрушились мощные волны; он некоторое время пытался преследовать «Цербера», однако очень скоро белая громада корабля скрылась во мраке.

Клей оглядел рубку, пытаясь оценить свое положение. Он совершил серьезную ошибку, начав гонку за «Цербером». Если они с самого начала не обращали на него внимания, то сейчас и подавно. Кроме того, теперь, когда его суденышко не находилось с подветренной стороны острова Рэггид, волнение стало значительно сильнее. «Лоран» вышел из строя, и у Клея остался только компас. Он пытался управлять катером, используя навигационное счисление курса, но прекрасно понимал, что его навыки штурмана далеки от совершенства, к тому же он видел компас только во время вспышек молнии. В кармане у него лежал фонарь, но Клей не мог оторвать одну руку от штурвала.

Маяк на Бёрнт-Хэд был едва виден, а ветер ревел так громко, что колокол буя у входа в бухту можно было услышать, только подойдя к нему вплотную. Клей всем телом налег на штурвал, отчаянно пытаясь найти какой-то выход. До острова оставалось менее полумили. Священник знал, что в такую погоду и хорошему моряку будет непросто провести судно через рифы к причалу «Талассы». Но даже если бы его отчаянная решимость добраться до острова уменьшилась, преодолеть оставшиеся шесть миль до гавани Стормхейвена было еще труднее.

Дважды Клею казалось, что он слышит глухой шум двигателей «Цербера». Получалась какая-то чепуха: сначала корабль направился на восток, потом свернул на запад — словно что-то искал или кого-то ждал.

Во время очередной вспышки молнии он проверил показания компаса, сжимая штурвал слабеющими руками, пока катер с трудом преодолевал следующую волну. Он слегка изменил курс, теперь его катер плыл прямо в открытое море. В следующий момент на него понеслась стена черно-серой воды, и Клей сообразил, что изменение курса было ошибкой. Когда волна обрушилась на рубку управления, весь катер застонал и пошел вниз. Могучая сила волны выдавила стекло, и морская вода хлынула на Клея. Он успел лишь из всех сил вцепиться в штурвал.

Катер содрогнулся, уходя все глубже и глубже под воду, но когда Клей уже решил, что

он идет ко дну, начал подниматься на поверхность. Судно выровнялось, и вода схлынула с палубы. Во вспышке молнии Клей увидел вспененные пространства океана. Однако чуть в стороне он заметил более спокойные воды — остров был уже близко.

Клей поднял взгляд к черному небу, и с его губ слетело несколько слов:

— О Господь, если Ты того желаешь...

И он вновь вступил в схватку с морем, повернув катер по диагонали к острову, изо всех сил налегая на штурвал, и опять вода хлынула в разбитое окно рубки. Однако через несколько минут катер оказался в прибрежных водах Рэггида.

Не успел Клей перевести дыхание, как понял, что волны здесь лишь немногим меньше, чем на открытом пространстве. Два мощных вала накатывали на остров с двух сторон, создавая быстро меняющиеся потоки, но теперь Клей видел путь к причалу. Он включил двигатель на полную мощность и с радостью услышал его рев.

Увеличение скорости сделало катер устойчивее. Маленькое суденышко мчалось вперед, разрезая волны. Без прожектора, в темноте, Клей с огромным трудом вел его в нужном направлении. Потом до него дошло, что было бы разумно немного уменьшить скорость на случай, если... И тут его швырнуло вперед, он ударился о штурвал и сломал нос; затем его отбросило к дальней стене рубки. Отразившаяся от рифа волна налетела на борт катера, который изменил курс, а вторая развернула его еще сильнее. Клей, отплываваясь кровью и соленой водой, бросился к штурвалу, но так и не сумел до него добраться. Третья волна ударила в катер, Клея выбросило из рубки, и он оказался в бурлящей воде.

ГЛАВА 46

Хэтч направил «Простушку Джейн» в пролив. Сзади доносился скрежет мачт и канатов оставшихся в гавани судов. Ветер был пронизывающим и холодным, с неба лилась вода. Он попробовал ее на вкус — пресная смешалась с соленой. В детстве ему не раз доводилось видеть подобные ураганы, однако он еще никогда не был настолько глуп, чтобы выходить в такую погоду в море.

Он бросил последний взгляд на берег, врубил двигатель на полную мощность и направил катер в море. Они миновали буюк с надписью «5 миль в час» — казалось, еще немного, и он затонет.

Бонтер подошла к Малину, держась за поручни обеими руками.

— Ну? — прокричала она ему в ухо.

— Изобель, я был ужасным болваном, — заорал он в ответ. — Я видел ряд таких симптомов тысячи раз. Решение находилось прямо у меня под носом. Всякий, кто проходил лучевую терапию при лечении рака, знает, что это такое.

— Лучевая терапия?

— Да. Что происходит с такими больными? У них появляется тошнота. Они слабеют. У них выпадают волосы. Резко уменьшается содержание лейкоцитов в крови. Все редкие заболевания, с которыми я сталкивался в последнее время, имели эти проявления.

Бонтер посмотрела на него широко раскрытыми глазами, несмотря на сильный ветер и соленые брызги.

— Меч святого Михаила радиоактивен. Подумай сама. Длительное воздействие радиации убивает клетки костного мозга, замедляет деление клеток, подрывает работу иммунной системы, делает человека легкой добычей любой болезни. Вот почему люди, работавшие на «Талассу», становились жертвами экзотических болезней, которые сбивали меня с толку. Приостанавливается процесс деления клеток, что приводит к замедлению заживления ран, выпадению волос. У меня самого рука заживала слишком медленно. Сильное облучение приводит к остеопорозу и выпадению зубов. Такие же симптомы, как у цинги.

— Это объясняет и проблемы с компьютерами.

— В каком смысле?

— Рассеянное излучение нарушает работу микроэлектроники. — Бонтер, прищурившись, посмотрела на Хэтча, по ее лицу потоками лилась вода. — Но зачем выходить в море в такой ураган?

— Мы знаем, что меч радиоактивен. Больше нам ничего не известно. Его поместили в свинцовый ящик, однако он убивал всех, кто входил с ним в контакт в течение последних семисот лет. Один только бог знает, что произойдет, если Нейдельман вытащит его наружу. Мы не можем этого допустить.

Когда баркас вышел из-под защиты берега Бёрнт-Хэд, море ударило в «Простушку Джейн» с яростной силой. Хэтч замолчал и резко вывернул штурвал, пытаясь направить баркас по диагонали. Воздух над ними был полон водяной пыли, пены и брызг. Хэтч проверил показания компаса и слегка уточнил курс, не спуская глаз с «лорана».

Бонтер вцепилась в поручни обеими руками и опустила голову, чтобы хоть немного защитить лицо от воды.

— Но тогда что же такое этот меч?

— Один бог знает. В любом случае это ужасная штука. Лично я даже не хочу...

Он замолчал, глядя вперед. Из мрака над морем возникла белая полоса. На мгновение Малину показалось, что это большой корабль.

— Господи, — пробормотал он, удивленный собственным спокойствием. — Ты только посмотри.

Нет, это был не корабль. Хэтч с ужасом понял, что к ним приближается вспененный гребень огромной волны.

— Помоги мне удержать штурвал! — крикнул он.

Наклонившись вперед, Бонтер ухватила обеими руками за штурвал, а Хэтч занялся двигателем. Баркас поднимался на гребень волны — Хэтч постепенно увеличивал обороты двигателя, стараясь удержаться на волне. Когда верхушка волны накрыла их, раздался тяжелый удар, все вокруг стало белым, и Хэтч затаил дыхание, вцепившись в штурвал.

На несколько мгновений баркас завис внутри волны, затем высвободился из ее объятий, перевалил через гребень, словно пробка, выскочившая из бутылки, и с ошеломляющей скоростью понесся вниз. Наступила жуткая недолгая тишина, пока оказавшийся между двумя гребнями волн баркас защищала от ветра толща воды. Затем следующая зеленая громада, украшенная белой пеной, поднялась с пугающей скоростью из мрака.

— Как только проплывем мимо острова Рек, станет еще хуже, — прокричал Хэтч.

Бонтер ничего не ответила, продолжая крепко держаться за штурвал, пока «Простушка Джейн» взбиралась на гребень очередной волны.

Посмотрев на экран «лорана», Хэтч понял, что приливное течение относит катер на юго-восток со скоростью четыре узла. Он скорректировал курс, держа одну руку на дросселе, а другую на штурвале. Бонтер помогала ему удержать руль.

— Профессор был прав, — прокричал Хэтч. — Без тебя я бы не справился.

Ветер выдернул длинные волосы Бонтер из-под зюйдвестки, и они черным шлейфом летели за ее плечами. Лицо Изобель покраснелось — то ли от страха, то ли от возбуждения, Хэтч не знал.

На катер накатывала очередная мощная волна, и Хэтчу пришлось сосредоточить все свое внимание на управлении катером.

— Как ты убедишь Нейдельмана, что меч радиоактивен? — выкрикнула Бонтер.

— Когда «Таласса» оборудовала мой кабинет, они не поскупились на самые разнообразные приборы. В том числе радиометр. Современный счетчик Гейгера. Я даже не включал эту штуку. — Хэтч покачал головой, когда они начали взбираться на очередную волну. — Если бы это произошло, то прибор сразу зашкалило бы. Больные рабочие, которые приходили ко мне, покрыты радиоактивной пылью. Теперь уже не имеет значения, что Нейдельман хочет завладеть мечом. Со счетчиком Гейгера не поспоришь.

Он едва слышал собственный голос, так сильно ревел ветер. Справа доносился

тяжелый шум прибоя. Остров Рек. Когда остров перестал их прикрывать, ветер заметно усилился. И Хэтч тут же увидел новую белую полосу — эта волна была больше всех других, через которые до сих пор успешно перебиралась «Простушка Джейн». Она высилась над их головами, вода на гребне угрожающе шипела. Баркас пошел вверх. Сердце Хэтча отчаянно колотилось в груди, он немного увеличил обороты двигателя.

— Держись! — закричал он, когда верхушка волны добралась до них.

Он до предела увеличил обороты двигателя и направил баркас прямо в белую водяную массу. «Простушка Джейн» оказалась в призрачном мире, где воздух и море состояли из воды. Затем они выскочили, и Хэтч услышал, как взвыли винты, оказавшись в окружении пены. Наступило несколько спокойных мгновений, но он уже видел, как из темноты материализуется новая белая линия.

Он постарался совладать с охватившей его паникой. Теперь все волны будут такими. До острова оставалось три мили.

Хэтч каждый раз чувствовал жуткие объятия, сжимающие баркас: странную вибрацию, мощное давление на штурвал. Судно казалось тяжелым и плохо сбалансированным. Хэтч посмотрел в сторону кормы. Трюмная помпа работала на полную мощность с того самого момента, как они вышли из гавани, но старая «Простушка Джейн» не имела датчика, измеряющего уровень воды в трюме. Так что был только один способ проверить — заглянуть туда.

— Изобель! — взревел он, упираясь ногами в стену кабины и вцепившись руками в штурвал. — Сходи в каюту на носу и открой металлический засов на полу в середине. Посмотри, сколько воды в трюме.

Бонтер стряхнула воду с лица и кивнула. Хэтч наблюдал, как она выбралась из рубки управления и открыла дверь в носовую каюту. Через несколько мгновений Изобель вернулась.

— Трюм на четверть заполнен! — прокричала она.

Хэтч выругался; вероятно, они наткнулись на какие-то обломки, которые пробили корпус, а он не почувствовал удара из-за качки. Хэтч посмотрел на «лоран». До острова оставалось две с половиной мили. Поворачивать обратно уже поздно. Не исключено, что до берега им не дотянуть.

— Бери штурвал! — закричал он. — Я пойду проверю шлюпку!

Отчаянно цепляясь за поручни планшира, он ползком добрался до кормы.

Шлюпка болталась сзади, подпрыгивая на воде, словно пробка. Она показалась Хэтчу сравнительно сухой, «Простушка Джейн» принимала основную тяжесть ударов волн на себя. Оставалось лишь надеяться, что им не придется воспользоваться маленькой лодкой.

Как только Хэтч сменил Бонтер у штурвала, он сразу же почувствовал, что баркас заметно потяжелел. Теперь он гораздо медленнее поднимался на гребень волны.

— Ты в порядке? — спросила Бонтер.

— Пока да, — ответил Хэтч. — А ты?

— Мне страшно.

Баркас вновь пошел вниз, наступило жуткое состояние неподвижности, Хэтч, не убирая руки с дросселя, напряженно ждал, когда они начнут взбираться вверх. Однако ничего не происходило.

Хэтч ждал. Наконец очередной подъем начался, но теперь все происходило значительно медленнее. Хэтч даже решил, что «лоран» ошибся и они уже в более спокойных водах острова. Затем он услышал страшный грохот.

Над ними вздымалась громадная гладкая стена воды. Гребень венчала кипящая пена, которая рычала и шипела, точно живое существо.

Бонтер запрокинула голову и увидела волну. Они оба молчали.

Баркас все поднимался и поднимался, казалось, это продолжается целую вечность, воздух наполнился оглушительным ревом водопада. Раздался мощный скрежет, волна нанесла страшный удар; баркас откинуло назад и вверх, палуба приняла почти вертикальное

положение. Хэтч отчаянно цеплялся за штурвал, чувствуя, как ноги соскальзывают в сторону. Он ощутил, как вода в трюме перемещается, заваливая судно набок.

Затем штурвал начал свободно вращаться. Рев воды стихал, и Хэтч понял, что баркас затоплен.

«Простушка Джейн» лежала на боку и быстро тонула, она уже не могла занять нормальное положение. Хэтч посмотрел назад. В шлюпке плескалась вода, но она оставалась на плаву.

Бонтер проследила за взглядом Хэтча и кивнула. Держась одного из бортов, по пояс в воде, они начали пробираться к корме. Хэтч знал, что за такой огромной волной обычно следует серия менее крупных. У них оставалось две минуты, максимум три, чтобы добраться до шлюпки и освободиться от «Простушки Джейн» прежде, чем она увлечет их на дно.

Цепляясь за поручни, Хэтч затаил дыхание, когда на них обрушилась волна, сначала одна, вслед за ней вторая. Наконец он почувствовал, как его рука ухватилась за кормовой поручень. Рымболт уже находился слишком глубоко под водой. Однако ему удалось нащупать носовой фалинь шлюпки. Отпустив поручень, Хэтч изо всех сил потянул на себя фалинь — через несколько секунд он почувствовал, как в руку ткнулся нос шлюпки. Он перескочил в нее, тут же упал на дно, поднялся на ноги и поискал взглядом Бонтер.

Она цеплялась за корму, «Простушка Джейн» уже почти полностью погрузилось под воду. Хэтч схватил фалинь и вновь попытался притянуть шлюпку к рым-болту баркаса. Огромная волна с ног до головы окатила его пеной и брызгами. Наклонившись вперед, он схватил Бонтер под руки и потянул ее на шлюпку. Когда волна прошла, «Простушка Джейн» перевернулась и начала тонуть, окруженная множеством пузырей.

— Нужно освободить фалинь! — завопил Хэтч.

Он вытащил из кармана нож и принялся с остервенением резать трос. Наконец ему удалось отрезать фалинь. Корма «Простушки Джейн» в последний раз показалась над водой, раздался тоскливый стон, и баркас скрылся между волнами.

Бонтер без колебаний схватила ковш и начала вычерпывать воду. Хэтч перебрался на корму и попытался завести подвесной мотор. Раздался едва слышный кашель, двигатель фыркнул и заработал. Убедившись, что с мотором все в порядке, Хэтч принялся вычерпывать воду вторым черпаком. Однако пользы было не много: лишившись защиты «Простушки Джейн», маленькая шлюпка стала игрушкой урагана. Вода на дне прибывала быстрее, чем они успевали ее вычерпывать.

— Нам необходимо развернуть лодку против волны, — сказала Бонтер. — Ты вычерпывай, а я справлюсь с управлением.

— Но...

— Давай!

Ползком добравшись до кормы, Бонтер рванула на себя дроссель, увеличив обороты двигателя и одновременно разворачивая шлюпку.

— Боже мой, что ты делаешь? — прокричал Хэтч.

— Вычерпывай! — закричала в ответ Бонтер.

Лодка накренилась назад, нос приподнялся, вода на дне потекла к корме. И как раз в тот момент, когда на них обрушился очередной огромный вал, Бонтер врубила двигатель на полную мощность, нос приподнялся еще сильнее. Затем она вновь развернула лодку, заскользив по волне, почти параллельно ей.

Это противоречило всему, что Хэтч знал о лодках. В совершенном ужасе он бросил черпак и вцепился в борт — шлюпка набирала скорость.

— Продолжай вычерпывать! — Бонтер наклонилась назад и открыла запорный кран на корме.

По мере того как шлюпка набирала скорость, вода стала вытекать.

— Ты нас убьешь! — завопил Хэтч.

— Я уже делала это раньше! — прокричала в ответ Бонтер. — В детстве я занималась серфингом.

— Только не на таких волнах!

Шлюпка скользила по впадине между волнами, пропеллер взвыл на высоких оборотах, и они начали взбираться на следующий вал. Хэтч лежал на дне, вцепившись обеими руками в борта. Шлюпка мчалась со скоростью около двадцати узлов.

— Держись! — закричала Бонтер.

Маленькая шлюпка скользнула в сторону и перевалила через пенный гребень волны. Хэтч с ужасом и восхищением почувствовал, как суденышко взмывает в воздух, а потом с грохотом падает на волну. Бонтер тут же выровняла лодку, готовясь преодолеть следующий гребень.

— Ты не можешь снизить скорость?

— Тогда ничего не получится! Только так я могу удержать лодку!

Хэтч взгляделся вперед.

— Но мы плывем не в том направлении!

— Не беспокойся. Через несколько минут я сменю курс!

Хэтч уселся в носовой части шлюпки. Теперь он видел, что Бонтер старается как можно дольше находиться между волнами, где их не мог настичь ветер; при этом она нарушала основное морское правило, гласившее, что нельзя разворачивать судно бортом к волне. Однако благодаря высокой скорости шлюпка сохраняла устойчивость, позволяя Бонтер выбирать наиболее подходящий момент для преодоления очередного гребня.

Вот перед ними стала вздыматься новая волна. Быстрым движением Бонтер развернула шлюпку. Лодка легко скользнула через гребень и оказалась в следующей впадине.

— Боже мой! — закричал Хэтч, отчаянно цепляясь за скамью.

Когда они приблизились к острову, ветер стал понемногу стихать. Теперь волны перестали идти равномерно, и управлять маленькой шлюпкой стало значительно сложнее.

— Поворачивай обратно! — закричал Хэтч. — Приливное течение протащит лодку мимо острова.

Бонтер хотела что-то ответить, но увидела впереди свет.

— Огни! — закричала она.

В ста ярдах впереди из урагана возник «Цербер», мощные огни освещали мостик и переднюю палубу. Он сворачивал в их сторону, спасительное белое видение, почти безмятежное в сердце ревущей бури. «Возможно, они нас увидели и, — подумал Хэтч, — нет, точно нас заметили. Наверное, радар показал, что "Простушка Джейн" терпит крушение, и «Цербер» поспешил на помощь».

— Сюда! — закричала Бонтер, размахивая руками.

«Цербер» замедлил ход, повернувшись к шлюпке бортом. Могучий корабль защитил шлюпку от ветра и волн.

— Откройте посадочный люк! — закричал Хэтч. Некоторое время шлюпка покачивалась на волнах, со стороны «Цербера» не доносилось ни звука.

— Vas-y, vas-y!⁹³ — нетерпеливо закричала Бонтер. — Мы замерзаем!

Хэтч не сводил глаз с белой громады. Где-то высоко над ними раздался вой электрического двигателя. Хэтч ждал, что сейчас откроется люк. Однако ничего не происходило.

Вспышка молнии озарила все вокруг. Высоко над ними Хэтч разглядел одинокую фигуру; человек смотрел в их сторону.

Вой двигателя не стихал. Затем он заметил гарпунную пушку, медленно поворачивающуюся в их сторону.

Бонтер с недоумением смотрела на пушку.

— Дерьмо, — пробормотала она.

— Разворачивай лодку! — спохватился Хэтч.

⁹³ Давай, давай! (фр.)

Бонтер включила двигатель, и маленькая лодка резко развернулась на правый борт. Над их головами что-то вспыхнуло, раздалось шипение, затем последовал громкий всплеск. Грянул гром, и в двадцати футах перед носом шлюпки взметнулся вверх столб воды, в основании которого вспыхнуло пламя.

— Взрывной гарпун! — крикнул Хэтч.

Новая вспышка и взрыв — только теперь уже ближе. Маленькая шлюпка вздрогнула и накренилась. Как только они вышли из-под защиты «Цербера», волны вновь с остервенением набросились на лодку. Впереди раздался третий взрыв, и гарпун ударил в воду. Соленые брызги полетели Хэтчу в лицо.

Не говоря ни слова, Бонтер вновь развернула шлюпку и направила ее прямо на «Цербер». Хэтч повернулся, чтобы предупредить Изобель, но тут же сообразил, что она собирается сделать. В последний момент она свернула в сторону, и шлюпка задела бортом огромный корабль. Теперь они находились под защитой корпуса, и гарпунная пушка не могла их достать.

— Попробуем прорваться мимо кормы! — прокричала Бонтер.

Хэтч наклонился вперед и принялся вычерпывать воду, но тут его глазам предстало странное зрелище: вспенивая воду, к ним приближалась узкая линия. Хэтч с любопытством наблюдал за происходящим. Наконец линия коснулась носа шлюпки, раздался скрежет, и взвилось облако опилок и древесного дыма. Хэтч упал на корму и посмотрел вверх — там, склонившись над поручнями, стоял Стритер, который наводил на них уродливое оружие — флешетту.

Прежде чем Хэтч успел раскрыть рот, Бонтер вновь бросила шлюпку вперед. Со стрекотом адской швейной машинки флешетта в руках Стритера вспорола воду в том месте, где только что находилась шлюпка. Они обогнули корму «Цербера», и вновь на них набросились волны, перекатываясь через изуродованный нос шлюпки. «Цербер» взревел и начал разворачиваться. Бонтер резко повернула направо и, едва не перевернув лодку, направила ее к причалам острова Рэггид.

Однако в такой шторм маленькая лодка с подвесным мотором не могла уйти от могучего «Цербера». Вглядываясь сквозь мощные порывы ветра, Хэтч видел, как огромный корабль быстро сокращает расстояние между ними. Через минуту их отсекут от входа в узкий пролив, ведущий мимо рифов к причалу.

— Направь шлюпку к рифам! — воскликнул он. — Если сможешь уловить нужный момент, то волна перенесет шлюпку через них. У нас осадка не более фута!

Бонтер тут же вновь сменила курс. «Цербер», неуклонно приближаясь к ним, продолжал их преследовать.

— Сделай ложное движение, будто мы собираемся обогнуть рифы! — крикнул Хэтч.

Бонтер направила шлюпку параллельно рифам, и теперь они плыли вдоль бурунов.

— Он думает, что поймал нас! — сказал Хэтч, когда «Цербер» вновь сменил курс.

Неожиданно раздался взрыв, Хэтч вдохнул морскую воду, а когда шлюпка миновала облако брызг, он увидел, что планшир снесло выстрелом гарпунной пушки.

— У нас остался один шанс! — в отчаянии проговорил Хэтч. — Попытайся преодолеть рифы на гребне следующей волны!

Еще несколько бесконечных мгновений они двигались параллельно рифам.

— Давай! — завопил он.

Когда Бонтер повернула поврежденную шлюпку прямо в ревущий ад рифов, раздался следующий взрыв. Хэтч услышал странный хруст и почувствовал, как его выбрасывает в воздух. В следующее мгновение вокруг оказалась кипящая вода и обломки дерева. Шум стал стихать, его потянуло вниз. Хэтч испытал мгновение ужаса, а потом наступил покой.

ГЛАВА 47

Вуди Клей поскользнулся, наступив на водоросли, ушиб голень и едва не упомянул имя

Господа все. Каменистый берег был слишком скользким. Он решил, что ползти будет безопаснее.

Все тело у него ломило, одежда разорвалась, а боль казалась невыносимой. Кроме того, он ужасно замерз. Однако уже много лет Клей не ощущал себя таким живым. Он уже почти забыл, что такое истинный подъем духа. Неудавшийся протест больше не имел значения. На самом деле он вовсе не потерпел поражение. Он сумел добраться до острова. Пути Господни неисповедимы, но Он помог Клею попасть на остров Рэггид не просто так, он должен совершить здесь нечто очень важное. Пока он не знал, что именно. Однако не сомневался — когда придет время, он узнает.

Ему удалось выбраться из полосы прибоя. Здесь земля уже не была такой скользкой, и он поднялся на ноги, выкашливая остатки морской воды из легких. От кашля сломанный нос болел еще сильнее, но Клей ничего не имел против боли. Что сказал святой Лоуренс, когда римляне живьем поджаривали его над раскаленными углями? «Переверни меня, Господи. Поджарь с другой стороны».

Ребенком он вместе с другими детьми читал «Мальчишек Харди» и биографии Малыша Рута⁹⁴ и Тая Кобба,⁹⁵ а его любимым произведением была «Книга мучеников» Фокса.⁹⁶ Даже теперь, когда стал священником конгрегационалистской церкви, он часто цитировал описания жизни католических святых, а особенно охотно упоминал об их смертях. То были люди, благословенные пророческими даром, у которых хватило мужества дойти до конца, какой бы высокой ни была цена. Клей не сомневался, что обладает мужеством. А вот пророческих видений ему не хватало.

Он понимал, что ему необходимо найти укрытие, согреться и помолиться, чтобы на него снизошло откровение.

Он оглядел берег — серая полоса на фоне черного неба, — на который обрушивалась ярость урагана. В сумрачном свете Клей различил несколько крупных камней — рыбаки называли их Спинами Китов. Дальше располагалась искусственно осушенная лагуна, образовавшаяся из-за дамбы «Талассы». С мрачным удовлетворением священник отметил, с каким маниакальным упорством волны били в перемычку. Несколько опор согнулись, а одна из бетонных плит была деформирована. После каждого удара волн через перемычку переклестывала пена.

Клей поднялся по каменистому берегу и нашел подходящее укрытие за земляной насыпью, под корнями огромного дерева. Но и здесь хлестал дождь, и как только Вуди перестал двигаться, он сразу же отчаянно задрожал. Поднявшись на ноги, священник зашагал вдоль насыпи, пытаясь найти укрытие от ветра. Он не видел ни единого человека и не слышал ничего, что свидетельствовало бы о продолжении работ. Быть может, на острове не осталось людей: грабители спасовали перед лицом шторма и сбежали, как ростовщики из храма.

Он приблизился к мысу. За утесом лежала береговая часть острова. Даже сюда долетал мощный шум прибоя. Клей обошел утес, и ему в глазах бросился кусок желтой полицейской ленты, один конец которой трепал ветер. Он двинулся дальше и увидел три скобы, сделанные из какого-то блестящего металла, а за ними темный проход. Обойдя ленту и скобы, Клей пригнулся, чтобы не задеть низкий потолок, и вошел внутрь.

Сюда не доносился шум прибоя, здесь было уютно и сухо. Конечно, сразу согреться ему не удастся, но он наконец получил передышку. Клей вытащил из кармана скудный набор

⁹⁴ Рут, Джордж Герман (Малыш) (1895–1948) — легендарный бейсболист-рекордсмен. В 1936 г. в числе первых пяти бейсболистов был избран в Галерею славы бейсбола.

⁹⁵ Кобб, Тай (1886–1961) — знаменитый бейсболист.

⁹⁶ «Книга мучеников» — сочинение английского богослова Джона Фокса (1516–1587), в котором он пересказал жития христианских мучеников.

предметов первой необходимости: фонарик, спички в пластике и миниатюрную аптечку. Он посветил фонариком на стены и потолок. Оказалось, что он находился в небольшом помещении, которое в дальнем конце переходило в туннель.

Очень интересно. В некотором смысле, его привели к туннелю. Клей не сомневался, что туннель каким-то образом связан с лабиринтом, пронизывающим весь остров. Он задрожал еще сильнее и решил, что сейчас ему просто необходимо развести костер и согреться.

Он собрал плавник, который прибором нанесло в пещеру, отвернул крышку пластикового контейнера — и ему на ладонь выпала сухая спичка. Клей торжествующе улыбнулся. Всякий раз, отправляясь в плавание, он брал с собой этот контейнер. Клэр подтрунивала над ним — впрочем, она всегда делала это с милой улыбкой, — но ему было больно, поскольку он чувствовал, что в сердце жены есть тайны, скрытые от всех живых существ. А вот теперь эти спички сыграют свою роль в его судьбе.

Очень скоро небольшой костер уже отбрасывал веселые тени на стены пещеры. Шторм завывал снаружи, но в убежище было спокойно. Боль в носу слегка притупилась, стала почти терпимой.

Клей поближе подобрался к костру, согревая руки. Скоро — теперь уже очень скоро — он узнает, какова его миссия.

ГЛАВА 48

Изобель Бонтер отчаянно вертела головой, оглядывая каменистый берег. Ей приходилось щуриться, чтобы защитить глаза от ветра и яростного дождя. Повсюду на песке она видела темные тени, каждая из которых вполне могла оказаться телом Малина Хэтча. Но стоило ей подойти поближе, оказывалось, что это всего лишь валуны.

Она посмотрела в сторону моря. Неподалеку от берега стоял на двух якорях катер Нейдельмана «Грифон», упрямо подпрыгивающий на волнах. Еще дальше смутно виднелась элегантная белая громада «Цербера», озаренная ярким светом. Корабль то взлетал на гребни огромных волн, то стремительно опускался вниз. Похоже, «Цербер» потерял управление, и теперь мощный отлив уносил его в открытое море. Кроме того, судно давало легкий крен, вероятно получив пробоину. Несколько минут назад Бонтер видела, как на воду спустили небольшую моторку, которая умчалась к дальнему концу острова, к причалу базового лагеря.

Был ли это Стритер или кто-то другой, она не знала. Однако не сомневалась, что Стритеру кто-то помогал — один человек не мог бы управлять кораблем и одновременно стрелять из гарпунной пушки. Иными словами, их атаковал не одинокий безумец. У Стритера были сообщники.

Она вздрогнула, поплотнее запахиваясь в мокрый плащ. Ей по-прежнему не удавалось найти Хэтча. Если он не погиб в момент, когда развалилась шлюпка, его могло выбросить на этот участок берега. Но теперь Бонтер не сомневалась, что здесь его нет. Оставшаяся часть побережья была слишком каменистой, к тому же ее ничто не защищало от ярости моря...

Изобель зашагала к базовому лагерю, выбрав самый длинный путь и внимательно глядя по сторонам. Ветер завывал все сильнее, срывая клочья пены и швыряя их на берег. Рев прибоя со стороны рифов был таким оглушительным и нескончаемым, что она практически не слышала раскатов грома.

Осторожно приблизилась она к домикам лагеря. Башенка радиостанции оставалась темной, антенны раскачивались на ветру. Один из генераторов смолк, а другой трясся и раскачивался на стальной платформе, издавая жалобные протестующие звуки. Бонтер пробралась между поврежденным генератором и контейнерами с горючим и оглядела лагерь. В центре виднелись прямоугольные окошки «Первого острова» — там горел свет.

Продолжая держаться в тени, Бонтер подошла к домику «Первого острова» и заглянула в окно. В командном центре было пусто.

Она быстро перебежала на противоположную сторону и заглянула в окно

медицинского изолятора. Тоже никого. Бонтер попыталась открыть дверь, выругалась, обнаружив, что она заперта, и обошла домик сзади. Подняв с земли камень, она запустила в окно — ураган так ревел, что звона разбитого стекла не услышала даже она сама. Засунув руку в образовавшееся отверстие, Изабель нащупала задвижку и распахнула окно.

Это оказался изолятор. Узкой койкой никто не пользовался — она оставалась в таком же идеальном порядке, как в тот день, когда ее здесь поставили. Бонтер быстро обошла комнату, порылась в ящиках, рассчитывая найти пистолет, нож или любое другое оружие. Ей удалось обнаружить лишь длинный, тяжелый фонарь.

Включив его, она направила луч вниз и вышла в коридор. С одной стороны находился кабинет Хэтча, а с другой — небольшая приемная. У дальней стены она заметила дверь с надписью «Медицинский склад». Как Бонтер и предполагала, дверь была заперта, но женщина легко выбила замок двумя сильными ударами.

Три стенки маленькой комнатки занимали стеклянные шкафы — на верхних полках были сложены лекарства, аппаратура располагалась на нижних. Бонтер не представляла себе, как должен выглядеть счетчик Гейгера, но она запомнила, что Хэтч назвал его радиометром. Она разбила стекло фонарем и принялась шарить по нижним полкам, высыпав часть содержимого на пол. Ничего. Повернувшись, она расколотила стекло во втором шкафу, порылась там, взяла кое-что и сунула в карман. В самом нижнем ящике она нашла маленькую черную нейлоновую сумку с логотипом «Радметрикс». Внутри оказался странного вида прибор со складной ручкой и кожаным ремешком. На верхней поверхности имелись небольшой дисплей и миниатюрная клавиатура. Сбоку торчал выступ, напоминающий микрофон.

Она нажала кнопку, отчаянно надеясь, что батарейки заряжены. Послышалось гудение, и на дисплее появилось сообщение:

РАДИОМЕТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ИЗМЕРЕНИЕ РАДИАЦИИ И СИСТЕМА
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
«РАДМЕТРИКС» V. 3.0.2(A)

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, НОВЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ
ВАМ НУЖНА ПОМОЩЬ?
ДА/НЕТ

— Да, пригодится любая, — пробормотала она, нажимая на клавишу подтверждения.

На экране появилась серия кратких инструкций. Бонтер быстро просмотрела их, но почти сразу же выключила прибор, сообразив, что сейчас нет смысла в них разбираться. Батарейки работали, но на сколько их хватит, неизвестно.

Убрав прибор в футляр, Изабель вернулась в кабинет Хэтча. И застыла на месте. Резкий звук неожиданно перекрыл шум бури: выстрелы.

Она забросила футляр на плечо и кинулась к разбитому окну.

ГЛАВА 49

Хэтч в приятном оцепенении лежал на камнях, море плескалось у его груди. Он даже почувствовал легкое неудовольствие, что его вырвали из объятий моря. Другая часть его разума ужаснулась подобным мыслям.

Он был жив — но все тело ломило от боли. Хэтч мог только догадываться, сколько времени он пролежал на берегу.

Постепенно он стал различать боль в плечах, коленях и голенях. Как только он сосредоточился на своих ощущениях, боль стала пульсирующей. Руки и ноги ужасно замерзли, а голова, как ему показалось, насквозь пропиталась водой. Вторая часть его мозга — та, которая утверждала, что все хорошо, — теперь предлагала ему незамедлительно убрать свою несчастную задницу с залитого водой побережья.

Хэтч сделал вдох, обнаружил, что вдохнул морскую воду, и тут же мучительно закашлялся. С трудом приподнялся он на колени, но тут же снова упал на влажные камни. Наконец с огромным трудом ему удалось отползти на несколько футов от воды. Он долго отдыхал, прижимаясь щекой к гладкой гранитной поверхности.

По мере того как в голове прояснялось, к нему вернулись воспоминания. Нейдельман и меч — и зачем он вернулся на остров. Он вспомнил ураган, переворачивающуюся «Простушку Джейн», шлюпку, Стритера...

Стритер.

Хэтч сел.

В шлюпке была Изобель.

Он вскочил на ноги, упал, вновь поднялся; теперь он был полон решимости. Он выпал из шлюпки, и капризное течение выбросило его на скалистый берег с другой стороны острова. На фоне темного разгневанного неба нависали низкие утесы, охранявшие пиратскую стоянку. Бонтер должна была высадиться на том пляже. Если ей это вообще удалось.

Мысль о том, что она мертва, вдруг показалась Хэтчу совершенно невыносимой.

Он неуверенно зашагал вперед, хрипло выкрикивая: «Изобель!» Через мгновение он остановился, сообразив, что движется не к пляжу, а в сторону утесов. Поднявшись на небольшой холмик, Малин повернул к берегу. И нигде не нашел следов Бонтер или обломков шлюпки. Океан продолжал с неизменным упорством долбить перемычку, после каждого удара вода просачивалась сквозь трещины.

Вспышка осветила темный берег. Хэтч повернул голову, но свет уже погас — вспышка молнии, отразившаяся от скал. Он начал взбираться вверх, к утесам.

Неожиданно свет загорелся вновь, теперь уже ближе, перемещаясь по острову. Потом резко поднялся вверх, это был мощный белесый луч галогенового фонаря. Луч пошарил по берегу и начал перемещаться в глубину острова. Инстинктивно Хэтч отступил.

В следующее мгновение луч, ослепив его, ударил в глаза. Он тут же начал карабкаться вверх по склону. Свет продолжал светить в его сторону — кто-то пытался его найти.

Странные прерывистые звуки, которые он слышал, когда их шлюпка находилась рядом с «Цербером», раздались вновь, перекрыв шум прибоя и рев ветра: как будто великан стучал спицами. На земле, справа от Хэтча, появилась зазубренная линия, в воздух брызнули струйки грязи. Стритер находился сзади от него и стрелял из флешетты.

Хэтч быстро откатился влево, отчаянно надеясь, что вершина уже совсем рядом. Вновь послышалось демоническое клацанье оружия — и земля вздыбилась в том месте, где он только что лежал, — сотня вольфрамовых гвоздей прошла землю и камни.

Наполовину ползком, наполовину перекаtywаясь, Хэтч скользил по влажной траве и наконец перебрался через насыпь. Он замер на месте и огляделся. Деревьев вокруг не было, лишь открытое пространство луга, который полого поднимался по мере приближения к Ортханку. Чуть дальше виднелся барак, где Бонтер хранила свое оборудование, а рядом темный прямоугольник пиратской могилы.

Взгляд Малина остановился на домике. Он может спрятаться в нем или под ним. Но именно там его будет искать Стритер.

Хэтч колебался еще секунду. А затем помчался через луг и прыгнул в могилу.

Он едва удержался на ногах — все-таки могила была никак не меньше трех футов глубиной. Вспышка молнии на миг осветила окружающее пространство. Часть пиратских скелетов вытащили из братского захоронения, но большинство осталось на месте — их лишь прикрыли брезентом. Раскопки намечалось закончить на следующей неделе; Хэтч знал, что Бонтер решила убрать часть скелетов для получения общей картины.

Мощный раскат грома встряхнул Хэтча, побудил действовать. Он быстро заполз под брезент. В спину ему уперлось что-то острое. Погрузив руку в мягкую землю, он вытащил кусок сломанного черепа. Отбросив его в сторону, Малин застыл в неподвижности.

Под брезентом земля была влажной, но не холодной. Постепенно он начал согреваться.

Вскоре послышались тяжелые шаги.

Хэтч затаил дыхание. Раздался скрежет металла — дверь барака распахнулась. Потом наступила тишина.

Снова звук шагов, все ближе и ближе. Тяжелое дыхание — футах в десяти от убежища Хэтча. Он услышал, как щелкнуло взведенное оружие. Хэтч понял, что ему не удалось обмануть Стритера.

Флешетта рывкнула, и неожиданно могила ожила, во все стороны полетели куски костей, взметнулась земля. Краем глаза Хэтч увидел, как под ударами сотен маленьких гвоздей вздыбился брезент. Смертельная дорожка приближалась, и Хэтч понял, что у него осталось всего несколько мгновений, чтобы принять решение.

Оружие кашлянуло и смолкло. Послышался металлический стук. Хэтч решил рискнуть, приподнялся и прыгнул в сторону звука, отбросив брезент. Он врезался в Стритера, и тот навзничь повалился в грязь. Флешетта отлетела в сторону вместе с запасной обоймой, а фонарь упал в траву. Стритер оказался под брезентом, он отчаянно молотил руками и ногами. Недолго думая, Хэтч ударил коленом туда, где должен был находиться пах негодяя, и с удовлетворением услышал стон.

— Ублюдок! — заорал Хэтч, обрушиваясь на Стритера сверху всем своим массивным телом и продолжая наносить один удар за другим. — Ублюдочный карлик!

Неожиданно от сильного удара в челюсть зубы Хэтча закрипели. Он отшатнулся, голова закружилась; очевидно, Стритер ударил его головой. Малин всем телом налег на брезент, но Стритер был жилистым и сильным для своего небольшого роста, и Хэтч почувствовал, что постепенно противнику удастся вырваться из его объятий. Тогда Хэтч прыгнул к запасной обойме и отбросил ее далеко в темноту. Затем он метнулся к фонарику, а Стритер тем временем вскочил на ноги, высвободившись из ловушки. Рука начальника работ метнулась к поясу, и Хэтч увидел, что его враг вытаскивает маленький автоматический пистолет. Малин принял решение и наступил на фонарь.

В наступившей темноте грохнул выстрел. Хэтч, отчаянно петляя, со всех ног побежал по лугу. Он хотел добраться до центрального холма, за которым начиналось множество тропинок. Вспышка молнии высветила Стритера, тот заметил Малина, повернулся и бросился за ним. Хэтч помчался к месту главных работ, часто переходя с одной тропы на другую, стараясь оставаться внутри территории, огороженной желтой лентой. За спиной слышались топот и тяжелое дыхание.

Оказавшись на вершине холма, Хэтч сквозь густой туман увидел сияние Ортханка и метнулся было в ту сторону, но сразу поменял направление, сообразив, что свет даст Стритеру возможность сделать удачный выстрел.

Необходимо было найти оптимальное решение. Он может двинуться к базовому лагерю и попытаться укрыться среди строений. Но там легко угодить в ловушку. Нет, скрыться нужно как можно скорее.

На поверхности у него ничего не получится, понял Хэтч.

Дальше по тропинке должен быть туннель, Бостонская шахта, которая полого уходила под землю. Насколько он помнил, она соединялась с Водяной Бездной на большой глубине. Как-то утром ему показал ее Нейдельман — всего несколько недель назад, в голове не укладывается! — когда они определили место, где начиналась Бездна.

Времени почти не оставалось. Он посмотрел в сторону Ортханка, сориентировался и свернул на другую тропу. Да, он не ошибся, вот она: темная зияющая дыра, обрамленная густым кустарником.

Хэтч скользнул под желтую ленту и остановился у входа в Бостонскую шахту. Здесь было совсем темно, ветер дул ему прямо в лицо. И это пологий склон?! В темноте туннель показался ему почти вертикальным. Он оглянулся и услышал приближающиеся шаги. Ухватившись за ствол черемухи, Хэтч опустил ноги в шахту и попытался найти точку опоры. Ничего не получилось, корни черемухи не выдержали, и с глухим звуком Хэтч провалился вниз.

Однако почти сразу же его ноги ударились о топкое дно. Он видел лишь тусклый клочок неба у себя над головой — все остальное терялось в темноте. Однако ему показалось, что у входа в шахту появилась темная фигура...

Раздался оглушительный грохот, который сопровождала ослепительная вспышка света. Тут же снова грянул гром, и что-то ударилось в землю всего в нескольких дюймах от головы Хэтча.

Хэтч повернулся и побежал по туннелю. Он понял, что делает Стритер: использует вспышку от первого выстрела, чтобы прицелиться снова.

Спуск действительно оказался крутым, и Хэтч почувствовал, что начинает скользить. Затем он потерял равновесие и решил, что сейчас рухнет в Бездну. Прошло еще несколько ужасающих мгновений, наклон резко уменьшился, и Малин сумел остановиться.

Он стоял во влажном холоде туннеля, стараясь успокоить дыхание и напряженно прислушиваясь к любому шуму. Бежать вслепую было равносильно самоубийству. В туннеле полно ям и ответвлений...

За спиной послышался хлюпающий удар, а потом звук шагов.

Хэтч провел рукой по стене туннеля и нащупал срубовую крепь. Держась за нее, он начал спускаться дальше, стараясь мыслить рационально. Стритер, несомненно, снова будет стрелять. Сделает еще пару пробных выстрелов. Однако этим можно воспользоваться — свет первого выстрела покажет, куда двигаться дальше.

Смертельно опасным будет второй выстрел.

И словно в ответ на его мысли раздался первый выстрел, который оглушительным эхом прокатился по туннелю. Хэтч тут же упал в грязь, и снаряды от второго залпа полетели в стену за его спиной.

Однако доктору удалось разглядеть, что туннель и дальше идет прямо. Вскочив на ноги, он изо всех сил помчался вперед, вытянув вперед руки, спотыкаясь и скользя. Наконец он решил, что должен остановиться. Вновь нащупав стену, Хэтч прислушался. Наверное, Стритер все еще его преследует, только ведет себя более осторожно. Если от него оторваться, возможно, есть шанс добраться до Водяной Бездны. Там должен находиться Нейдельман. Он не может знать замысла Стритера; скорее всего, этот человек просто спятил — другие объяснения казались Хэтчу абсурдными. Только бы добраться до главной шахты...

Раздался очередной выстрел — и гораздо более ближе, чем Хэтч предполагал. Он бросился вперед, и второй выстрел едва его не задел. Хэтч увидел, что впереди туннель разветвляется, узкий проход влево заканчивается зияющей дырой. Раздался третий выстрел, за ним четвертый, и что-то вспоролу ухо Малина.

Ранен. Хэтч на бегу понес руку к лицу и почувствовал, как кровь стекает по щеке. Он нырнул в узкое ответвление и приблизился к дыре. Затем прижался к стене и стал напряженно ждать в полнейшей темноте. При следующей вспышке он прыгнет на Стритера и собьет его с ног. Кроме того, у него оставалась надежда, что Стритер проскочит мимо и свалится в дыру.

В жуткой тишине Хэтч услышал едва различимый шорох — не громче, чем стук его отчаянно бьющегося сердца. Это Стритер осторожно пробирался вдоль стены. Похоже, он начал беречь патроны. Конечно, их запас уже должен подходить к концу. Возможно, ему придется...

Внезапная вспышка выстрела заставила Хэтча броситься вперед, и когда он был уже совсем рядом со Стритером, на его голову обрушился страшный удар. Ярчайший свет ослепил Хэтча, мысли исчезли, исчезло все.

ГЛАВА 50

Стараясь держаться поближе к камням, Бонтер шагала по узкой тропинке в глубь острова, уходя от базового лагеря. Она спускалась очень осторожно, часто останавливаясь, чтобы прислушаться. Вдали от лагеря темнота стала кромешной, и женщине приходилось

двигаться на ощупь, пропуская между пальцами желтую ленту, которую яростно раздувал ветер. Скользкая тропинка начала подниматься. А потом вновь пошла вниз, следуя ландшафту острова. Бонтер промокла до нитки, дождь струями стекал с ее подбородка, локтей и рук.

Тропинка вывела ее на вершину. Похожий на огромный скелет Ортханк возвышался в нескольких сотнях ярдов впереди, три огня мигали наверху, яркие прямоугольники окон выделялись на фоне ночной тьмы. Рядом стоял вездеход, его выпуклые шины блестели от воды. Два больших пустых металлических контейнера были подготовлены для буксировки. Под башней терялся в темноте вход в Бездну. Но призрачный свет просачивался наверх из далеких глубин. Она слышала лязг механизмов, шум работающих насосов, перекрывавших рев урагана.

Сквозь стеклянные окна Ортханка просматривалась двигающаяся внутри темная фигура.

Прячась в высокой траве, Бонтер стала осторожно пробираться вперед. Преодолев около сотни футов, она остановилась за кустом шиповника; отсюда все было видно гораздо лучше. Фигура стояла к ней спиной, и Бонтер ждала. Когда человек вышел на свет, она увидела широкие плечи и светлые волосы геолога Рэнкина. Казалось, он один.

Она колебалась, стараясь защитить радиометр от дождя. Возможно, Рэнкин знает, как пользоваться прибором — в любом случае, у него это получится лучше, чем у нее. Вопрос только в том, можно ли ему довериться.

Стритер совершенно сознательно пытался их убить. Почему? Да, он ненавидел Хэтча с самого начала, но Бонтер не верила, что одного этого достаточно. Стритер не казался человеком, способным на необдуманные действия.

И опять же, Хэтч собирался прекратить раскопки.

Какое отношение имеют ко всему этому остальные?

Почему-то она не могла верить, что открытый, дружелюбный Рэнкин может быть соучастником убийства. Что касается Нейдельмана... нет, сейчас нельзя об этом думать.

Над головой вспыхнула ослепительная молния, и Бонтер втянула голову в плечи, ожидая раскатов грома. Со стороны базового лагеря послышался треск вышедшего из строя последнего генератора. Свет наверху Ортханка мигнул, но загорелся снова — заработали аварийные батареи.

Бонтер крепче сжала радиометр. Она понимала, что больше ждать нельзя — необходимо сделать выбор.

ГЛАВА 51

Когда лицо Хэтча ткнулось в холодную грязь, он пришел в себя. Голова болела от удара, что-то сильно давило на спину. Холодное дуло пистолета вдавилось в его разорванное ухо. Хэтч сообразил, что Стритер не стрелял, а просто ударил его рукоятью пистолета по голове.

— Послушай, Хэтч, — шепотом сказал Стритер. — Мы отлично побегали, но теперь игры закончились. — Он чуть сильнее нажал на ухо Хэтча. — Ты попался. Понял?

Хэтч попытался кивнуть, но в этот момент Стритер злобно дернул его за волосы.

— Так да или нет?

— Да, — прохрипел Хэтч, давась грязью.

— Не рыпайся, даже чихнуть не вздумай до тех пор, пока я тебе не скажу, не то мозги вышибу.

— Да, — повторил Хэтч, пытаясь собраться с силами.

Он чувствовал себя абсолютно отупевшим, и еще ему было ужасно холодно.

— А теперь ты встанешь, очень медленно и спокойно. Поскользнешься в грязи — и ты труп.

Давление на его спину прекратилось. Хэтч встал на колени, потом поднялся на ноги,

очень медленно и осторожно, стараясь побороть тошноту и слабость.

— Вот что теперь мы с тобой сделаем, — слышался голос Стритера. — Мы вернемся к тому месту, где туннель разветвляется. И отправимся вниз по Бостонской шахте. Так что шагай. Медленно.

Хэтч с величайшей осторожностью передвигал одну ногу задругой, стараясь не споткнуться в темноте. Они подошли к развилке и двинулись дальше вдоль стены.

Малину казалось, что он сможет убежать. Вокруг царила непроглядная темнота, и ему оставалось лишь вырваться. Но дуло пистолета, давившее на раненое ухо, и туман в голове мешали размышлять рационально. Его посетила лишь одна отчетливо оформившаяся мысль: «Интересно, почему Стритер до сих пор меня не пристрелил».

Они осторожно продвигались вперед, и Хэтч удивлялся тому, как хорошо Стритер знает Бостонскую шахту. На острове было совсем мало горизонтальных туннелей, и почти все они пересекались с вертикальными шахтами.

— А здесь нет ям? — наконец спросил он.

В ответ Стритер злобно рассмеялся.

— Если есть, то ты узнаешь об этом первым.

Казалось, прошла вечность, а кошмар медленного продвижения по темному туннелю все длился и длился. Каждый следующий шаг мог стать для Хэтча последним. Наконец он увидел впереди смутное свечение. Туннель слегка повернул, и они вышли к неровному проходу, озаренному светом. Слышался шум работающих машин. Стритер подтолкнул доктора в спину, заставляя идти быстрее.

Хэтч остановился в том месте, где туннель переходил в главную шахту Водяной Бездны. На некоторое время свет его ослепил, и он не сразу сообразил, что горят только лампы аварийного освещения, укрепленные вдоль лестниц. Он ощутил острую боль в ухе — Стритер заставил его ступить на металлический мостик, соединяющий Бостонскую шахту с лестницей. Последовав за Хэтчем, Стритер нажал на кнопку лифта. Снизу донеслось гудение, через несколько секунд появился лифт, который остановился напротив мостика. Стритер подтолкнул Хэтча на платформу, а сам встал у него за спиной.

Когда они спускались к выходу из туннеля, Хэтч почувствовал, что влажный, гнилой запах Водяной Бездны смешивается с ароматами дыма и раскаленного металла.

Система лестниц заканчивалась у дна Бездны. Стены здесь сужались, а воздух был тяжелым, несмотря на вентиляционную систему. В центре виднелась свежерытая шахта, ведущая к сокровищам. Стритер жестом велел Хэтчу спуститься. Цепляясь за перила, доктор пробрался мимо сложной системы титановых распорок. Снизу слышалось шипение ацетилена.

Наконец, едва держась на подгибающихся ногах, он оказался в самом низу, в сердце острова. Стритер спрыгнул на землю у него за спиной. Хэтч обратил внимание на ржавую железную плиту, очищенную от земли. Он посмотрел на нее, и последняя искра надежды в его душе погасла. Джерард Нейдельман стоял перед плитой на коленях, направляя ацетиленовую горелку в узкую прорезь площадью в три квадратных фута — он собирался вырезать квадратный кусок плиты. Капитан не успел закончить работу. К плите был приварен болт, а от него шел трос к большой бадье. В дальнем углу шахты стояла со скрещенными на груди руками Магнусен и смотрела на Хэтча с выражением холодной ненависти и презрения.

Горелка сердито зашипела в последний раз и погасла. Нейдельман отложил ее в сторону, встал, поднял маску и без всякого выражения взглянул на Хэтча.

— У тебя жалкий вид, — заметил он и повернулся к Стритеру. — Где ты его нашел?

— Они с Бонтер пытались вернуться на остров, капитан. Я догнал его в Бостонской шахте.

— А Бонтер?

— Их шлюпка разбилась у рифов. Может, ей удалось спастись, но это маловероятно.

— Понятно. Жаль, что она ввязалась в эту историю. Ну а ты неплохо потрудился.

Стритер зарделся от похвалы.

— Могу я позаимствовать на время ваш пистолет, капитан?

Нейдельман с озадаченным видом вытащил из-за пояса пистолет и протянул его Стритеру. Тот сразу же навел пистолет на Хэтча, а свой отдал Нейдельману.

— Вы не могли бы перезарядить его, сэр? У меня кончились патроны.

Стритер криво улыбнулся Хэтчу.

— Вы не воспользовались своим шансом, доктор. Другого не будет.

Хэтч повернулся к Нейдельману.

— Джерард, пожалуйста, выслушайте меня.

Капитан вставил новую обойму в пистолет и засунул его за пояс.

— Выслушать вас? Я уже четыре недели вас слушаю, и мне это изрядно надоело. — Он снял маску и протянул ее Магнусен. — Сандра, возьми, пожалуйста, горелку. Батареи острова проработают только два часа, в лучшем случае три, мы не можем терять время.

— Вы должны меня выслушать, — настаивал Хэтч. — Меч святого Михаила радиоактивен. Если вы откроете ящик, это будет самоубийством.

На лице Нейдельмана появилось усталое выражение.

— Вы никогда не сдаетесь. Неужели вам мало миллиарда долларов?

— Подумайте, — настойчиво продолжал Хэтч. — Отвлекитесь от мыслей о сокровищах, вспомните, что происходило на острове. Радиоактивность объясняет все. Проблемы с компьютерами, сбои в работе системы. Рассеянное излучение от сокровищ способно вызвать аномалии, которые описывал Уопнер. И ряд заболеваний, возникших среди рабочих. Радиация ослабляет иммунную систему, понижает содержание лейкоцитов в крови, в результате люди начинают болеть самыми экзотическими болезнями. Могу поспорить, что серьезнее всех больны те, кто провел в Бездне много времени. Иными словами, рабочие, которые вели раскопки и устанавливали подпорки.

Капитан молча смотрел на Хэтча, его лицо оставалось непроницаемым.

— Облучение приводит к выпадению волос и потере зубов. Мы сами видели скелеты пиратов. Что еще может послужить причиной для братской могилы? На скелетах нет следов насильственной смерти. Почему остальные пираты покинули остров с такой поспешностью? Они спасались от невидимого убийцы, с которым не могли сражаться. И почему корабль Окхема был найден в открытом море с мертвой командой? По той простой причине, что все они получили смертельную дозу облучения, которое исходило от ящика, где хранился меч святого Михаила.

Стритер больно ткнул дулом пистолета Хэтча в ухо, и тот тщетно попытался отстраниться.

— Неужели вы не понимаете? Один только бог знает, насколько радиоактивен меч. Если вы откроете крышку, то убьете не только себя, но и множество других людей. Вы...

— Я достаточно вас слушал, — перебил Нейдельман и посмотрел на Хэтча. — Забавно. Мне и в голову не приходило, что это будете вы. Когда я вел переговоры с нашими инвесторами и мы пытались оценить риск, вы всегда оставались одной из немногих постоянных величин среди переменных в уравнении. Вы ненавидите сокровища. Вы никому не даете вести раскопки на острове. Черт побери, вы даже ни разу не возвращались в Стормхейвен. Я знал, что, если мне удастся вас уговорить, мне не придется тревожиться из-за жадности. — Он покачал головой. — Мне далее думать больно о том, как сильно я в вас ошибся.

Магнусен закончила сварку и встала.

— Готово, капитан, — сказала она, снимая маску.

Инженер потянулась к рубильнику, который включал лебедку. Послышалось гудение, трос натянулся, с громким скрежетом подняв вырезанный кусок железной плиты. Магнусен аккуратно отвела его в дальний угол и положила на землю.

Глаза Хэтча невольно вернулись к отверстию, прорезанному в плите. Снизу исходил слабый аромат амбры, благовоний и сандалового дерева.

— Опустите свет, — сказал капитан.

Дрожа от сдерживаемого волнения, Магнусен сняла один из светильников со стены и опустила его в отверстие. Нейдельман встал на колени и осторожно заглянул внутрь.

Наступило долгое молчание, прерываемое лишь тихим шелестом капающей воды, слабым шипением вентиляционной системы и далекими раскатами грома. Наконец капитан поднялся на ноги, слегка пошатнулся, но тут же взял себя в руки. Его лицо застыло, превратившись в маску, влажная кожа заметно побледнела. Борясь с охватившими его эмоциями, он кивнул Магнусен.

Она сразу же опустилась на колени и заглянула в отверстие. Хэтч услышал, как она ахнула, и эхо глухо подхватило ее голос. В течение нескольких долгих минут она молча стояла у отверстия. Затем встала и отошла в сторону.

Нейдельман кивнул Хэтчу.

— Теперь ваша очередь.

— Моя?

— Верно. Я не такой бесчувственный, как вам кажется. Половина этих сокровищ должна была принадлежать вам. Только благодаря вам мы получили возможность вести здесь раскопки. И за это я вам благодарен, несмотря на неприятности, которые вы нам причинили. Не сомневаюсь, что вы захотите взглянуть на то, ради чего мы так напряженно работали.

Хэтч сделал глубокий вдох.

— Капитан, в моем кабинете есть счетчик Гейгера. Я не прошу, чтобы вы поверили мне на слово...

Нейдельман ударил его в челюсть. Удар был не слишком сильным, но невыносимая боль пронзила рот и отдалась в ухе Хэтча. Он упал на колени, краем глаза успев отметить, как исказилось гневом покрасневшее лицо капитана.

Нейдельман молча показал на железную плиту. Стритер схватил Хэтча за волосы и заставил опустить голову в отверстие.

Хэтч заморгал, пытаясь понять, что он видит. Светильник раскачивался, тени метались внутри небольшого помещения с железными стенами. Дно имело форму квадрата со стороной около десяти футов, железные стены покрылись ржавчиной, но оставались неповрежденными. Хэтч забыл о боли и о руке Стритера, державшей его за волосы. Забыл о Нейдельмане, забыл обо всем.

Еще мальчишкой он видел фотографию внутреннего помещения гробницы Тутанхамона. Бочонки, коробки, ларцы и ящики, стоявшие внизу, пробудили воспоминания о той фотографии.

Он видел, что когда-то сокровища были тщательно сложены и рассортированы людьми Окхема. Но время сделало свое дело. Кожаные мешки сгнили и лопнули, из них высыпались струйки золотых и серебряных монет. Из прогнивших бочек высыпались неограниченные изумруды, рубины, темные, как свиная кровь, сапфиры, мерцающие в неровном свете, топазы, аметисты, жемчужины, повсюду лежали алмазы, маленькие и крупные, ограненные и нет. Возле одной из стен были сложены слоновьи бивни и рога нарвала, потрескавшиеся и пожелтевшие. У другой Хэтч заметил рулоны материи — когда-то это были роскошные шелка; теперь ткань превратилась в черную золу с золотыми прожилками.

У третьей стены выстроились пирамидой небольшие деревянные ящики. Боковина одного из стоявших наверху отвалилась, и Хэтч увидел торцы золотых брусков — сотни, возможно, тысячи. Вдоль последней стены грудились ящики и сумки всех видов и размеров, некоторые из них развалились, и их содержимое высыпалось на пол, открыв взору множество церковных сокровищ: золотые кресты, инкрустированные жемчугом и самоцветами, щедро изукрашенные золотые кубки. Рядом лопнул еще один мешок — из него торчали золотые эполеты неудачливых капитанов.

А посреди красовался длинный свинцовый саркофаг, украшенный золотом и покрытый железными полосами, прикованными к полу. Массивный бронзовый замок частично скрывал

золотое изображение обнаженного меча, выгравированное на крышке.

Пока Хэтч смотрел вниз, еще один из мешков лопнул, и наружу хлынул поток золотых дублонов, растекаясь ручьями среди других сокровищ.

Затем доктора рывком поставили на ноги, и удивительное, кошмарное видение исчезло.

— Подготовьте все на поверхности, — приказал Нейдельман. — Сандра проследит за подъемом сокровищ. Два трейлера прицеплены к вездеходу, верно? Мы сумеем переправить большую часть сокровищ на «Грифон» за полдюжины поездок. Больше рисковать нельзя.

— А что делать с ним? — спросил Стритер.

Нейдельман лишь молча кивнул. На лице Стритера появилась довольная улыбка, и он поднял пистолет к голове Хэтча.

— Не здесь, — пробормотал Нейдельман. Ярость прошла, теперь он задумчиво смотрел в сторону сокровищ. — Все должно выглядеть как несчастный случай. Я не хочу, чтобы течение вынесло труп с пулей в голове. Отведи его в боковой туннель или...

Он помолчал.

— Пусть он отправляется к брату, — сказал Нейдельман, бросив короткий взгляд на Стритера, а потом вновь посмотрел в сторону сокровищ. — И, мистер Стритер...

Стритер молча повернулся к Нейдельману.

— Ты сказал, что Изобель могла уцелеть. Постарайся, чтобы этого не произошло.

ГЛАВА 52

Когда Бонтер осторожно взбиралась на наблюдательный пост, готовая мгновенно соскочить на землю, Рэнкин повернулся и увидел ее. На его бородатом лице появилась радостная улыбка, которая тут же исчезла, как только он получше пригляделся к напарнице.

— Изобель! — закричал он, подбегая к ней. — Ты совсем промокла. Что подери, что случилось? У тебя лицо в крови!

— Не имеет значения, — ответила Бонтер, стаскивая с себя плащ и свитера.

Она принялась выжимать промокшую насквозь одежду.

— Что произошло?

Бонтер посмотрела на него, размышляя о том, что ему можно рассказать.

— Лодка разбилась, — сказала она после короткой паузы.

— Господи. Но почему...

— Я все объясню позднее, — прервала она Рэнкина. — Ты видел Малина?

— Доктора Хэтча? — уточнил Рэнкин. — Нет. — С дальней приборной панели послышалось нетерпеливое гудение. — Здесь все пошло как-то странно. Около семи часов рабочие добрались до железной плиты, закрывавшей сокровища. Нейдельман распустил их по домам из-за приближающегося урагана. Потом попросил меня заменить Магнусен у мониторов. Вот только большая часть систем прекратила работу. Генераторы остановились, а аварийные батареи не способны принять на себя всю нагрузку. Мне пришлось отключить почти все блоки, которые не являются критическими. Связь с раскопками прервалась после того, как ударила молния и отключился спутниковый канал связи. Они не могут связаться с внешним миром.

Бонтер подошла к иллюминатору и посмотрела вниз. Водяная Бездна была погружена в темноту, лишь далеко внизу тускло светились огни. Бонтер наклонилась вперед — теперь она увидела переплетающиеся балки крепежа, слабо озаренные аварийным освещением.

— И кто же там сейчас? — спросила она.

— Только Нейдельман и Магнусен, насколько мне известно. Больше я никого не видел на мониторах. К тому же после того, как генераторы вышли из строя, камеры слежения перестали работать. — Он ткнул пальцем в направлении мониторов, на которых теперь были видны лишь помехи.

Однако Бонтер продолжала смотреть вниз.

— А где Стритер?

— Не видел его с тех пор, как вокруг острова вертелась вся эта компания ловцов омаров.

Бонтер отошла от стеклянной двери.

— Нейдельман сумел добраться до сокровищ?

— Как я уже говорил, мониторы больше не работают. Я могу судить о том, что происходит, только по показаниям приборов. Во всяком случае, локатор показывает, что весь грунт снят. Я пытался получить поперечное сечение...

Он смолк. Внезапно Бонтер ощутила легкую вибрацию, едва различимую дрожь. Она выглянула в окно, ей вдруг стало страшно. Однако сильно потрепанная дамба все еще сдерживала ярость моря.

— Какого дьявола? — выдохнул Рэнкин, глядя на экран локатора. „

— Ты это почувствовал? — спросила Бонтер.

— Почувствовал? Я могу это видеть.

— Что происходит?

— Будь я проклят, если знаю. Толчок слишком слаб, чтобы быть землетрясением, к тому же это совсем не похоже на продольные волны. — Он застучал по клавиатуре. — Ну вот, процесс прекратился. Могу спорить, что какой-то туннель начал провисать.

— Послушай, Роджер, мне нужна твоя помощь, — Бонтер положила влажный нейлоновый футляр на приборную панель и расстегнула молнию. — Ты когда-нибудь видел такое устройство?

Рэнкин продолжал смотреть на монитор сонара.

— Что это такое?

— Радиометр. Он предназначен для...

— Подожди минутку. Радиометр? — Рэнкин оторвался от монитора. — Какого черта. Да, я знаю, что это такое. Эти штуки ужасно дорогие. Где ты его раздобыла?

— Ты знаешь, как он работает?

— В общих чертах. Горнодобывающая компания, на которую я работал, использовала такие приборы для обнаружения залежей уранита. Однако они были не такими сложными, как этот.

Подойдя к Бонтер, он включил прибор и быстро набрал несколько команд на миниатюрной клавиатуре. На экране появилась трехмерная сетка.

— Нужно направить этот детектор, — сказал он, выдвигая похожее на микрофон устройство, — и тогда на экране возникнет карта залежей радиоактивных элементов. Интенсивность излучения определяется цветом. Голубой и зеленый соответствуют самому низкому уровню радиации, ну, а далее по спектру. Белый соответствует самой мощной радиации. Хм-м, эту штуку нужно откалибровать.

На экране появились голубые пятна.

Рэнкин нажал на несколько клавиш.

— Проклятье, слишком много помех. Наверное, он неисправен. Как почти все здесь.

— Прибор в полном порядке, — спокойно возразила Бонтер. — Просто он засек излучение, идущее от меча святого Михаила.

Рэнкин, прищурившись, посмотрел на Бонтер.

— Что ты сказала?

— Меч радиоактивен.

Рэнкин не спускал с нее глаз.

— Ты меня разыгрываешь.

— Вовсе нет. Все проблемы с оборудованием были вызваны радиоактивностью.

Бонтер быстро повторила рассуждения Хэтча, а Рэнкин смотрел на нее и молчал.

Закончив, она приготовилась выслушать возражения. Однако Рэнкин не сводил с нее глаз, его волосатое лицо покраснело. Затем он просветлел и решительно кивнул.

— Черт возьми, это единственное, что все объясняет. Интересно...

— У нас нет времени на предположения, — прервала его Бонтер. — Нельзя допустить,

чтобы Нейдельман открыл ящик, где спрятан меч.

— Да, — задумчиво проговорил Рэнкин. — Радиоактивность должна быть очень высокой, если она чувствуется даже на поверхности. Вот дерьмо, она может нас всех поджарить. Теперь становится понятным, почему так плохо работало оборудование. Удивительно, что локаатор...

Слова замерли у него на губах, когда Рэнкин повернулся к мониторам.

— Преподобный отец! — в изумлении пробормотал он.

ГЛАВА 53

Нейдельман в неподвижности застыл у основания Водяной Бездны. Над его головой негромко гудел лифт, увозящий Стритера и Хэтча. Вскоре платформа скрылась за балками крепи.

Нейдельман почти сразу забыл о лифте. Он посмотрел на Магнусен, которая вновь приникла к отверстию в железной плите и дышала прерывисто. Капитан молча отодвинул женщину в сторону — она казалась ужасно вялой, уставшей или сонной, — взял в руки трос и соскользнул вниз.

Нейдельман приземлился около саркофага, где находился меч; рядом с тихим шорохом сыпались потревоженные золотые монеты. Он не сводил глаз с ящика, не обращая внимания на ослепительные богатства, которые его окружали. Затем почти с благоговением опустился на колени, не отрывая взгляда от предмета своего вожделения.

Саркофаг был примерно пяти футов в длину и два в ширину, вдоль бортов тянулась серебряная гравировка, углы и ребра украшали золотые накладки. Ящик был прикован к железному полу сокровищницы четырьмя скрещенными железными цепями: на удивление грубая клетка для такого великолепного пленника.

Он присмотрелся внимательнее. Саркофаг стоял на когтистых золотых лапах — каждая в виде орлиного когтя, сжимающего сферу; барочная деталь явно была добавлена значительно позже. Да и весь ящик казался смешением множества стилей, берущих свое начало в тринадцатом веке и оканчивающихся ранним испанским барокко. Очевидно, это хранилище бесценного оружия украшали в течение нескольких веков, так что оно становилось все более великолепным.

Нейдельман протянул руку и коснулся изящной металлической отделки — с удивлением обнаружив, что металл почти теплый. Он просунул руку внутрь ящика и провел тонким пальцем по гладкому золоту. За последние годы не было и дня, когда бы он не представлял себе этого мгновения. Перед его глазами часто возникала эта сцена — он касается саркофага, открывает его и достает драгоценную реликвию.

Долгие часы он провел, пытаясь представить себе, как выглядит это оружие. Иногда ему виделся огромный римский меч из кованого сплава золота и серебра, возможно, меч самого Дамокла. В другие моменты он представлял варварский сарацинский меч из кованого золота с серебряным клинком или византийский палаш, инкрустированный самоцветами и такой тяжелый, что его даже трудно поднять. Он даже грезил о мече Саладина, привезенном рыцарем после крестового похода, который был сделан из лучшей дамасской стали и украшен бриллиантами с копеей царя Соломона.

Его переполняли эмоции от обилия и разнообразия вариантов — Нейдельман никогда не испытывал ничего подобного. «Вот что, наверное, чувствует человек, узревший Бога», — подумал он.

Капитан вспомнил, что у него мало времени. Он убрал руки с гладкого металла, взялся за стальные цепи, опутывавшие саркофаг, и потянул, сначала слабо, затем все сильнее. Однако цепи даже не шелохнулись. Удивившись, он решил, что они проходят сквозь отверстия в железном полу и прикреплены к чему-то внизу. Многочисленные предосторожности лишь подтверждали ценность того, что хранилось внутри.

Вытащив из кармана перочинный нож, он открыл лезвие и попытался соскоблить

ржавчину на одном из звеньев. Внизу оказалась блестящая сталь. Чтобы высвободить саркофаг, нужно будет воспользоваться сварочным аппаратом.

Его отвлек звук тяжелого дыхания. Он посмотрел вверх и увидел глядящую на него Магнусен.

В неровном свете аварийных ламп ее глаза лихорадочно блестели.

— Спусти вниз сварочный аппарат, — сказал он. — Мне нужно обрезать цепи.

Не прошло и минуты, как Магнусен тяжело спрыгнула на железный пол рядом с ним. Опустившись на колени, она смотрела на несметное море соковищ, забыв о сварке. Сначала нерешительно взяла горсть золотых дублонов и луидоров, пропустив сквозь пальцы, тут же быстро схватила другую горсть, потом еще и еще. Ее локоть задел за маленький деревянный ларец, который тут же рассыпался в пыль, во все стороны разлетелись бриллианты и сердолики. Ею неожиданно овладела паника, и она бросилась собирать камни, запихивать их в карманы — при этом начали рваться мешки с другими драгоценностями. Наконец она упала лицом вниз, зарываясь в бесценные груды соковищ, широко раскинув руки и ноги. Магнусен то ли смеялась, то ли плакала, понять было невозможно.

Потянувшись к ацетиленовой горелке, Нейдельман бросил короткий взгляд на помощницу и подумал, что пришло время спустить сюда бадью и начать вытаскивать соковища на поверхность. Затем его взгляд вернулся к саркофагу, и он тут же забыл о Магнусен.

Его пальцы сомкнулись на бронзовом замке, не дававшем открыть ящик. Уродливое устройство с герцогскими печатями, некоторые из них датировались четырнадцатым веком. Печати не были сломаны. «Значит, Оккем так и не извлек свое самое главное соковище, — подумал он. — Странно».

Эта честь досталась ему.

Несмотря на размер замка, крышка ящика слегка отошла; при помощи лезвия перочинного ножа капитану удалось приподнять ее на несколько миллиметров. Вытащив нож, он опустил крышку и вновь принялся исследовать цепи, проходящие через замок, чтобы отыскать оптимальное место для разрезов.

Нейдельман повернул запорный кран и включил горелку: с легким щелчком вырвалась тонкая струйка белого пламени. Все происходило словно в замедленной съемке, и это его даже обрадовало. Каждое мгновение, каждое движение наполняли душу ни с чем не сравнимым наслаждением. Пройдет некоторое время — минут пятнадцать или двадцать, — прежде чем он освободит саркофаг от цепей и сумеет взять в руки меч Но капитан знал, что будет помнить каждую секунду до самой смерти.

Он осторожно поднес пламя горелки к металлу.

ГЛАВА 54

Хэтч лежал на дне тесного каменного колодца в полубессознательном состоянии, словно пробуждаясь от сна. Он слышал, как у него над головой гремит складной лесенкой Стритер. Тусклый луч фонарика на короткое время осветил свод потолка в сорока футах над ним — там находилась пещера, где погиб Уопнер. Послышались тяжелые шаги Стритера, уходящего по узкому туннелю к лестницам, и вскоре наступила тишина, свет померк.

Несколько минут Малин неподвижно лежал на влажном холодном камне. Возможно, все это было сном, одним из тех кошмаров клаустрофобии, когда просыпаешься с огромным облегчением. Собравшись с силами, он сел, ударившись головой о низкий потолок. Вокруг царил непроглядная тьма, без малейшего проблеска света.

Он снова лег. Стритер ушел, не сказав ни слова. Начальник работ даже не стал связывать ему руки. Возможно, он хотел, чтобы смерть доктора не вызвала подозрений. Но в глубине души Хэтч понимал, что у Стритера не было необходимости связывать ему руки: взобраться по гладким скользким стенам колодца на высоту в тридцать футов не удалось бы никому. Через два или три часа соковища поднимут на поверхность и благополучно

переправят на борт «Грифона». А потом Нейдельман обрушит и без того уже еле держащуюся дамбу. Вода вновь затопит Бездну, туннели и пещеры... И колодец...

Неожиданно Хэтч почувствовал, как от ужаса мышцы сводит судорогой. Еще немного, и паника окончательно овладеет им. Он лежал, стараясь успокоить отчаянно бьющееся сердце. Воздух в колодце становился все тяжелее.

Хэтч откатился от свисавшего карниза туда, где он мог сидеть, привалившись спиной к холодному камню. Он вновь посмотрел вверх, пытаясь увидеть хотя бы крошечный проблеск света. Но его окружал мрак. Мелькнула мысль, что нужно попытаться встать, но даже от малейшего умственного усилия его охватила невыразимая усталость, и он вновь лег. При этом его правая рука попала в небольшое углубление, и пальцы сомкнулись на чем-то холодном, влажном и твердом.

На него нахлынула волна ужаса, полностью приведя в сознание. Он с рыданием выпустил кость Джонни.

Воздух был холодным и сырым, проникал сквозь мокрую одежду, застревал в горле. Хэтч вспомнил, что более тяжелые газы, такие, как двуокись углерода, опускаются вниз. Быть может, дышать будет немного легче, если он встанет.

Он заставил себя встать, держась руками за стену. Постепенно в голове прояснилось. Он попытался убедить себя, что у него еще остается надежда. Он руками исследует каждый дюйм колодца, созданного злым гением Макаллана. Джонни погиб именно здесь, и это значит, что рядом должен находиться ведущий к берегу туннель. Если он сумеет сообразить, как работала ловушка Макаллана, то у него появится шанс на спасение.

Прижавшись лицом к скользкой каменной стене, он поднял руки, стараясь достать как можно выше. Отсюда он начнет, двигаясь вдоль стены, систематически обследуя каждый квадрант, пока не получит полное представление о колодце. Легкими касаниями, словно слепой, он принялся ощупывать и простукивать стену, выискивая малейшие впадины и выступы, надеясь обнаружить полости.

В первом квадранте не нашлось ничего, кроме гладкого камня, хотя и с большим количеством выемок. Опустив руки, Малин принялся исследовать следующую секцию. Прошло пять минут, десять, он опустился на четвереньки, чтобы проверить пол.

Он изучил все участки колодца, до которых мог дотянуться — если не считать узкую расселину в полу, где лежали кости его брата. Нигде ни малейших намеков на путь к спасению.

Прерывисто дыша, Хэтч осторожно запустил руку под тяжелый камень. Его пальцы коснулись сгнившей бейсболки на черепе брата. Он отдернул руку, сердце судорожно заколотилось в груди.

Хэтч снова встал, подняв лицо вверх в надежде глотнуть свежего воздуха. Джонни хотел бы, чтобы Малин сделал все возможное и невозможное для спасения.

Он закричал, призывая помощь; сначала осторожно, потом громче. Хэтч попытался не думать о том, каким пустым выглядел остров; попытался забыть о Нейдельмане, готовящемся открыть саркофаг; попытался забыть обо всем, сосредоточившись только на крике о помощи.

И пока он кричал, делая небольшие паузы, чтобы перевести дыхание, мужество неожиданно покинуло его. Плохой воздух, темнота, отвратительный запах Бездны, близость останков брата — все вместе вдруг отбросило его на тридцать один год назад. Давно похороненные воспоминания вернулись, и он вновь оказался на коленях с гаснувшей спичкой в руке, и вновь раздался странный звук, и Джонни навсегда исчез из его жизни.

И тогда, в непроглядном мраке, крики Хэтча перешли в пронзительный визг.

ГЛАВА 55

— Что это? — спросила Бонтер, не выпуская из руки радиометр.

Рэнкин поднял руку, призывая Изабель к молчанию.

— Подожди минутку. Нужно сделать поправку на фон.

Его голова, освещенная янтарным светом, находилась всего в нескольких дюймах от экрана.

— Господи, — тихо сказал он. — Вот оно. И никаких ошибок. Обе системы согласуются.

— Роджер...

Рэнкин отвернулся от экрана и провел рукой по волосам.

— Посмотри сюда.

Бонтер взглянула на экран, путаница подрагивающих линий была подчеркнута широкой черной полосой. Рэнкин повернулся к ней.

— Черное показывает пустоту под Водяной Бездной.

— Пустоту?

— Огромную пещеру, скорее всего заполненную водой. Один только бог знает, насколько она глубока.

— Но...

— Раньше мне не удавалось ее увидеть из-за того, что Бездна была наполнена водой. А потом мне не удавалось заставить датчики работать так, как надо. До этого момента.

Бонтер нахмурилась.

— Ты не понимаешь? Это пещера! Нам и в голову не приходило заглянуть глубже Водяной Бездны. Сокровищница, сама Бездна — и мы сами, будь я проклят — сидим на верхушке дьявольского соляного купола. И это объясняет ошибки аппаратуры, смещение, вообще все.

— И это тоже дело рук Макаллана?

— Нет, он лишь использовал естественную пещеру, образовавшуюся в соляном куполе. Это такая геологическая формация, возникающая, когда накопившийся под прочими осадочными породами мощный пласт соли из-за каких-то подвижек в земной коре превращается в вязкую жидкость и начинает всплывать, вспучивая все остальные слои, залегающие выше. — Рэнкин сложил руки вместе, словно в молитве, затем поднял одну из них к потолку. — Он может расщепить даже скалу над собой, создав огромную сеть трещин, обычно вертикальных, — скважин, уходящих глубоко в землю, иногда на тысячи футов. Эти продольные волны, вибрация, что-то определенно происходит с куполом, вызывая резонанс. Должно быть, это те же подструктуры, которые в давние времена создали естественные пещеры, а Макаллан...

Бонтер подскочила от неожиданности, потому что радиометр в ее руках вдруг запищал. У нее на глазах голубые тона стали переходить в желтые.

— Дай мне посмотреть.

Рэнкин набрал серию команд, из-за его огромных пальцев миниатюрная клавиатура казалась совсем детской.

Верхняя часть экрана очистилась, и появилось сообщение:

ОТМЕЧЕН ОПАСНЫЙ УРОВЕНЬ РАДИАЦИИ УТОЧНИТЕ МЕРУ ИЗМЕРЕНИЯ
(ИОНИЗАЦИЯ / ДЖОУЛИ / РАД),
И СКОРОСТЬ (СЕКУНДЫ / МИНУТЫ / ЧАСЫ).

Рэнкин нажал еще на несколько клавиш.

240,8 РАД/ЧАС.

ОТМЕЧЕН ПОТОК БЫСТРЫХ НЕЙТРОНОВ ВОЗМОЖНО РАДИАЦИОННОЕ
ЗАРАЖЕНИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ: НЕМЕДЛЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ.

— Merde. Уже слишком поздно.

— Слишком поздно для чего?

— Он открыл контейнер.
Сообщение на экране изменилось:

13,144 РАД/ЧАС
ОПАСНЫЙ ФОНОВЫЙ УРОВЕНЬ;
РЕКОМЕНДАЦИЯ:
СТАНДАРТНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ.

— Что произошло? — спросил Рэнкин.

— Не знаю. Возможно, он снова закрыл крышку.

— Я попытаюсь выяснить радиационные характеристики источника. — Геолог вновь принялся набирать команду. Потом выпрямился, не сводя глаз с маленького экрана. — О господи, — пробормотал он. — Поверить не могу.

Его прервал стук со стороны наблюдательной площадки. Дверь распахнулась, и появился Стритер.

— Привет, Лайл! — сказал Рэнкин, еще не видя пистолета в руке Стритера.

Стритер перевел взгляд с Рэнкина на Бонтер.

— Пошли, — сказал он, показывая пистолетом в сторону двери.

— Куда пошли? — удивился Рэнкин. — И зачем тебе пистолет?

— Мы отправляемся на небольшую прогулку, втроем, — ответил Стритер, кивая в сторону окна.

Бонтер засунула радиометр под свитер.

— Ты говоришь о Бездне? — недоверчиво спросил Рэнкин. — Там ужасно опасно! Все покрыто...

Стритер приставил пистолет к правой руке Рэнкина и выстрелил.

Звук выстрела прозвучал оглушительно в замкнутом пространстве Ортханка. Бонтер инстинктивно отвернулась. Когда она вновь посмотрела на Рэнкина, тот стоял на коленях и сжимал правую руку левой. Тонкие струйки крови стекали на металлический пол.

— Теперь ты сможешь держаться только одной рукой, — сказал Стритер. — И если хочешь ее сохранить, то прикрой свою грязную волосатую пасть.

И он вновь показал пистолетом в сторону двери. Рэнкин со стоном поднялся на ноги, перевел взгляд со Стритера на пистолет и медленно двинулся к двери.

— Теперь ты, — сказал Стритер, кивая Бонтер. Убедившись, что радиометр надежно спрятан у нее под свитером, она встала и последовала за Рэнкином.

— Будьте очень осторожны, — сказал Стритер, не опуская пистолета. — Нам предстоит долгий путь вниз.

ГЛАВА 56

Хэтч прислонился к стене; страх покинул его вместе с последними надеждами, горло саднило от крика. Воспоминания о том, что много лет назад произошло в этом туннеле, вернулись к нему, но у него не оставалось сил, чтобы осмыслить исчезающие фрагменты. Воздух душил, словно отвратительно пахнущее одеяло, и он потрянул головой, пытаясь избавиться от настойчивого голоса брата:

— Где вы? Где ты?

Хэтч простонал и опустился на колени, не отрывая щеки от шероховатого камня, пытаясь вернуть себе ясность мысли. Голос не смолкал.

Хэтч отвел лицо от стены и прислушался.

Вновь послышался голос.

— Эй? — осторожно позвал Хэтч в ответ.

— Где вы? — донесся приглушенный вопрос.

Хэтч повернулся, ощупал стены, пытаясь сориентироваться. Казалось, звук шел из-за

камня, под которым покоились кости его брата.

— С вами все в порядке? — спросил голос.

— Нет! — закричал Хэтч. — Нет! Я в ловушке!

Голос то приближался, то удалялся. Возможно, подумал Хэтч, это он сам теряет сознание и вновь приходит в себя.

— Как вам помочь? — вновь слышался голос.

Хэтч отдышал, обдумывая, что ответить.

— Где вы? — наконец спросил он.

Прилив адреналина помог вернуть ясность сознания, но Хэтч понимал, что это ненадолго.

— В туннеле, — ответил голос. — В каком туннеле?

— Я не знаю. Он ведет от берега. Моя лодка разбилась, но я спасся. Благодаря чуду.

Хэтч некоторое время отдышал, пытаясь глубоко вдохнуть оставшийся воздух. Получалось, что обладатель голоса находился в туннеле Джонни.

— Где вы застряли? — продолжал спрашивать голос.

— Подождите! — закричал Хэтч, тяжело дыша, стараясь оживить старые воспоминания.

Что он видел?

...Там была дверь, дверь с печатью на ней. Джонни сломал печать и вошел. Порыв ветра из туннеля погасил свет... Джонни закричал от удивления и боли... слышался странный звук... Он достал следующую спичку, зажег ее, увидел перед собой неумолимую стену, испачканную струями крови у основания и у щели, где она смыкалась с полом. Казалось, кровь сочится из щелей все сильнее и сильнее, а потом красная волна подобралась к его кроссовкам...

Хэтч провел по лицу дрожащей рукой, потрясенный яркостью и силой воспоминаний.

Порыв ветра из туннеля возник в тот момент, когда Джонни распахнул дверь. Но когда Хэтч зажег следующую спичку, перед ним была лишь каменная стена, а брат исчез. Значит, туннель продолжался за камнем. То, что он вошел внутрь, или открыл дверь, или сломал печать — что-то, — заставило сработать ловушку Макаллана. Массивная каменная плита переместилась вдоль туннеля, утащив за собой Джонни, в результате его тело попало в ту расселину. А проход оказался плотно закрытым. Других объяснений быть не могло. Колодец, помещение, в котором Хэтч сейчас находился, небольшая пещера у него над головой — все это было частью механизма ловушки.

И Макаллан — или Рыжий Нед Окхем — не хотел, чтобы кто-то помешал этой ловушке сработать. Поэтому в пещере наверху была устроена еще одна ловушка. О чем Уопнер узнал ценой своей жизни.

— Вы еще там? — слышался голос.

— Пожалуйста, подождите, — выдохнул Хэтч, пытаясь довести свои рассуждения до конца.

Вероятно, туннель, который обнаружили они с Джонни, был тайным входом для Окхема — задняя дверь в сокровищницу. Но если охотники за сокровищами найдут этот идущий от берега туннель, Макаллан должен был их остановить. Очевидно, именно для этого он и устроил ловушку, убившую Джонни. Мощная каменная плита должна была раздавить непрошеного гостя, не знавшего всех секретов. Когда тщательно обработанная плита вставала на место, создавалось впечатление, что это конец туннеля...

Хэтч изо всех старался сконцентрироваться на задаче. Получалось, что после осушения Бездны Окхему потребовалось бы вновь зарядить ловушку и поставить плиту на прежнее место, чтобы можно было пройти к сокровищам. Конечно, у Макаллана были свои планы относительно будущего Окхема после того, как тот доберется до Бездны. Но пират должен был верить, что у него есть доступ к сокровищам.

Значит, ловушка должна работать на простом шарнирном механизме, а камень — подчиняться небольшому нажатию... скажем, достаточно веса ребенка...

Но тогда почему никто случайно не зарядил ловушку заново во время отчаянных поисков Джонни тогда, тридцать один год назад?..

— Эй! — закричал Хэтч. — Вы еще здесь?

— Да, я рядом. Как я могу помочь?

— У вас есть свет? — крикнул Хэтч.

— Да, фонарик.

— Посмотрите по сторонам и расскажите, что видите.

Последовала небольшая пауза.

— Я нахожусь в конце туннеля. С трех сторон меня окружают сплошные каменные стены.

Хэтч открыл рот, откашлялся и стал дышать не так глубоко.

— Расскажите мне о камне.

— Крупные камни.

— С трех сторон?

— Да.

— Есть какие-то выемки или углубления? Что-нибудь?

— Нет, ничего.

Хэтч попытался максимально напрячь умственные способности.

— А как насчет потолка? — спросил он.

— Здесь большая каменная перемычка и старые дубовые балки.

— Попробуйте балки. Они твердые?

— Вроде бы.

Наступило молчание, Хэтч пытался вдохнуть воздух.

— А как насчет пола?

— Он покрыт грязью. Ничего толком не видно.

— Тогда нужно очистить грязь.

Хэтч ждал, стараясь не потерять сознание.

— Пол выложен каменными плитами, — слышался голос.

Хэтч почувствовал слабый проблеск надежды.

— Плиты маленькие?

— Да.

Надежда засияла ярче.

— Посмотрите внимательно. Отличаются ли они друг от друга?

— Нет.

Надежда стала угасать. Хэтч широко открыл рот, мучительно глотая воздух.

— Подождите. Здесь что-то есть. В центре плиты камень, он неровной формы. Он конусообразный, немного напоминает замочную скважину. Так мне кажется.

Хэтч поднял голову.

— А вы можете отодвинуть его в сторону?

— Сейчас попробую. — Короткая пауза. — Нет, он сидит плотно, а почва вокруг него тверда, как гранит.

— У вас есть нож?

— Нет, но подождите немного, я попробую кое-что еще.

До Хэтча донесся негромкий скребущий звук.

— Есть! — слышался возбужденный голос. — Я поднимаю. — Наступила пауза. — Здесь какой-то механизм, деревянная палка, похожая на рычаг, или что-то в этом роде.

«Должно быть, рукоять шарнирного механизма», — сонно подумал Хэтч.

— Вы можете ее повернуть? Переместить в исходное положение?

— Нет, — последовал ответ. — Она застряла.

— Попробуйте еще раз! — из последних сил крикнул Хэтч.

В наступившей тишине в ушах у него загудело все громче и громче; он прислонился к холодному камню, пытаясь приподняться, но сил уже не осталось, и он потерял сознание.

Возник свет и голос, и Хэтч вернулся издалека. Он потянулся к свету, опираясь на влажный камень, но рука соскользнула, и он упал, разбросав в стороны кости Джонни. Он втянул в себя воздух — свежий воздух, пропитанный ароматом моря. Похоже, он вывалился в более широкий туннель, когда плита, раздавившая его брата, встала на прежнее место.

Хэтч попытался заговорить, но из горла вырвался лишь хрип. Он посмотрел на свет, стараясь сфокусировать взгляд, и с трудом поднялся на колени. На него смотрел преподобный Клей, нос которого был покрыт засохшей кровью. В руке священник сжимал фонарь.

— Вы! — разочарованно произнес Клей.

На шее пастора висел большой тонкий крест из блестящего металла, один из концов которого был покрыт грязью.

Хэтч пошатнулся, продолжая жадно вдыхать изумительно свежий воздух. Силы постепенно возвращались к нему, но он еще не мог говорить.

Клей спрятал крест под одежду и подошел ближе, остановившись перед низким дверным проемом — много лет назад перед ним стоял сам Хэтч.

— Я укрылся от непогоды в начале туннеля и услышал ваши крики, — сказал священник. — С третьей попытки мне удалось сдвинуть рычаг, и задняя стена туннеля отошла в сторону, открыв эту дыру. Что это такое? И что вы здесь делаете? — Он присмотрелся повнимательнее, осветив замкнутое пространство фонариком. — И что это за кости, которые вылетели наружу вместе с вами?

Хэтч протянул руку. После коротких колебаний Клей помог ему подняться на ноги.

— Благодарю вас, — прохрипел Хэтч. — Вы спасли мне жизнь.

Клей раздраженно отмахнулся от него.

— Это туннель, где погиб мой брат. Вы видите его кости.

Глаза Клея широко раскрылись.

— Мне очень жаль, — быстро проговорил он, отводя в сторону фонарь.

— Вы видели еще кого-нибудь на острове? — нетерпеливо спросил Хэтч. — Молодую женщину в дождевике? С темными волосами?

Клей покачал головой.

Хэтч закрыл глаза и глубоко вздохнул. Потом показал на открывшийся туннель.

— Этот туннель ведет к Водяной Бездне. Капитан Нейдельман находится среди сокровищ. Мы должны его остановить.

Клей нахмурился.

— Почему?

— Он собирается открыть ящик, где лежит меч святого Михаила.

Священник с подозрением посмотрел на него. А Хэтч зашелся в мучительном приступе кашля. Наконец он смог продолжать:

— Я узнал, что меч смертельно опасен. Он радиоактивен.

Клей скрестил руки на груди.

— Он может убить всех находящихся на острове, возможно, даже половину населения Стормхейвена.

Священник продолжал молча смотреть на Хэтча.

— Послушайте, — сглотнув, сказал Хэтч. — Вы были правы. Нам не следовало начинать раскопки. Но сейчас уже слишком поздно. Я не в силах остановить это в одиночку.

Неожиданно лицо священника преобразилось, но Хэтч сначала не понял, что это может означать. Потом сформулировал для себя: оно наполняется внутренним светом.

— Кажется, я начинаю понимать, — пробормотал Клей.

— Нейдельман послал человека, который должен был меня убить, — сказал Хэтч. — Он спятил.

— Да, — с жаром заговорил Клей. — Да, конечно, так оно и есть.

— Нам лишь остается надеяться, что мы еще не опоздали. — Хэтч осторожно обошел кости. — Покойся с миром, Джонни, — едва слышно проговорил он.

И быстро зашагал по узкому, уходящему вниз туннелю, а Вуди Клей поспешно последовал за ним.

ГЛАВА 57

Джерард Нейдельман неподвижно стоял на коленях перед саркофагом. Казалось, время остановилось. Железные цепи, окружавшие металлический ящик, были аккуратно разрезаны одна за другой. Когда огонь ацетиленовой горелки разрезал каждую следующую цепь, она падала вниз сквозь прорезь в металлическом полу. Теперь оставалась последняя цепь, проходившая через замок и покрытая толстым слоем ржавчины.

Замок был взрезан, печати сломаны. Меч в его распоряжении.

Однако Нейдельман медлил, положив пальцы на крышку. Все его чувства обострились. Он ощущал себя живым и удовлетворенным — ему и в голову не приходило, что эти чувства могут быть столь острыми. Вся его прошлая жизнь представлялась сейчас бесцветным ландшафтом; казалось, вся она прошла только для того, чтобы подготовить его к этому моменту.

Он сделал несколько медленных вдохов. Легкая дрожь — возможно, это трепетало его сердце — пронизала тело капитана. Наконец он медленно поднял крышку.

Внутренняя часть саркофага оставалась в тени, но внутри он увидел слабое сияние самоцветов. Из гроба исходил теплый аромат мирры.

Меч лежал на благоухающем бархате. Нейдельман протянул руку, его пальцы скользнули по золотому эфесу и легли на рукоять. Сам клинок был спрятан в великолепных золотых ножнах, инкрустированных самоцветами.

Он осторожно вытащил ножны и меч из саркофага. Бархат, на котором лежал меч, рассыпался в пурпурную пыль.

Он поднял меч — с удивлением отметив его тяжесть — и осторожно поднес к свету.

Ножны и рукоять из тяжелого золота были византийской работы восьмого или девятого века, исключительно редкого дизайна. Меч больше походил на рапиру. Чеканка и филигрань были удивительно тонкими; за долгие годы изучения Нейдельману ни разу не удавалось видеть такой прекрасной работы.

Он поднял ножны и развернул их так, чтобы они отразили свет, чувствуя, что сердце готово остановиться. Поверхность ножен была покрыта неограниченными сапфирами потрясающей глубины, цвета и чистоты. Неужели в мире существуют такие богатые оттенки цвета?

Потом капитан обратил внимание на рукоять. Гарду и поперечину украшали четыре удивительных рубина, каждый никак не меньше, чем знаменитый «Де Лонга», который, насколько знал Нейдельман, считался самым безупречным из всех существующих самоцветов. Однако в головку эфеса был врезан огромный рубин, двойная звезда, превосходящий «Де Лонгу» размером, цветом и симметрией. Камня такого качества, решил Нейдельман, нет нигде на земле.

Кроме того, рукоять украшали сапфиры, блистающие настоящей радугой — черные, оранжевые, темно-синие, белые, зеленые, розовые и желтые, и каждый был идеальной двойной звездой. И вновь Нейдельман отметил, что ему еще никогда не приходилось видеть цвета такой необыкновенной чистоты. Даже в самых лихорадочных снах не представлял он себе подобных самоцветов. Каждый был уникален, каждый стоил бы на рынке огромных денег. Но все вместе, в сочетании с византийской работой — да ценность этого меча колоссальна, ни с чем не сопоставима. Подобных предметов попросту не существовало прежде — и никогда не будет существовать.

С абсолютной ясностью Нейдельман понял, что его представления о мече оказались верными. Он не переоценил его великолепия. Перед ним артефакт, который может изменить

мир.

Наконец пришло мгновение, которого он столько ждал. Рукоять и ножны были исключительными: клинок должен оказаться несравненным. Взяв рукоять правой рукой, а ножны левой, он начал очень медленно вытаскивать меч.

Поток удовольствия сменился сначала недоумением, затем потрясением, наконец разочарованием. Из ножен вышел жалкий плоский и уродливый кусок металла. Он был покрыт ржавчиной и испещрен пятнами, окислами странного пурпурно-черного цвета, с включениями какой-то белой субстанции. Нейдельман вытащил весь клинок и некоторое время изучал его — впрочем, слово «клинок» едва ли к нему подходило. Капитан отстранение подумал о том, что это может значить. В течение последних лет он представлял этот момент сотню, тысячу раз. И всякий раз меч выглядел иначе.

Но никогда не был таким.

Протянув руку, он провел ею по шершавому металлу, оказавшемуся неожиданно теплым. Быть может, меч попал в пожар и сгорел, после чего к нему приделали новую рукоять. Но каким должен был быть такой огонь? И из какого металла сделано лезвие? Не железо — ржавое железо становится оранжевым — и не серебро, которое чернеет от окислов. Золото и платина вообще не окисляются. Да и для олова или других основных металлов меч был слишком тяжелым.

Какой металл, окисляясь, становится пурпурным?

Он вновь повернул меч и рассек им воздух, вспоминая христианскую легенду об архангеле святом Михаиле.

У него появилась идея.

Поздней ночью ему несколько раз снилось, что меч, захороненный на дне Водяной Бездны, — это меч из легенды, принадлежавший самому святому Михаилу, победителю Сатаны. И во сне, когда он смотрел на меч, на него снизошло ослепительное озарение, как на святого Павла на дороге в Дамаск. Станным образом Нейдельмана утешало, что его богатое воображение в этом месте всякий раз давало сбой. Он никак не мог представить, почему в древних документах меч всегда упоминался с таким благоговением и ужасом.

Но если святой Михаил — архангел меча — действительно сражался с Сатаной, его оружие могло быть обожжено и расплавлено во время битвы. Такой меч будет отличаться от любого другого.

И сейчас он держал его в руках.

Он посмотрел на древнее оружие другими глазами, удивление, страх и неуверенность боролись в нем. Если это такой меч — а какие еще объяснения возможны? — это было доказательством существования другого мира, отличного от материального. Возвращение меча будет грандиозным событием.

Да, да, кивнул он. С этим мечом он сможет очистить мир, сможет смести с лица земли духовное банкротство, нанесет смертельный удар гнивающим религиям и умирающему духовенству, установит нечто новое для следующего тысячелетия. Меч попал к нему в руки совсем не случайно; он заслужил его потом и кровью, доказал, что достоин его. Меч был доказательством, о котором он мечтал всю жизнь: его сокровище, превосходящее все земное.

Дрожащей рукой он опустил тяжелое оружие на открытую крышку саркофага. И вновь его поразил контраст между сверхъестественным великолепием рукояти и отвратительным уродством клинка. Но теперь он находил в этом уродстве особую прелесть, оно казалось проявлением святости.

Теперь меч принадлежал ему. У него будет сколько угодно времени для размышлений — быть может, когда-нибудь он сумеет понять его странную и ужасную красоту.

Он осторожно засунул клинок обратно в ножны, и его взгляд вновь упал на саркофаг. Да, он доставит ящик на поверхность вместе с мечом, поскольку его история неотделима от истории хранившегося в нем сокровища. Бросив взгляд через плечо, он с удовлетворением заметил, что Магнусен наконец опустила бадью и начала — медленно, как автомат, — складывать в нее мешки с монетами.

Он вновь обратил свое внимание на саркофаг — осталась последняя железная цепь, удерживающая его сбоку. Нейдельману вдруг показался странным такой способ крепления ящика. Гораздо проще было бы приделать цепи к полу, а не пропускать их вниз. Интересно, к чему они прикреплены там, снизу?

Он отошел на шаг и ударом ноги освободил саркофаг от последнего участка цепи. Цепь соскользнула с края ящика и устремилась вниз с удивительной быстротой, словно к ней был прикреплен большой вес.

Неожиданно железный пол под ногами капитана содрогнулся, и все помещение сильно накренилось. Правая часть пола резко ушла вниз, словно самолет, попавший в турбулентные потоки. Сгнившие корзины, мешки и бочки, стоявшие вдоль левой стены, попадали на пол, во все стороны разлетелись самоцветы, золотая пыль, жемчужины. Золотые бруски с грохотом рухнули вниз. Нейдельмана отбросило на саркофаг, и он потянулся к рукояти меча, в ушах у него звенело от пронзительных криков Магнусен, а в глазах застыло удивление.

ГЛАВА 58

Под завывание электрического мотора они опускались на лифте в Бездну. Стритер стоял в углу с пистолетом в руке, заставляя Рэнкина и Бонтер находиться у противоположного края платформы.

— Лайл, ты должен выслушать, — взмолилась Бонтер. — Роджер утверждает, что под нами огромная пропасть. Он все видел на экране локатора. Бездна и сокровищница построены над...

— Можешь рассказать об этом своему дружку Хэтчу, — оборвал ее Стритер. — Если он все еще жив.

— Что ты с ним сделал?

Стритер поднял дуло пистолета.

— Я знаю, что вы планировали.

— Mon dieu, ты спятил...

— Заткнись. Я понял, что Хэтчу нельзя доверять, в тот самый момент, когда его увидел. Иногда капитан бывает наивным. Он хороший человек и верит людям. Вот почему он всегда нуждался во мне. А я ждал своего часа. И оказалось, что я прав. Что касается тебя, сучка, то ты встала не на ту сторону. Как и ты.

Стритер повел дулом пистолета в сторону Рэнкина. Геолог стоял на краю платформы, держась здоровой рукой за поручень; раненую руку он зажал под мышкой.

— Ты рехнулся, — сказал Рэнкин.

Бонтер посмотрела на него. Огромный человек-медведь, обычно приветливый и добродушный, сейчас был полон ярости.

— Неужели так ничего и не понял? — угрюмо продолжал Рэнкин. — Эти сокровища в течение сотен лет находились под воздействием радиации. От них никакого толку.

— Если ты не заткнешь пасть, это сделает мой сапог, — заявил Стритер.

— Мне плевать, что ты сделаешь, — ответил Рэнкин. — Меч все равно нас всех прикончит.

— Бред собачий.

— Это не бред. Я видел показания прибора. Уровень радиации, исходящий от ящика, огромен. Когда Нейдельман вытащит меч наружу, мы все покойники.

Они миновали платформу на уровне пятидесяти футов, титановые брусья тускло поблескивали в свете аварийных ламп.

— Ты думаешь, я идиот, — прорычал Стритер. — Или трусил и готов сказать все, что угодно, лишь бы спасти свою задницу. Этому мечу лет пятьсот, не меньше. Ничто на земле не может так долго быть источником природной радиации.

— Ничто на Земле. Совершенно верно. — Рэнкин наклонился вперед, с его густой бороды капала вода. — Меч был сделан из гребаного метеорита.

— Что? — выдохнула Бонтер.

Стритер рассмеялся и встряхнул головой.

— Радиометр определил излучение изотопа иридий-80. Это тяжелый изотоп иридия с высокой радиоактивностью. — Рэнкин сплюнул на пол лифта. — Иридий крайне редко встречается на Земле, но обычен в железно-никелевых метеоритах. — Рэнкин согнулся от боли, когда его изувеченная рука коснулась поручня.

— Стритер, ты должен поговорить с капитаном, — твердо произнесла Бонтер.

— И не подумаю. Капитан всю жизнь стремился к этому сокровищу. Просто бредил им. Сокровище принадлежит ему, а не какому-то геологу с волосатой задницей, который присоединился к нашей команде всего три месяца назад. И не французской шлюхе. Оно принадлежит капитану.

В глазах Рэнкина вспыхнула лютая ярость.

— Ты жалкий ублюдок.

Губы Стритера сжались в тонкую белую линию, и он ничего не ответил.

— Вот что я тебе скажу, — заявил Рэнкин. — Капитан плевать хотел на тебя. Сейчас ты нужен ему еще меньше, чем во Вьетнаме. Неужели ты думаешь, что он спасет твою жизнь сейчас? Забудь об этом. Сегодня его интересует только проклятое сокровище. Ты всего лишь история.

Стритер поднял пистолет и прицелился в лоб Рэнкина.

— Ну, давай, — горячился Рэнкин. — Или пристрели меня, и покончим с этим, или брось пистолет, и мы встретимся как мужчина с мужчиной. Я надеру твою жалкую задницу даже одной рукой.

Стритер отвел пистолет к поручням и выстрелил. На стены шахты полетели брызги крови, когда Рэнкин отдернул раненую руку. Геолог упал на колени, крича от боли и ярости, его средний и указательный пальцы повисли на кусочке кожи. Стритер принялся наносить короткие, точно рассчитанные удары по лицу Рэнкина. Бонтер закричала и бросилась на Стритера.

Неожиданно из глубин донесся глухой грохот. Через долю секунды платформа содрогнулась. Рэнкина отбросило назад, он не мог держаться ранеными руками, и Бонтер схватила его за воротник рубашки, чтобы геолог не свалился с площадки. Первым пришел в себя Стритер, и к тому моменту, когда Бонтер поднялась на ноги, он уже стоял, одной рукой сжимая перила, а другой — направленный на них пистолет. Все сооружение отчаянно тряслось, титановые брусья протестующе скрипели. Снизу доносился рев несущейся воды.

Лифт со скрежетом остановился.

— Не двигаться! — предупредил Стритер.

Платформа вновь качнулась, аварийный свет моргнул. Откуда-то сверху упал болт, срикошетил о площадку лифта и скатился вниз.

— Началось, — хрипло сказал Рэнкин, скорчившийся на полу. Он прижимал окровавленные руки к груди.

— Что началось? — закричала Бонтер.

— Бездна проваливается в разошедшуюся складку. Самый подходящий момент.

— Заткнись и прыгай вниз. — Стритер махнул пистолетом в сторону платформы на отметке в сто футов, силуэт которой вырисовывался несколькими футами ниже лифта.

Еще один толчок заставил лифт дрогнуть и наклониться еще сильнее. Снизу дохнуло холодом.

— Подходящий момент? — закричала Бонтер. — Это не просто совпадение. Это тайная ловушка Макаллана.

— Я сказал, заткнитесь.

Стритер толкнул женщину, и ей пришлось отступить на два шага к краю.

Бонтер потеряла равновесие и вынуждена была прыгнуть вниз, на платформу под ними. Она не пострадала, но, подняв глаза, увидела, как Стритер бьет Рэнкина ногами в живот. После третьего удара геолог тяжело рухнул на платформу рядом с Изобель. Она

бросилась к нему, чтобы помочь, но Стритер уже ловко спустился к ним.

— Не прикасайся к нему, — сказал он, угрожающе наведя на нее пистолет. — Мы идем туда.

Бонтер посмотрела вниз. Мостик, соединяющий лестницу с туннелем Уопнера, дрожал. Вся конструкция вновь дернулась. Аварийное освещение погасло, паутина стоек исчезла в темноте.

— Вперед, — прошипел Стритер в ухо Бонтер.

Но тут он застыл на месте. Даже в темноте Бонтер почувствовала, как он напрягся.

Затем она поняла, что вызвало такую реакцию Стритера: снизу к ним приближался слабый луч света.

— Капитан Нейдельман? — позвал Стритер, но ответа не последовало.

— Это вы, капитан? — вновь крикнул Стритер, стараясь перекрыть идущий снизу рев воды.

Свет приближался, но его яркость мешала разглядеть фигуру поднимающегося человека.

— Эй, ты, там внизу! — закричал Стритер. — Покажи свое лицо, или я буду стрелять!

До них донесся приглушенный голос, слабый и неразборчивый.

— Капитан?

Свет был уже совсем рядом, до него оставалось около двадцати футов. А потом он погас.

— Господи, — пробормотал Стритер, прижимаясь спиной к перилам трясущейся платформы и расставив пошире ноги. Пистолет он держал двумя руками, направив его вниз. — Кем бы ты ни был, — завопил он, — сейчас я...

Но не успел он закончить фразу, как на противоположной стороне платформы возникла темная фигура.

Застигнутый врасплох Стритер повернулся и выстрелил, вспышка осветила Хэтча, который нанес Лайлу быстрый удар в живот.

Вслед за апперкотом последовал прямой в челюсть. Стритер отшатнулся, но Хэтч прыгнул вперед, схватил его за рубашку и развернул. Начальник работ попытался вырваться, но Хэтч дважды ударил его в лицо. Со вторым ударом нос Стритера хрустнул, и Бонтер ощутила запах крови.

Стритер застонал и обмяк. Хэтч ослабил хватку, но тут же получил удар коленом в пах и, вскрикнув от боли, упал. Стритер метнулся к пистолету, Хэтч, собрав силы, ногами толкнул противника.

Однако Стритеру удалось подхватить пистолет, а Хэтч, успев за секунду встать, метнулся к дальнему краю платформы. Раздался выстрел, пуля ударила в титановую балку слева. Хэтч прыгнул в другую сторону, и вторая пуля с визгом отскочила от соседней балки. Послышалось низкое рычание — Стритер пытался отделаться от Бонтер, схватившей его сзади. Хэтч бросился к ним, но негодяй сильно ударил женщину тыльной стороной ладони, отбросив в сторону входа в туннель. Быстрый, как кошка, Стритер вновь поднял пистолет.

Хэтч замер, его кулак застыл в воздухе, взгляд устремился к дулу пистолета. Начальник работ смотрел на Хэтча и улыбался, кровь из носа окрасила его зубы в красный цвет.

Затем он начал крениться в сторону — Рэнкин, не в состоянии воспользоваться руками, сумел приподняться и теперь телом толкал Стритера к краю металлического мостика. Несколько мгновений казалось, что Лайл сейчас упадет, но он восстановил равновесие и, когда Хэтч собрался нанести удар, направил на Рэнкина пистолет и выстрелил в упор.

Голова геолога дернулась, темная струя крови брызнула в туннель. Рэнкин рухнул на металлический пол.

Однако кулак Хэтча уже пришел в движение и въехал в челюсть Стритера, когда тот повернулся обратно. Стритера отбросило на поручни, раздался протестующий скрежет металла. Хэтч прыгнул вперед и толкнул его двумя руками в грудь. Поручни не выдержали, он оказался в воздухе, отчаянно размахивая руками в поисках опоры. Послышался крик

удивления или боли; раздался выстрел; потом Хэтч различил тяжелый удар тела о металл. А еще через несколько мгновений до него долетел звук всплеска, почти заглушённого ревом воды.

Вся схватка продолжалась меньше минуты.

Хэтч, задышавшись, поднялся на ноги. Он подошел к неподвижному телу геолога; Бонтер уже склонилась над Рэнкином. Вспышка молнии, отразившаяся от множества металлических брусьев, показала, что Рэнкину уже ничем помочь нельзя.

С тихим бормотанием в луче света возник Вуди Клей; он с трудом поднялся на платформу, на его лице запеклась кровь. Священник медленно взбирался снизу по лестнице, чтобы отвлечь Стритера, пока Хэтч быстро подобрался к нему с другой стороны.

Хэтч прижал Бонтер к себе, окунув руки в путаницу ее темных волос.

— Благодарение богу, — прошептал он. — Я думал, ты погибла.

Клей молча посмотрел на них. Затем он сказал:

— Что-то пролетело мимо меня. Кажется, я слышал выстрелы?

Хэтч собрался ответить, но раздался треск. Через мгновение мимо них пролетел титановый брус, со звоном ударяясь о металлические детали конструкции. Вся система лестниц задрожала. Хэтч подтолкнул Бонтер и Клея в сторону туннеля.

— Проклятье, — задышавшись, проговорил он, — что происходит?

— Джерард открыл ящик, — ответила Бонтер. — И привел в действие последнюю ловушку.

ГЛАВА 59

Потрясенный Нейдельман застыл на месте, когда серия мощных толчков обрушилась на сокровищницу. Она накренилась еще сильнее, пол стал уходить вправо. Магнусен, которую первый удар отбросил к дальней стене, теперь лежала, погребенная под грудой монет, отчаянно отбивалась и визжала. Сокровищница продолжала наклоняться, и тогда обрушились штабеля сундуков, раскалываясь в щепки и наполняя воздух золотом и самоцветами.

Перемещение саркофага привело Нейдельмана в чувство. Он засунул меч за пояс и огляделся в поисках своего страховочного троса. Он свисал из отверстия в потолке. Высоко над головой капитан видел бледное сияние аварийных фонарей, установленных возле лестницы. Они на миг погасли, но засветились вновь. Он потянулся к веревке, и тут вновь раздался чудовищный скрежет.

Железный пол начал расходиться по шву, образовалась щель, которая быстро расширялась. Нейдельман с ужасом смотрел, как массы золота устремились к щели, словно водоворот воды, вытекающей в сливное отверстие ванны.

— Нет, нет! — закричала Магнусен, пробираясь сквозь поток сокровищ, продолжая прижимать к себе золото даже в эти ужасные мгновения, не в силах решить, что ей делать.

Все вокруг содрогнулось, казалось, волна исходит из самого сердца Земли, и поток золотых брусков рухнул рядом с женщиной в море золотых монет. По мере того как тяжесть золота увеличивалась, водоворот ускорялся, теперь Магнусен засасывало в расширяющееся отверстие, и рев металла почти заглушил ее пронзительные вопли. Она беззвучно тянула руки к Нейдельману, ее глаза вылезали из орбит, тело сдавливала растущая тяжесть золота. Сокровищница застонала — начали лопаться последние болты.

И Магнусен исчезла в золотом потоке, устремившемся в пропасть.

Отбросив трос, Нейдельман взобрался по горе золота и умудрился схватиться за раскачивающуюся бадью. Он сумел дотянуться до кнопки и нажал на нее. Двигатель лебедки взвыл, и бадья начала подъем. Нейдельман висел под ней, когда бадья, проскрежетав по дико выгнутому потолку сокровищницы, прошла в узкое отверстие шахты.

Пока бадья медленно поднималась к началу лестниц, Нейдельман забрался внутрь и посмотрел вниз. Он успел увидеть, как последняя порция сокровищ — слоновая кость,

сгнившие шелка, бочки, ящики, золото и самоцветы — с грохотом высыпались сквозь дыру в днище и исчезли. В следующее мгновение погас мощный светильник, висевший над сокровищницей, и шахта погрузилась в темноту, которую разгонял лишь слабый свет аварийных фонарей. В сумраке он увидел — или ему только показалось, что он видит, — как сокровищница, ударяясь о стены шахты, падала в хаос бушующей воды.

Мощная дрожь сотрясла стены Бездны. Земля и песок хлынули вниз, и титановые балки протестующе застонали. Мигнув в последний раз, погасло аварийное освещение. Бадья со скрипом остановилась возле начала лестниц, ударившись о стену узкой шахты.

Убедившись, что меч надежно закреплен, Нейдельман в темноте потянулся к тросу, на котором висела бадья. Его пальцы коснулись нижних ступенек лестницы, но тут Бездна вновь содрогнулась, и капитан изо всех сил рванулся вперед. Он уцепился за нижнюю ступеньку, а потом ему удалось подтянуться и ухватиться за следующую. Ноги Нейдельмана теперь раскачивались над бездной. Вся система лестниц дрожала от напряжения, словно живое существо. В темноте у него над головой послышался треск, и одна из балок полетела вниз. Вспыхнула молния, и капитан разглядел чье-то изувеченное тело в воде далеко внизу.

Пока Нейдельман цеплялся за перекладину, мучительно пытаясь восстановить дыхание, он вдруг осознал весь масштаб катастрофы. Несколько секунд капитан висел над пропастью, а его разум мучительно искал ответы.

Затем дикая ярость исказила его черты, он широко раскрыл рот, и его вопль перекрыл рев воды под ним:

— Хэээээтч!

ГЛАВА 60

— О чем ты говоришь? — тяжело дыша, спросил Хэтч, прислонившись к влажной стене туннеля. — О какой последней ловушке?

— Роджер сказал, что Водяная Бездна была построена над формацией, которая называется соляным куполом, — прокричала в ответ Бонтер. — Естественная пропасть, уходящая глубоко под землю. Макаллан планировал загнать в эту ловушку Окхема.

— А мы считали, что укрепление стен Бездны позволит нам спокойно вести раскопки. — Хэтч покачал головой. — Макаллан. Он постоянно на шаг нас опережает.

— Эти титановые стойки держат стены шахты — до поры до времени. Если бы их не было, все сооружение рухнуло бы вниз.

— А Нейдельман?

— *Sais pas.*⁹⁷ Наверное, упал в пропасть вместе с сокровищем.

— В таком случае давай уносить отсюда ноги.

Хэтч повернулся к входу в туннель, и в этот момент вся система лестниц содрогнулась. В наступивших мгновениях тишины они услышали гудение из-под свитера Бонтер. Она вытащила радиометр и протянула его доктору.

— Я взяла его в твоем кабинете, — сказала она. — Мне пришлось там кое-что разбить, чтобы добраться до прибора.

Дисплей потускнел — очевидно, батарейки садились, — но сообщение легко читалось:

244,13 РАД/ЧАС

ЗАСЕЧЕН ПОТОК БЫСТРЫХ НЕЙТРОНОВ

ВЕСЬМА ВЕРОЯТНО РАДИАЦИОННОЕ ЗАРАЖЕНИЕ

РЕКОМЕНДАЦИИ: НЕМЕДЛЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ.

— Может, прибор регистрирует остаточную радиацию? — предположила Бонтер,

⁹⁷ Не знаю (фр.).

вглядываясь в дисплей.

— И не надейся. Двести сорок четыре рада? Дай я попробую локализовать.

Он посмотрел на Клея, тот включил фонарик и направил его на прибор. Хэтч принялся набирать команду на миниатюрной клавиатуре. Предупреждение исчезло, на экране вновь возникла трехмерная координатная сетка. Хэтч встал и принялся перемещать детектор. В центре экрана распустилось ослепительное пятно, цвета которого постоянно менялись.

— О господи. — Хэтч оторвался от экрана. — Нейдельман жив. Он на лестнице под нами. И у него меч.

— Что? — выдохнула Бонтер.

— Видишь показания? — Хэтч повернул радиометр. Неровное белое пятно медленно перемещалось. — Боже мой, должно быть, он получил огромную дозу облучения.

— Насколько большую? — сдавленно спросил Клей.

— Меня гораздо больше интересует, какую дозу получаем мы, — мрачно заметила Бонтер.

— Нам не грозит непосредственная опасность. Пока. Сейчас от него нас отделяет толстый слой земли. Но облучение обладает кумулятивным эффектом. Чем дольше мы здесь остаемся, тем больше будет полученная нами доза облучения.

Внезапно земля затряслась так, словно ею овладели демоны. Всего в нескольких футах от входа в туннель громко затрещала массивная балка. Посыпались мелкие камни.

— Чего мы ждем? — прошипела Бонтер, поворачиваясь к туннелю. — Нужно уходить.

— Подожди! — закричал Хэтч; в его руках громко верещал радиометр.

— Мы не можем ждать! — воскликнула Бонтер. — Этот туннель выведет нас наружу?

— Нет. Основание колодца вновь было запечатано после того, как преподобный повернул рычаг ловушки.

— Значит, нам нужно по лестнице выбраться из Бездны! Нельзя оставаться здесь.

Она двинулась к лестнице.

Хэтч схватил ее за руку и потянул к себе.

— Мы не будем выходить здесь, — прошипел он.

— Но почему?

Клей оказался рядом с ними и посмотрел на дисплей. Хэтч взглянул на священника и с удивлением обнаружил, что Клей с трудом сдерживает возбуждение, почти торжествует.

— Если верить прибору, — медленно проговорил Хэтч, — то радиоактивность меча так сильна, что даже за секунду, проведенную рядом с ним, можно получить смертельную дозу облучения. Стоит нам выглянуть в главную шахту, мы поджаримся как гренки.

— Почему Нейдельман еще жив?

— Он уже мертв. Даже огромная доза облучения не убивает мгновенно. Он был мертв в тот момент, когда его глаза увидели меч. И с нами произойдет то же самое, если мы окажемся в зоне прямой видимости от меча. Нейтронная радиация распространяется в воздухе со скоростью света. Для нас жизненно важно, чтобы между нами и мечом оставались земля и камень. — Он посмотрел на радиометр. — Он ниже нас футов на пятьдесят или меньше. Отойдите в самый дальний конец туннеля. Если нам повезет, он поднимется вверх, не заметив нас.

Невнятный крик перекрыл шум воды.

Жестом показав остальным, чтобы оставались на месте, Хэтч осторожно приблизился к входу в шахту. Он увидел, как дрожат титановые балки. Вновь раздался сигнал радиационной тревоги, и Хэтч посмотрел на радиометр.

3217,89 РАД/ЧАС

ЗАСЕЧЕН ПОТОК БЫСТРЫХ НЕЙТРОНОВ

НЕОБХОДИМА НЕМЕДЛЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ.

«Боже мой, — подумал Хэтч, — скоро зашкалит». Они все еще были защищены

скалами и землей, но Нейдельман приближался, и вскоре их уже ничто не спасет...

— Хэтч! — послышался неприятный хриплый голос.

Хэтч замер на месте.

— Я нашел тело Лайла.

Хэтч продолжал молчать. Неужели Нейдельман знает, где он находится? Или блефует?

— Хэтч! Не притворяйся скромнягой, тебе это не идет. Я видел свет. Иду к тебе. Ты меня слышишь?

— Нейдельман! — крикнул Хэтч в ответ.

Ответа не последовало. Хэтч посмотрел на радиометр. Белое пятно продолжало подниматься, но изображение заметно побледнело — батарейка прибора садилась.

— Капитан! Остановитесь! Нам нужно поговорить.

— Непременно. У нас получится чудесная беседа.

— Вы не понимаете! — закричал Хэтч, осторожно придвигаясь к шахте. — Меч является источником мощной радиоактивности. Он убивает вас, капитан! Немедленно избавьтесь от него!

Он ждал, пытаясь разобрать ответ сквозь шум ревущей воды.

— О, бесконечно изобретательный Хэтч, — послышался слабый, но совершенно спокойный голос Нейдельмана. — Ты замечательно все спланировал.

— Капитан, ради бога, бросьте меч!

— Бросить меч? — послышался ответ. — Ты устроил эту ловушку, уничтожил Водяную Бездну, погубил мою команду, лишил меня моих сокровищ. А теперь ты хочешь, чтобы я бросил меч? Не дожدهшься.

— О чем вы говорите?

— Да не притворяйся. Ты превосходно сделал свою работу. Парочка зарядов в нужных местах — и полный успех!

Хэтч лег на землю и посмотрел в потолок, обдумывая дальнейшие шаги.

— Вы больны, капитан. Если не верите мне, прислушайтесь к своему организму. Меч является мощным источником потока быстрых нейтронов. В вашем теле уже прекратилось деление клеток и синтез ДНК. Вскоре вы начнете страдать от церебрального синдрома — самой тяжелой формы радиационного поражения.

Он замолчал и прислушался. На фоне рева воды различалось лишь слабое попискивание садящегося радиометра.

— У вас первая стадия болезни! — продолжал Хэтч. — Сначала будет тошнить. Наверное, уже тошнит, не так ли? Потом вас ждет помутнение сознания, результат поражения мозга. Дальше — тремор, нарушение координации, конвульсии и смерть.

Ответа не было.

— Ради бога, Нейдельман, выслушайте меня! — закричал он. — Вы всех нас убьете этим мечом!

— Нет, — послышался снизу голос. — Нет, я лучше воспользуюсь своим пистолетом.

Хэтч быстро сел. Голос был уже совсем близко: их разделяло не более пятнадцати футов. Хэтч вернулся по туннелю к остальным.

— Что происходит? — спросила Бонтер.

— Он будет здесь через несколько секунд, — ответил Хэтч. — Он не остановится.

Произнеся последние слова, он вдруг понял, что они ничего не смогут сделать. Им некуда бежать. Через пару минут Нейдельман появится в туннеле с мечом в руке. И все они погибнут.

— Неужели нет способа его остановить? — воскликнула Бонтер.

Неожиданно в разговор вмешался Клей.

— Такой способ есть, — заявил он.

Хэтч повернулся и увидел, что на окровавленном лице священника появилось новое выражение — какое-то блаженное и экстатическое.

— Что?.. — начал Хэтч, но Клей уже прошел мимо него к шахте с зажженным

фонариком в руке.

— Не делайте этого! — закричал все понявший Хэтч, хватая Клея за рукав. — Это самоубийство! Меч вас убьет!

— Но прежде я сделаю то, ради чего сюда пришел.

Клей резким движением высвободил руку и побежал к шахте.

Он обошел тело Рэнкина и прыгнул на лестницу. Через несколько мгновений он скрылся из виду.

ГЛАВА 61

Цепляясь за ступеньки лестницы, Клей спустился на несколько футов и остановился, чтобы перевести дыхание. Из глубин Бездны доносился неумолчный рев: вода проникала в пещеры, круша все на своем пути. Порыв холодного влажного воздуха, идущего снизу, дернул за ворот его рубашки.

Он направил луч фонарика вниз. Система вентиляции перестала работать, когда погасло аварийное освещение и воздух стал тяжелым. Сотрясающиеся ступеньки лестницы покрылись влагой и падающей сверху грязью. Луч фонарика с трудом пробивался сквозь туман. Наконец десятью футами ниже он выхватил из темноты фигуру Нейдельмана.

Капитан с трудом карабкался вверх, отчаянно цепляясь за каждую следующую ступеньку. За поясом Нейдельмана торчала рукоять, украшенная самоцветами.

— Ну-ну, — прохрипел Нейдельман, глядя на луч фонарика. — *Et lux in tenebris lucet.*⁹⁸ И в самом деле — свет зажегся в темноте. И почему меня совсем не удивляет, что преподобный участвует в этом заговоре?

Он отчаянно раскашлялся, и ему пришлось всем телом прикинуться к лестнице, когда она вновь содрогнулась.

— Бросьте меч, — сказал Клей.

В ответ Нейдельман потянулся к поясу и вытащил пистолет. Клей успел спрятаться за дальней стороной лестницы, когда прозвучал выстрел.

— С дороги, — прохрипел Нейдельман.

Клей понимал, что не сможет остановить капитана на узких ступеньках: ему необходимо найти место с более надежной опорой. Он быстро осветил лестницу лучом фонарика. Несколько футов ниже находилась стодесятифутовая отметка, узкий брус. Священник выключил фонарик, убрал его в карман и в темноте спустился на две ступеньки. Теперь лестница ходила ходуном. Клей понимал, что сейчас Нейдельман не сможет подниматься с пистолетом в руке. Однако временами вибрация ослабевала, и, как только появится возможность, капитан его пристрелит.

Он на ощупь спустился в темноте еще на две ступеньки и почувствовал, что дрожь утихает. Вспыхнула молния, и в отраженном свете Клей увидел Нейдельмана, ухватившегося за брус одной рукой. Капитан с трудом сохранял равновесие, и Клей, отчаянно рискнув, прыгнул через ступеньку и сильно ударил ногой по руке Нейдельмана. Раздался крик, пистолет выпал из руки капитана и исчез в темноте.

Клей спустился еще на одну ступеньку, его ноги соскользнули с металлической перекладки. Висевший под ним Нейдельман ревел от невыразимой ярости. Неожиданно он рванулся и сумел взобраться на узкую платформу. Оставаясь с противоположной стороны лестницы, Клей направил на него луч света.

Лицо Нейдельмана было покрыто потом и грязью, кожа приобрела пугающий землистый оттенок, в безжалостном луче света глаза казались запавшими. Он выглядел ужасно уставшим и обессиленным, лишь сила воли заставляла его двигаться вперед. Однако рука, потянувшаяся за мечом, заметно дрожала.

⁹⁸ И свет во тьме светит (лат.). Августин Аврелий. Исповедь.

Клей смотрел на меч со смесью ужаса и удивления. Рукоять была завораживающе красива, ее украшали великолепные самоцветы. Но клинок, испещренный фиолетовыми пятнами, выглядел уродливым.

— Отойди, преподобный, — прокаркал капитан. — Я не стану тратить свои силы на тебя. Мне нужен Хэтч.

— Хэтч не является твоим врагом.

— Он послал тебя, чтобы мне это сказать? — Нейдельман вновь раскашлялся. — Я победил Макаллана. Но недооценил предательство Хэтча. И его сообщников. Ничего удивительного нет в том, что он попросил включить в число рабочих Труитта. А твои протесты должны были меня отвлечь.

Он смотрел на Клея сверкающими от ярости глазами.

— Вы мертвец, — спокойно сказал Клей. — Мы оба мертвецы. Вам уже не спасти свое тело. Однако еще есть шанс спасти душу. Этот меч — оружие дьявола. Бросьте его в бездну, там ему самое место.

— Глупец, — прошипел Нейдельман, продолжая подниматься, — ты говоришь, что это оружие дьявола? Да, Хэтч сумел лишить меня сокровищ. Но я овладел этим. В моих руках меч, к которому я стремился большую часть жизни.

— Он вас и убьет, — спокойно отозвался Клей.

— Нет, он убьет тебя. В последний раз прошу, преподобный, уйди с дороги.

— Нет, — ответил Клей, прижимаясь к задрожавшей лестнице.

— Тогда умри! — вскричал Нейдельман, поднимая тяжелый клинок.

ГЛАВА 62

Хэтч отбросил замолчавший радиометр и уставился в темноту. Он находился в нескольких футах от вертикальной шахты Водяной Бездны. До него доносились невнятные голоса; Хэтч видел свет фонарика Клея и силуэт лестницы; слышал выстрел, на миг перекрывший рев воды. Он ждал, не зная, на что решиться, ему ужасно хотелось подползти к шахте и посмотреть вниз. Однако Хэтч прекрасно понимал, что даже мгновение в прямой видимости меча святого Михаила означало неизбежную смерть.

Он обернулся и посмотрел на Бонтер. Все ее тело было напряжено, она прерывисто дышала.

Неожиданно до него донесся шум борьбы. Раздался стук металла по металлу, ужасный крик — чей? — затем он услышал невнятное бормотание и еще один гулкий металлический удар. Пронзительный крик боли и отчаяния заглушил шум воды, но вскоре и он стих.

Хэтч застыл на месте, не в силах пошевелиться. Он услышал тяжелое дыхание, шлепок руки по металлу — кто-то медленно взбирался по лестнице. Загорелся фонарик, луч заметался из стороны в сторону и остановился на входе в туннель.

Звуки приближались.

Хэтч напрягся, обдумывая варианты. Он понял, что у него не осталось выбора. Если Клей потерпел неудачу, кто-то должен остановить Нейдельмана. Малин решил, что это должен сделать он.

Он почувствовал, как в темноте рядом с ним Бонтер приготовилась к прыжку. Хэтч понял, что ей в голову пришла такая же мысль.

— Даже не думай, — предупредил он.

— *Ferme-la!*⁹⁹ — воскликнула она. — Я не позволю тебе...

Но прежде чем Изабель успела вскочить на ноги, Хэтч уже бежал к входу в туннель. На мгновение остановился возле лестницы и, услышав у себя за спиной шаги Бонтер, прыгнул на металлический мостик, готовый утянуть за собой Нейдельмана в ревущую бездну.

⁹⁹ Заткнись! (фр.)

Тремя футами ниже он увидел Клея, с трудом взбирающегося вверх. Грудь священника судорожно вздымалась, из раны на виске струилась кровь.

Клей положил руку на следующую ступеньку. Хэтч наклонился и помог ему подняться — в это время его догнала Бонтер. Они вместе вернулись в туннель.

Священник молча стоял, слегка наклонившись вперед, голова его раскачивалась из стороны в сторону, руки упирались в бедра.

— Что произошло? — спросил Хэтч.

Клей поднял голову.

— Я отобрал у него меч, — сказал он отсутствующим голосом. — И швырнул в Бездну.

— А Нейдельман?

— Он... решил последовать за мечом.

Наступило молчание.

— Вы спасли нам жизнь, — сказал Хэтч. — Боже мой, вы... — Он помолчал и глубоко вздохнул. — Мы отвезем вас в больницу...

Клей отмахнулся от него.

— Не нужно, доктор. Пожалуйста, не надо лгать мне перед смертью.

Хэтч посмотрел на него.

— Врачи смогут лишь облегчить ваши страдания.

— Я бы хотела найти способ как-то отплатить вам за эту жертву, — хрипло сказала Бонтер.

Клей улыбнулся — и его улыбка была странной смесью грусти и радости.

— Я очень хорошо понимал, что делаю. Это не было жертвой. Это был дар. — Он посмотрел на Хэтча. — Но я хочу попросить вас... Вы успеете доставить меня на материк? Я бы хотел попрощаться с Клэр.

Хэтч отвернулся.

— Сделаю все, что в моих силах, — пробормотал он.

Нужно было уходить. Они выбрались из туннеля и по мостику поднялись на лестницу. Первой пошла Бонтер. Он посмотрел ей вслед, и в этот момент полыхнула молния, озарив Ортханк, тусклый призрак далеко наверху, теряющийся в лабиринте брусев. С неба низвергались потоки воды и грязи.

— А теперь вы! — закричал Хэтч Клею.

Священник передал ему фонарик, устало повернулся к лестнице и начал медленно подниматься. Хэтч немного подождал, потом крепче ухватился за перила и направил луч фонарика вниз.

Он вглядывался в бездну, ужасаясь того, что может увидеть. Но меч — и Нейдельман — исчезли. Хэтч смог разглядеть лишь клубящееся облако тумана над ревущей далеко внизу водой.

Лестница дрогнула, Хэтч больше не стал медлить и начал подниматься. Очень скоро он догнал Клея; священник стоял, крепко ухватившись за титановую ступеньку, стараясь восстановить дыхание. И вновь лестница сотряслась, оставшиеся брусья протестующе закрипели.

— Я больше не могу, — прохрипел Клей. — Не ждите меня.

— Возьмите фонарик! — крикнул Хэтч. — И обнимите меня за шею.

Клей протестующе затряс головой.

— Не спорьте!

Хэтч полез вверх, подталкивая Клея. В свете фонарика он видел, как на них с тревогой смотрит Бонтер.

— Вперед, вперед! — настойчиво гнал он себя.

Добравшись до платформы на отметке в пятьдесят футов, Хэтч не осмелился остановиться. Он уже видел края Водяной Бездны, черные на фоне штормового неба. Мышцы просили об отдыхе, но он упрямо двигался, подталкивая священника перед собой.

Мощный удар сотряс лестницу, снизу пахнуло влагой и холодом. С пронзительным

скрежетом отвалилась секция прямо под ними. Прижавшись к металлическим ступенькам, Хэтч увидел, как начинает разваливаться крепь шахты. Рядом застонал Клей.

Хэтч вновь устремился вверх, страх и адреналин придали ему новые силы. Выше, задыхаясь, продолжала подъем Бонтер. Он двигался за ней, подталкивая совсем ослабевшего Клея.

Ступеньки лестницы становились все более скользкими. Здесь, вблизи от поверхности, рев воды мешался с воем урагана. Дождь хлестал в лицо, но он показался Хэтчу теплым после отвратительной сырости туннеля. Внезапно все вокруг снова содрогнулось от резкого толчка где-то в глубине Бездны, конструкции издали почти человеческий вопль, и бесчисленные клинья не выдержали. Лестница начала раскачиваться, ударяясь об остатки титановых балок.

— Вперед! — взревел Хэтч, подтолкнув Бонтер вверх.

И в тот же миг с ужасом увидел, как один за другим лопаются болты в центральной части лестницы, словно пуговицы на пиджаке. Очередная судорога сотрясла всю шахту, опоры Ортханка начали прогибаться у них над головой. С оглушительным треском лопнуло огромное окно на смотровой площадке, осколки потоком хлынули в Бездну.

— Берегись! — закричал Хэтч, закрывая глаза.

Ливень стекла и обломков пронесся мимо. Доктор почувствовал, как мир зашатался: открыв глаза, Хэтч обнаружил, что система лестниц начала складываться. Со скрежетом, от которого желудок едва не выпрыгнул у него из горла, вся структура опустилась на несколько футов, воздух наполнился треском лопающегося металла. Ноги Клея соскользнули со ступеньки, и теперь священник раскачивался над бездной.

— На балки! — закричал Хэтч.

Он перебрался через две титановые балки, поддерживая Клея. Бонтер последовала за ним. Схватив преподобного поперек туловища, Хэтч посадил его на титановое анкерное крепление, а потом и на старые деревянные балки, которые тянулись вдоль стен шахты.

— Вы сможете подняться? — спросил Хэтч у Клея.

Тот кивнул.

Хэтч пошарил рукой, пытаясь найти подходящее место на скользкой поверхности дерева. Из-под ног стала уходить подгнившая балка, и он подтянулся на руках, отыскивая ногами новую точку опоры. Наконец он достал до края платформы, выбрался на нее и с помощью Бонтер вытащил священника из шахты. Клей осел на землю.

Хэтч повернулся к югу и увидел, как вода врывается в брешь на дамбе. Тяжелые тучи закрыли луну. Вокруг рифов кипела белая пена, и быстрина уносила ее за горизонт.

Оглушительный лязг заставил Хэтча обернуться. Потерявший опору Ортханк наклонился вперед и складывался, словно карточный домик.

— К причалу! — закричал Малин.

Они подхватили Клея с двух сторон и вместе с ним побежали по скользкой тропе к «Первому острову». Оглянувшись, Хэтч увидел, как рушится наблюдательная башня, увлекая за собой в Бездну смотровую площадку. Снизу донесся треск лопающихся титановых и деревянных балок. Над шахтой вздымалось желтоватое туманное облако.

Они изо всех сил бежали к брошенному базовому лагерю и находившемуся за ним причалу. Пирс с подветренной стороны острова почти не пострадал. Рядом с ним на волнах подпрыгивал катер «Цербера».

Они поспешно поднялись на борт. Хэтч нащупал ключ зажигания, повернул его и не удержался от крика радости: двигатель заработал. Доктор сразу же запустил трюмную помпу и услышал успокаивающее журчание насоса.

Они отдали швартовы и вышли в море.

— Мы переседем на «Грифон»! — сказал Хэтч, направляя катер к флагманскому кораблю Нейдельмана, все еще подпрыгивающему на волнах за рифами. — Начался отлив. Ветер не будет нам мешать.

Бонтер кивнула, обхватив себя руками.

— И отлив нам поможет. Наконец хоть в чем-то повезло.

Они подплыли к «Грифону». Хэтч удерживал лодку у борта, пока Бонтер помогала Клею перебраться на корабль, а потом сам взобрался на борт и сразу побежал в ходовую рубку. Над островом вспыхнула молния. Малин застыл, не в силах отвести взгляда от невероятного зрелища. Дамба не выдержала могучего напора и рухнула. Мощная стена воды ринулась вперед, поднимаясь бледной громадой на фоне темного неба, и в белой мантии пены помчалась к южному берегу острова.

Бонтер подняла якоря, пока Хэтч заводил двигатель. Бросив взгляд на сложные приборы, он решил, что не станет разбираться в навигационной системе — ему вполне по силам и так провести корабль. Его взгляд скользнул по большому кленовому столу, и Хэтч вспомнил, как члены экспедиции в последний раз собрались за ним. Керри Уопнер, Рэнкин, Магнусен, Стритер, Нейдельман... Теперь все они мертвы.

Он повернулся к Вуди Клею. Похожий на призрачную тень, священник сидел в кресле. Он молча посмотрел в глаза Хэтчу и кивнул.

— Все в порядке, — сказала Бонтер, закрывая за собой дверь рубки.

Когда Хэтч вывел «Грифон» на открытую воду, за кормой раздался мощный взрыв, а еще через несколько мгновений в корпус судна ударила волна. Вода вдруг окрасилась алым. Хэтч увеличил обороты двигателя, направляя яхту подальше от острова.

— Mon dieu, — прошептала Бонтер.

Хэтч оглянулся через плечо и заметил, как взорвалась вторая цистерна с топливом; огненный гриб пробил низко лежавший туман, осветив небо над всем островом и поглотив здания базового лагеря.

Бонтер молча сжала руку Хэтча.

Послышался третий взрыв — теперь грохот шел из глубин самого острова. Преисполненные благоговейного страха, они смотрели, как вся скалистая поверхность задрожала, стала текучей, в ночное небо устремились фонтаны воды и белые факелы дыма. Горящий бензин разливался по поверхности воды, вскоре объятые пламенем волны уже накатывали на рифы.

А затем, так же стремительно, как началось, все прекратилось. Остров с оглушительным грохотом сложился и обрушился внутрь, как только последний участок дамбы не выдержал напора воды. Море устремилось в разверстую рану, волны сомкнулись. Огромный гейзер, верхушка которого терялась в тумане, взметнулся ввысь, а потом лениво опустился коричневой пеленой. Через мгновение остался лишь огромный бурлящий участок моря, омывающий скалы. Языки грязного пара поднимались в воздух.

— «Тот, кто жаждет получить ключ к Бездне Сокровищ, — пробормотала Бонтер, — найдет лишь ключ в мир иной, и труп его сгниет рядом с адом, куда отправится душа».

— Да, — слабым голосом отозвался Клей.

— Вы же знаете, это был метеорит, — сказала Бонтер.

— «Пятый ангел вострубил, — прошептал Клей, — и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны».

Хэтч посмотрел на умирающего священника, он не знал, что ответить, но с удивлением увидел, что Клей улыбается, а его запавшие глаза сияют. Хэтч отвернулся.

— Я вас прощаю, — проговорил Клей. — И мне кажется, что я дол жен просить у вас прощения.

Хэтч сумел лишь кивнуть.

Священник закрыл темные глаза.

— Мне нужно отдохнуть, — прошептал он.

Хэтч взглянул на остатки острова Рэггид. Туман вновь смыкался над ним, скрывая следы разрушений. Малин долго не мог отвести глаз.

Затем все-таки отвернулся и направил яхту к гавани Стормхейвена.

ГЛАВА 63

Офис компании по продаже недвижимости располагался в небольшом здании, напротив редакции «Вестника Стормхейвена». Хэтч сидел перед письменным столом у окна, пил слабый кофе и без особого интереса просматривал рекламные фотографии выставленных на продажу домов. Под заголовком «Лучшие предложения» он увидел старый дом Хаглеров: слегка покосившийся, но все еще изящный. «129 500 долларов — почти даром, — прочитал он. — Построен в 1872 году. Четыре акра, центральное отопление, 3 спальни, 1,5 ванны». «Еще бы кондиционер упомянули», — мрачно подумал он, глядя на разошедшиеся доски и прогнувшиеся подоконники. Рядом висела фотография обшитого вагонкой дома на Сэндпайпер-лейн, стоящего между двумя гигантскими кленами. Ныне покойная миссис Лайонс владела им последние пятьдесят лет. «Это не просто недвижимость, — прочитал он под фотографией, — но живая история». Хэтч улыбнулся, вспоминая, с каким старанием он и Джонни украшали эти клены гирляндами из туалетной бумаги в канун Дня всех святых более тридцати лет назад.

Его взгляд скользил по следующей колонке фотографий.

«Дом, о котором можно мечтать, — гласила следующая восторженная подпись. — Подлинная Вторая империя¹⁰⁰ во всех деталях. Застекленная терраса, эркер, вид на океан, причал. 329 000 долларов». Ниже он увидел снимок собственного дома.

— Ох, простите! — В офис влетела Дорис Боудич. — Это не должно висеть здесь. — Она сняла фотографию с доски и положила на стол. — Конечно, я не хочу вмешиваться, но мне кажется, что такая высокая цена была вашей ошибкой. Правда, пара из Манчестера даже глазом не моргнула.

— Вы мне уже говорили, — ответил Хэтч, с удивлением услышав ноту сожаления в своем голосе.

Теперь у него не было никаких причин оставаться здесь. Никаких. И все же, несмотря на то что он еще не покинул Стормхейвен, Малин обнаружил, что уже тоскует по галечным пляжам, стуку стальных тросов о мачту, по неколебимой обособленности городка. Правда, теперь эти сожаления носили совсем другой характер: то была горькая сладость ностальгии. Он выглянул в окно и за береговой полосой увидел скалы, отмечавшие место, где прежде находился остров Рэггид. Его дело в Стормхейвене — дело трех поколений семьи — было закончено.

— Заключительная часть сделки будет проведена в Манчестере, — оторвал Хэтча от размышлений веселый голос Дорис. — Так пожелал их банк. Мы встретимся там на следующей неделе?

Хэтч встал и покачал головой.

— Я пришлю своего адвоката. Позаботьтесь о том, чтобы все вещи были упакованы и отправлены по этому адресу.

Дорис взяла протянутую им карточку и посмотрела на нее сквозь очки.

— Да, доктор Хэтч, конечно.

Прощавшись, Хэтч вышел из офиса и не торопясь спустился с крыльца. Ну вот и все, больше его ничего не задерживает; накануне он на прощание выпил бутылочку шипучки с бакалейщиком Бадом и позвонил своей экономке в Кембридж. Постояв немного, он обошел машину и распахнул дверцу.

— Малин! — послышался знакомый сочный голос.

Повернувшись, Хэтч увидел Сент-Джона, торопливо шагающего к нему своей неровной походкой. Историк безуспешно пытался придержать полы плаща.

— Кристофер! — с искренним удовольствием отозвался Хэтч. — Я сегодня утром звонил в гостиницу, чтобы попрощаться, но мне сказали, что вы уже уехали.

— Скоротал последние часы в библиотеке, — ответил Сент-Джон, шурясь на

¹⁰⁰ Правление Наполеона III (1852–1870) во Франции.

солнце. — «Таласса» прислала корабль, чтобы отвезти последнюю группу в Портленд. Он причалит через полчаса.

Легкий ветерок вновь принялся играть с его плащом, пытаясь вырвать из рук драгоценные бумаги.

— В библиотеке Стормхейвена? — с улыбкой спросил Хэтч. — Сочувствую.

— Тем не менее я нашел там много интересного. Мне как раз не хватало местной истории.

— Для чего?

Сент-Джон с любовью похлопал по стопке бумаг.

— Я пишу монографию о сэре Уильяме Макаллане. Нам удалось открыть совершенно новую страницу в истории Стюартов. Ну, вы знаете, одна только его работа в разведке дает возможность опубликовать две статьи в журнале Международной ассоциации криптографов...

Бас-профундо мощного гудка сотряс стекла в окнах зданий на площади, Хэтч повернулся к морю и увидел, как стройная белая яхта входит в пролив и приближается к причалу.

— Что-то они рано, — заметил Сент-Джон. Он неловко переложил бумаги в левую руку и протянул правую для рукопожатия. — Еще раз спасибо, Малин.

— Не за что меня благодарить, — ответил Хэтч, обмениваясь с историком слабым рукопожатием. — Удачи вам, Кристофер.

Он некоторое время смотрел вслед Сент-Джону, который торопливо шагал к причалу. Потом сел в свой «ягуар», захлопнул дверцу и завел мотор.

Он выехал с площади и направился на юг, в сторону прибрежного шоссе 1А и Массачусетса. Хэтч вел машину медленно, наслаждаясь соленым воздухом и игрой света и тени под кронами древних дубов, стоящих по сторонам тихих улиц.

Он остановил автомобиль возле почты. Здесь, на столбике белого ограждения, устроилась Изобель Бонтер. На ней была тонкая кожаная куртка и короткая юбка цвета слоновой кости. На тротуаре лежал большой брезентовый рюкзак. Археолог повернулась к нему, подняла вверх большой палец и скрестила ноги, продемонстрировав восхитительную кожу обнаженного бедра.

— La va,¹⁰¹ моряк? — сказала она.

— У меня полный порядок. Но на твоём месте я бы сохранял осторожность. — Он кивнул в сторону её загорелых бедер. — Знаешь, здесь все еще сжигают распутниц.

Она громко расхохоталась.

— Пусть только попробуют! Ваши отцы города отрастили слишком большие животы. Я легко от них убегу. Даже на таких каблуках. — Она встала, подошла к машине и наклонилась, положив локоть на открытое окно пассажирского места. — Почему ты так задержался?

— Во всем виновата Дорис, агент по продаже недвижимости. Она хотела насладиться каждым мгновением своего успеха.

— Да, в общем, не важно. — Бонтер сделала вид, что обижена. — Я все равно была занята — пыталась решить, что мне делать со своей долей сокровищ.

Хэтч улыбнулся. Они оба знали, что спасти с острова не удалось ничего и сокровища утеряны навсегда. Она нарочито громко вздохнула.

— В любом случае, ты готов увезти меня из этого ужасного места? Жду не дождусь шума, грязи, попрошайек, ежедневных газет и Гарвардской площади.¹⁰²

¹⁰¹ Как дела (фр.).

¹⁰² Площадь в городе Кембридж (штат Массачусетс), один из центров студенческой жизни Гарвардского университета. Здесь сосредоточено много книжных магазинов и популярных ресторанчиков, часто выступают уличные музыканты.

— Тогда садись.

Хэтч распахнул дверцу. Однако Бонтер продолжала стоять, опираясь о машину и вопросительно глядя на доктора.

— Ты позволишь пригласить тебя на обед?

— Конечно.

— И тогда наконец выяснится, как американские доктора желают юным леди спокойной ночи?

Хэтч усмехнулся.

— Мне кажется, мы уже разобрались с этим.

— О нет, этот вечер будет совсем другим. Мы не станем проводить его в Стормхейвене. Кроме того, за обед буду платить я.

И она с улыбкой вытащила из рукава блузки массивный золотой дублон.

Хэтч с изумлением смотрел на огромную монету, почти полностью накрывавшую ее ладонь.

— Черт возьми, где тебе удалось ее раздобыть?

Улыбка Бонтер стала еще шире.

— В твоём медицинском кабинете, *naturellement*.¹⁰³ Я нашла ее, когда искала радиометр. Первая — и последняя — монета из сокровищ острова Рэггид.

— Дай ее мне.

— *Desolee*,¹⁰⁴ мой друг. — Бонтер рассмеялась, быстро отдергивая руку с монетой. — Кто нашел, тот и владеет. Не забывай, именно я ее нашла. Не беспокойся, ею можно расплатиться за множество обедов. — Она забросила свою сумку на заднее сиденье и вновь наклонилась к нему. — А теперь вернемся к сегодняшнему вечеру. Тебе выбирать. Орлы или решки? — Она подбросила толстую монету в воздух.

В ней отразилось солнце, сверкнув на фоне окон почты.

— Ты хотела сказать, орел или решка, — поправил Хэтч.

— Вовсе нет, — заявила Бонтер, ловко поймав монету и ударяя ею по тыльной стороне ладони. — Орлы или решки? Ведь говорить надо именно так, *non*?

Она разжала ладони и посмотрела на монету, сладострастно прищурившись.

— Садись быстрее, пока нас обоих не сожгли, — рассмеялся Хэтч, втаскивая ее в машину.

Вскоре «ягуар» уже вывез их на окраину города. А еще через две минуты они подъехали к утесам за мысом Бёрнт-Хэд. Как только машина перевалила через вершину холма, в зеркале заднего вида, как открытка на память, отразился Стормхейвен: в гавани покачивались на волнах лодки, обшитые вагонкой белые домики подмигивали огоньками в окнах.

А затем в зеркале блеснуло солнце, и все исчезло.

¹⁰³ Естественно (фр.).

¹⁰⁴ Сожалею (фр.).